УНИВ. БИБЛИОТЕКА
И. Бр. 13129
Г VII
РП II 20

ПОДУНАВКА.

№ 1. У Суботу 1. Јануара 1844.

ПОЗДРАВЪ

СРБСКОМЕ РОДУ

О НОВОЙ ГОДИНИ.

Цвѣтай, цвѣтай роде милый!
Люби свѣтлость, гони мракъ,
Пакъ ћешъ и ты дић' с' на крилы,
Гдино вѣчно сія зракъ.

Гди орлови већъ крстати,
Давно шире полетъ свой:
Там' ће и теб' заблистати
Међу њима труда зној.

Садъ є доба славу стећи,
Подъ Душаномъ што ти бы,
Пакъ ни више не подлећи,
Глупоносној ума тми.

Садъ є време поразвити
И природе т' умну моћь,
И недат' се обавити
У незнаня тамну ноћь.

Скинуло ти с' съ плећа бреме,
Уставъ ти є дао Богъ.
Съ њимъ ти доће златно време,
Гди слободе труби рогъ.

Основанѣ имашъ стално,
Прозрачанъ є къ мети путъ.
Мачъ, ни перо ніе тавно,
Къ свачемъ Србска й кадра грудь.

Мишца ћорћа обрисала
Са образа т' сузный мназъ,
А Божја ти правда дала,
Александеръ да т' є Князъ.

Садъ клеветникъ ћутећ' стои,
Нит' окривит' може когъ,
Нкт' се добаръ злога бои,
Нити малый великогъ.

Садъ некъ силанъ бѣсни, скаче,
Некъ на слабогъ сиплѣ єдъ.
Устава су точке яче;
Нанети му несме вредъ.

А мы Срби, дични, драги,
Постояни на савъ кругъ,
Єданъ другомъ буд'мо благи,
Србинъ Србу буди другъ;

Єданъ другогъ нити мрзи,
Свакій люби брата свогъ,
Нит' се у што нгда врзи,
Што не воли родъ и Богъ.

Тако пакъ ће настаяти
Све срећнін новый годъ,
Нит' ће Србинъ престаяти
Ка и себе любит' родъ.

Люб. П. Ненадовићъ.

ДОБРИ САВЕТИ НА НОВУ ГОДИНУ.

(Съ крайнскога изъ: Kmetijske in rokodêlske novize.)

У некомъ селу живіо є єданъ старацъ по имену Срећко. Онъ у своє доба био є прилѣжанъ замльодѣлацъ. Землю є знао обдѣла-

вати башъ нако треба; и бывши добаръ домостроитель многу є землю стеко. Све є лепо радіо и редомъ извршивао. Свашта си є у изобилію набавіо.

Никадъ ніє заборавіо, да Богъ међу добре летине такођеръ кадкадъ и зле пошиљ; зато є вазда оно, што бы за време добре и плодне године обилніє прирадіо, за слабе летине сачувао. Никада ни у чему ніє ни найманьій недостатакъ трпила нѣгова кућа. Своимъ старешинама было є увѣкъ покоранъ. Порезъ є свагда безъ оклеваня у своє време свесрдно плаћао. Ніє га требало на то пандурима силити. Све є по своме стању и по своіой дужности съ драге волѣ чиніо; рѣчю: радо є давао цару царево, а Богу божіє.

Будући се радо посломъ занимао, быяше увѣкъ здравъ и весео; никада ніє преко мѣре ни єо ни піо; зато є више одъ 80 година преживіо. Свою дѣцу є у сеоску школу слао, и често ю опоминяо, да добро у своме єзыку уче науке, коима бы своє домостроителство лакше водили.

Пре него є Срећко своимъ сыновима домостроителство предао, овако ій є свѣтовао: „Идите у свѣтъ, да се шта добра у свѣту научите. Младежь, коя неиде по свѣту, ништа незна, остає понайвише глупа и неизкусна. У свѣту сваку стварь добро промотрите, зашто и како є начињена.“

Сви му се сынови сасвимъ другоячіи повратє кући; у свѣту су много видили, и много изкусили; добро проучише земльодѣлство, своє погрѣшке поправише, видише, како се гди живи, гди су земльодѣлци и селяци больи господари.

Будући є Срећко было врло паметанъ, савѣстанъ и правичанъ, зато су га нѣгови земляци и за сеоскогъ кнеза одабрали. Кадъ є требало са господомъ говорити, было є на то свагда Срећко избиранъ. О свему є знао добру рѣчь казати; шта є онъ рекао, то є башъ валяло. Ближньи као и найдальи къ нѣму су долазили; свакоме ме є умео савѣтъ дати, свакога утѣшити.

У своя млада лета све є покушавао, шта бы годь ко новога и земльодѣлству или рекотворству казивао. Што бы изъ каквы новина дознао, то є одма покушао; што є было доброга, то є сачувао, и на користъ свою обратіо радо се є дао научити. Кадъ є шта новога видіо, одма є кодъ куће покушао, и ако му є за рукомъ пошло, хваліо є Бога и добре люде, ако ли што ніє было за нѣга, обычавао є рећи: „можда ће быти за друге земляке, оли за другій край;“ ништа ніє забаціо. Єдномъ на нову годину скупише се селяни кодъ Срећка, да му честитаю, и да се чега полезнога одъ нѣга науче. И онъ іймъ овако стане зборити: „Радуємъ се, што сте ме тако многи посѣтили! Ето гледайте земляци мои! много има ствари, коє напредакъ земльодѣлства руше или задржаваю. То су понайвише ствари таке, одъ кои се ласно сачувати неможемо, на примѣръ: ратъ, куга и друге болести, велики пожари, кои се одъ грома догоде, или коє зао и пакостанъ човекъ учиня, туча, и више други несрећа. Друго намъ неостає, већъ да ій мирно сносити морамо. Па и таке несреће хвала буди Богу! саданя човеческа мудрость одвраћа. У рату се неће више тако немило морити, а по томъ ће болести и куге, коя већомъ частћу одъ рата долази, помало нестати. — Штету, коя се пожаромъ догоди, мудро заведеніе осигураваня надокнади и поврати; а кадъ туча потуче, опетъ заведеніе осигураваня, каково се у Трсту у Њесарія налази, штету наплати. Непаметно и лудо бы доиста было, кадъ бы се люди одъ оваки мудры заведенія клонили, или ій презирали. Ствари, коє напредакъ земльодѣлства прече, єсу понайвише такове, коє си несмотреный селякъ или земльодѣлацъ самъ на главу накопа; и самъ учини, да га бѣда и гладь тлачи, болесть мори и оскудость таре.“

„Има людій, кои потврђую и говоре, да се земльодѣлци радо поносе, особито кои су имућніи. — Оканите се поноситости, то є последньій и рђавый инатъ за селяка. Ко себе непознає, радо се поноси, еръ тому годи, као и жаби у бари, коя є желила волу єднака быти, те зато свою краставу кожу надимала, докъ се найпосле разпукла ніе.“

„Изъ надутости и поношења пронзтиче єдъ, злоба, завистъ, пакость и кавга, найотравниніе зміе у дружству човеческомъ; при томе и склоность къ правданю, а ко се радо правда и гаће заправда. Боля є кратка рѣчь, него дуга правда.“

„Надутость и правданѣ земльодѣлца упропашћуе и у дугове увалюе. Ко є дужанъ, и у здравлю є болестанъ.“

„Изъ правданя раћа се буна и обштій немиръ, а буна є за земльодѣлца найубытачнія стварь подъ небомъ; докъ се онъ по буна скита, остаю му њиве пусте, потомъ настає гладь и бѣда у кући. Паметъ є боля него кадифе.“

„Чувайте и раните живину. Живина незна рећи, но зна лећи.“

„Неупуштайте се у игре и картанѣ. Кадъ се найболя игра каже, найпріє се онда слаже. Кадъ се картам' селякъ пода, брзо му се кућа прода “

„Мани те се піянства. То є за човека найкужнін отровъ. Піянство паметь запете. Богъ піянство казни до другогъ и трећегъ колѣна. У Америци и Енглезкой има до 12 стотина дружтва умѣрености и трезности, кои є цѣль та, да свою браћу и земляке одврате одъ піянства. Свакій членъ тогъ дружтва дужанъ є по закону дружтва уздржавати се одъ свакогъ жестокогъ пића, и чрезъ то се већъ преко три милліона людій поправило, и несретногъ піянства посве оставило. Кадъ ће се кодъ насъ таково дружтво завести!“

„Велика запрека у земльодѣлству єсть и та, што се млади домостроителъи мало кадъ чему уче. Гледайте, у свакомъ стаію одъ потребе є наука ономе, кои жели, да каквый напредакъ учини. — Ал' ће ми ко рећи: „то є само потрошиња времена; и наши стари нису знали писати и читати, па су опетъ свега доста имали. Шта намъ треба књигу учити, како землю обдѣлавати и справе за земльодѣлце градити треба.“ Данасъ невала такій изговоръ. Ко садъ неиде напредъ, остає назадъ. То є узрокъ изъ чега сами учите оно, на што се често тужите, да вамъ земльодѣлство никаква добытка недоноси. На то вамъ кажемъ: поправите га наукомъ, кою вамъ учени люди даю у бесѣди и књигама! “ —

„Пытамъ васъ далѣ: ко є изнашо плугъ, коимъ орете? — ко брану и друго земьодѣлско оруђе: кажемъ, да нити вы, нити ваши предци, — већъ учени люди то вамъ све приготовише, премда сами нити су орали, нити копали. — Ко є изнашо све чудне справе и машине по великимъ фабрикама? — Ко є изнашо силу паре на води и копну, да толико тежке возове и терете по желѣзнимъ путовима, и силне велике бродове по мору и рѣци тера и носи? — Доиста нису земльодѣлци, него све учени люди. — Ко вамъ є тако полезне кромпире прьый у отечество донео? Ко сладко воће насадіо, друге производе за животъ набавіо? Доиста учени люди су први были, кои су све то изъ књиге учили, и народъ научили.“

„Садъ дакле земляци! дайте се поучити, читайте прилѣжно, што вамъ се по новинама пише и савѣтує, проучите; ако башъ и небы све управо за васъ было за сада одъ хасне, то ће быти у своє време, и за другій край.“ Селяци єданъ у другога погледаю, и сви єднымъ гласомъ завапе: „Єсть! єсть! и мы ћемо тако радити, као што си намъ већъ више путій, и овде данасъ савѣтовао.“

Старца є то одвећъ веселило. „Ево! то є моя бесѣда — рече іймъ — дайте ми руке!“ Сви му руке пружише, и рѣчь дадоше, да ће у наступившой новой години нѣгове науке слушати, и на обшту користь обратити.

ПИСМО ДОСИТЕЯ ОБРАДОВИЋА.

Дражйшій мой Господинъ Чокрлянъ,

Здравєткуйте съ домаћима!

Кадъ сте вы мени овде предъ моє исте очи на носъ бацили, да самъ я тврдъ, и скупъ, и сребролюбивъ и златошгедльивъ и іошть много коєшта, што се казати неможе: а да шта ћете садъ измышлявати, говорити, и по свету разносити и разглашавати, зато, што вамъ я за толико дуго времена ни речи, ни словца не пишемъ, и тамо у нашъ Банатъ нешалѣмъ? Али мыслите вы и разглашуйте што вамъ годъ на умъ и на паметъ дође; мени є доста, да мене моя савѣсть необличує, да я тако о вами мыслимъ и мудруємъ: него я на место што бы васъ у момъ срдцу опорочавао и осуђавао, я васъ извиновлявамъ, и много више, него бы вы сами учинити могли, васъ обезпорочавамъ и оправдавамъ, и одъ свакога найманѣга обвиновлѣня чиста, како бела голуба, себи представлямъ и воображавамъ, зашто, ако ми непишете, я мыслимъ да ми немате шта писати, зато и непишете. Шта бы ко писао, кадъ нема шта писати? Да ми кажете да ми добра желите, нека бы савъ светъ томе што противно рекао, я васъ увѣравамъ да бы му речи у вѣтаръ были, єръ му и я небы вѣровао. Како већъ реко, я бы ласно са собомъ

размрсіо, да ми вы непишете. Но незнамъ како бы се с' вами разпачао, кадъ и я вами небы писао. Вы ни мало немарите што и я помало посла имамъ; нити пакъ оћете да знате, да човекъ ніе само за непрестаный посао рођенъ, него и за спаванѣ; а и безъ спаваня валя му допустити, да кадкадъ одане мало и одпочине. Е тежка ми посла, вы ћете рећи, човеку пріятелю и любезнику своме две три врсте написати. Имали бы на некій начинъ право, да се у три врсте све може што се оће казати. Истина да и у манѣ врста могло бы стати: я самъ здравъ и желимъ да сте и вы здрави; али бы заръ вами то доста было? Вы бы рекли болѣ ни мало, него толико мало; и іошть ко зна шта бы говорили! Предъ оними се никадъ до века неоправда, ко те оће да си му кривацъ.

Здравствуйте, любимый мой, и поздравите ми господина оца вашегъ и госпоју матерь, све ваше домаће. Желећи вамъ свако добро, остаємъ вашъ искреный любитель и

У Бечу Августа 30. 1791.

понизный слуга,

Доситей Обрадовићъ.

ВЕЛИКІЙ ПЕТАРЪ И ДОЛГОРУКІЙ.

(по Ческомъ.)

Међу найстарія и найславнія племена Руска спада Племе Долгоруково. Њгови предци бьли су негда господари одь Украине. Многи чланови њгови одликовали су се великимъ званіяма и чешћу. Тако є кнезъ Яковъ Феодоровићъ Долгорукій, мужъ оштре и слободне, али разборите нарави, подъ Петромъ Великимъ найвеће званіе одправляо. Неустрашимо корачао є по стази истине и правде, слободно мысли своє изявляо; зашто су га и прозвали Рускимъ Катономъ. Не редко падао є у немилость кодъ Цара свога, противећи му се умышляю у наглости добро нескуваномъ. Али ни найжешће лютине Петрове ніе се бояо верный слуга; нити є кадгодъ за то неверанъ бывао дужностима своимъ. Обычно є владаръ, кадъ бы га гнѣвъ прошао, погрешку свою увиђао, и верноме слузи опетъ покланяо пріятельство и наклоность, кою бы му мало пре одузео было.

Тако єдномъ башъ кадъ Царъ зло расположенъ бяше, дође му Долгорукій съ врло важномъ некомъ ствари. Царъ тимъ начиномъ као узнемиренъ, буде сасвимъ противногъ мњнія. Долгорукій му съ такомъ смелости одговори, да Петаръ у найвећой лютини зграби мачъ, те на њга полети. „Стани Цару!“ — увативши га за руку, рекне Долгорукій — „Та до чести ми є твоє бише, нег' до живота мога. Шта ће светъ о теби говорити, кадъ чуе да си своіомъ рукомъ верногъ поданика убіо, и то само зато, што є другчіе мыслію него ты? Оћешъ ли главу ову; ніе нужде да твоє руке крвлю моіомъ каляшъ; подай ме явно погубити, па разгласи, да самъ заиста смрть заслужіо; онда неће нико на тебе викати; а Богъ ће већъ єданъ путъ и мени и теби судити.“

На ове речи тргне се владаръ. Оборн очи на землю, спусти мачъ у корице, те оде изъ собе ни речице непроговоривши. После неколико тренутака врати се натрагъ, и моляше Долгорукога за опроштенѣ. —

Ђ. І. П. Б.

МУДРА ИЗРЕЧЕНІЯ.

Природа води човека къ добродѣтельи, а добродѣтель га води къ природи.

(Е. А. Тигде.)

Навикните очи ваше природи, и изъ многоразны красны боя њны богаты састава, дражестны боя њны различія пуните ваше уображенѣ мыслима на врлину њне лѣпоте. Трудите се свимъ дѣлима ваши руку и вашегъ духа печатъ природе начертати. Све, што васъ у вашимъ обыталиштама окружава, нека вамъ представля њне лѣпоте и нека васъ опомиње, да сте вы — њна дѣца.

(Виландъ.)

ТЕАТРАЛНЕ ВѢСТИ.

У Бечкереку представляли су на явномъ театру „Смрть Цара Уроша,“ жалостну игру у 3 оддѣленія, са Србскогъ на Нѣмачкій преведену Тодоромъ Іовановићемъ. При концу придодате су и неке пѣсме у првобытномъ єзыку. Надамо се, да ћемо у стаю быти другомъ приликомъ о овомъ више говорити.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 2. У Суботу 8. Јануара 1844.

МАРКО И ДРАГОИЛА.

ДРАГОИЛА.

Гле, ено га, ступа дома натрагъ,
Вражіомъ крвлю и зноємъ орошенъ,
Къ томе прахомъ бонштнымъ покривенъ!
Тако лѣпъ іошъ никадъ Марко небы!
Так' му никадъ іошъ некреса око! —
Оди, Марко, оди у крило мое,
Одпочини у нѣму одъ зноя!
Оди, драгій, и дай драги твоіой
Мачъ крвавый и заставу бойну,
И почивай овди у крилу мекомъ,
На срдашцу твоє врле любе:
Да ти зной съ юначкогъ чела твога,
А крвь вражю съ латина обрише. —
Нуто, нуто, сладкій, как' ти руйно
Одъ утруда тежкогъ гори лице!
Марко, Марко, іошъ те никадъ така
Твоя вид'ла Драгонла ніе,
Башъ ни онда, првый путъ када си
У дубрави дебелога лада
Чернопутномъ, но витежкомъ твоіомъ
Десницомъ ми притиснуо руку,
И безсмртность тимъ твонме чиномъ
На теб' драгій, кадъ самь примѣтила,
Кою садъ си дѣломъ потврдіо! —
Садъ сродници по свемъ бѣломъ свѣту
Разгласите мога Марка славу!
Навѣстите нашемъ роду драгомъ,
Да садъ Муса Арбанасу ядный
Осрамоћенъ и погрѣженъ стои,
А мой Марко да є безсмртніи.

МАРКО.

Шта то бунцашъ ко иза сна, мила,
Заръ іошъ незнашъ, да є небо съ нами?
А съ ким' небо, може л' ко протъ ньима?
Заманъ злоба ралѣ своє отвара,
И отровну изъ ньи ватру прска;
Заманъ црни наше свѣтло име,
Кадъ намъ ништа наудит' неможе;
Заманъ злобникъ протъ нами се креће,
Када таштій зракъ тимъ само біе. —
Тако, мила Драгонло моя,
Небо ми є надбит' га помогло,
Ког' єдино я оруће быя.

ДРАГОИЛА.

Знамъ я, драгій, да безъ волѣ божѣ
Ни власъ съ главе човеку неспада;
Но башъ зато, што тебе за своє
Оруће є изабрало небо,
Поносна самь и дичимъ се тобомъ.
Зато Марко, допусти ми саде,
Да ти одъ власій лаворику сплетемъ,
И ньомъ главу твою овѣнчамъ врлу,
Да се крозъ сва сачува времена
Успомена твогъ славногъ имена:
Да си клетогъ побѣдіо врага
Ты нашега рода дична, славна!

Стѣпанъ Марјановићъ.

КРИТИЧЕСКІЙ ПРЕГЛЕДЪ СТИХОТВОРНЫ ПРОИЗВОДА Г. ВУКАШИНА РАДИШИЋА. *)

Ни єдна, међъ свима струкама књижества нашегъ, ніе тако забачена и у слабой цѣни, као стихотворства. Ово, мѣсто да образоване люде

*) Овай саставакъ већъ одъ дуже времена лежи кодъ насъ, но због множине предмета писмо га могли до сада саобштити.

Учредникъ.

одушевлява и као невидимо божество съ высине лѣпшега свѣта на срце и душу нашу дѣйствує, кодъ насъ дѣци на забаву служи. Одъ туда быва, да коле образованъ човекъ и чистога имаюћи вкуса, кадъ у књизи каквой до стихова дође, ладнокрвно исте прелази, неудостояваюћи ій ни мимогредногъ прегледа своегъ. Гди само несташна игра силе уображеня свою владу показуе, и гди су само празне рѣчи, безъ смысла, безъ предпоставлѣне цѣли, безъ никаквога реда и свезе у стихове дотеране, ни другій, толи образованый човекъ никакве ране за себе неналази. Онай храмъ, у комъ бы требало, да се раздвоене силе наше — чувствене и душевне — надмоћіемъ выспреногъ чувства саедине и душа наша по лѣствици пламеной къ неизслѣдимой красоти и првобытномъ извору свега лѣпогъ и доброгъ узвыси, онай намъ силе веѣма раздвая, у границе худе чувствености повраћа, и съ тимъ праведно душу и срце наше одъ себе одвраћа.

Због тога, што се кодъ насъ погрѣшно мысли, да стихотворацъ и безъ науке постае, и да се истый у изражаваню чувства свои никаквы правила придржавати нетреба, почемъ му сама чувства нѣгова за правило служе, понижена є у толико лѣпа ова вештина, да ће научене главе доста труда и зноя поднети, докъ є на достойну нѣну точку поставе. Колико є истина, да се даръ стихотворства съ човекомъ раћа, и да безъ овога сва наука и сува правила нису у стању кога стихотворцемъ учинити, толико є истина и то, да єданъ само даръ стихотворства, безъ нуждногъ знаня, чиста одъ предразсудака срца и углађеногъ вкуса, никаква кодъ насъ и нигда пожелѣна успѣха нечини.

Само онай, кога є срећно света природа на чистимъ грудма своимъ, слободна одъ свакогъ утицаня вештиномъ претвореногъ свѣта задржала, когъ глава са срцемъ у найтешњемъ сагласію стои, само онай велимъ никакве науке непотребує: тай некъ слободно съ престола новиности своє пѣва, што га чисто и непокварено чувство учи; нѣгова є воля вѣчный законъ и правило неизмѣнимо за савъ родъ човеческій. Но прошла су она времена, кадъ су люди, подобно беззазленой дѣци, на грудма матере своє природе санъ боравили, кадъ су ій чувства по обштемъ, природномъ закону нуждности руководила; прошла су она времена, кадъ су стихотворци, єднымъ само духомъ природне невиности своє жаръ свесты чувствованя, као електрическу ватру, у срца себи подобны, невины слушаоца уливали.*) Садъ су времена човечности. Съ разбуђенымъ чувствомъ самога себе, своє унутрашнѣ слободе и цѣне, попео се разумъ на престолъ човечіе владе. **) Природну нужность замѣнуше: наука и вештине. Какво чудо што бурна рѣка промѣна свѣтски и стихотворца, овогъ любимца природе, изъ китнасты гаєва блажене дѣйствителности у долину изопачене нарави и горкогъ искуства одвуче? Садъ се већ више неможе натрагъ: путъ є къ повратку у дѣтинство за навѣкъ пресѣченъ, мора се напредъ корачати, па ил' пасти у пучину мрака и заблуђеня, ил' се помоћу вештине и науке новы добавити лѣствица, коє ће насъ у лѣпшій свѣтъ подићи. Простота природе садъ насъ већъ сама по себи задовольити неможе; у борби отврднуто срце наше за већимъ тріумфомъ тежи, за нравственосћу, за идеаломъ. *Теженѣ ово у нама побудити, подраньити, на моћнимъ крыллма фантазіе и силе уображеня у ведрый идеала свѣтъ подићи насъ, и тимъ нарушену у нама свету харионію повратити, цѣль є саданѣег стихотворца.* Душа нѣгова, облагороћена свѣтомъ истине и науке, упозната са правымъ, высокимъ опредѣлѣнѣмъ човека, коє се у светомъ сагласію ума и срца састои, а наишавши на саме противности у дѣйствителности, светымъ жаромъ подиже се у свѣтове лѣпогъ сагласія, тамо, гди умъ природу, а природа умъ дружевно подпомаже, гди нѣжно срца чувствованѣ ніе глави непознато, нит' се неизгладими праве природе закони презиру, гди срце, светомъ внушеню природе слѣдуюћи, неодриче почитанѣ и послушность строго владаюћи закона ума. Не више у дѣйствителности, у идеама тражи онъ човека, не оногъ, кои намъ се у свакидашнѣмъ животу, но у своемъ савршенству показує. Съ такве высине слази, преображенъ као неко выше су-

*) Види Шиллера über naive und sentimentalische Dichtungen.

**) Befremdet ist es anfänglich, daß jenes goldene Zeitalter unsers Geschlechts, welches wir uns in der weitesten Entfernung der Zukunft denken müssen, im Alterthum, in die Vergangenheit, verlegt wurde. Allein es ergiebt sich bald, daß dieses goldene Zeitalter sehr verschieden ist von dem unsrigen. In jenem ist der Mensch voll Friede und ein Ganzes, weil seine ursprüngliche Natur noch in keine Theile zerfiel, um sich zu entwickeln; in diesem hat der Mensch seine Freiheit und Ruhe wieder erhalten; weil er die höchste Stuffe seiner Cultur erstieg, hat er die Gabe der Natur in sein wohlerworbenes Eigenthum verwandelt. Die lieblichen Wiesen einer schäferlichen Einfalt sind der Sitz der Unschuld, weil da die schummernde Vernunft den sinnlichen Menschen noch zu keinen lasterhaften Begierden verführt hat. Wir müssen diese unsere Unschuld verlieren, um eine höhere zu erriegen.

Woltmann.

штество, заблуђеномъ човечеству натрагъ, душа му, као магическа сила, свакогъ къ себи привлачи, и изливомъ узхићаваюће вештине непримѣтно на узвышену ону точку подиже.

Оваковогъ стихотворца нераћа природа, као Юпитеръ изъ главе своє оружану Минерву; она га само способносћу обдарена изъ свои руку у свѣтъ пушта, а развиянѣ ове способности оставля обстоятелствама и случаю. Наука, подпомагана поспѣшнимъ окрестностима, довршує на нѣму оно, што є природа започела. Она му тайне человеческогъ срца у огледалу нѣговогъ собственогъ срца открива; она га у вышій свѣтъ са землѣ одводи; она га съ лѣпымъ и добрымъ, съ выспренымъ и савршенымъ у познанство доводи, па крато *она му є другій творацъ.*

Наука є дакле стихотворцу исто тако необходимо нужна, као и даръ къ стихотворству. Она му дає матерію, она му уређує мысли, поєдине части створа нѣговогъ у єдно цѣло составля и цѣлому животъ дає; овай му пакъ дає форму, поєдинымъ частима створа нѣговогъ животъ, дає мыслима нѣговымъ высокій онай полетъ и лѣпоту ону, коя насъ обчарава. Само се наукомъ и великимъ трудомъ велика она постизава вештина: *душевне своє силе у дружини облагорођены чувства дѣятелне у производима своимъ показати*, да насъ небы, прве одъ последньи раздвоєне, у лажномъ одушевлѣню своимъ у предѣле празны санова (што Нѣмци Schwärmerei называю) одвукло, и мѣсто што бы насъ съ правомъ човечносћу нашомъ упознале, да насъ небы одъ ове одтуђиле и до те лудости довеле, да и одъ самогъ ума, као што Шилеръ вели, умніи будемо.

Ко дакле ово двоє, *науку и урођеный даръ къ стихотворству*, нема, тай некъ се слободно опрости Муза, и нетроши у лудость време, ако нежели предметомъ презреня и изсмеяваня образованогъ свѣта постати. Шиллеръ о предмету овомъ овако говори: „Докъ између нравствено образованогъ одъ предразсудака слободногъ човека и стихотворца друга разлика постои, него да последньій поредъ преимућства првогъ даръ стихотворства као придатакъ има: донда ће стихотворство своє облагорођаваюће утицанѣ на столѣтіє промашити, и сваки напредакъ ученогъ образованя само ће брой почитателя нѣговы умалити.“

Време є већъ, да се и мы съ правымъ стихотворствомъ упознамо, съ онымъ, коє ће намъ срца облагородити и за нѣжна чувства способнымъ учинити; коє ће га у случаю узбунѣны противу нѣга страшны елемента непоколебимомъ снабдѣти снагомъ; коє ће га съ напредуюћимъ умомъ нашимъ изъ ближе упознати, и тешню мећу ньима свезу оплести: на кратко, коє ће насъ, бурнымъ насилствомъ разпуштены страстій до обале свагданьѣ пропасти наше доведене, у станъ праве човечности опетъ повратити и са самымъ собомъ упознати. Време є већъ, да се научимо право стихотворство одъ назовистихотворства разликовати, да небы, само празномъ фантазираню и бунцаню похвалу одаваюћи, несмысленой дѣци себе уподобили, но на мѣсто тога, по благородству цѣли, по благородству начина мышлѣня и чувствованя на врлину стихотворца заключаваюћи, да оправдамо даный намъ божества даръ.

(Продуженіе слѣдуе).

ПИСМА ЗНАМЕНИТЫ СРБА.

(Г. Якову Чокряну.)

Единый въ мірѣ сердцемъ и душею любленѣйшій друже мой и радости моя, пріими радостныхъ слезъ моихъ всенѣжнѣйшее цѣлованіе мое и обятіе!

Вчера пріимихъ и другое писмо твое. Нынѣ обаче воздаю ти отвѣтъ на первое, на кое убо и прежде уже нѣчто ти писалъ єсмь, но не исполно. Се нынѣ дополненіе єго. Предъ вчера в' недѣлю, якоже, и в' прежнемъ моемъ предрекълъ ти єсмь, мы вси знатіи твои и незналніи собрался єсмы, деньже торжества твоего, отъ радости, веселіемъ нашимъ и душевнымъ празднованіемъ славили єсмы. Здѣ былъ єсть вопервыхъ Гд. Обрадовичь и племяникъ єго Іорговичь, Георгій Петровичь, Филишповичь (иже здѣ пребываетъ окончивъ науки своя, и в' Россіи Богословію) Іоаннъ Радуловичь и нѣкій Григорій Терланчь, кои ми говоритъ, да онъ єще никогда человѣка на земли тако любилъ нѣсть, якоже онъ, као што онъ вели, тебе любитъ, отъ куда видится, яко онъ тебе зѣло добро знати нмать. Ха! ха! ха! та мало се ніе распао отъ радости! Толикаго огня, толикія любви, толикаго и толь радостнаго умовосхищенія єще въ животѣ моемъ видѣлъ нѣсмь, якоже въ семъ Тер-

ланчѣ, кои твоимъ себе, а тебе своимъ всюду называетъ! Онъ же мнѣ особито наложилъ єсть тебѣ радость и превосхищеніе єго доказати. Празднованіе наше началося єсть сице: Пенелѣ совокупилися єсмы вси у Гд. Іорковича, отишли єсмы вкупѣ въ храмѣ Богини Любви, на свѣтомъ же жертвенницѣ єя жертву нашу єй отдали єсмы, на славу же пресвятаго имене слѣдующую пѣснь пѣли:

„Преблагая Богинѣ! благоволи принять,
„Жертву нашихъ сердецъ, юже ти воздати
„Мы сюду пріидохомъ, за єже показати,
„Коль сладко намъ єсть царство твоея благодати!
„О! аще бы рода человѣча ты владичица была,
„И на главы твоей вѣнецъ всего міра носила;
„И аще бы мы увѣрити могли весь кругъ земный,
„Коль благодѣтеленъ людемъ єсть твой огненный,
„О! тогда бы славѣ твоей завидѣли вси Бози,
„Юже бы величали твои жерцы, и людіе премнози!
„Ничто менше Богине! мы изъ благодарности
„Завѣщаемъ ти нынѣ покорность, и сердца наше младости,
„Обѣщаемъ ти вся силы душъ нашихъ и мышицъ,
„Къ прославленію твоихъ намъ преблагодѣтелныхъ зѣницъ,
„И аще ты щедротами твоими всѣхъ насъ заступиши,
„Божественный же покровъ твой дати намъ возблаговолиши,
„Благодать твоя вонзется в' сердца всѣхъ на земли смертныхъ,
„Слава же твоя превзидетъ всѣхъ торжествъ безсмертныхъ!
„Слава тебѣ и хвала, нынѣ и присно торжество!
„Слава царству твоему! О! слава и величество! — —

По возданію сея жертвы нашея божественнѣй любви, мы междусобно нѣжно и пламенно обяхомся, сладчайшее имя твое, друже возлюбленный, слезами нашими омывше: абіеже потому шедше поидохомъ въ гостилище вонъ града сущее, ликуяже и играя пріидохомъ мы вне, и прежде, неже сѣсти намъ за столъ, радости нашей соразмѣрный, держахъ азъ слово кратко въ честь имене твоего, и славу сердца твоего нѣжнѣйшаго, представилъ же всему собранію чувствителность и сластолюбивый огнь сердца моего, яже вся в' глубины єго неизглаголанною ко мнѣ любовію твоею породишася, и возобновихъ всѣмъ имъ твое къ нимъ пріятелство и дружество искренное, упоминая имъ ревность твою, и тщаніе о благополучіи рода нашего, возведохъ имъ на память благодѣтелная слѣдствія согласія и междоусобнія любви между людми; мнѣже о сими глаголющу, они вси немогше далше на слезами омоченное лице мое взирати обожиша славы своя долу, слезы же моя смѣшишася со слезами ихъ, сицеже принужденъ бых азъ слово мое пресѣщи в' нѣжнѣйшихъ обятіяхъ ихъ, и сладостнѣйшемъ превосхищеніи всѣхъ; и самая Богиня наша благоволеніе свое о празднищѣ нашемъ показаше; и самое солнце видяшеся возвеличити хотѣти веселіе торжества нашего; ибо оно со всею велелѣпотою своею и со всѣмъ величественнымъ блистаніемъ своимъ надъ главами нашими горяше. Сѣдше обѣдати, ни о чемъ иномъ неглаголахомъ мы развѣ о тебѣ, о любви, и родѣ нашемъ; радость наша и веселіе толь блистателно бяше, да отъ другаго стола єдинъ Чехъ, человѣкъ краснозрачный и во велицѣй службѣ царстѣй, радости нашей въ сердце єго простремившейся, оставилъ все содружество свое, и за нашъ столъ пришелъ єсть, речеже глаголя: здравствуйте братіе! и Господіе! позволите и мнѣ между вами єдиное малое мѣсто; причастите мя радости и веселія вашего, яже изъ благородныхъ славянскихъ лицъ вашихъ зритъ (Русси и Чеси насъ Сербли Славянами называютъ); мыже єго съ радостію, єюже радовахомся, воспріемше, онъ до толѣ распалися, да в' нѣкая искренная умоизступленія любви къ роду нашему, и сожалѣнія раздѣленія ихъ отъ насъ провалися. Тогда сташа звяцати чаши, тогда піяшеся віно, тогда умы наши распалишася! тако да мы мысляхомъ, яко весъ мірь, и вся вселенная нами уже управляется! єдиная токмо мысль, яже часто возновляшеся въ душахъ нихъ, токмо отсутствіе твое радость нашу возмощаше. О аще бы ты єще между нами былъ єси, воистину и самая небеса разверзла бы ся была и сами Бози стеняля бы были, что съ нами быти немогоша! Имя твое славяшеся, за здравіе твое и всѣхъ твоихъ піяше ся, родъ нашъ весъ видяшеся уже в' верху первыя славы своея и храбрости. По окончѣнію празднства нашего возвратихомся мы во обиталище Іорговичево, и тамъ взять азъ свирѣлъ мою, загрѣмилъ радость нашу до неба! И тако мы сей день и вечерь проведохомъ в' пѣніи, игри и восклицаніи радостнѣйшихъ сердецъ нашихъ, славяще любезнѣйшее сердце твое и любовь. Ты, друже сердечній, радуйся съ нами, ступленіе твое народолюбивое продолжай, менеже любовію твоею благополучна творити непристай, иже пребываю, и присно до послѣдняго дыханія моего пребуду твой

Въ Вѣнѣ $\frac{\text{20 Феvруаріа}}{\text{1 Марта}}$ 1793.

горящій, и любовіюже и желаніемъ скорѣйше узрѣтися и обяти сожжигающій ся,

искреннѣйшій другъ,

Григорій Терлаичъ.

Учредникъ Милошъ Поповичъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 3. У Суботу 15. Јануара 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

ТЫ И ВЫ *)

Кадъ ми се окану
В ы говорит' драга,
Среће ми огрну
Зорица преблага.

Съ любны уста нѣны
Т ы кадъ зачу сласно,
Душа є у мени
Узкипила страсно.

У мысли задублѣнъ
Држа ю на крилу,
Одъ срца полюблѣнъ
Загрли ю кнлу;

И говори гласно:
„Драга сте В ы мени!“
„ „Я Т е любимъ страсно!“ “
Мышля а у себи.

Милосавъ Слободинъ.

КАРАЂОРЂЕВИ КРИМИНАЛНИ ЗАКОНИ. **)

14. §. Кои бы се войникъ усудіо при изгублѣню баталіе за живота оружіе изъ руку дати или бацити, безъ изговора да (трчи) шибу мртву 6 пута крозъ 600 момака.

15. §. Кои бы се войникъ усудіо у войсци пушку буди на што избацити безъ пытаня старешине, и допуштеня, 25 штапа да трпи.

16. §. Кои бы се годъ пронашао или уфатіо, буди свештеникъ, буди старешина, буди войникъ, или пайпоследньій копачъ, да зло о правителству и о држави Србской говори, макаръ у войсци, макаръ у селу, тай подлежи каштиги како издатель отечества и шпіонъ.

17. §. Налаже се свакоме Србину, а особито сеоскомъ кмету, када бы писмо у село дошло, да се таки даде кмету, у коє му драго доба было, и кметъ тай часъ да га шилѣ кудъ иде и коме. Тако исто цебана кадъ бы у село дошла, кои бы се усудіо одъ више поменуты стварій задржати, тай подлежи 50 штапа трпити.

18. §. Кои бы убіо човека своєвольно, а онай ніе на нѣга прѣе пушку потего, и осведочи се чисто, осуђує се да се стреля и потомъ обеси.

19. §. Кои бы убіо неотице човека, по добромъ испыту да се осведочи, томе апсъ полъ године у гвожђу, и проче спрамъ фамиліе нѣгове, што судъ донесе, деци и жени платити.

20. §. Кои потегне пушку или ножъ на кога, и окреше, а неубіе, тай каштигу убице, кои є неотице убіо, да трпи; ако ли неокреше, но на празно потегне, томе по 50 штапа у 2 пута да се удари.

---

*) Изъ могъ рукописа: „Милошева Тамбурица.“ М. С.

**) У рукопису, взъ кога ово саобштавамо, нема прьы 13 параграфа. Молимо дакле, ако бы іоштъ когодъ ове законе при себи имао, да намъ ій даде, да овай драгоцѣный споменикъ права Србскога подпуннмо, єръ є то важный документъ за обшту исторію права Славенскога.

Учредникъ.

21. §. Момци, кои се на стражу одреде, и ако бы патрола затекла шилбока да є заспо, шилбок(у) шибе крозъ 300 момака 3 пута, а каплар(у) њин(омъ), кои є међу њима, по 50 штапа у 2 ютра, а прочимъ по 25. Ако бы патрола затаяла и прочуло се и осведочило, то исто патрола да трпи и они.

22. §. Кои бы се старешина усудіо, или капетанъ, или капларъ, войника за мито изъ войске кући пустити, или за какавъ даръ, свакомъ ономъ, (ма) кои было, приписує се издайничество, и подлежи суду войничкомъ, кои да плати свакомъ своме войнику, колико подъ командомъ нѣговомъ стои, по онолико, колико є одъ онога єдногъ узео, и у напредакъ да се изключи изъ власти.

23. §. Кои бы се усудіо злословити, то єсть псовати или безчестити свештеника, старешину, чиновника, трговца, кмета, было са узрокомъ, было безъ узрока, а небы га суду и власти пріявіо, то да се (од)суди по 25 штапа у 2 ютра.

24. §. Кои бы се Србинъ уфатіо и осведочіо, да тайно води — — — — — — — — — — —, — — шпіонлукъ да — — — — — — — —, — родъ свой издає, тай да се каштигує, да му се пребію обе ноге на 2 места и обе руке, и тако живъ да се дигне на коло, и да се нескине докъ костъ трає.

(Далѣ слѣдує.)

ХУДОЖЕСТВО ПИСАНЯ.

(съ Грчкога.)

Англезъ єданъ, именомъ Маринеръ, у описанію некомъ о пріятельскимъ островима, а нарочно о найглавніемъ међу овима Тунги, приповѣда удивлѣніе жителя, кадъ су првый путъ опазили художество писаня.

Г. Маринеръ буде заробљенъ одъ ова дивляка, пакъ начинивши некій видъ мастила одъ пушчаногъ праха, напише посланицу (ἐπιστολήν) на листъ артіе, кои му є дао єданъ одъ овы жителя; вручи началнику, молећи га да ю преда првомъ капетану, кои буде стигао у пристаниште. Но царъ овогъ острова, именомъ Финосъ, чувши ово, дође у сумню, и одма заиште одъ началника посланицу, кою и добыє. Кадъ му се преда у руке, сматраше ю са свы страна, но неразумевши ништа, вручи ю єдномъ онде у присутствію налазећемъ се Англезу, именомъ Єреміи Хингу, и заповѣди да му каже шта є у њой. Г. Маринеръ небыяше у присутствію, Хингъ узме посланицу, и преводивши неку часть ове на Тунгійскій єзыкъ, разумно ю представи, као мало прошеніе коєму Англезкомъ капетану, кои бы приспѣо, да изходатайствує кодъ Финоса слободу Г. Маринера и нѣговы саотечественика; и као садржаваюћу, да су любавно примљени одъ жителя, но при свемъ томъ желе, да се поврате у отечество своє.

Овай начинъ показиваня мыслій быяше Финосу непостижимъ; узме опетъ посланицу, и сматраше ю, но ништа разумети немогаше. Найпосле доведе Г. Маринера, и замоли га да му напише штогодъ; овай запыта шта да напише. „Метни мене на артію“ одговори Царъ. И напише дакле — Финосъ. Царъ тада доведе другогъ Англеза, кои небыяше ту, и заповѣдивши Маринеру да окрене на другу страну лице, даде скородошавшемъ артію и заповеди му рећи, шта стои написано на њой; човекъ овай изрекне са высокимъ гласомъ име Цара; Финосъ тада зграби артію изъ руку овога, и зачуђенъ ю сматраше, и обрћаше тамо овамо, и испытиваше при свакомъ обртаню. На конацъ. „Ово“ повиче, „не наличи нити на мене нити на другога! Гди су ми ноге? Одкудъ знашъ, да самъ то я?“ После безъ да є чекао одговора или толкованя, нестрпљиво заповеди Маринеру да напише друго што, и тако забављаше овога три четири сата написиванѣмъ имена различны предмета, мѣста и стварій, коє є заповѣдіо другимъ да прочитаваю. Ово є найвише удивлявало Финоса и све у присутствію наодеће се люде и жене, што є онъ неколико редій шаптао любовне анектоде, и прочитане причињавау неко смућенѣ ту наодећимъ се госпама; но све се опетъ узимало као шала. То быяше њима са свимъ непостижимо, како се могу њіова имена и ствари саобштавати другоме овымъ тайнымъ путемъ.

Финосъ мысляше на послѣдакъ да се є досетіо томъ лукавству, и толковаше около стоећимъ, да то ніе немогућно, єръ писатель и читатель, у согласію будући, некимъ знацима означаваю оно што су обоица видили; но Г Маринеръ извѣсти га одма, да може написати и оно, што нигда видіо ніе; Царъ му пришапће

на уво, да метне на артію Тунга Аха (кога є Финосъ на неколико година пре, него ће доћи Маринеръ на исто острово, убіо). Чимъ то учини, и другій прочита написано, зачуди се іошть више Царъ и призна, да никадъ іошть ништа чудеснів видо нів. Хтеде после да напише Таркиса, одсутствуюћегъ началника страже, кога Маринеръ и нѣгови други іошть видили нису; овай чиновникъ быо є слепъ. Кадъ се напише име Таркисъ запыта Финосъ, да л' є слепъ или не? Ово є заиста превосходило силу художества; Маринеръ му рекне, да є написао само знакъ преставляюћій гласъ имена нѣгова, а не характеръ предмета. Заповеди потомъ полако да напише: „Таркисъ слепъ“ Чимъ се и то напише и прочита, удиве се свиколици іошть више.

Маринеръ рекне на то слѣдуюће Цару, да се свудъ и у удалѣне части свѣта вѣсти шилю овымъ начиномъ; и будући да се артія савіе и запечати, носитель неможе дознати, шта се у писму садржи, и къ томе да се историе свію народа предаю такимъ начиномъ потомцыма, безъ да се речено поквари одъ дугогъ времена. Финосъ исповѣди, да є памети достоянъ и чуданъ овай изнаћай, али придода, да небы добро было за острово Тунги, єрбо бы то безъ сумнѣ донело собомъ буне и сузаклетія, и небы животъ нѣговъ быо ни мѣсецъ дана безбѣданъ.

Євтиміє Аврамовићъ.

КРИТИЧЕСКІЙ ПРЕГЛЕДЪ СТИХОТВОРНЫ ПРОИЗВОДА Г. ВУКАШИНА РАДИШИЋА.

(Продуженіе).

Кадъ се съ єдне стране высока цѣль и благородно теженѣ стихотворца, а съ друге не само слабо постиженѣ исте цѣли одъ наши стихотвораца, но на жалость изопачено и стихотворству правомъ сасвимъ противно теженѣ њино у разсуђенѣ узме, само се по себи показуе, одъ коликe бы важности и ползе было, кадъ бы врстный какавъ рецензентъ наше стихотворство претресати стао. Прво такво покушенѣ безпрекословно бы саданѣ тако велико наши пѣваца ято у толико умалило, да бы се силомъ нѣколико њи своіъ имена и мѣста достойни показати могли; сви остали морали бы посрамлѣни удалѣити се, као чавка изъ ята лубова. Но ово намъ за садъ само желити остаe; до онога времена пакъ, докъ се кои одъ писателя наши одважи, тако великій задатакъ, обштій, критическій прегледъ стихотворства нашегъ предузети, мыслимъ, да неће цѣли противно быти, ако овде о єдномъ само стихотворцу, кои є по дѣлима своимъ довольно Србству познатъ, рѣчь по могућству момъ поведемъ, а то є Г. Вукашинъ Радишићъ. Оставляюћи друга у кньижеству нашемъ изишавша дѣла нѣгова другима на разсматранѣ, само ћу у кратко о нѣкимъ нѣговимъ стиховима пробесѣдити и мнѣніе моє читательима на разсуђенѣ поднети, пуно увѣренъ, да ми ни єданъ разуманъ човекъ у томъ замѣрити неће, кои уме дѣло одъ особе, а особу одъ дѣла разликовати. *)

Кадъ съ преднаведене точке производе стихотворне Г. Вукашина Радишића посмотримъ, признати морамъ, да ме ни найманѣ незадоволяваю; ови су тако безъ свакогъ вкуса, безъ поетическе лѣпоте и унутрашнѣ вредности, да се умномъ читателю, познавателю вештине, при читаню исты готово стужити мора. Свако скоро дѣло ясный знакъ недовольно или нимало просвѣћеногъ и съ тайнама лѣпогъ неупознатогъ духа на себи носи. Слабо коє дѣло друго што за предметъ свой има, до єдне чувствености и простогъ увеселяваня; ни у єдномъ пакъ не показуе се характеристическа черта правогъ

*) Не могу пропустити, да приликомъ овомъ учтивость Г. Степана Милошевића неспоменемъ, коіомъ ме є у додатку къ Србскимъ Београдскимъ новинама чис. 19. год. 1842 поздравіо. Онакво што само реченый Г. противу мене, єдинствено због саставка могъ: „Нешто о кньыевницыма нашимъ“ изговорити може. Противно му є, што се уобште млади писатели укораваю, и да може, ископао бы ми оба ока, ясно показуюћи, да се нѣга реченый саставакъ найвише тиче. Комъ є пчела за клобукомъ, онъ се и самъ сећа. Истину ону, да се у младимъ годинама неизгладиме погрѣшке учинити могу, я самъ на самомъ себи искусіо, као што и садъ искушавамъ, и због тога се ни мало сумняо нисамъ и другима ю саобштити, да се небы и они доцніе каяли, као што се я садъ каємъ. Но Г. Степанъ Милошевићъ истину ту неувиђа и неће да є увиди. Надаюћи се, да ће га зреліе године исправити и научити, да се у царству ума са самымъ прасканѣмъ и лютномъ ништа учинити неможе, но да є необходимо нуждно на основима утврѣено докасателство и увѣренѣ погрѣшке, ако кога съ предузетогъ пута одвратити желимо, оставлямъ га за садъ, некъ се съ дѣцомъ забавля и одъ њи помоћи тражи, по ономъ: „Треба тражит' помоћь и одъ дѣце, да плетемо майки нашой вѣнце,“ — докъ за вышу цѣль не сазре и способнымъ себе учини, да може и одъ людій савѣте примати.

стихотворца, узвышеный надъ чувственосћу духъ и блага озбильность произтичућа изъ сагласія са собомъ самымъ. Муза є његова више размаженомъ, самовольномъ дћтету, него Богиньи каквой подобна. Научена єдинствено у предћлима фантазіе и празны санова боравити, никако ил' врло редко разумомъ руковоћена быва; дћца њна, изроди магле и мрака, чезну предъ свћтомъ ума.

Сила уображеня у стихотворству сама по себи ніе никадъ ништа у стаю произвести, ако ю разумъ неруководи. Она мора узаймно съ разумомъ дћйствовати; овай несме безусловно сили уображеня законе полагати, а ова опетъ несме се одъ владе разума безусловно отргнути и као самостална, самоствараюћа сила показати. У сагласію обе силе показуе се важность и вештина стихотворца; одржава се пакъ сагласіе обе силе, ако разумъ садржай или смысао опредћлява, или другимъ рћчма, ако све поєдине части производа стихотворногъ у єдно дћло вешто саставля, докъ сила уображеня у поєдинимъ частима и образима свою савршену владу показуе. Ако стихотворацъ ніе разуманъ, онда ће се сила уображеня и сва вештина залудъ упиняти, да недостатке разума накнади. Покрай своги раскошногъ облаченя предмета у чувствама допадаюће се форме, разумъ намъ ненамиренъ остає: овай се ни найлћпшомъ формомъ заслепити неда, њга сама материя задоволява. *)

Оваки су происводи Г. Вукашина Радишића. Кодъ њга є сила уображеня све; она му материю, она му форму ствара — она у свему неограничено влада. Не само разумъ, и вкусъ предъ претећимъ бичемъ нћнымъ мора да мучи. Ништа ю у стваряну нћномъ сметати несме, и у таквой неограниченой слободи често се до тогъ заборави, да найлћпшій предметъ у нагрду претвори.

Да бы форма увекъ цћли сходна была, да небы сила уображеня у скупляню разны образа и онаке новомъ створу своимъ примила, кои бы га нагрдили и за срце неспособнымъ учинили, неоходимо є нуждно, да вкусъ сили уображеня у помоћъ притече, и само іой онакве образе подъ стваряћу моћь подмеће, кои ће увекъ предъ судомъ срца пуно одобренъ добыти. Но Г. Вукашину Радишићу мало є о томъ стало, што се штиръ и коприве у вћнцу неодликую (ако ми є слободно съ рћчма Г. К. Богдановића ползовати се), само ако є вћнацъ скуплћнъ, па быо онъ какавъ му драго.

Осимъ горе наведеногъ узрока, пагубна є претерана слобода силе уображеня и по томе, што се у немогућность поставлямо многе оне образе у єдно сватити и єдно цћло одъ тудъ саставити; што се наша силе уображеня за ономъ слћдуюћи уморити и као одъ теретне себи радње одустати мора. Смешно є слушати оне, кои се због неразумителности и празногъ фантазираня окривлюю, како се суетно правдаю, да су — ватромъ фантазіе и силе уображеня у свћтъ санова одвучени, сами себи непознати, сами себе неразумћваюћи и одъ тудъ превелику и неизслћдиму дубльину мыслій свои заключаваюћи — баяги за будуће вћкове, а не за садашньость писали. Ко є за садашньость добро писао и вћнцемъ достойне награде увћнчанъ, тай ће се и кодъ позны потомака као достоянъ награде показати. Закони су ума и срца исто као и природе закони вћчни и неизмћними.

(Продуженіе слћдуе.)

*) Mann glaubt, das Geschäft des Dichters bestehe bloß in der Einbildungskraft, da doch eine fruchtbare Fantasie ohne scharfe Beurtheilungskraft bie einem Dichter nur unnatürliche Charaktere, nur falschen Witz hervorbringt.

ПЫТАНЋ.

Шта значи на Србскомъ грбу: крстъ, и шта ће рећи она четири писмена или оцила?

Г. П.

ПОГРЋШКЕ У 2 ЧИСЛУ ПОДУНАВКЕ.

На 1 обр. 2 стр. у врсти 8: стихотворство.

На 2 обр. 1 стр. у 11 врс. после рћчи: дотеране изостављно є: ту наравно; на 2 стр. у 13 врсти: нове, у 14 врсти: лћствице, коя; у 18 врс. подраньивати; у 2 примћтби на краю: erringen.

На 3 обр. 2 стр. у 1 врсти: срце.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 4. У Суботу 22. Януара 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД *

СЛОВО
НА СВ. САВУ.

ГОВОРЕНО

Игнятіємъ Станимировићемъ, Професоромъ штатистике и криминалногъ философійскогъ права, о. в. Ректоромъ Лицеума К. С.,

у Београду 1844.

Свечаный видъ сяйногъ овогъ торжества, и жельни са свію страна къ прочелю управлѣни погледи Ваши, смирено, но живо изгледаю и озбильно знати желе: єдали є за славу Светогъ Отца и Просветителя нашегъ, кога паметь данашньимъ даномъ чистымъ, духомъ преизпунѣни и веселя видомъ одевени, торжествено овде свршуємо и славимо, такође и одъ стране ученика и учителя свечаный даръ припремлѣнъ, и на олтаръ вечитогъ му возпомынанія чистымъ срцемъ принешенъ? Есте Србскій Роде, и многопочитаеми свакогъ реда слушателъи! єсте припремлѣнъ, и мени торжественомъ беседомъ отдати га повереныъ! Мени велимъ, кои нити самъ кадъ у животу важніе одъ данашнѣгъ торжество явнымъ говоромъ светковати, нити сяйніе одъ овогъ собраніе поздравително предсретати срећанъ быо! па у той неукости моіой, кои се заръ ни съ десетымъ овде споредити нисамъ кадаръ, шта самъ за паметникъ славе Светогъ Отца, Просветителя, и Патрона нашегъ пре избрати знао, већъ по могућству сила мои предъ целымъ светомъ одкрити и изявити силну важность врлы наука, коима є светый Просветитель нашъ себе съ толикомъ жертвомъ посветити возлюбіо, да є круну државну съ міромъ просвештенія променути готовъ быо. — У надежди дакле, да ћу съ пунымъ вниманіемъ саслушанъ быти, желимъ: о важности и врлости наука, што будемъ знао, говорити, и колико будемъ кадаръ быо, хвалу имъ воздати.

Древный є и предревный задатакъ ума човеческогъ: разбиранѣ и умованѣ о блаженству нашемъ; па опетъ, многопочитаеми свакогъ реда слушателъи! рѣшаванѣ нѣгово са сваким поколеніемъ, даже са свакомъ особомъ рода човеческогъ непрестано понавля се и повторава, єрбо се и мы сви, као и предци наши, са силномъ за блаженство жельомъ на светъ пораћамо; коимъ покретомъ тада, по самой природи, наравно се приволяваио: о истиномъ блаженству нашемъ, и нелажнимъ таковога причинама жельно разбирати и умовати.

Прикладно томе, истоветну судбу и удесъ изкусило є такође: разбиранѣ и испытиванѣ о важности и врлости наука, коє ако и не єдинствено, доиста преимућствено човека блаженству своме приводе, и къ томе найпретежнію часть свою приносе; за коє имъ и єсте свакій векъ, нова на светъ производећи лица, коя су коренъ сладости ньіове окусила, такође нове славе и похвале найдостойніе саплетао венце. — Па када самъ се, за овеликолѣпствовати славу и честъ Светогъ Отца и Патрона нашегъ, и самъ данашньимъ даномъ таковога дѣла и предпріятія доста смѣло латіо, съ речма П. и Великогъ Фридрика желимъ таково да почнемъ, кои вели: да свакій онай, кои иоле достойну наукама похвалу отдати жели, такову съ похваломъ По е з і є валя да почне. И доиста, коме природа вкусъ и чувство о Музама ніе подарила, томе оскудѣваю две силе, сирѣчъ воображенія, и нравственогъ осећаня—сила, безъ кои ни на самомъ высоки наука полю нико, као великій мужъ, появіо се ніе; єръ и самъ разумъ, ако на помену-

тимъ силама, као своимъ подпорама, непочива, и изъ ньи, као корена свогъ, пытателный сокъ несиса, раванъ є, и применути се може сувой воѣки, коя ма да є у землю укопана, и по внутреньой частица іой чврстини усправлѣна стои: опетъ зато цвета и плода никако недоноси.

Друго Поезія надъ свима осталима, и осимъ свію осталы умозаниманія то преимућство у себи има, да є безкрайна и безпредѣлна, коє є заръ и славный Хердеръ у некомъ смыслу и отношенію тада потврдити желіо, када є изрекo: да Поета онде починѣ, гди Философъ сустає. Она великолѣпне облике стварій начертаваюћи, све одъ красніе красніомъ одеждомъ природу кити и облачи; сяйне опѣснява догађає, она славне сапѣва юнаке, она срце човеческо на поєдина чувства разствара и разтапа, а она такође и виспрене ума чертеже у изкуствене спечатава образе, и тако мыслеобразный у изкуственый светъ препаша и живо га предъ очи ставля. Шта више она пренебесне предѣле съ царствомъ превѣчногъ блаженства найпріятніимъ бояма оживописує, она небесный сводъ съ теченіемъ звезда у песмама слави; она землѣдѣлца забавный, и пастыра са стадомъ невиный животъ любкоизразителномъ кичицомъ своіомъ верно чертава; она великолѣпно пришествіе дневнаго цара т. є ярко на хоризонту излазеће сунце поздравителнымъ пѣніемъ торжествено предсрета, а она га и у румену своmъ заодећегъ такође благодарителнымъ гласомъ прати и съ ньимъ се опраштa; она тиху ноћцу съ хоромъ анђелскимъ у светлость месеца облачи, а све земно сна повоіомъ повіено на одмора почивалу тихимъ гласомъ успављює и сладкомъ покою у обятія предає; она садъ полеће у высъ подъ небеса, садъ се опетъ спушта у пучину морску; брда и долине радо посѣштава, поля и градове песмомъ изпунява; съ усамлѣнымъ радо се сдружує, утренююћимъ птицама одпѣва, жуборећемъ по ливади поточићу согласно попѣва, нити има у єстеству предмета, съ коимъ она мило недругує; као што реко: Поезія є безпредѣлна; єръ одъ найманѣ травке и мравка, па до вселеногъ свества и пренебесногъ Саваота кругъ свой простире; іоште сваку науку полепшава, сладкимъ вкусомъ пуни, и умилнымъ зракомъ обасява!!!

Па опетъ са старіимъ, зреліимъ и изображеніимъ возрастомъ, како кодъ поєдины лица тако и кодъ целы народа, такође и она стари, и у сили своіой малаксава изъ узрока, што свакій човекъ, дакле и цео народъ, како у зреліе и разборитіе ступи године, радіе се съ истинымъ и озбильнымъ изпытиванѣмъ и изпознаванѣмъ стварій бави, и више се за умножаванѣмъ и усугубляванѣмъ знаня и познанія свои, него засамымъ украшаванѣмъ и полепшаванѣмъ таковы ягми и отима, нити се изображеніи умъ самымъ окрасноличаванѣмъ познаты му већъ предмета радо уздржава одъ далѣгъ набавляня новы познанія. У истой пакъ причини, мыслимъ, да ће доста понятно изясненіе своє наћи такође ово загонетно изреченіе: да є Поезіа свакогъ просвештеня дойка и колевка; єръ као што чувственость по природномъ реду умности предходи: тако у прводобномъ живота кругу облике стварій, кои прво у чувственость спадаю, радо човекъ окрасноличава, и оку чувствености ласка, коя съ ньиме влада; у далѣмъ пакъ живота времену, кадъ већъ умность съ човекомъ обвлада, више у єстество и суштественость стварій тежи умъ да проницава, и озбильно познаніе тражи, каково му тада обилномъ рукомъ своіомъ понайпре пружа Исторія.

Исторія велимъ, коя самомъ држaвословномъ струкомъ своіомъ на позоришту света найзнаменитія рода човеческолъ дѣла и приключенія у свезной целини, и у виду позоришне игре човеку представля. Но да бы поменута рода човеческогъ приключенія у єдну целину прибрати се могла, изискує се узрочный савезъ између причина причинѣны дѣла, и одъ туда послѣдующи слѣдства; човекъ пакъ по краткомъ животу своmъ нити све то преживити, нити по тесномъ на поместность ограниченомъ простору све то прегледати, нити по недостатку звания и достоинства у тайность причина свега тога вникнути и допрети може, него му Исторія све те недостатке подпуно накнађує тако, да бы се доста слично рећи могло, да Исторія животъ човеческій на све векове продужує, по целоме свету човека житељмъ твори, и на сва достоинства и званія достойно га подиже тако, да она дѣла и лица, одъ кои є пукій светъ удалѣнъ и само имъ се изъ далека диви, овай руководствомъ Историе у тайне кабинете, и она игралишта држaвна, гди се судбине народа рѣшаваю, приведенъ, све то изъ близине сматра, и оне светски дѣла конце, кои се у изкуственомъ животу у чворове смршени налазе, у Истории разчворене и разпетляне нашавши, чисту жицу прошлогъ времена лако себи на цевъ познанія суче; а доста пута и сама дѣла, коя се современицыма своима нису башъ знатна быти -видила, у каснія времена збогъ свои слѣдств,

као и врло знатна появила су се, и тако у оно доба, кадъ су се збыла, можда су текъ єдну неситу любопытльивость заяжавала, данасъ пакъ када ій са каснімъ приключеніяма, као одъ туда возпослѣдовавшимъ слѣдствама, у єдини и свезу посматрамо, найблагороднію нашу знаня желю съ преумилѣмъ изпуняваю.

(Продуженіе слѣдує.)

КАРАЂОРЂЕВИ КРИМИНАЛНИ ЗАКОНИ.

(Продуженіе.)

25. §. Свакій старешина своіой войсци да изда заповестъ, у Србску стоку или какву рушадину за животъ свой недирати, но гди є башъ нужда, да є войска гладна, то капетану войске да се пріяви, капетанъ войводи, и потомъ войвода да заиште одъ оближньи села, нека покупе, и нека за новце донесу и у войсци продаю. А што бы села на войводино исканѣ дала, то войвода да попише, колико є приміо, да се може рачунъ дати после. Кои бы се войникъ усудіо самъ собомъ учинити и туђе марвинче убити, тай да плати двоструко и 25 штапа прими. А у кога бы се рушадина нашла туђа, тай шибу крозъ 300 момака (да трчи) три пута, зато, што є свога брата харо.

26. §. Ко бы укро вола, или коня, да плати добро, пошто газда оће, и да прими у два ютра по 50 штапа; ко украде овцу или ягнѣ, за єдно двоє да даде и 25 штапа (прими).

27. §. Кои се усуди отети девойку, тай момакъ да трчи шибу 3 пута крозъ 300 момака, девойка да се пусти, и за кога она оће нека се уда, и ово венчанѣ беззаконо неброи се за бракосочетаніе; куму (да се удари) 50 штапа, деверу 50, старомъ свату 50, а осталымъ сватовима по 30.

28. §. Свештеникъ, кои венча отету девойку, да се лиши парохіе (нуріе), и да више за живота нигди добыти ю неможе, за узрокъ, да онъ, као законодавацъ преступивши, учиніо є поводъ беззаконый бракъ благословити користи ради своє.

29. §. Жена и човекъ, законо венчани кои су, разпустити се немогу безъ велика узрока и велика суда и владике.

30. §. Жена или девойка, коя бы се случило да роди безъ мужа дете, то єстъ копиле, ово є натурално, заповестъ да се изда, да никаква се небы усудила удавити дете, но слободно нека рани, или ако є весма стыдно, то може однети и на путу оставити, кудъ люди свакій часъ пролазе, да кои годъ наће, примиће и наћиће се и ранити. Ако бы се усудила удавити, то таки и она осуђує се на смртъ, безъ никакве далѣ милости, за узрокъ, што є убила човека на свету.

31. §. Ко бы се усудіо вештице тражити и убіяти жене и мучити, како што су бывале овакове будалаштине, или у воду бацити, ко бы ово учиніо — оваку лудость, за кою се Србима белый светъ смеє, за оваку будалаштину одсуђуємо му: оно, што бы онъ учиніо было више реченымъ вештицама, нѣму да се учини.

(Конацъ слѣдує.)

КРИТИЧЕСКІЙ ПРЕГЛЕДЪ СТИХОТВОРНЫ ПРОИЗВОДА Г. ВУКАШИНА РАДИШИЋА.

(Продуженіе.)

Само є великомъ духу свойствено, презирати мнѣнія поєдины лица. Онъ непѣва поєдинымъ лицама, но читавомъ човечеству. Као што су закони ума и срца обшти, тако є и стихотворство нѣгово обште. Тежко ономъ стихотворцу, кога найманый шумъ, као грѣшника, узнемирує и одъ предузетогъ правца одвраћа! Ясный знакъ несагласія са собомъ самымъ, слабогъ упознаваня са позывомъ своимъ и предметомъ, ясно сведочанство слабогъ, непостояногъ духа и промашене цѣли. Правый стихотворацъ судію свогъ као више божество у прсима своимъ осећа, коє га у выспреномъ предузећу нѣговомъ руководи, по ономъ „Est Deus in nobis, agitante calescimus illo.“ Увекъ предъ очима живый идеалъ имаюћи и строго выши закона придржаваюћи се, коє му духъ у кругу дѣйствованя нѣговогъ полаже, гордо презире худо мнѣніе свакидашньи людій, кои бы га радо по калупу садашньости скроили и у границе бѣдне обичности изъ предѣла вышегъ свѣта свукли. Съ непоколебимымъ постоянствомъ придржава се цѣли своє, пуно увѣренъ, да ће нѣкадъ облагороћена и убѣћена садашньость предъ побѣдителнымъ скиптромъ лѣпе вештине умукнути и преће необичнымъ, а садъ благимъ законима нѣнымъ вольно као лавъ ярму Амора покоравати се.

Но што є великомъ, то ніє и маломъ духу дозволѣно; кодъ првогъ є презиранѣ мнѣнія поєдины лица похвално постоянство, а кодъ последнѣгъ гадно тврдоглавство, кои безусловно и найболѣ совѣте читателя свои одбацує. Тако кадъ Г. В. Радишићъ врло умѣстный совѣтъ С—, да у избору рѣчій, по свой прилици, предосторожанъ буде и онакве рѣчи брижльиво избѣгава, коє намъ вкусъ и нѣжно чувство вређаю, у одзыву своемъ на стр. 192. I. час. Гол. само због тога презире, што истый С. ніє стихотворацъ, заиста прекомѣрно узданѣ у своегъ лажногъ бога, кои га одушевлява, полаже. Я у пуной мѣри одобравамъ совѣтъ овога, а у исто време и Г. Вукашина увѣравамъ, да и онай, кои дара къ стихотворству нема, може о стиховима судити, а често болѣ, него и самъ стихотворацъ. Камо срећа, да є Г. Радишићъ не само овай, но и млоге друге даване му совѣте къ срцу приміо, те небы можда онакве грубе погрѣшке учиніо; єръ само нѣму подобни непризнаю, да: „єзыкъ се обрће, єзыкъ се по устма врти, изъ главе изсунути буну, пићемъ прати гемскій сигрклянъ смраднымъ вонята гађати, налити неситость продрту, одъ бурага правити житницу“ и млога друга, коя ни єданъ правый стихотворацъ на штету нѣжнога чувства употребити неће, да велимъ ове рѣчи и изражаваня, коима є ода нѣгова „радоєлцыма и радопилцыма“ одлично нагрђена, нису стихотворства достойна. Но кои є до те слабости дошо, да явно предъ свѣтомъ прогласи, да „нѣгово лице Паллада сени,“ томъ се лако и веће погрѣшке праштаю. Само га оваква слабость извинити може, кадъ мысли, да є нѣму као стихотворцу слободно кованѣмъ по своіой вольи рѣчій єзыкъ нагрдити и одъ правила обшти у мышлѣню и чувствованю одступати єдинствено због различности у створеню:

„Та Богъ по свему створу ліє
Различность; люди є мудри любе.“

Ако є икомъ забранѣно одъ обшти правила у мышлѣню и чувствованю одступати, то є стихотворцу, кои тымъ поглавитымъ средствомъ, наблюдаванѣмъ речены правила, цѣль свою постизава.

Превелика ограниченость знаня нѣговогъ и низкій духъ пуке простоте и худе чувствености кои се у свакомъ саставку нѣговомъ выше или манѣ примѣтити дає, найясніе се показує у онимъ предметима, кои се умомъ и прилѣжномъ наукомъ, а не силомъ убраженя постизаваю. У описиваню таквы предмета постає намъ неотесанымъ и грубымъ изражаванѣмъ преко мѣре теготанъ. Оваква є споменута ода нѣгова „радоєлцыма и радопилцыма, па безъ неволѣ задуженицыма.“ По сполящности оде ове заключаваюћи, рекао бы, да є сачинитель намѣру имао, сатиромъ є направити, а кадъ овамо изиће нагрда, подобно Орацієвомъ лончару: „amphora coepit institui; currente rota cur urceus exit.“ Неимаюћи ни понятія о сатири, ни способности, ни унутрашнѣ самосталности, незнаюћи правогъ опредѣлѣня сатире, ни нѣно право къ човечеству одношенѣ, морао є наравно о грдный онай каменъ потакнути се.

(Продуженіе слѣдує.)

НЕШТО.

Званичнымъ посломъ путуюћи по Окружію Ужичкомъ и дошавши у Арилѣ къ цркви задужбине славны Неманића, посѣтіо самъ и оно мѣсто, гди є, како люди кажу, краль Вукашинъ свога цара Уроша убіо. Ово є на єдной высини, и тако є, да многе околне планине надвышава. По нѣму тече єдна мала, но весма лепа вода. Оно се зове „Погледъ,“ по свой прилици зато, што су вальда люди говорили: „Погледъ, погледъ гди царъ нашъ погину.“

М. Т.

НОВЕ КНЬИГЕ.

Златотворно село. Пріятна и истинита исторіи за добре сеоске школе, и разумне сельане. Од Енрика Чокка по шестом поправльеном изданіу с немачког превео Димитріе Поповић, ђакон и Учитель Сегедински. Сегедин, 1843. *Трошком и слоеима Іоеана Грина, ц. к. книгопечатателья и книгопродавца.* — На 8-ку, стр. 159.

Кореспонденціи изъ Париза, или финанціяльни и трговачки проекти одъ єдногъ питомца Србскогъ правителства. У Бѣограду. Печатано у правителственой книгопечатньи 1843. — На 8-ку, стр. 30.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Книгопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 5. У Суботу 29. Јнуара 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

НА БАЛУ.

Іоште као дѣте
Тѣшила ме мати,
Да Богъ човеку ће
По Анѣела дати;
И тай Анѣео Божій
У срећи, у бѣди
Невидимо свагда
Нѣга да спроводи.
О мой Боже милый!
Ал' смо слаби люди!
Мене само тѣши,
Што ми око види.
Ахъ! што видо красне,
Прекрасне анѣелке!
Одъ ти едногъ дай ми,
Охъ премилый Боже!

У Београду 26 Јнуара.

М. Слободинъ.

СЛОВО
НА СВ. САВУ.

(Продужев'е.)

Исторія є волшебный ключъ одъ Кивота како старога и новога завета, тако старога и новога века вообште; по чему она рѣшава такође и овай выспреный задатакъ, сирѣчъ: одъ куда се повраа данашньій видъ нравственогъ и политическогъ света? одъ когъ данашнѣгъ вида и само наше поособно изображеніе, и сва наша заниманія поглавито зависе, и крой свой задобываю? Коє за изяснити, она намъ изъ предревны времена па до данашнѣга века две главне основе тако повлачи, да све науке и художества на ньи редомъ низаюћи, найпосле састављне имъ уједно краєве нама у руке предає; и то єдну основу изъ Палестине одъ Мойсеовогъ законодавства изпреда, па преко начала и заведенія Христове цркве, крозъ разцепъ восточне и западне, и преко раздвоя Евангелическе одъ Р. Католическе цркве повлачи; другу пакъ основу заповрза у Египту, па преко старе Грчке и Рима по целой є Европи после снує и развія, коима као главнымъ основама, хиляду други нравственогъ и грађанскогъ живота жица припреда, и подткива. И тако су заръ сва памети достойна прошлы векова приключенія, и сва прећашньи времена спомена достойна лица, достойну часть свою къ томе принела, да се овай видъ и данашнѣ светскогъ живота станѣ, за родъ човеческій срећно получити и задобыти могло. Ко дакле у такова одношенія себе поставля, и ко то на угледъ узима: да су столѣтія и столѣтна у томе вршила се дѣла, да онъ тай човекъ, кои є, у данашнѣмъ магновенію постане, да то савршенство, те угоде, и то живота удовольство ужива, коя сва ево му се данасъ подаю и суштествую; ко велимъ у такова одношенія себе и данашнѣ станѣ са пре збывшимъ са се светомъ променама поставити жели? тай никако себи одолети неможе, да Исторію, изъ коє се све то докучує, срцемъ и душомъ необлюби, ако самога себе равнодушно презирати нежели.

Па опетъ, многопочитаєми свакогъ реда слушательи! ко смотренімъ окомъ како Поезіе, тако и историе листове разгледи, ямачно признаће са мномъ, да обе поменуте науке само оне предмете у кругъ свой купе и примаю, коє

имъ наособне поєдинственности изкуственогъ света на даръ приносе и у крыло пружаю; и обе текъ оно удовольство човеву подаю, кое онъ изъ посмотренія вселене, изъ наслађиваня съ природомъ и изъ саобраштая съ родомъ човеческимъ, посредствомъ спольны чувства, у срце своє црпи и посисава. Па ма да помоћу Поєзіє и Историє човекъ више види, болѣ чує, већма и нѣжніе, него иначе, чувствує и осећа: опетъ онъ, као умно суштество, такође и са чистымъ умотворнымъ производима, као: саобразованьмъ обшты понятія, са усаюжаванѣмъ ньіовымъ између себе, и са прилаганьмъ или употребляванѣмъ таковы на наособне изкуствене поєдинственности занимаюћи се, у дѣлу таковомъ т. є. створу умны производа — као што є умность по себи найпревосходніе у човеку свойство, тако у поменутомъ му дѣлу — новъ и найблагороднїи изворъ преумилны и човекодостойны удовольства при себи свѣдомость му отвора и одкрыва. А кадъ већъ, по сада поменутимъ речма, у чистоумномъ размышляваню, у пронаоду врховны основоположенія, у сравньиваню и сослаганю идеа, найпосле у опытима и покушаваню: єда ли се таковый идеалный умослогъ у природи и остваренъ и осуштествованъ налази? или се текъ одъ насъ оєстествовати дає, кадъ велимъ у таковимъ и при таковимъ умозаниманіяма онай, за кога су, срцемъ и душомъ таковыма себе отдавши и посветивши, чашомъ умилѣнія душечувственикъ свой напоява? то онда признателнымъ срцемъ безпристрасно исповедити морамъ, да ту часть душевногъ или умногъ живота понайвище украшава и удоволява Математика и Философія.

Нарочито пакъ у кругу умородны наука прва є заръ Математика, єръ ни єдна, реко бы, наука у тако высокомъ степену, и тако безпрестанце-траюће поменуто душевно удовольство у духу човеческомъ неподржава, као што то Математика кодъ верны свои жреца и посвећеника твори; нигди толика поворка мыслій и идеа уверижити се неда, нигди скопчаванѣ и усоюжаванѣ ньіово ніе тако художественo; па апетъ умозаключеніе нигди тако известно ніе, као у Математики. Ту є текъ умъ човеческій неизцрпиму и премоћну силу свою показати кадаръ, нити ту предѣла себи положити зна, єрбо є ту самъ створителанъ; по чему Математици више, него други книжници одъ овосветски предмета устранѣни, и манѣ одъ ньи зависими, такође при испытиваню, счленяваню, и разчленяваню дѣла свои и непокрећу се на такове мысли, кое бы нечисте желѣ у ньима пораћале, или страстолюбію, и тѣлоуслади угаћале и послуживале: већъ напояваюћи се чистымъ ума наслаћеніемъ, много задовольніи проводъ живота имаю, и животъ свой за срећніи почитую.

Па опетъ то преумилно удовольство, кое човеку математично умованѣ у пуной мери подае, уживаю текъ они малочислени, кои су на игралишту свои прешественика коло стары пронаода ньіовы срећно већъ обиграли, па на полю новы изобретенія нашавши се, нове стазе себи крче, и одъ више столѣтія припремлѣно сокровиште математическо новосмышлѣнымъ прилозима и придатцима усугубляваю и приумножаваю; єръ што годь є путнику дужій и затрудителніи путъ до новообѣтоване му землѣ быо, тимъ стогубовећа радость срце му преузима, кадъ се већъ єдаредъ на таковой угледа, на коіой тада, почемъ є сладко духомъ одануо, на ново се умомъ поселява, гди ново полѣ умномъ дѣлу своимъ нашавши, такође и новодрагоцѣный плодъ умомъ собирати себи обећава. Кое дѣло, као што є по себи и у себи превыспрено: тако є и съ преусусугубльнымъ умилѣнія чувствомъ свойски сдружено и текъ малоизбранима за редку награду удржано.

(Конацъ слѣдує.)

КАРАЂОРЂЕВИ КРИМИНАЛНИ ЗАКОНИ.

(Конацъ.)

32. §. Старешинама свакогъ чина, служительима народа, опредѣлитће се плата и рана по мѣри, а да кулука одъ народа ни у каково дѣло своє нема, нити се народу допушта кулуковати коме; само народне службе што се каса, што є за цѣлу обштину, то дужно да буде, како косити сено, беглукъ за конѣ войничке, бећарске, то єсть обшту войску, одъ когъ беглука опредѣлитће се и старешинама за трошакъ како рана, тако и сено, а старешина, кои хоће какавъ радъ водити кућный, а онъ нека плати, нека му се ради.

33. §. Кон се усуди оставити одъ войне село или више, за кулука себи, тай ће подлежати народномъ суду, и платитће у кассу одсуђену цену, и изключитће се власти неко време за каштигу.

34. §. Кои бы човекъ рђаву човеку, айдуку, дао леба, а неказао одпутъ селу, да се таковый гони, онай да прими каштигу айдука.

35. §. Ко бы отишо у айдуке, и ценіо и харо браћу свою, томе никакове милости ни предає никадъ, но єднако да се тера, и кадъ се уфати, живъ да се преда суду, и судъ да врати похарано, да му изпребія и ноге и руке, и потомъ на коло да се разапне.

36. §. Кои бы се старешина, судацъ, или кои му драго было чиновникъ, усудіо, да айдуке шилѣ, и народъ да хараю, и нѣму се даю, да ій онъ сахранява, томе, ако се чисто осведочи, каштига по пропису 35, преписує му се, да є онъ харо, а не они айдуци.

37. §. Старешина, или кои му драго судацъ, ако се пронађе, дає са лоповима, кои конѣ и волове краду; ако се усуди, са онаковимъ делити, а коме є украдено неплаћати, но лопове бранити, а сиротиню угнѣтавати, тай сдсуђує се, како истыйлоповъ, подъ каштигу, и власти да се лиши.

38. §. Народу у власти ніє избирати войничке старешине, кои ће войскомъ управлятн, и на бой водити. Ово остає на промотренію воєне власти и старешина, да они изберу, кои є вештъ и изкусанъ войску водити, и ньомъ управляти. Народу се допушта избирати судца за маћистратъ, сеоскога кмета, срезкогъ, то єсть куппанинскогъ кнеза, а избацити ни єдногa да неможе безъ суда и велике власти, докле му се небы нашле и осведочиле погрѣшке, и погрѣшке га могу извадити изъ званія, а лишити воля ничія, или хатеръ, или пизма.

КРИТИЧЕСКІЙ ПРЕГЛЕДЪ СТИХОТВОРНЫ ПРОИЗВОДА Г. ВУКАШИНА РАДИШИЋА.

(Продуженіе.)

Предметъ є сатире, удалѣнъ одъ природе, покварена садашньость, дѣйствителный характеръ заблуђеногъ човечества у сравнѣню противоположеногъ идеалногъ савршенства; цѣль пакъ, побудити у нама негодованѣ и одвраћай одъ дѣйствителности изъ противоположеногъ идеала. Сатирикеръ, одушевлѣнъ идеаломъ нравственогъ савршенства, слободанъ одъ сваки страстій и заблуђеня, спокойнымъ духомъ сматра нравствене погрѣшке, и съ высине независимости, самосталности и савршенства своєгъ, изсмеява или казни людске лудости и заблуђеня, но никадъ се съ высине своє тако яко доле неспушта, да бы се съ осталима сравніо и помешао. Казнь нѣгова никадъ ніє дивля ни сурова, но увекъ своє выше произхођенѣ показує, као што му изсмеяванѣ увекъ печатъ озбильности и узвышеногъ духа на себи носи. Сатирикеръ дакле, као свакій правый стихотворацъ, ніє породъ дѣйствителности, но лѣпшега свѣта, огледало, коє намъ ругобу нашу изъ сравнѣня показане савршеніе лѣпоте увиђати дає. *) Но ово бы млого было и помыслити, то ли одъ Г. Радишића захтевати, кои є изъ обичая и слепогъ подражаваня іоштъ гори одъ нѣга стихотвораца стихотворцемъ постао. Кои є самъ на ниской, а выше пута и на нижой одъ насъ точки, може ли насъ тай съ идеалима упознати? Онай, кои незна, шта гнусне оне пороке, изешность и піянство гнуснима чини, може ли насъ одъ ти порока одвратити? Нѣму є изелица и піяница само због тога гнусанъ и презреня достоянъ, што преко мѣре новце троши, и што се безъ неволѣ задужує, а не због тога, што є и кодъ єдногъ и кодъ другогъ слободна воля у гадный ярамъ упрегнута, што є умъ, найвышій неба даръ, закопанъ, и што є єданъ као и другій ниже скота пониженъ. Онъ насъ нежели одъ порока овы одвратити, што су они сами по себи зла и гробъ наше нравствене цѣне, но што намъ примлѣно єло и пиће неможе до века у стомаку остати, већъ данасъ єсть, а сутра ніє. По овоме, небы требало ни єсти ни пити, но одъ воздуха живити.

„Новацъ стра' ме
Изъ кесе шћерда'ћу кудгодъ; дай да
Я нѣга одма крозъ гушу верный ми
У ковчегъ спустимъ. — Чуданъ си човече!
Незнашъ ли тога смешну справу? —
Сутра ти не'ма у нѣму оногъ,
Што с' данасъ тако верно му предао.“ —

---

*) Die Satyre iſt überhaupt der Widerſpruch des abſoluten Bewußtſeyns gegen die gemeine Wirklichkeit oder der durch das abſolute Bewußtſeyn vermittelte Gegenſatz der Idee gegen die Erſcheinung. Durſch.

Какве просте, какве ниске мысли и изражавања! Небы ли болѣ было, да є само слѣдуюће наведено:

„Лежи у постельи болной скупа
Са теломъ душа, име му, личность, честь!
Да, онда свак' є наликъ на човека
Разумногъ само съ поля; другче і'
Животно грѣе одъ свію други.“

па некъ бы ода млого краћа съ тымъ постала, него што су поменуте мысли уплетене, одъ кои иоле углађеномъ човеку мора образъ порумепити? Никакво дѣло непрепоручує величина и пространство нѣгово, но садржай и смысао, ма овай у десеть само рѣчій израженъ быо. Но Г. Радишићъ по обичной слабости своіой овакве погрѣшке и непримѣчава. Гди кеса мѣсто разума заузима, ту се наравно ничему болѣмь надати неможемо!

„Жедницы стан'те! ко ће данасъ
Налити неситость вамъ продрту?
Отвор'те очи! кеса васъ светує:
Проклета црева! зашто ме єдите?
Видите кол'ко я вамъ могу
Давати“ и т. д.

Ко на овый начинъ пороке и свѣтске слабости изсмеява, онай бы болѣ учиніо, да своє пороке и найвеће слабости излечи, да не уподоблява умъ у глави пречистой птичицы, коя, кадъ ю стомахъ смраднымъ вонямагаћа, плаши се, бежи далѣ, и да бураге, црева, гркляне и гуше за предмете лире своє неузима. Право Шиллеръ на єдномъ мѣсту говори: „Тежко читательима нашимъ, кадъ се нагрда у нагрди огледа, кадъ бичъ сатире у онога руке допадне, кога є природа опредѣлила, да млого озбильніи бичъ носи; кадъ люди, кои, лишени свега, што се поетическимъ духомъ назива, само маймунскій даръ простогъ подражаваня имаю, таковый на штету нашегъ вкуса грозно и страшно упражняваю.“ Ружно є, кадъ човекъ, на слабость сила свои необзирући се, онакавъ теретъ себи на плећа натовари, подъ коимъ се стропоштати мора. Паметно Орацій у вештини поетической совѣтує писателѣ:

Sumite materiam vestris qui scribitis aequam
Viribus; et versate diu, quid ferre recusent,
Quid valeant humeri.

Свакій, кои се овога не придржава, налази се у опастости, подобно Г. Радишићу предъ свѣтомъ осрамотити се.

Друга є, у смотреню ограниченогъ знаня, овой подобна ода „прелазакъ нѣговъ преко црногъ мора.“ У оди овой описує се природа у своемъ величеству, выспреной снаги и лѣпоти своіой: бурно узколебано и утишано море, залазакъ сунца и ноћь — све выспрени предмети, найсходніи и найдостойніи, да се на ньима выспрена душа стихотворца огледа и очараваюћу вештину свою обелодани. Пре него се къ опису предмета овы Г. Радишића повратимъ, за умѣстно налазимъ естетическій описъ выспрены природны предмета предпоставити, и то изъ Дурша, кои є, по момъ мнѣнію, найболѣ исте предмете разясніо: „Выспрено у природи зове се поява или дѣйство елементарны сила природе. Тако є н. пр. бурно и утишано море выспрено, што се у првомъ случаю елементарный животъ у великомъ мицаню, а у другомъ случаю у почиваню показує. Но почиванѣ живота ніє смрть. Непрегледима површность мора неможе се због тога выспреномъ назвати, што се нашемъ оку неизмѣримый просторъ представля, већъ што є просторъ овай съ елементарнымъ животомъ изпунѣнъ. Мы се устручавамо, непрегледиму песковиту пустиню выспреномъ назвати, и то праведно, што є у ньой свакій животъ изумро. Тако намъ се брегови, као нагомилана масса, не могу по себи выспренима показати, но само што су производъ изванредне силе и што ову силу умирену у себи садржаваю. Природне су силе у дѣйство приведена воля Божія. Безъ одношеня овы поява на вышій духъ, кои у ньима влада и изявлює се, престаю имати естетическо значенѣ. У непогоди появлює се силна природе снага, коя се съ изпразнѣнѣмъ миру и покою враћа, борбомъ се у хармонію претвара; због тога дакле, што є природе снага и нѣно дѣйство Божія воля, показує намъ се у непогоди приближаванѣ и дѣйство Бога. По овоме дакле выспрено у природи зову се све оне величествене и торжествене појаве елементарногъ живота, коя намъ быће и владу Бога у природи ясніе представляю, него органическій животъ и дѣйство, коє земля наша у себи заключава.“ Изъ овога слѣдуе, да поетическо описиванѣ выспрены предмета само двоструко быти може: или се силна природе снага у страшной борби и беснилу, или у миру и изравнѣню елементерны и органически сила представля; у оба пакъ случая быва одношенѣ на владаюћій у истимъ појавама вышій духъ. Остало описиванѣ зависи одъ обстоятелства, одъ различногъ дѣйства предмета на срце и душу стихотворца и одъ различне силе и ватре поетическогъ духа.

(Продуженіе слѣдуе.)

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ЗОРА ДУНАВКА.

№ 6. У Суботу 5. Февруара 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА СТРАЖА

РОДОЛЮБИВОМЪ СРБИНУ

Высокоблагородномъ Господину Началнику Контроле Правителствены Рачуна

ІОВАНУ НИНИЋУ,

на именый данъ 7. Јануара 1844. год.

Є ли волѣ и любави свойске,
Свак' мож' помоћ' людству и очизни.

С. Милутиновићъ.

Та ниє све пало на Косову,
Ли сурвало с' у разврата бездну,
Фала Богу, на великомъ дару,
Одржало с' благотворно семе,
(Христіянска православна вѣра)
Изъ тогъ никла къ свему болѣмъ любва:
Къ срећи рода, къ срећи отечества!

Клеветниче, докле ћешъ потварат'
На Србина, Славянина врла,
Да є робъ онъ себичности гадной
И да само за себе се пашти
А за о б ш т е неће ни да знаде,
Па єднако остає найзадный,
Или првый у служби другога —;
Пакость твоя и теби ће с' згадит'
Кад' истина прокаже є свету.

Могло с' тако по Л а з а р у рећи,
Могло с' рећи, ал' не потврдити,
Но сме л' се то сад' и помыслити
После славногъ васкршая Србскогъ:
(Чему с' и самъ Н а п о л е о н ъ дивн,
Што толика починіо чуда)
После дѣла Карађорђа вожда
И мудрога Д о с и т і я старца,
Кои су намъ примеръ оставили:
Разточили клете враге Србству,
О в а й глупость, а о н а й варварство,
И кои су раскрчили пута
Правомъ добру, та слободи сладкой,
Просвештеню, истини и правди.

Ко є какавъ такій и родъ дає.
Одъ А д а м а поворка є гре'у,
Одъ К а н н а гадномъ безаконю,
А честитость заръ да плода нема?!
На Ђорђа се Вучићъ угледао
И Србима образъ осветлао,
А за ньиме колико є ято
Соколова, Србски витезова?
Па и старацъ Д о с и т і є мудрый
Колике є Србе пробудіо,
Млоге одъ ньи съ музама слюбіо,
Особито Мркаила Саву,
Списателя, негда учителя
У Србіє Шабцу извѣстноме,
Кой да друго ниє учинніо,
Србска младежь дугує му фаломъ,
Нѣму знатномъ и Захаріяду,
Што су свету варницу бацили
У срдашце І о в а н а Н и н и ћ а,
Коя данасъ као пламенъ букти
У грудма му Србству отворенимъ,
И сагрева любавь къ општемъ благу.

Сећашъ ли се племенитый Србе,
Опоминћшъ драгій брате І о в о!
Кадъ ми єдномъ Србски Бога назва,
И када ми препоручи свойски,
Да ти нађемъ поуздано Србче,
Коє б' свою оставило майку
И о твоме трошку довольноме
Пошло с' учит' по беломе свету,
Но да ти се прво заветуе,

(К'о Анибалъ отцу Амилкару)
Да ће Уставъ, твоє обоженѣ,
К'о светиню до смрти хранити
И Србинству живит' и служити. —
Я т' зафали на томъ повереню
И обећа с' испунит' ти желю;
Но старіє ютро одъ вечера
И вѣћанѣ са дружиномъ моіомъ
Научи ме, да т' предложимъ друго.
Ово примишъ, и ено се дичи
Нашъ Лицеумъ съ користномъ палестромъ,
У коіой садъ поредъ твоє жертве
(На годину одъ двеста талира)
Младежь Србска, надежда намъ блага,
Руководствомъ Ђорђа Марковића
У сагласю духа и разума
Образує и усавршава
Своє тѣло, човечности полу,
Што є досадъ запуштена была.

Одяко ће изображенъ Србинъ
Превазлазит' и тѣломъ и душомъ
Обичнога, и примеромъ светлит';
Кадъ му л' закте духъ на выше летит',
Нећеду га издавати крила:
У полю ће снажанъ ратаръ быти,
Шумомъ ловацъ, а у стану борацъ,
И свою ће домовину служит'
Као Сократъ и мозгомъ и мишцомъ.
Па комъ за то быће благодаранъ?
Теби прво, почетнику истогъ,
Кой єднако показуєшъ дѣломъ
И толикимъ пожертвованіємъ,
Да си Србинъ и народолюбацъ,
Комъ се редко може наћи пара.

Прими фалу на именый данакъ
И на светлый твога дома празникъ,
Кою т' млоги у мени приносе,
Кои знаду ценити врлину
И кои ти млога лѣта желе,
А Србін млоге теби равне.
О дай Боже, да у сяйно коло,
Што поведе у народну славу
Са примѣромъ овымъ племенитымъ —
Слѣдую ти неизбройни Срби,
Па ето намъ онда благодати
И Србін правогъ процветаня!

Исидоръ Стояновнѣ,

Професоръ Обште Историе у Лицеуму
Княжества Србскогъ.

Слово
на св. Саву.

(Конацъ.)

Напротивъ Философія, у колико маньомъ одъ Математике меромъ удовольство човеку подає, у толико га више поменутогъ удовольства участникомъ твори; єрбо у овой науки, кои є годъ свесрдо учи, свакій се у некомъ виду пронаодникомъ назвати може по томе, што свакій питомацъ нѣнъ поученія іой у самособственой свѣдомости наћи, и такова собственомъ опыту и испыту подвргнути мора, па када се о свему у себи освѣдоміо буде, тада є текъ свойствено философическо познаніє као собственость задобыо. Па ма да умъ човеческій у Философіи неможе толико пронаоданъ да буде, нити вериге умованя своіъ у безконечность, као у Математики, да продужує, єрбо є у Философіи испытеланъ, у Математики пакъ створителанъ, изъ когъ узрока ма да и найдублѣ мыслећи новієга века философи умованѣ своє онде свршую, гди су и древни своє — умованѣ — докончавали, за коє малоумни несмысленици, надрикньиге, или површняци Философію у своімъ достоинству и унижаваю; па и опетъ велимъ, ма да Философія, а нарочито Метафизика и Етика, на пытаня: у смотренію Богосущества и нѣговогъ быћа, у смотренію вселеногъ и нашегъ постанка, у смотренію душевногъ безсмртія и конечногъ нашегъ опредѣленія, найпосле у смотренію узрочногъ савеза између добродѣтелый, као заслуга, и спольногъ нашегъ щастія, као одъ туда пронзтичућегъ слѣдства, на такова велимъ пытаня ма да Философія и данасъ ништа више одговорити незна, него што є пре више хиляда година одгорити кадра была: опетъ су башъ то она пытаня, коя насъ о светварномъ праоснову, и свега свеконечной цѣли, човекопонятнымъ начиномъ освѣдомляваю; на таковима текъ човекъ преимућногъ и богоподобногъ достоинства, и превѣчногъ опредѣленія своіъ подпорну точку и темелячу; єднымъ словомъ у таковима текъ цео животъ и творъ нашъ поступно согласногъ сожитія правило и правацъ налази, и текъ таковима се човекъ изъ голочувственогъ у словесанъ светъ за правстеногъ, дакле правогъ човека прераћа. Ово су велимъ она пытаня, коя башъ да небы на совршено задовольство човека у Философіи рѣшена была, опетъ сама вѣроятность ньіова, къ просвети ума, къ облагороћа-

ваню срца, къ развитку добродѣтелне волѣ, іоште къ поредку и облагополучаваню човеческогъ живота више приноси, него икоя извѣстность было Математике, или ма коє друге науке.

Осимъ тога у Философіи текъ учи човекъ себе и границу ума своегъ познати, да бы тако у место суетны мыслій, чисто зрно и єзгру изъ свію осталы наука себи прибирао, и све то на путу добродѣтельи благомудрено употребляваю; съ когъ гледоточія тада ни найманю у пространомъ свету тварку равнодушнымъ окомъ човекъ непосматра, него му се и свако зрно пашка, као нуждна и преважна верига све скопчаваюћегъ у єстесву ланца появлює. Далѣ Философія, осимъ што разсуђаваня и вкуса силу, коя два свойства найвыша човека у животу срећнымъ, а у свету употребителнымъ творе, више него икоя наука развія, іоште одъ найвећегъ до найманѣгъ на последнѣ основе сводећи, и до крайны стихія или живля свои разчленяваюћи, човека предъ олтаръ задовольства доводи, гди га са светомъ примирує и наставница му живота постає по томе, што она страсти ублажава, тугу и печаль утолява, она душу човека разведрава, и за свако станѣ равномерно га припрема; она привидносяйный и наличный блесакъ съ лица овоземности скида и свему за сунце и истино огледало служи тако, да у срећи мерило живота, у несрећи пакъ заштиту и ограду противъ удараца немиле судбе човеку подає; и у томъ смотренію праведно се дакле Философія наставницомъ живота назвати може.

Ньой устопце слѣдує Физика или Єстественица, коя є съ Философіомъ доиста єднородна и као посестрима, само што є разноструч-на; єрбо Философія, кадъ изузмемо праизворъ и прапостанакъ свега, само о духу човека и нѣговимъ дѣйствама єдинствено слови, и тако внутреный ума светъ поглавито посматра; Физика пакъ вандушевный, дакле овай тѣлесный и стварный са свію страна окружаваюћій насъ сполящный светъ у своемъ свойству, и єстеству изпознати труди се: за коє праведно и названа се овочувстеногъ света Философія.

Она, као такова, собственый свой значай, и собственене дражести своє има, єръ я доиста незнамъ ништа помыслити, што бы веће удовольство духу человеческомъ принети могло, него руководствомъ Физике испытивати и изпознавати природу, тайнодѣйствующу силу и законе нѣне; она природу и овай тѣлесный светъ у появленіяма посматраюћи, цело єстество на првоизконна живля и стабла своя разтвара и разчленява, коимъ чудотворнымъ дѣломъ своимъ хилядама суєвѣрія съ овогъ света чисти, и хилядама новы изобрѣтенія и созданія твори. Она силный громъ одъ суетногъ гнѣва Божіегъ разлучи, на челичну громоводну га потегу сведе, и као рыбу уловлѣну у рупчагу сручує; она премоћне силе природе вешто подярмлює и човеку на стогубу услугу приводи; а и самъ преподаваня іой начинъ све остале надмеће, и много є одъ свію други у томе пріятніи, што не само умность, већъ у єдно доба и чувственость занимаюћи, много яче впечатлѣніє, као и свако у чувство спадаюће дѣло, у питомцима производи; а преко свега іоштъ найвећу важность свою Физика кодъ света у томе има, што су користи и изобрѣтенія нѣна сасвимъ стварна и очевидна, нити се єдинствено на лично изображеніє поєдины людій, већъ на усавршаванѣ оны предмета односе, кои непосредствено цѣль, и положително благостанѣ државно подпомажу и узвысую.

Па опетъ сва ова у кругъ Физике спадаюћа дѣла само су матеріална или стварна, коима се само производи нешто и у быће поставля; формална пакъ или умоповелѣна человеческа дѣла, коя смо, као нравствена существа, будући се међусобны отношенія наши касаю, безусловно учинити и изпунити дужни, такова велимъ дѣла у кругъ Права Природногъ спадаю.

Права велимъ Природногъ, коє на обштой и самособственой природи човека, коя га онымъ, што є, и одъ свію осталы створеня различнымъ твори, и коя ништа друго нієе, нити быти може, већъ она Божества у човеку искра т. є. умъ — на той велимъ обштой природи човека почиваюћи и осниваюћи се, целомъ роду человеческомъ за обштегъ и всемірногъ законодавца служи, и све на правацъ изводи. Оно, као што на истоветной природи, или на равносвойственой личности нашой темельи: тако по истомъ равносвойствене намъ личности основу и насъ све за равне и єднаке сматра и признає; и тако є Право Природно онай другій рода человеческогъ спаситель, кои га є изъ робства граћанскогъ, у комъ га ни Богъ гледати нієе мого, а человекъ га є у таково низвргао, срећно слободомъ одкупіо и избавіо! Оно є подвластника или кулукцію съ граћаниномъ, а овога съ владѣтелѣмъ већма сродило, єдногъ другоме ближе привело и удружило; оно цѣль и изъ нѣ станѣ државно како

внутренѣ, тако и спольно за образацъ пропису̀е, и одъ туда произтичуѣа права и дужности како владѣтеля и поданства између себе, тако целы народа и држава у међусобномъ одношенію опредѣляваюѣи, лако свѣдомца таковога стаия и склапа државногъ убѣђуе, да е текъ држава оно преизящно заведеніе, у комъ е човекъ достоинству своме, као човекъ, саобразно живити, правду и добродѣтель уживати и упражнявати, и тако последњемъ опредѣленію своме одговорити кадаръ; дакле Право Природно удешава и преуготовлява човеку не само благословено обыталиште за овоземный, вечъ и за вѣчный съ оне стране гроба траюѣій намъ животъ удобно припремиште. — О ты човеколюбива и спасителна книго! ко те небы срцемъ и умомъ облюбіо, самъ бы себи убица быо!

Найпосле када бы престао на изброй науке поединце наводити, желимъ іошть съ неколико о наукама мыслій, и съ нешто у обште произнешены речій беседу мою заключити; ово пакъ намераваюѣи, сећамъ се Аристиповы важны овы речій: „да бы онъ волео просіякомъ, нежели быти глупакомъ.“ Кое изреченіе одъ старина вечъ явно намъ сведочи, да су науке, као неке надземне чудотворно-благодатне силе, одъ свакога века, за толика роду човеческомъ подарена блага, паче свега достойно и праведно почитоване быле; еръ оне намъ небо отворише, оне землю око сунца окренуше, одъ едногъ до другогъ краеточія премерише, Америку одкрише и ослободише, и целе вселенне премудрый склапъ и составъ докучише; оне магнетическу иглу пронаѣоше, онога морскогъ путевоѣу, кои човеку онде, гди му е зарь природа по тѣлесномъ слогу ногомъ ступити закратила, широкъ путь просеца и съ целымъ га светомъ у саобраштай доводи; оне барутъ и книгопечатню, два всемірна народа и владѣтеля побѣдителя породише, и оне, не само државу, него и цео светъ у колу своме обрѣу. Оне човека одъ повоя до покрова смотрено пратеѣи и надъ ньимъ. као анѣео хранитель, лебдеѣи, одъ свакога зла и пагубна случая пріятельски бране и закляняю, изъ самы люте болести ноктію силомъ изчупаваю, животъ, честь и иманѣ не само обезбеѣую, вечъ іошть и свакій начинъ заслуге, и стогуба живленя средства човеку подаю и набавляю; словомъ: све свое данашнѣ благопріятно живота станѣ читавъ родъ човеческій съ милымъ признаніемъ наукама благодарити, и небросне имъ олтаре подизати има. Оне су предивный храмъ мудрости, гди премудре о ньима дѣйствуюѣе книге свете ума иконе представляю, коима съ чистомъ любвомъ и метаніемъ до землѣ свакій изображеніи народъ на целиванѣ приступа. Па зато и тебе Роде Србскій! несумнѣно за Просветителѣмъ твоимъ подобно твореѣа вечъ видимъ! па и за у будуѣность предвидимъ! Ликуй младежи, добри наши ученици! радуйте се са миомъ врстни мои созваничници! ту е племенитый Родъ! ту Светлый Князъ и Господаръ нашъ! ту бригоносни државоправительи! кои торжественый заветъ обричу: да ѣе и у напредакъ за просвету рода своегъ вечите олтаре и паметнике подиѣи и по себи оставити! за кое ѣе имъ потомство славу, а мы певати многая лѣта!!!

ПѢСМА.

(съ нѣмачкогъ.)

Читавъ свѣтъ е пѣсма, а исторія нѣна мелодія. Небеса пою пѣсме, а то су: сунце, мѣсецъ и звѣзде, и ньиова свѣтлость е ньиова пѣсма. И земля попѣва пѣсме, а то су: каменѣ, цвѣѣе, дрва, животинѣ и люди. Кадъ звѣзде трепте и сяю, то онда пою, еръ боя е ньиова пѣсма. Желишъ ли знати како цвѣѣе пѣва, мириши га: мирисъ е нѣгова пѣсма. Кадъ дрва цвѣтаю и зелене, онда пѣваю. Шта су другого птице, него живе пѣсме. Славуй е пѣсма пѣсама. Шта е човекъ друго, него живый хименъ на славу божію? Радость, чезненѣ, любавь, болъ есу нѣгове пѣсме. Желишъ ли знати, како Богъ пое, то читай псалме, Клопштока и исторію свѣта.

В. Берарь.

ПОГРѢШКЕ У 3 ЧИСЛУ ПОДУНАВКЕ.

На обр. 3. стр. 2. у 19 врсти примѣтбе; доказателство. На обр. 4. стр. 1. у 21 врст.: цѣло; у 3 врс. примѣтбе: бе: на 2 стр. 8 врсту треба овако читати: „што штиръ и коприве вѣнцу недоликую;“ у 10 врс: скрплѣнъ.

Учредникъ Милошъ Поповиѣъ.

Издано и печатано у Правителственой Книгопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 7. У Суботу 12 Февруара 1844.

ЗАЛЮБЛЂНЫЙ РАНКО.

Ноћь є была, и ведрога неба
Сяйне звѣзде просипаю свѣтлость,
Тавне сѣнке спадаю са плота
И низъ дворацъ залюблѣногъ Ранка.
Бледолика съ разпрштены власи
У дугачкой хальини дѣвойка
Учини се Ранку да се шета
Изподъ липа своє миле баште.
Миръ є быо, и тишина мртва
Владала є вѣкъ по цѣломъ граду,
Нит' є лахоръ са дуванѣмъ лишће
Мирисавы заньињаво липа;
Пасъ є кадкадъ ко мѣсецу бледомъ
Свою лютость изтуживо дана,
Лане, па се покунює, урла;
Етиръ ладно, умилято душе,
А поноћна сребрни се лоза,
По гдикоя мили свѣтла буба.
Ранко своме ватреноме уму
Повѣрова, да на яви быва;
Устреми се, да загрли лѣпу,
Шири руке, именомъ є зове:
„Стани Милка! єдино ми благо!“
Склопи руке, измакну се сѣнка,
Па се Ранко тужанъ натрагъ враћа,
Погледъ баца на све неба стране;
И на прозоръ, гди му спава майка.
„Ха! чекай ме, преварит' ме нећешъ,“
Савъ задуванъ вели, идућ' къ врати;
„Насъ ће майка садъ с'єдинит' навѣкъ.“
Истомъ груне рукама о браву,
Ал' ни Милке, нит' отворит' браве;
Дугій ходникъ савъ заєчи луномъ,
Изъ сна сладкогъ препаде се майка,
Поусташе сва кућевна челядь,
У сусѣда породи се брука,
И већъ зоромъ на разкршћу свакомъ
Гласъ стоглавный ноћну лажь телали;
Сви у граду већъ за цѣло држе,
Да се ноћу ово двоє любе.
На жао се лепой Милки дало,
Да є драгій по свѣту срамоти,
Нежели га погледат' ни мртвогъ,
А камо ли за живота више.
Потомъ Ранко сваке благе ноћи
Излазећи проклињаше любавь:
„Проклета си о! любави силна,
Небыло ти међу смртнимъ гласа,
Уби мене и разстави съ Милкомъ!
О пресилна Богињо Венеро!
Да самь маню спрама тебе искру
У прсима овим' грћо бѣднимъ,
Небы данасъ лишіо се Милке.
Свакій страда, когодъ тако люби,
Єръ се лажи подкрадаю свагда
Ил' любовци о предмету миломъ,
Ил' о нѣним' свойствама и вѣри,
Кад' се годе прекосмртно любе.“
Два у туги онъ пробави лѣта,
Све у туги, ал' се ньойзи нада,
Да ће с' на нѣг' смиловати бѣдногъ,
Но кадъ трећегъ течай сунца заће,
Сва надежде вѣкъ му паде рана,
Милка поће за другога, првог',
Кой се ньойзи за то яви време,
Па оставля немилице Ранка,
Непусти му ни прословит' тужномъ.
Затимъ ниє іошъ ни луна дворогъ
Знакъ на небу показала зрачный,
Ал' се Ранку Венера ублажи,
Све на молбу Грація умылны,
Коима є дотле нашо жертве.
Оне нѣму нову даше лѣпу,
Много лѣпшу и болю одъ прве,
Онъ у ньойзи сву да гледи радость,

Любавь нѣна докъ му є у тами,
И да може ню познават' крозомъ,
И нѣне се нагледат' лѣпоте,
Ал' у мысли текъ да му є лѣпа,
А у срцу да осѣћа жаре.
Име њойзи Идеалъ є дато.
Све дивоте и дражести неба
Немогу се нѣномъ сравнат' створу,
У тренутку край му сваке среће,
Ал' іой равне ту на земльи нема,
У тренутку божіе и земско
Онъ осѣћа у сливеню благо;
Кадъ разстанка настану му часи,
Тужнымъ срцемъ оставля є плачанъ,
Ал' у сами она нѣга тражи,
У наручя сама му се баца: —
„О Венеро! милостива Бого!
Зашт' у смртномъ неподари тѣлу
Твомъ любимцу ту лѣпоту у часть.
Чуй! за смртне ниє даръ одъ плода
Те высоке божествене лѣпе."
Петъ є дуги у той любви лѣта
Младый Ранко проводіо срећанъ,
Онъ є лиру загрляво често
И текъ редко дао чути гласа.
Садъ у тами сѣдећи подъ липомъ
Заче свою наймилію пѣсму:
„Люби родъ свой преће свет' на свѣту;
Ал' да т' ниє то текъ єдна мысо:
Люби лѣпо у младости цвѣту,
Съ лѣпымъ добро докгодь будешъ дисо."
То свршивши дугу свали губу,
Съ єдног' плећа баца є на друго,
И днжући небу взоръ унилый
Спази да се нешто живо миче;
„Ближе! Ко є?!" — „То є твоя Милка,"
И полети нѣму ширећ' руке;
Онъ ладнокрвъ узе далѣ пѣват':
„Што є туће, немой назват' твоє,
И на вѣки некъ те залудъ тражи.
Чуй, о Милко! шта ти жнце пою,
Све су т' рѣчи суета и лажи."
На то Ранко устане и оде.
Сутра нађу изподъ исте липе,
Гди є любавь хтѣла му поднети,
Разкаяну мртву лежат' Милку.
За њом' горке точи Ранко сузе;
Идеалу „Милка" даюћ' име,
Грозне смрти изчекива часе.

У Н. Саду.

К. С. Поповићъ.

КРИТИЧЕСКІЙ ПРЕГЛЕДЪ СТИХОТВОРНЫ ПРОИЗВОДА Г. ВУКАШИНА РАДИШИЋА.

(Продуженіе изъ № 5.)

Садъ да се вратимо описаной непогоди морской Г. Радишића. Описъ овай само є две цѣли имати могао, или непогоду као сташну и велику ону опасность представити намъ, у коіой се сачинитель налазіо, и тимъ побудити у нама симпатетическо чувство, или страоту ону на ползу Божіегъ величества и славе употребити. Г. Радишићъ избрао є себи прву, покушавао є т. є. страоту ону непогоде и нѣна на лицама появлѣна слѣдства описати, но тако мртвымъ бояма и тако слабомъ вештиномъ, да читатель на ту мысао пасти мора, да му є овако выспреный предметь сувыше маловажнымъ се показао, и да га є само као мимогредъ спомену. Сила симпатетически чувства, коя намъ у появама страа и ужаса смесомъ радости и страа или жалости срце изпунява, при првомъ угледу описаны оваквы поява подиже намъ любопытствомъ и особитымъ предчувствованћмъ груди. Какво чудо, што намъ се срце, приликомъ осуећеногъ оваквогъ любопытства и особитогъ очекиваня, съ негодованћмъ одъ поете одвраћа? Тако є съ предстоећомъ буромъ Г. Радишића. У очекиваню чрезвычайногъ и страшногъ, налазимо сакатый породъ силе уображеня, и двоуміе насъ обизима, да ли ћемо се оваквой накази смеяти или є сажалѣвати. Нечудимъ се, што є у описиваню страа на броду налазећи се лица погрѣшіо, будући є у томъ необходимо нужно знанѣ човеческе природе, знанѣ, у каквымъ се споляшнымъ знацыма чувства човека показую, кою Г. В. Радишићъ ніе можда прилике имао штудирати, но чудимъ се, што му се сила уображеня, у другимъ маловажнымъ приликама сувыше дѣятелна и жива, овде са свимъ мртва показала. Страота бурно узколебаногъ мора, силный шумъ беснећи вѣтрова, и груванѣ таласа ужасно подигнуты, претећи намъ свакогъ тренутка, да насъ у разтвореной мрачной пропасти поклопе, — ова велимъ страота ево како є описана:

„Ючe бродъ намъ
Одъ нѣга стешнѣнъ, челомъ му кланяо,
Да жертвомъ нѣга не справи Нептуну,
Комъ царсто ево црно море
Кипти жертвенцыма краснымъ, гойнымъ.

Я незнамъ шта овде страшнога има! Грдно оно подизанѣ и спуштанѣ брода назвати клањањемъ, исто є тако неупутно, као „жертвенце“ именовати „краснымъ, гойнымъ.“ За показати пакъ слѣдства таке страшне буре вели далѣ:

„Све є по броду ћнамъ
Умукло живо. Бродвлади безбрижность
Губляу съ лица; страхъ и њима
Чело набираше.“

Што издатель рѣчника душевногъ живописаня Ле Брина одъ живописца захтева, да є физіогномъ и испытатель срца човеческогъ, да у чертама и промѣнама лица унутрашнѣ душевно станѣ човека познає, да є съ нѣжнымъ чувствомъ оборенъ, како бы се у свако станѣ характера изразити се имаюћегъ поставити мого, и да готовость има, да га свакимъ характеромъ, о комъ мысли, и сходне томъ черте и промѣне лица себи живо представи — то се исто и одъ стихотворца захтева. Да є Г. Радишићъ са способностима овимъ снабдѣвенъ био, небы овакву погрѣшку у описиваню споляшньи знакова, у коима се унутрашнѣ душевно станѣ као у огледалу огледа, учиніо, и стра и ужасъ са бригомъ и жалосћу замѣніо. Єръ безбрижность, замышлѣно мучанѣ и набрано чело, знацы су нѣки бриге и жалости, а не страа. Овога пакъ и ужаса, кои се у овако очевидной опасности неизбѣжимо, особито кодъ слабы душа пораћа, коє свѣдомосћу душа никакавъ одпоръ претећой опасности нису у станю дати, главни знаци єсу слѣдуюћи: бледоћа, накострешена коса, очи яко отворене, дивльій погледъ и яко отворена уста, а никадъ набрано чело. Ко є Виргилієву Енеиду читао, тай є безъ сумнѣ на самомъ себи искусіо, шта є вештина стихотворца у подобнымъ приликама у станю учинити. Нѣговъ морске буре описъ диже намъ, и преко волѣ наше, власи, кожа намъ ее єжи, и срце намъ стрепити стане, као да се сами у средъ оне страоте и пропасти налазимо. Не само сила уображеня, коя му као живописцу образе представля, у ономъ поредку, у комъ се у природи показую, но подпомаже га и вештина у самымъ рѣчма природне у појави звукове подражавати. Подражаванѣ ово природны звукова *), коє вештый изборъ оны рѣчій саставля, коє стицанѣмъ тврды или меки писмена, кратки или протегнуты слогова, оне исте звукове произносе, кои природну какву појаву прате, нигди се кодъ Г. Радишића неналази, а исто тако ни подражаванѣ природнога у појави реда и споляшньи знакова.

Пошто є овако буру описао, савѣтує Музу, да одбаци съ њимъ „страву,“ и зове є „броду на горньицу.“ Ту му се указує непрегледимый просторъ мора тихо колебаюћегъ се и надъ њомъ плаво разливено небо. Ова толико привлекателногъ у себи имаю, да се душа човечія, рѣкомъ жарки чувствованя одвучена, радо у безконечю губи. Изъ сравнѣня онакве страшне, до скоро грозномъ смрћу грозивше намъ, у неизслѣдимой пропасти успаване, подъ нама и выше насъ тако на далеко разпростре силе са слабымъ одпоромъ, кои смо іой у станю дати, увидивши ничтожество наше, помоћу фантазіе подижемо се выше зіяюће пропасти у свѣтове вѣчногъ мира и блаженства, тамо гди насъ никаква земна сила уништити неможе. Нашавши ту своє прибѣжиште и конацъ свію желя и теженя наши, оружани свѣдомосћу, непебѣдимомъ, надъ свима земныма узвышеномъ силомъ, враћамо се ономъ предмету, одъ когъ смо мало пре стрепили и — мѣсто стражне слутнѣ, неизбѣжиме смрти, налазимо садъ у нѣму образъ Божієгъ величества и славе. Съ неизказанымъ узхићенѣмъ лебдимо садъ надъ њимъ; изъ магловите дальине дише намъ у лакомъ ветрићу духъ божества, у тихомъ шуштаню таласа чуємо гласъ славе и чисте побожности; душа се у нама топи и чисто се у источникъ величества таквогъ прелити тежи. Оваква се одъ прилике чувства у срцу стихотворца у таквомъ случаю пораћаю; но душа Г. Радишића за вышій полетъ и чисте радости неспособна, само се са празнымъ образима увеселява, коє іой сила уображеня као дѣтету лутке подноси. При првомъ погледу на пространо море породившу се мысао о Богу и нѣговой „премудрости“ у слѣдуюћимъ рѣчма изражену:

„Боже
Фалимъ те! тучне ли оку наше!
Гле образъ ясанъ твоє премудрости!“

удалява и помрачава сила уображеня поставлянѣмъ свои образа. Овой сасвимъ преданъ стихотворацъ нашъ описує мале таласе тако, да се свакій умный читатель чудити мора, како се є истый саставакъ у свѣтъ пустити мого. Ту „десница сунца шарну снує мору одећу, труба запира уређує войнике, на њима плава одећа, а на овой сребрна огрла, навезена прстима морске пене; сунце вой-

*) Види Срб. Лѣтопись год. 1838. часть II. на страни 117 „о звукоподражанію.“

ницыма на главу натинѣ златомъ ткане калпаке, за калпацы челенке убране.“

Пошто є сила уображеня овакву комедію изиграла „излази паметь“ стихотворца „предъ стегнуто му срце и замућеный по глави умъ съ речїю Мудраца: „„Одъ смрти пловнике дебльина даске бродне само растављя.““ Саме су ове рѣчи у станю срце му стегнути и умъ по глави замутити, што сва страота беснога мора ніє учинити могла. Овакавъ є стра после онакве радости и одане славе Божіє природи нашой противанъ. Слѣди онакве страшне природне појаве немогу се ни изъ срца онога, кои ю често у животу искушава, тако лако и брзо изгладити, то ли онога, кои є исту првый путь у животу видіо, и комъ є стра жалость тако люблѣна жена на броду удвоявала. Она дакле страота морала є дуго предъ очима нашегъ пѣвца стаяти и опасность му прошасту живо представляти; како є пакъ истый, безъ сваке дане му помоћи разума и безъ сваке духа самосталности, при погледу утишаногъ мора стра заборавити, Бога, као виновника избављења нѣговогъ одъ очевидне смрти, само мимогредъ споменути, а напротивъ тога дѣтински съ таласима се забављяти мого, и какву су саме рѣчи мудраца, после такве разсеяне забаве, силу имале, да му „срце стегну и умъ по глави замуте“ — я немогу да истолкуємъ. По момъ мнѣнію требало бы, да се є овы рѣчій и безсмртія своги у почетку сетіо, што ниже наводи, па после да є „трубу запира“ слушао, и „уређиванѣ войника“ гледао. Гди є срце ладно, ту є само вештина помоћу силе уображеня, но и то єдва у станю празнину срца допунити; гди пакъ поредъ ладногъ срца ни вештине нема, ту се лира у дромбулю претвара.

(Продуженіе слѣдуе.)

НЕ БУДИ СТРОГЪ НЕСРЕЋНЫМА, ЄРБО СИ И ТЫ ЧОВЕКЪ.

(Съ Грчкогъ.)

Георгіе IV. стрицъ саданѣ кральице енглезке, ловећи єданпутъ близо Уйнсдора, пресѣче ловъ изъ состраданія ко умореномъ коню своемъ: тако полагано яшећи самъ путемъ крозъ шуму, чуе некій жалостный якъ, и окренувши коня къ той страни, доће на єдно мѣсто, гди подъ гранатымъ растомъ єднымъ на малой сламной простирки паће съ душомъ борећу се Циганку. Сишавши се съ коня потрчи къ ньой и запыта тронутъ ту єдну за болесницомъ плачућу дѣвойчицу: „Како ти могу помоћи, любезно дѣте моє.“ „Майка моя, Господине,“ одговори дѣвойче, „хтѣла є да іой свештеника доведемъ, кои бы є поучіо и молитву іой пре негъ што изданe очитао. Ютросъ отрчимъ у Уйнсдоръ и потражимъ свештеника, но ненаћемъ никаквогъ да доће и да се Богу за умираюћу ми майку помоли.“ Смућено лице умираюће посвѣдочавало є, како є горко за тимъ неполученѣмъ тужила. „Мене є ћерко, самъ Богъ послао,“ рекне Краль, „да поучимъ и утѣшимъ майку твою.“ После сѣдне на єданъ завежляй альина, узме руку жене, изясни іой шта є грѣхъ, и каквымъ се начиномъ овогъ опроштенѣ получава, тврдомъ вѣромъ на Христа Спасителя. Рѣчи нѣгове чиняу се да су дубоко упечатлѣнѣ учиниле на срце нѣно. Очи іой се разведре, умилно смѣшенѣ показиваше се на бледимъ устнама нѣнимъ; душа іой одлети, носећи свѣдочанство Цару Царева о вѣрности земногъ служителя. Међу тимъ спроводници Цара, незнаюћи гди є, стану га тражити, стигавши, нађу га сѣдећа близо умерше и тѣшећа плачућу дѣцу. Онъ се дигне, пружи неколико дуката бѣднымъ дѣвойчицама, обећа имъ, да ће водити попечініе о ньима, и рекне іймъ, да се Богу моле, и на нѣга надежду полажу. Потомъ убрисавши сузе съ лица, попне се на коня. Привржениці нѣгови стояу ту у себи чудећи се. Лордъ ћаше говорити; но Нѣгово Величество, окренувши се Цигапима, и указавши бездушно тѣло и плачућу дѣцу, рекне съ великимъ побуђенѣмъ: „Милорде? ко є овима ближньи быо?“

Євтиміє Аврамовићъ.

НОВА КНЬИГА.

Драгутинъ Краль Србскій. Жалостно позоріє у 5 дѣйства одъ Атанасія Николића. У Новомъ Саду 1844. печатано писмены Іована Каулиціе, ц. кр. пр. типографа. — На 8-ку, стр. 200.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ЦОДУНАВКА.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА БЕОГРАД

№ 8. У Суботу 19 Февруара 1844.

ИЋСНА

ЮНАКА ЕЛЛИНСКОГЪ.

(Преведена вольно съ Еллинскогъ.)

Мѣсецъ негда текъ є обасяо,
Чадоре є Грчке осветляо,
Свудъ су страже, пѣва Пелопида:
„Ай ноћници, полетите вѣтри,
Тамо милой Еллади ми яв'те:
За предрагогъ славу отечества,
Та за славу Елладе ми любке
Овде стонмъ я на стражи смртной;
Долину є душманъ изпуніо,
Ватре су му ка' и неба звезде,
Али ноћь є юнаку година
Еллинъ жуди мейданъ дїелити,
Еллинъ готовъ, ослонъ му є коплѣ."
Пакъ прокликта, што икада може:
„Како сунце нам' укаже лице,
Бой ће почет' Еллинъ съ душманима!
Данъ є славе данъ є и юнаштва!!
Погинемъ ли, у руци ћу съ коплѣмъ,
За слободу и за отечество!!!
Опет' любки летите лахори,
Све огласте Еллади ми драгой:
За безцѣногъ славу отечества
Та за любавь Елладе достойне
Борацъ самь ти я вѣчитый овде,
У полянн, мећ' твон душмани."

Ч. Ч. Ч.

ЖУМБОРСКИ УСКОЦИ.

одъ И Срезнѣвскогъ.

Међу Купомъ и Савомь, на граници Крайнской и Хрватской, пружаю се, више нег' на петъ миля у дужину, према истоку грдне планине, прорезане дубокимъ долинама, коє камените клисуре стежу, — а по врху покривене непроодимъ густимъ шумама. Неколико горски' потока' пробили су крозъ стене, те стичу — єдни на югъ у Купчину, што се у Крону слива, — а други на сѣверонстокъ у Брегану, коя опетъ пада у Саву. Поннже урвине одъ тога камена покривене су црномъ земльомъ и травомъ, а друге се дижу кано исти градови; гдигди по провалама влажне су се гудуре начинние. Стазице вію се и пружаю све умке на умку, изъ кланца у кланацъ, съ долине у гору, те воде путника на брдо св. Хеере (Хертруде-Балеше), одкуда видинъ све то подгорѣ као на земльовиду, а изань' скоро сву Штаєрску съ єдне стране, а съ друге источну Крайнску до Вишнѣбора (Weichselburg), съ треће опетъ на югоистоку, за Купомъ, турску Украину и Плешовицу. То є Жумборштина, као што є сами становници нѣни називлю. Она є недавно, у XV. столећу, была іошъ готово необытавана пустиня. И данасъ іошъ не єданъ Крайнацъ и Хрватъ слуша о страотама, коєно, веле, да тамо путника очекую, те никоме и недође на умъ, да туда путъ отвори, већъ обилази дивлю пустошь обаломъ Саве или Купе. Само се градъ Жумборъ (Xumberg, Sichelburg) ту дизао, као гиньздо ластавице, затворенъ низомъ околны' гора', граћенъ Богъ зна каде и одъ кога, па после разрушенъ. Жумборштина почела се населявати одъ XV — XVI века. Срби Бошняци сакривали су у то време родбине своє одъ Турака', куда є ко могао; неколико родбина' пребегне амо, те покаже путъ и другима; тако ти населе Жумборштину Ускоци, и она се поче називити „Ускочкомъ планиномъ." Одъ то доба остане Жумборштина у Ускока' до данасъ, непроменивши дивљега своєгъ изгледа, као што ни Ускоци непроменише ни стары' свои' обычая',

ни старога своѓ имена, називлюћи сами себе Власима (Лахима).

Гледећ' на њи и сравнююћ' и' са западнимъ и источнимъ суседима, лако може путникъ приметити, да су поселѣници или останци давнашњи' насељбина'. Ови люди имаю сасвимъ особитый значай споляшњый, кога ніе ни у Хрвата' ни у Крайнаца'. Међу њима нећешъ наћи ни плавы' власи', ни умиляты' њжны' лица', ни момка безъ бркова', ни девойке да се бои сунчане припеке, нити понизности у очима тежака, ни у женице отвореног осмея. Свуда є тамо црно око, пуно поуздања у себе, а неповереня у другоме, пламенъ чувства, то накости то доброте, само подъ пепеломъ равнодушя; размерена збиљность мушкарца у кретаню, стидљивость — но не страшивость жене у дочеку; сви су научени трпити, и за то силе имаю; привикнути су оглѣдати силе своѓ; у њи є обзорность, — коіомъ свагда влада неустрашивость, — вештина природу побеђавати, — и свако одпорство противу напасти живота. Ускокъ нећути толико предъ онимъ, кога држи за пріятеля; онъ неуме предъ єднымъ быти учтивіи, него предъ другимъ, али се никадъ неће заборавити, никадъ збунити. Онъ є правичанъ, па и кадъ неможе правично поступати, ни онда се недаѓ лажи и изговорима. Онъ у души ніе накостанъ, али увреде нерадо прашта, и кадъ се свети, заборавля често и саму свою честь. Подсмевачъ и неможе да буде, као што неможе ни презреня да неуказуѓ према ономе, коме се другій руга. Веранъ є речи, па є неће издати ни подъ мукама. Новцима неда се подкупити, па се и неваверава ономе, кога є за новце наймio. Крадљивацъ онъ неће да буде, но опетъ ніе му баш срамота присвонти себи што неприпада Ускоку. Има и' свега око 7000. Већъ у XVI веку были су они подчињени уредбама и служби воєно-граничной, те и до данасъ остали су као граничари; и одброєни су Слунской регементи, у коіой састављаю две кумпаніе*): № 11 Оштричку, № 12 Жумборску. Свака є ова кумпанія раздељна на општине, коима управляю старешине, или, како су и' одпре звали, кнезови, — и наоди се подъ поглаварствомъ свога капетана. Премда веле, да су уредбе прекрасне, коима су имъ права и дужности одређене; ал' є опетъ лако видити, да у ствари сасвимъ нису то, што на артіи. Терети воячкога тежака свакога бы изъ трпељивости изтисле, кои се ніе научіо трпити, као што уме трпити Србинъ, и ови терети су тиме тежи и тврђи, што се нераздаю по єднакой мери, већъ само по ћуди капетана, често и безъ потребе законске. Куда бы годъ ишао Ускокъ, или на работу, или на войску, или на кордонъ, мора се о своме лебу ранити, и то неможда по неколико дана, већъ и по читаве месеце. Онъ понесе до душе на леђи толико крумпира, колико и' вући може, али неможе понети толико, колико ће му требати, па га мора често у три пута скупљ куповати. Често га одреде на роботу на неделю дана тамо, куд' му треба три — четири дана ода', па место 16 — 20 дана', што є потрошіо, упишу му само 8. — Другда пошлю га опетъ тако, — па текъ доціе Ускокъ дозна, да то ніе была царска служба, већъ робота каквомгодъ поглавару, што га самовольно на свою приватну службу узима. Догађало се више пута да су имъ набацани порези у име царево, а Ускокъ, свето штуюћи волю царску, плаћао є незнаюћи да тимъ исплаћуе само дугове раскошногъ поглавара. Састану ли се два — три старія Ускока, одма ће повести разговоръ како се зло закони извршую; ту можешъ садъ чути, што никадъ веровао небы, што бы ти се чинило да є немогућно и што опетъ уме сносити Ускокъ ко' и свакій другій граничаръ.

(Продуженіе слѣдуе.)

*) Све, што я овакнимъ словима писано, они тако зову.

КРИТИЧЕСКІЙ ПРЕГЛЕДЪ СТИХОТВОРНЫ ПРОИЗВОДА Г. ВУКАШИНА РАДИШИЋА.

(Продуженіе)

Садъ му се указуе вечерњи свѣтъ тихо тонећегъ у море сунца. Какво позоріе за пуно и чувствително срце, за благородну и свѣтомъ невечерњимъ осіяну душу! — Света она хармонія, коя се у благой свѣтлости, у руменой воздушности и тихомъ мору усхићеномъ оку представля, тако намъ удешава душу и срце, да намъ се богатый изливъ унутрашнѣгъ спокойства и усхићеня на лицу читати може. — Са чезненѣмъ сунца постепено и вечернѣ оне румени, осећамо и у души нашой промѣну. Разумъ, подпомаганъ споляшњимъ окрестностима, излази са своимъ сравняванѣмъ и размышлява-

нѣмъ. У грдномъ ономъ простору, плавымъ небомъ и моремъ заключеномъ, лишеномъ сваки предмета и видимогъ живота, гди само сунце животворный свѣтъ свой разсипа и животомъ испунява, сматранѣ, како се величествено и овай единый живота пламенъ гаси, таквомъ намъ силомъ обузима душу и срце, да чувство саболѣзнованя и мысао на вѣчне природне промѣне, мысао на умрлость нашу никакво друго земно чувство надвысити и надвладати неможе. Погружени у размышляванѣ вѣчны свете природе закона, обузети грозомъ будуће смрти, а подпомагани окружаваюћомъ насъ гробномъ тишиномъ, кою тихо шуштанѣ таласа іошть страшніомъ чини, повраћамо се у сами себе, тражећи разрѣшеніе неразрѣшиме загонетке. — Да є чувство ово обште, кога се стихотворацъ поглавито придржавати мора, да се подобне мысли, данымъ и найманьимъ стихотвораца поводомъ, у сваком породити мораю, и да се на овый начинъ найвећа слобода сили уображеня и фантазіи читателя дає, коє свакій стихотворацъ у виду имати треба, мыслимъ, да є изванъ сваке сумнѣ положено. Съ оваквымъ мыслима дакле требао є Г. Радишићъ да читателѣ своє забавля, или имъ повода къ таквомъ размышляваню даде; овакву є симболику употребити требао, ако є желіо, да га сваків радо и съ похваломъ чита, да сваків, кадъ кньигу изъ руку пусти, усхићена, оснажена и узвышена у внутрености себе осети, мѣсто што насъ є съ митологіомъ одъ предмета удальіо, и горнѣ мысли, коє бы се непосредствено у нама породиле, гомиломъ Делфина, Нереида, Хора и риба претрпао и угушіо. — Да є хармонію ону свете природе у вечернѣмъ зраку изливене у хармонію душе своє преліо и претворіо; да є у чувствама своимъ чистоту нравствености своє, силно теженѣ духа свога къ хармоніи и къ чистомъ спокойству одкріо и изявіо, постао бы одъ простогъ стихотворца душевнымъ живописцемъ.*) Кадъ предпоставимо, да лѣпа вештина само човека као појаву за предметъ свой има, и да се све остале у природи појаве само односителнo на нѣга истомъ вештиномъ представляти мораю, већма се увиђа умѣтность примѣтбе моє, а одбацителный опись нѣговъ залазка сунца, као што слѣдує:

„Шта і' оно? — западъ ясной у светлости
Савъ огрезнуо! Съ неба гле силазакъ
Топлећегъ Феба миле Хоре
Празную; Нептунъ вечерасъ златног'

Назива гостомъ, спрема му постелю.
Да, већ' се съ морскимъ царомъ онъ рукує;
На дворскій прагъ му ногомъ ступи,
Унесе златну и главу съ теломъ!

Нерайде кличу ясным' гр'оцама,
А коло морски изводе жительи,
Делфини ево коловоће
Море прострелюю, тутань чине,

Где безсмртницы полюбцы' с' посиплю.
Нерей имъ каже богату трпезу,
Обнаша с' купа, чаше звече,
Срећно веселѣ имъ, миранъ санакъ! —

(Голуб. III. часть, стр. 192 и 193.)

Шта може у оваквымъ образима лѣпога быти, гди ни природе ни идее нема? — Шта се може о ономъ стихотворцу заключити, на кога оваквый выспреный предметъ тако мало дѣйствує, и когъ се срце тако ладно у производу изявлюе; когъ фантазія и сила уображеня, разслабљена и за идее неспособна, митологію, као клястый какавъ сиромашакъ штаку, за подпору свою узима; кога умъ, могућство идеа, са тоненѣмъ сунца, тоне и губи се? — Каква є то сила уображеня, коя рибе у коло вата и Делфине имъ за коловоће дає, те се тутань

*) In thätigen und zum Gefühl ihrer moralischen Würde erwachten Gemüthern sieht die Vernunft dem Spiele der Einbildungskraft nicht müßig zu; unaufhörlich ist sie bestrebt, dieses zufällige Spiel mit ihrem eigenen Verfahren übereinstimmend zu machen. Bietet sich ihr nun unter diesen Erscheinungen eine dar, welche nach ihren eigenen (praktischen) Regeln behandelt werden kann, so ist ihr diese Erscheinung ein Sinnbild ihrer eigenen Handlungen; der todte Buchstabe der Natur wird zu einer lebendigen Geistessprache, und das äußere und innere Auge lesen dieselbe Schrift der Erscheinungen auf ganz verschiedene Weise. Jene liebliche Harmonie der Gestalten, der Töne und des Lichts, die den ästhetischen Sinn entzückt, befriedigt jetzt zugleich den moralischen; jene Stetigkeit, mit der sich die Linien im Raume oder die Töne in der Zeit aneinander fügen, ist ein natürliches Symbol der innern Uebereinstimmung des Gemüths mit sich selbst und des sittlichen Zusammenhangs der Handlungen und Gefühle, und in der schönen Haltung eines pittoresken oder musikalischen Stücks malt sich die noch schönere einer sittlich gestimmten Seele.

Schiller.

по мору чини? — Кадъ бы живописацъ, кои у єдну категорію са стихотворцемъ спада, ову гомилу Богова, као што овде слѣдую, овай покоръ описао, ко бы, само два ока имаюћи, погодити мог'о, да є то — залазакъ сунца? — Само нагомилаванѣ грчки Богова, коимъ є наша поезія тако славно обогаћена, безъ одношеня на вышу какву идеу, у стихотворству предъ моимъ очима никакве важности нема. Докле ћемо се съ митологіомъ ограничавати и съ туђимъ Боговима храмове наше китити? Докле ли ћемо се у тумаралишту томъ као муве по затвореной соби витлати? — Проћимо се већъ єданъ путъ неумѣстногъ употребляваня митологіе, ако нежелимо, да намъ производи наши на одећу одъ самы закрпа разне боє и матеріе саставлѣну наличе.

Изъ предреченогъ може се и последнѣ части оде ове естетическа важность и цѣна заключити, кою я, да небы читательнима дугимъ претресанѣмъ теготанъ было, съ ћутанѣмъ прелазимъ, а обраћамъ се другимъ производима нѣговымъ.

(Продуженіе слѣдуе.)

НАЙСЛАВНІИ НѢМАЧКИ СПИСАТЕЛЬИ БЫЛИ СУ СЛАВЕНИ!!

У ческомъ листу „Квѣти“ у єдномъ допису изъ Беча читамо слѣдуюће: „Лессингъ долази изъ чисте славенске породице. Нѣговъ є отацъ было пасторъ (лутеранскій свештеникъ) у Каменцу (у Лужици), и морао є, како се само по себи разуме, славенски знати, єръ є у томъ єзыку проповѣдао. Лайбницъ є своє име одъ славенскога изетимологисао, т. є. са славенскога превео (види Колларовъ Честописъ). Кантъ се родіо у Краловцу. Нѣгово є име польско (Kant), а породица тога имена и данасъ у Польской живи. (Анекдота о Ивану Канту и лупежима.) Фихте родіо се у Раменову у горньой Лужици и нѣгова породица имала є, казуе се, некадъ славенско име. Многи учени нѣмачкога народа имаю славенска имена.“

ПИСМА ЗНАМЕНИТЫ СРБА.

(Г. Ян. Чокрляну.)

Любезный Сыновче Здравствуйте!

Случило се да самь ваше писмо второ ючe у неделю приміо, у кои данъ по обичаю было самь цѣло после подне кодъ Господина Генерала; и имао самь довольно времена, о послу, кои сте ми наложили, беседити. Онъ неима ништа одъ противъ васъ учинѣны доношеня при себи. Онъ ми є и пре овога често о вашой фамиліи, и подобнимъ другима у нашемъ народу говоріо, и увѣравао, да се таковы мора наша канцеларія примити, да получе благородство: и при хотећой учинити се комисіи, да се никоме сатворити обида неће, противъ кои се учинѣна доношеня не засведоче. Сума дакле нашега разговора ова єсть, да то, што вы чрезъ ваше писмо къ мени желите, неможе се имати, но да Г. Генералъ вашу фамилію међу првима вменява, и да онъ жели, и савршено узда се, да ће вашъ домъ немешство получити, заєдно и съ другима одъ подобны фамилія. Я поздравлямъ васъ срдечно и све ваше у дому, желећи да се опетъ у здравлю видимо, пребывамъ

У Бечу Фебр. 16. 1792.

Вашъ искреный любитель
Д. Обрадовићъ.

ЯРЕ И ВУКЪ

(съ немачкогъ.)

Коза отиде на пашу, а остави своє младо яре у кошари, заключавши добро врата, и заповедивши му, да никоме не отвора врата, но само ньой. Вукъ, кріюћи се около кошаре, чуе то, и како коза измакне, доће предъ врата, почне лупати, и козінмъ гласомъ вречати, заповедаюћи ярету, да отвори врата. Яре позна превару, и рекне: „Ты вречишъ, истина, како годъ моя мати, но я видимъ крозъ пукотину на врати, да ты ниси она.“

НАРАВОУЧЕНІЄ.

Послушаніе къ своимъ родительнима деци є полезно и спасително.

Ангелина Лазићева.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 9. У Суботу 26. Февруара 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

ДУХЪ ВРЕМЕНА ПРЕДЪ СУДОМЪ РАЗУМА.

НАРОДНОСТЬ И ЄЗЫКЪ.

(Изъ прилога къ Бечкомъ Зрителю.)

Како є то, да у наше време, кадъ су сни о обштемъ свѣта грађанству, о свеобштемъ саюзу братскомъ, кои бы све народе ове землѣ у єдно саставляти имао, пре некогъ іошъ времена међу найобичніе и найвећма разпространѣне идее принадлежали, садъ се на єданъ путъ међу поєдинимъ народима тако жестока борба за єзыкъ узпалила, као што на пр. међу Нѣмцима и Данцима, међу французкимъ и нѣмачкимъ Белгіянцима, и међу Мађарима и Славенима трає, — и како треба да мирный и незаузетый човекъ о овимъ борбама мысли и суди?

Ово нытанѣ буде ономадъ у дружтву изображены и мыслећи мужева предложено, кои су се обично о паметнимъ стварма разговарали, а не о лулама, цигарама, алъинама и дѣвойкама, као што на жалость већа часть наши млады ветрогоня обичай има. Єданъ изъ дружтва покушао є овай задатакъ одъ прилике на слѣдећій начинъ рѣшити:

Космополитизамъ илити обште грађанство свѣта изтрошило се є; може быти да има іошъ по гдикои сиромашный филантропъ, кои четири зида своє собице као четири части свѣта сматра, и осимъ свога тврдогъ кньигоиздателя и крчмара, кои неће више да му посуди, мало што одъ осталогъ бѣлогъ свѣта познає, да велимъ такій за себе живећій кньижный моляцъ о космополитизму саня; но сви паметни люди, кои су баръ єдну часть наше земальске планете са отворенима очима и ушима, и здравымъ чувствомъ прошли, добро знаду, куда бы ове съ почетка невино-милостиве, но доцніе опасне и безумне космополите, кои бы све поравнати хтѣли, заєдно са ньиовымъ патріархомъ Жан-Жакомъ (Русо) затворити требало. Єръ докъ су ови мыслили, да трагъ природе слѣдую, коя є све саздано, лица и народе, єднакомъ любављу загрлила и устронла; докъ су они са крвавимъ рукама стубъ постоећегъ реда дрмали, мыслећи да се сва на свѣту неєднакость само овоме реду приписати има, пали су они у то єдино пагубно заблуђенѣ, да природу нису познавали, и да нису разумели нѣнъ поучителный гласъ. Та коме ніє познато, ма да бы и найпростіи селякъ быо, да є природа у своимъ производима безконачно многостручна, и различита, да є она изворъ одъ миліона различны вида и изгледа, кои су, покораваюћи се обштимъ непремѣнымъ основнымъ законима, сви изворный свой печатъ и образъ непремѣнѣнъ и неповређенъ крозъ иляде година на себи задржали? А найобичніи разумъ мора и ползу и благодатъ ове у неизброєне гране раздѣлѣне разновидности створены суштества припознати; та помыслимо само и представимо себи свѣтъ, кои бы єдина велика ньива, безъ брегова и долина, безъ рѣка и єзера быо, у комъ бы само єдина шума растова или само єдино билѣ кромпирово растло, а кои бы сами лавови или сами магарци оживлявали, а єдино философи и обратно сами дивльи Арапи обытавали, заиста бы се свакій съ драге волѣ одрекао живота у такомъ свѣту! — Но ако є дакле ова разновидность суштества основно правило у цѣломъ саздању свѣта, то є заиста дужность свакогъ поєдиногъ створења, природну свою разлику и особитость непромѣнити и утаманити, нити друго што хтѣти быти, него оно, што га є природа произвела, него на-

противъ свою особеностъ и своя природѣна свойства вѣрно и благодарно сачувати и задржати. — Та и у границама ове особитости има опетъ неизказано многе постепености, коє све поєдино суштество проћи може, безъ да зато свою природну свойственость одбаци. Но како суштество преко ове границе своє особитости прекорачи, и у кругъ други суштества прелазити почне, заиста га свакій коракъ ближе води къ неправилности и погрѣшности. Тако на пр. човекъ може быти добаръ и зао, паметанъ и малоуманъ, богатъ и сирома, лепъ или ружанъ и т. д., безъ да зато престане быти човекъ; но како бы човекъ своє разликујуће и особите знаке одбаціо, и како бы, као што Жанъ-Жакъ, да бы се право блаженство постићи могло, чинити предлаже, престао говорити, почео по шумама четвороножке скитати се, и жиръ и коренѣ єсти, и тиме подобна чинити, одма бы престао правый човекъ быти, єрбо бы се одъ човечности къ звѣрности удаліо, и слѣдователно къ звѣри шумской причислити морао; — а ова звѣрадь заиста мало бы добре волѣ показала, нѣга као себи равна сматрати и у дружтво примити.

Одтудъ слѣдує, да свако поєдино суштество вѣрно треба да се држи своє особитости, ако неће само себе да изгуби и упропасти. Простъ народъ човеческій одъ вѣка є о истини овой быо увѣренъ, и зато є мудростъ нѣгова о овомъ случаю положила правило у ове пословице: „Што є Богъ саставіо, то човекъ некъ нераздвая;“ исто тако праведно є ово изреченѣ и кадъ се обрати: „Што є Богъ разставіо, то човекъ некъ несаставля.“ Я мыслимъ да наши поштени граћани и селяци нису много одъ козмополитизма илити обштегъ граћанства примѣтили, нити пакъ сами чувствовали, кадъ іймъ є велика армада, коя є изъ землѣ произишла, у коіой се козмополитизамъ учи, њиове куће надъ главама спалила, и њиове плодомъ изобилне њиве и баште предъ очима опустошила. — Ово природно чувство свойствености садъ се снажно напротивъ наметнутногъ му козмополитизма подиже, и своя противъ овога бранити починѣ. Оно противоставля непознатомъ идеалу козмополитизма илити обштегъ свѣтограћанства нешто одъ вѣкова суштествујуће, и данасъ постоєће, и у самой природи и првонѣжномъ поредку ствари основано, а то є народность. —

(Продуженіе слѣдуе.)

ЖУМБОРСКИ УСКОЦИ.

(Продуженіе)

Премда су населбине Ускочке разделѣне на села (свега 71), но опетъ бы путникъ бадава тражіо у њи' онаки' села', каква су у суседа' њіовы'. Коє старый обычай, коє и самъ положай места неда имъ да граде куће у реду и улицама. Свака родбина има за се свой кутъ, па є млого село тако растркано, да ниодкуда неможешъ прегледати све куће, што подъ нѣга спадаю. И цркве стоє по већой части саме самцате на умкама; а куће — єдна — две у долу, друга на брду, єдна у густой шуми, друга опетъ гди надъ водопадомъ горскимъ. Има села' одъ три ил' четиръ газде; и уобште на свако село долази по 100 душа': небы се ни могло поредка држати у тако разсутимъ селима, кадъ бы іошъ већа была.

Маєцке куће у Ускока' пограђене су одъ дрвета, гдигди и каменомъ подзидане само, — и покривене сламомъ. Плотова' и еведра' нема у Ускока; зашто нема одъ кога ограђивати свога комада землѣ, ни своегъ двора. Ако гди стоє две — три кућице єдна до друге, те обычно све спадаю єдной обители. Предъ кућомъ свуд' наоколо расту дрва; мало далѣ є лея зелени, тамо амбаръ, ту кошара за овце, тамо њива, ту складъ дрва' навучены' изъ шуме. Како є могао, тако се и одржао човекъ у томъ краю, па се научіо и безъ велике раскоши подмиривати потребе земальске.

Ускоци живе у великима обителима, тако да често у єдной кући можешъ видити више оженѣне браће или удаты' сестара'. У обадве регементе брои се до 600 кућа', на сваку дакле кућу долази одъ прилике по 11 људи'. Свака кућа има своегъ властитога патрона, кога свеца. Ако у єдной кући има више жена', коє бы могле извршивати послове домаћице, онда се обычно ти послови даю найстаріой и найвештіой, па она уређуе и располаже свима женскимъ радняма.

Њиве су жалостне, камените, да често єдва само за крумпире валяду, а уопште и' є и мало; на єдну кућу долази по 7 десетиня*), (свега близу 4500 десетиня' њива' и градина'). У осталомъ Ускокъ є задоволянъ и съ крумпиромъ, кадъ леба нема, па и немари толико за

*) Єдна десятина руска има 2300. сажњева'.

њиву, колико за овце. Преко лета и єсени приправля имъ ране за зиму, а чимъ пролеће сине, пушта и' у горе, те га нема съ њима заєдно по читаве месеце, и невраћа се кући ни по самъ лебацъ, већъ се рани сиромъ, млекомъ, дивљачи, глђивама, трпељиво подносећи и кишу и припеку. Овце су главно богатство Ускока. Њима се рани, њіовомъ кожомъ и вуномъ одева; њи дає за лебъ, съ њи збира новце за црне дане. Ускокъ нестара се да му є врста оваца лепша, већъ само мысли како ће и' много стећи, па гдикоє породице имаю читава стада одъ свои' 200 и више комада'. Къ издржаваню оваца' добро помажу млоге ливаде (5000 дес.) и паше. Међу тимъ каогодъ што се Ускоци, кадъ су одъ службе слободни, баве највише съ овцама, а понешто и съ ловомъ по големимъ шумама (16000 дес.), уколико имъ власть допушта, или и съ виноградима (кои 450 дес. заузимаю), у колико допушта природа, — тако имъ и жене занимаю се са тканћмъ платна, сукна, и разне полувунене преће, и заиста се могу поносити ако не са финоћомъ свои' послова', а оно баръ ячиномъ, чистотомъ и краснимъ изгледомъ. Оне милую ясне боє и шарене, па се труде да фарбанћмъ даду веселость предиву, — те су вештину ту до самога савршенства довеле, служећи се на то свимъ цвећемъ и травама, штогодъ у бедной своіой земљи налазе. Ускокъ носи кратакъ сукнены плаветанъ гунь, „кепенакъ;“ необлачи га на рукаве, већъ га огрће само. Подъ њимъ има узане, бугарске, или, као што обычно зовемо, мађарске чакшире ('лаче) на капшъ, са везенимъ спреда прорезима, подпасане широкимъ кожнымъ пасомъ; и белу сукнену доламу съ многимъ пуцама, безъ рукава'. Кошуля съ широкимъ рукавима, у неки извезена плаветномъ и црвеномъ свиломъ; а у неки везену кошулю носе само младоженћ. На ногама има Ускокъ постоле (они зову и' местве), или кожне опанке; на глави носи широкъ шеширъ (крилякъ), а млоги и округлу црвену капицу, и то се зове капа. Зими кодъ неки су се іошъ задржале у обычаю халћ, илити дуги и широки црвени гунћви. Бркови су преко потребитый украсъ Ускока; єдни пуштаю и косу, а други (премда све ређе и ређе) — особито оцеви оженћны' сынова' и браду, коя є одпре была обштый украсъ свакога оженћногъ Ускока. — Главно одело женскиня — єсте кошуля, бела, дугачка, по огрлици, недрима, рукавима и целимъ скутима, црвенымъ и плаветнымъ „везомъ везена;“ тако исто мора быти и марама за вратъ, што зову коларде. На ногама носе шарене или црвене чарапе ('лачице), а на њи' постоле или опанке. Девойке неносе ништа више преко тогъ, осимъ што на кишовитомъ времену огрћу ма што, место кабанице ил' гуня (и то зову одећа). По струку пашу црвенъ тканъ поясъ преко кошулћ, држећи за њимъ бритву, а неке подъ поясъ пашу и кратку прегачу (препртъ), или и две, єдну спреда а другу одострагъ. Косе плету у єданъ курюкъ, приплетавши му натрагъ и два мала курючића, што одъ слепы очію иду; те га иските на краю уплеткомъ одъ пантлика' и различны' металички' и порцуланскиі фигура'. Привезую око главе малинску широку пантлику, задеваюћи за њу цвеће; а іошъ више носе малинску капицу (капу), извезену сребромъ и шљокама, или обложену первазомъ и новцима. Жене повезую се већомъ беломъ марамомъ (преметача, пећа), чипкама обшивеномъ; преметачу више пута обмотаю око целе главе, до подъ самый подбрадакъ; а на два се курюка чешляю, па и' иските уплетцима, и пусте напредъ да висе низъ рамена и груди. Оне носе такође и прегаче, шарене, вунене, оддоле широкимъ ройтама обшивена, а горе на грудима наликъ на саме сукнене боядисане окрајке (ризе), — и пашу се широкимъ пасомъ. Одозго облаче, особито кадъ иду у цркву, зубунацъ, альину дугачку угаситоплаву одъ сукна, извезену ил плаветнымъ или црвенымъ гайтаномъ, и алватно сашивену, безъ рукава'.

(Конацъ слѣдув.)

КРИТИЧЕСКІЙ ПРЕГЛЕДЪ СТИХОТВОРНЫ ПРОИЗВОДА Г. ВУКАШИНА РАДИШИЋА.

(Продуженіе.)

У I. части Голубице на стр. 192 налази се „Крепка Молитва,“ изъ коє се види, како се стихотворацъ ватрено(!) Богу молити може. Сва се молитва у нћколико рћчій састои: „Боже благій“ и „дакле Боже свети с' може.“ Све остало ништа друго у себи незаключава, до страшный(!?) описъ главоболћ Панне, коіой браћа не могу лека да нађу, облагаюћи му главу съ коєкаквымъ травульинама и ладномъ водомъ:

„Браћа сложно
Вежу можно

Биљ, траве
Око главе.
Пая боланъ
И неволянъ
Опетъ стои
Бонъ се брои! —
Теку реке....
Носе леке;
Водомъ прсну
Главу врсну,
Изъ нѣ буну
Да изсуну.“

Као што се изъ наслова види, предметъ є овай само поводомъ стихотворцу служіо, да топла и жарка чувства, однossећа се на страдаюћій предметъ свой, чувства побожности чисте и на Бога положене благе надежде изліє, да у читательима подобна чувства побуди. Но одъ свега овога ни трага ни гласа! Видећи да сви лекови ништа болномъ Паи непомажу, обраћа се свемогућству Бога съ молбомъ, не да га онъ излечи, већъ да му усади крыла, те да се у Антикиру еллеборомъ лечи:

„Дакле Боже
Све ти с' може,
Сади тила
Пан крила,
Нек' у стыру
Антикиру
Живо брза,
Па да трза
Еллборъ витый
Лековитый
Больи своіой
Тузи моіой.“

Шта є стихотворцу повода дало, да празне ове рѣчи „крепкомъ молитвомъ“ назове, то ће онъ болѣ одъ свакогъ читателя знати, будући исте на молитву какву ни помыслити недаю. Рѣчи стихотворцу неслуже само за изражаванѣ мыслій, но и чувства свои; познато є пакъ, да се жалостна и озбильна чувства са лакимъ и єднакимъ теченѣмъ тонова у рѣчма неслажу. Како се жалость у стесняваюћимъ се прсима загушльивымъ и прекидаюћимъ гласомъ, или побожность у маєстетическомъ подизаню и спуштаню гласа изявлюе, онако се и одъ вештогъ стихотворца, као душевногъ живописца, у стиху изражаваю.*) Г. Радишићъ, мѣсто да насъ вештымъ изборомъ стиха и пунымъ чувства изражаванѣмъ разжали, мѣсто да побожность топлымъ, смиренымъ и вѣре пунымъ чувствама чисту и выспрену любавь къ Богу у нама побуди: онъ намъ ову већма загушуе и на смей насъ дражи. Ко се о овомъ самымъ дѣломъ увѣрити жели, нека само стихове наведене брзо прочита и добро на тонове пази, пакъ ће му само уво довольногъ о томъ сведочанства дати. Свакій ће, пазльиво читаюћи, пре помыслити, да є ово подскочица каква, него молитва.

Оваква є пѣсма нѣгова „Весна майка, ружа ћерка“ у II. час. Гол. на стр. 138., у коіой се описуе, како є Весна съ Фебомъ затруднила и ружу ћерку родила, како су є Богови на небу обдарили, коіомъ є приликомъ небо миромъ капало, и како є због заоставшегъ мира у ружи, ова свакомъ драга постала:

„Бозн нни сви се стекли
Небу капат' мыромъ рекли;
Мыръ у ружи остаде,
Драга свакомъ постаде.“

(Конацъ слѣдуе.)

*) Der kluge Dichter wählt diejenige Versart, welche sich vorzüglich zu seinem Stoffe, zu seinem Charakter, und zu dem Gange der Leidenschaften schickt.

F. F. Hofstäter.

ПИСМА ЗНАМЕНИТЫ СРБА.

Драгій сыновче, Господинъ Чокрлянъ, Здравствуйте!

Предао ми є Господинъ Терланћъ Вашъ листъ, и драго ми є да здравствуете, и я іоште фала Богу! здравствуемъ. За младога, што бы радъ дћи учити се, трошакъ стои, како се мысли одевати и ранити, но нека бы было найумѣреніе, потреба му є 500 Ф. на годину найманѣ. За штампу на Влашки преведены басна метите на табакъ на добромъ папиру найманѣ по 16 Ф., колико табака буде. Каква су ова слова крупна, мыслимъ да ће быти екземпларъ одъ 40 табака или више. Дакле слободно можете есапити 800 Ф. за єдну хиляду екземплара. Желећи вамъ свако добро, остаемъ

У Бечу 14 Новембра 1793. Вашъ

Доситей Обрадовићъ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 10. У Суботу 4. Марта 1844.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА У БЕОГРАДУ

ДУХЪ ВРЕМЕНА ПРЕДЪ СУДОМЪ РАЗУМА.

НАРОДНОСТЬ И ЄЗЫКЪ.

(Продуженіе.)

Народи, као велика, одъ природе и самогъ Бога изъ многи членова са преумѣтномъ простоћомъ саставлѣна, поєдина суштества, и као особите бытности, ясно су то увидили, да су они пропали, и да ће ньиове особитости сасвимъ нестати, како они границе нѣне прекораче, и туђинству се придруже; зато се они садъ све већма, и са све ревньивіомъ брижльивосћу и боязливосћу у своє границе скупляю, да бы себе одъ пропасти сачувати, да бы остати могли оно, што єсу. — Но шта є онай правый, обште припознатый и несумльивый знакъ народности, коя међе и границе између народа сачинява? Ништа друго, него єзыкъ! —

Као годъ што є єзыкъ ова найдрагоцѣнія и найсавршенія черта у животу човеческомъ, овай цвѣтъ човечности, кои найузвышенія понятія и представлѣня нашегъ на подобіе Божіе сазданогъ духа, точно и ясно гласомъ изразити може, онай знакъ нашъ, коимь се найвећма одъ живине разликуємо, и кои є самъ достаточанъ, да се човекъ одъ свакогъ створеня овогъ свѣта точно разсазнати може, тако исто є єзыкъ и онай знакъ, оно свойство, по комъ се народъ одъ народа разликує, и коє народъ чини! — Како народъ некакавъ у явномъ и домаћемъ животу своме єзыкъ народа другога говорити и употреблявати стане, већъ є съ тимъ неодвратно и свой особитый значай или карактеръ изгубіо; већъ є нѣгова народность нестала и у другу се прелила, и онъ є као народъ свою политичну вредность изгубіо и быти престао!

Но свако чувствуюће, а особито мыслеће суштество, одъ ничега се тако негрози, и ништа му ніе тако страшно и противно, као мысао, да ће сасвимъ пропасти, или да ће уништено быти; зато се то и народима никако замерити несме, ако они свой єзыкъ, као вайтврђу заштиту и обрану ньиовогъ политичногъ суштествованя и быћа храбро и одушевлѣно бране, држе и чуваю; — по овимъ є дакле начелама борба због єзыка и народности здравомъ разуму сходно, што више и радостно появлѣнѣ и теженѣ нашегъ времена.

Одма по свршеню овогъ разяснивања оставимъ я дружтво и отидемъ, поредъ рѣке проодаюћи се, дома. Была є ладна, но ясна и пуна мѣсичине ноћь; пунъ мѣсецъ угледао се є у таласима рѣке, коє є малый вѣтрићъ подизао, са сяйнимъ звѣздама, докъ є надъ површиномъ воде танка магла пливала, као вила, коя своє прозрачно тѣло у сребрнимъ водама потока у мѣсечини купа. — У мысли погруженъ, станемъ я на брегу рѣке, сматраюћи ову очараваюћу игру воде, вѣтрића и свѣтлости. У моіой внутрености на єданъ путъ роди се мысао ова: гледай, како бледый и тихій мѣсецъ, кои толико иляда миля надъ нашомъ земльомъ лебди, ове сяйне звезде, одъ кои многе іоштъ ни найсмѣліи полетъ ума природоизпытателя ніе достигао, и овай вѣтрићъ одъ истока, кои є одъ некудъ са брегова Хелеспонта овамо похитіо, премда су неизмѣрнимъ разстояніяма одъ себе удалѣни, на овомъ мѣсту лѣпо састаю се и слажу, како се сложно сиграю као стари и добри другови; а човекъ заръ, макаръ да є и на различите народе разделѣнъ, да неима єдну точку све-саєдинаваюћу; заръ само онъ да се на ограничене особности цѣпа, и све, што є изванъ овы да као непріятельско сматра? Не, то не-

сме никадъ и нипошто быти! — Има єдна све люде саєдињаваюћа точка, коя се несастои само у тавномъ чувству општегъ братимства, него у ясномъ и снажномъ увѣреню томъ, да за родъ човеческій найвећу вредность има непрестанно напредуюће нравствено изображенѣ и постояный, непоколебимый миръ. — Ово су оне две узвышене цѣли, ка коима мы сви, на сѣверу и югу, на истоку и западу, тежимо. Но будући да є човекъ, у своме дѣланю и теженю ограниченъ на малый кругъ, преко кога само изредни духови кадкадъ єданъ сяйный зракъ бацити, а само найзнаменитіи упливъ и дѣйство своє продужити могу, зато онъ и своя теженя опредѣлити, њима извѣстный видъ дати, и њи ясномъ мећомъ ограничити мора; онъ дакле ради и послує пре свега за своє саплеменике, онъ ради у своємъ народу, а у духу своє народности. — У овомъ кругу цѣло нѣгово теженѣ пре свега мора на то управлѣно быти, да га разумеду, што се само помоћу општегъ средства саобштеня, средствомъ єзыка постићи може, зато онъ мора народный єзыкъ обдѣлавати, нѣговъ напредакъ подпомагати, и нѣга до цвѣтаня и до важности довести. —

(Конацъ слѣдуе.)

ЖУМБОРСКИ УСКОЦИ.

(Конацъ.)

Ускоци по вери деле се на уніяте „староверце“ (староверцима тамо називлю све православне) и на римляне; овы' нема више одъ 1800, а оны' око 5200. Уніятски' нурія' (парохія') има 8, а римске 3. До 1678 год. сви су были чисти православни, докъ ниє быо, приморанъ владика Павао Зорчићъ, да пређе у Унію; мало доцніе морало є више Ускока' одрећи се вере свои' отаца', и примити римскій законъ. Сада уніяти стоє подъ управомъ владике Крижевачкога, а римокатолици подъ владикомъ Загребачкимъ. У осталомъ макаръ што уніяти називлю римокатолике бунѣвцима, а ови њи власима, живе ипакъ међу собомъ као пріятельи, па и у цркву безъ разлике иду; ама никадъ неће бунѣвацъ узети влаиню, нит' ће се вла оженити бунѣвкомъ. Свештеници римски труде се да уселе у своє стадо мржню на уніяте, али имъ неиде за рукомъ. Уніяти служе се у цркви православнимъ црквенимъ књигама, називлюћи писмо црквено-глаголитичкимъ, а подъ ћирилскимъ разумеваю наше грађанско.

Извршуюћи обычне обреде христіянске, смешали су Ускоци неке са стародавнимъ нехристіянскимъ. Таки съ пролећа пре свега славе Ускрсъ (Вазамъ), па на тай данъ носе писана яя на благословъ (на светило) у цркву. После иде Ђурђевъ данъ (светый Ђурађъ). Обичай на овай данъ већъ є постао само игромъ дечіомъ. Деца увію ма кога између себе у саму зелень тако, да му се невиди ни лица ни очію, на главу му привежу млого свилены' пантлика' одъ разне боє (повезне корделе), па узъ то и црвену мараму одострагу, те му низъ леђа виси. Па га онда друга двоица воде — єданъ съ корпомъ (кошъ), а другій съ дугачкомъ подруг' сажня шипкомъ, кою кадкадъ и наките китомъ зелени и пантликама. Остали трче за њима. Чета ова предъ свакомъ кућомъ стає, те целой кући сваку срећу жели, и домаћину и домаћици, — па онда чекаю да и' дариваю. Обычно имъ износе што за єло. Ово дечіе полаженѣ быва свагда зоромъ у ютру. После се часте тимъ, што су надобывали, ал' обычно изиђу иза села на пусто какво место. — Одъ Дуова' починѣ Коледованѣ, и трає свако вече све до Ивања дне. Предъ заодомъ сунца скупля се младежь на какво брдо ил' клисуру, свагда на отвореномъ месту, па увативши коло, певаю песме одъ старине, плешу; заводе свакояке сигре, па опетъ певаю, — а старіи само слушаю. Ноћу на Иваньданъ светкуе се Купало (кресъ). Іошъ на месецъ дана' пре свакій момакъ приправля себи брезовацъ, до два сажня дугачакъ, лепъ, правъ, кои се зове бакля. У вече скупе се момчадь на уговореномъ месту са своимъ бакляма, зажегу и' на єдномъ краю, те иду съ њима око поля. Дотле и' други већъ чекаю на комъ месту, гди мора ватра горети, а то є обычно на брегу; наложивши ватру, излазе онима на сусретъ, што носе баклѣ, па и' дочекую. Кадъ и ови доћу, онда се почне певати, пуцати, плесати, — и тако целу ноћь трає; девойке певаю и плешу, момци певаю и пуцаю. У само свитанѣ текъ се разилазе, а предъ што ће поћи, чимъ спазе прву румень зоре, певаю песму — о Ладе. — Предъ зиму светкуе се Овчарацъ. Овчари онда враћаю стадо кући, сви обучени што ко лепше може, и съ пушкама и пиштољима, а момци неженѣни имаю за капама и венце одъ сламе и жута лишћа и гранчица одъ оморике. Силазећи съ гора' уставе се, певаю, пуцаю, па онда прислушкую небы л' чули милостна одзива одъ Ви-

да', за кое држе да по горскимъ шумама живе, — па опетъ наново пуцаю. Кадъ дођу кући, а то и' готова вечера чека, — и ту садъ веселѣ постане обштимъ. — На Божићъ се пева у славу Божю. — На ново лето целиваю Ускоци єданъ другога, благодарећи узаймно на радостима прошле године.

И у свадбенимъ обичаима сачувало се гдишто изъ старине. — Предъ само венчанѣ младоженя съ дебелымъ кумомъ, съ два девера и млогимъ сватима, сви съ пушкама, иду на коньима по девойку, водећи коня и за ню. Она сасвимъ лице покривши марамама, и посадивши се на коня иде єздећ', а две іой дружице, па поредъ ньи и єдна или две одличніе жене, иду за ньомъ пешице у цркву. Изъ цркве опетъ иду сватови невести, па се ту садъ невеста мора сакрити, — а девери є траже; — піе се, єде се, али све безъ певаня и плесаня. На последку дає се киселый купусъ: сви устану, родитељи даю благословъ невести, често са сузама и запевкомъ, па є испрате до кућны' врата'. Запевку обузме грмлява пушака'. Кадъ се дође младоженьиной кући, наново се пуца, и садъ текъ почне се свирати, певати, плесати. Доцніе дође и мати невестина, или жена, коя нѣно место заступа; и она се мора веселити. Целымъ веселѣмъ влада обычно дебелый кумъ, кога сви мораю слушати, а особыто младоженя. Пуцанѣ и певанѣ траје преко целе ноћи. Међу найважніе обычае, кои се ту ноћь држе, спада ауканѣ: невеста, дружице и друге іошъ девойке истрче у полѣ, — подалѣ одъ куће — те аучу дозивлюћи Вилу: цереканѣ нѣно изъ шуме, или съ клисуре — єсте рћавъ знакъ за невесту, тако да, кадъ бы се цереканѣ по другій путъ чуло, онда є мати кући води као невенчану, те се веселѣ промени у жалость: на невесту баце широко и дугачко бело покривало, па є са запевкомъ одводе. Она се несме шестъ неделя никоме показивати осимъ домаћи'. Но опетъ се све то може іошъ срећно свршити. Девери иду матери невестиной, па іой даю крвну заклетву „да ће быти нѣной кћери по Богу браћа, да ће є они бранити и чувати, и да є неће дати они никаквой несрећи.“ Съ деверима могу давати таку заклетву и сви неженьни сватн. — Свадбе се найвише држе у Октобру.

Крштенѣ свршує се по обычаю цркве. Крштенима даю се имена изъ календара (Марко, Иво, Янко, Єла, Анђелія, Марта и др.), па после се додає и презиме. До Маріе Терезіе крштали су се већъ одрасли, но садъ є оставленъ тай обычай.

При сараньиваню мало има што особито. Надъ мртвацемъ запеваю плакалице. За сандукомъ девоячкимъ — мораю ићи сви момци, кои су познати съ покойницомъ; а за сандукомъ момачкимъ опетъ све девойке. Задушнице бываю деветый, и четрдесетый данъ, па после на годину дана одъ смрти. На задужницама приповеда се о доброме, шта є покойникъ за живота чиніо, особито ако се на войсци юнаштвомъ одликовао. Жалостны' альина' неносе, само мати — коя є сына изгубила — покрива си косе, и съ врата скида коларде.

Іошъ самъ приметіо (вели Г. Срезнѣвскій), да свака кућа има свога патрона. Данъ овога слави се на особитый начинъ. Собу окаде тамяномъ, а на сто' метну воштаницу. Сви посе-дају за сто', те піу и пою „славу.“

Поредъ овы' обычая' може се споменути и обычай: кадъ войника оправляю на войску у землю далеку. Млади люди, кои остаю кодъ куће, испрате га певанѣмъ и пуцанѣмъ, а девойке и жене плачемъ. Сама мати мора быти весела при растанку са сыномъ.

Ускоци су сасвимъ сачували любавъ према своимъ песмама. Неможешъ наћи ни старца ни баке, кои бы се стидили песме певати, а ни детета одъ 8 — 9 година', кое и' небы знало найманѣ десетакъ. Осимъ обычайны' светачки', и женски' песама', знаду они млого песама старински' о Кралѣвићу Марку, Релји, Вуку Бранковићу, Иви Сенянину, Янку Сибинянину и др. — Те песме певаю Ускоци све по двое: єданъ паръ пева єдну врсту, другій другу. Треба іошъ и то знати, да се те песме одъ старине и место светачки' певаю по свимъ важніимъ светковинама, као у сватови, на купалу и т. д.

Гайде (дуде) излазе изъ обычая. Одъ старински' свирала' остала є іошъ фрула (пиштал ька). Кои у ню свира, зове се пиштацъ и у свакоме веселю онъ є прый.

Обычный плесъ єсте коло (као рускій хороводъ). У той игри певаю се обычно песме одъ старине.

Съ рускога превео*) Ђ. І. П. Б.

---

*) Ради болѣ ясноће овога саставка додаемъ овде и писмо ученога нѣговогъ сачинителя, кое є печатано у Денници Варшавской за 1843 год. откуда є и све ово изваћено. Оно є овако: „Два пута самъ (у пролеће 1841) посетіо Жумборске Ускоке, єданъ путъ самъ — а другій путъ са незаборавлѣнымъ Станиславомъ Осиповићемъ Вразомъ. Као путникъ издалека и на кратко време, управо као узгредъ, то самъ само побележити могао, што ми є у очи пало, и што самъ случайно разабрао. Мой дакле описъ овай може быти занимльивъ само као новость, а подробніега чекаћемо одъ Враза, кои може поодити Ускоке сваке године, а занста и стара се да и' ближе позна, што они и заслужую. За сада као додатакъ моме опису може наћи читатель: а) у Балвазора Krain, herausgegeben von E. Francisci. Leibach 1689, књига VI. стр. 292 и слѣд. књ. VII. с. 382 и сл. књ. XII. с. 17 и сл. — б) у књизи Паноніуса: Illyrien und Dalmatien. Pest 1816. књ. I. стр. 18 и сл. — в) у Фраза: Vollständige Topographie der Karlstädter Militär-Gränze. Agram. 1835. стр. 374 и сл.“

КРИТИЧЕСКІЙ ПРЕГЛЕДЪ СТИХОТВОРНЫ ПРОИЗВОДА Г. ВУКАШИНА РАДИШИЋА.

(Продуженіе)

Я самъ имао прилике одъ нѣки особа слушати, гди пѣсму ову хваломъ узносе и преузносе; но на пытанѣ моє, шта имъ се у њой тако яко допада, не могоше никаква одговора дати. Жалостанъ примѣръ за свакогъ оногъ, кои при читаню разны писателя само празне рѣчи и накићена изражаваня жельно као риба на гротлу воздухъ прогутава, безъ да му разумъ и найманѣгъ участія има! Я одъ моє стране, придржаваюћи се до садъ наведены правила, како ову, тако и све друге овой подобне пѣсме презиремъ, и да ми є у власти, све бы ій пламену на жертву предао, да се небы и други, невешти іоштъ у избору, а склони у подражаваню, оваквымъ а и горымъ іоштъ будалаштинама заразили. Я незнамъ, кога бы више осуђивати требало, да л' сачинителя оваквы пѣсама, или онога, кои исте безъ свакогъ испыта у књигу прима и читательима, као грабљивый какавъ трговацъ трулу робу за найболю, по скупе новце продає. Оваквы будалаштина мало да у коіой књизи или повременомъ листу нема, пакъ опетъ санямо, да смо и мы у просвѣти и књижеству далеко дотерали. Колику су и какву ползу производи Г. Радишића роду принели, види се и одтудъ, што му се већъ по гдикои пѣвацъ онако красно изъ гудура одзывлѣ. Лѣпа надежда за Србску будућность! Скоро ће слепо подражаванѣ Г. Радишића модомъ постати; скоро ће стихотворци овакве предмете свымъ осталымъ предпоставити; скоро ће жене своє, као Г. Радишићъ свою „црнооку белику," радіе него найлѣпше идеале, а женидбу свою млого радіе него выспрене добродѣтельи примѣре описивати. Почетакъ є оваквогъ подражаваня већъ учинѣнъ, и надати се є, да ревностный трудъ Г. Радишића у даваню примѣра и образца оваке красне поезіе и у будуће безплоданъ остати неће. Срамно є заиста, кадъ се човекъ, суєтомъ занешенъ, до тога заборави, да съ найвећомъ слабосћу као съ найврстніимъ поносомъ предъ свѣтъ изиће; да женидбу и лепоту жене своє предъ свѣтомъ хвалама узноси! Ево саме пѣсме нѣгове' пакъ нека читательи сами о ньой суде:

„Сійну съ неба итлено (Богиня лѣпоте)
Предъ двора ми спусти се,
Злаћанъ завесъ расклони,
Исподъ нѣга праћну се
Црноока белика
Та красойка Марица
Право мен' у наруче.
Радостанъ є пригрли
Круну — Митру — прегоре."

Та да є жена нѣгова лѣпотомъ саму Єлену, виновницу паденія Троє, надвысила, опетъ іой само то єдно обстоятелство никадъ права дало небы, предметомъ обштегъ читаня и спомена постати. Лѣпота женске особе само по себи никадъ у вештини стихотворства уваженя имати неможе, ако іой выша каква идеа за основъ неслужи, или ако є добродѣтель неосіява. Ову погрѣшку види се, да се стихотворацъ съ тымъ исправити трудіо, што ниже срцу нѣгове „црнооке белике" свойство крина приписує:

„Я овакой любовцы
Срце моє искрено,
Любичицомъ крашено,
У недарца метнуо;
Она мени нѣзино,
(Єсть любе ми врагови!)
Ево данасъ за вазда,
Белымъ криномъ кићено
У сред' душе затнула."

но съ тымъ се ни найманѣ ніе исправіо. Она, коя є тако слободна (да не рекнемъ безобразна), да се при првомъ погледу мужкой особи „правце у наруче праћне" (праћнути се! заиста лѣпъ изражай!), по момъ мнѣнію неможе никадъ срце крину подобно имати. Но нека бы жена нѣгова и съ те стране похвале заслуживала, мора ли є онъ самъ похвальивати? Или ако су дражести нѣне и прелести до тога чувства му узвысила, те му є жао было, да одъ тудъ породивший се тако красный идеалъ(!) у души нѣговой на угледъ другима непредстави, ніе ли то подъ другимъ именомъ быти могло? Но нѣму є собствена хвала, и хвала свега оногъ, што се нѣговымъ назвало, тако нуждномъ постала, да бы се готово безъ велике погрѣшке рећи могло, да му є она главно побуђенѣ стихотворства.

(Конацъ слѣдує.)

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 11. У Суботу 11. Марта 1844.

МОЛИТВА.

Несазданый, свевидећій,
Надъ свѣтовма свим' лебдећій,
Ты великій саздателю,
Свію блага подателю!

Ни у сили, ни мудрости,
Ни любави, ни благости
Твоіой край се паћи може,
О предивный вѣчный Боже!

Ты си пресветъ и праведанъ,
Ты милостивъ, ты добростанъ!
Величество, славу Твою
Сва створеня дивно пою.

Ты, о Отче нашъ предрагій,
Свемогућій, мудрый, благій —
Кой савъ свѣтъ обдржавашъ,
И добротомъ обгрлявашъ!

Ты, кои и свог' намъ єдина
Изъ любави посла сына,
Да покаже прекомѣрну
Благость Твою безпримѣрну!

Теби гласъ мой я узносимъ,
И за милость кротко просимъ,
На колћна Теби падамъ,
У Тебе се єдногъ надамъ!

Не одврати лице Твое,
Но послушай молбе мое,
О! послушай мене слаба
Молећегъ Те грѣшногъ раба!

Излишества искат' нећу.
Дай ми само у том' срећу,
Получити не што немамъ,
Већъ што свагда имат' морамъ!

Дай ми, познат' сяйность Твою,
И незнаэтну низкость мою,
Дай ми, само оно хтети,
Твой што хоће законъ светый.

Мудросћу ми духъ оснажи,
Свете правде путъ покажи,
Одъ грѣха ме ослободи,
Добродѣтель самномъ сроди.

Гордъ сувти нека служи;
Ты смиреность самномъ здружи;
Искреность и любавь, Боже,
Нек' у срдцу мом' се сложе.

И кадъ горке судбе сила
Простре на ме своя крила,
Тад' надежда и трплѣнѣ
Нек' ми буду утѣшенѣ.

Притомъ дай ми, о свеснлный!
Гласъ природе познат' силный;
Упути ми къ добру ногу,
Да Те славимъ докъ узмогу!

Іованъ Илићъ,
Слушатель II. године Филозофіе

ДУХЪ ВРЕМЕНА ПРЕДЪ СУДОМЪ РАЗУМА.

НАРОДНОСТЬ И ЄЗЫКЪ.

(Конацъ.)

Но при томъ послу лако се могу сударанія међу различнимъ народностима случити; єръ границе међу народима нису са шестаромъ и земљомѣрнымъ ланцемъ опредѣлѣне, као границе земаля, а ако се и у политичнимъ границама често налазе мѣста, коя су неопредѣлѣна и поводъ къ свађи даю, колико више се таковы у народности налазити мора. Често се у єдной земльи подъ истымъ правителствомъ народности налазе, коє су собомъ измѣшане и многоструко изпрекршѣане. — Коє правило треба у овакомъ случаю слѣдовати? Ово пытанѣ заиста нієтежко рѣшити, само ако га са правиломъ о сударању противопоставлѣны дужностій сравнимо. — Нравствена философія насъ учи, да: кадъ се две противне дужности сударе, увѣкъ важнію манѣ важной предпоставити треба. Но заистє подпомаганѣ нравственогъ изображеня и сачуванѣ мира овде важнія и выша дужностъ, єръ се она тако према разпространяваню єзыка и народности односи, као цѣль према средству. Но то свакій зна, да є по природномъ поредку стварій цѣль много важнія и выша, него средство. — А подпомаже ли се овимъ борбама и бурама, у коима се све страсти узбуне, напредованѣ нравствености, просвѣштеня, уздржанѣ благодатногъ, плодоносногъ мира? Заиста не! — єръ гдѣ борба неслоге и раздора бѣсни, тамо се грана маслине и палме на дрвама мира осуши, и изображеностъ прибѣгне, предъ буромъ варварства, коя разузданє страсти слѣдує, у посвећено уточиште своє, у кньижнице поєдины учены и мудры людій.

Но како могу люди быти тако безумни, да због средства саму цѣль упропасте, коючрезъ то постићи желе? — И опетъ то тако често быва, єръ борбу ову люди међу собомъ воде, а гдѣ се люди боре, ту су све страсти поменане, ту є своєлюбіе, суєта, и жестокостъ, да оживляваюћу искру родолюбія и благодатну и плодоносну ватру ентузіасма у опустошаваюћій пожаръ фанатизма раздуваю. — Зато нека се свакій човекъ ограничи на свой кругъ, нека ради и послує у мѣрама своє народности, нека тежи оно, што є одъ Бога у часть добыо, одъ дѣдова наслѣдіо, узвысити, облагородити, свой єзыкъ украсити и тако прославити, да онъ своіомъ собственомъ лѣпотомъ свакога придобіе; но нека не дира у уђе, нека не тежи на штету и пропасть туђегъ, на користъ своегъ собственогъ. Оно, што є добро и лепо, може данасъ и сутра быти презирано и неуважавано, но после десетъ, двадесетъ или педесетъ година заиста ће неодвратно побѣдити.

Зато оставимо свакомъ своє мнѣніе, свою вѣру, своє право, и не гонимо га зато, ако онъ ове своє свете аманете чува и тврдо држи и њи са ватреномъ ревносћу увѣреня брани; гледаймо прилѣжно своє, а недираймо туђе. Та єданъ є задатакъ цѣлогъ рода човеческогъ: све већій развитакъ нравствене изображености и непоколебимогъ мира.

Превео Др. Ш.

КРИТИЧЕСКІЙ ПРЕГЛЕДЪ СТИХОТВОРНЫ ПРОИЗВОДА Г. ВУКАШИНА РАДИШИЋА.

(Конацъ.)

Мени є међъ толикимъ писательима нашимъ, и бољимъ и горымъ одъ Г. Радишића, само єданъ, осимъ овога, до данасъ познатъ, кои, можда залюблѣнъ у самога себе, своє производе и заслуге хвалама предъ свѣтомъ узноси. Я премда уважавамъ знанѣ нѣгово, а цѣнымъ заслуге у кньижеству, ако и не у ономъ степену, ништа манѣ по момъ слабомъ разуму налазимъ, да му тай поступанѣ више безчестія и пониженя, него чести и славе приноси. Собствена хвала, ако ће быти и найзаслужнія у смотреню безсмртны дѣла, опетъ є ружна и срамна. Ако смо заита похвалу заслужили, то нека насъ други хвале, ако оће: ако не, толико и чини. Права заслуга никакве награде, пакъ ни хвале не потребуе, почемъ є сама себи награда. Кадъ є дакле собствена хвала и самы врстны и заслужны лица срамна и гадна, каква мора быти хвала Г. Радишића у очима образованы людій, кога бѣдни и сакати производи нѣгови као назовистихотворца характеризираю? Хвала ова, осимъ преднаведогъ, види се и изъ речене женидбе нѣгове:

„Зевсе негда съ Олимпа
Ято Муса послао,
Съ њима, іоште богиња:

Минерву плавооку,
Евсевію честиту.
Оне иду двору мом',
Любовце ми казую
Све младойке лепотне
А одъ Зевса милостна.
Мусе даше Певію,
Да са њоме певамъ живъ,
Што за благо рода знамъ.
Палла даде Софію,
Да покрай нѣ съ людима,
Како валя живуємъ."

У чему є Г. Радишићъ показао, да є одъ Палладе Софію наслѣдіо, мени є до данасъ непознато, а сумнямъ, да ће и другима познато быти. Ако бы ово права (а не маскирана) мудростъ была, кою є Г. Радишићъ наслѣдіо, и коя тако красне знаке своєъ быћа у стиховима нѣговымъ показує; то бы слабо кога срце повукло, да за любавь нѣну савъ прелестный май живота свога у школскимъ скаміяма проведе: да за любавь будуће позне награде нѣне и у сама доцнія времена доброхотно и равнодушно, често и найслаћа уживаня дружевне шале и пріятельства, уживаня одмора и чувствены склоностій на жертву принесе. Да ли ће се права мудростъ съ ованковимъ ситницама и детинскимъ играчкама, као што су стихови нѣгоги, забавляти, то ће читатель и при найслабіємъ жижку разума своєъ лако погодити моћи.

Ово су главне погрѣшке Г. Радишића, о коима бы се млого пространіе пробесѣдити могло; но будући бы се томъ приликомъ у обште стихотворство, у претресанѣ свію поетически правила упустити морао, коє бы далеко силе моє превазишло: то самъ за умѣстніе нашао, съ овымъ се краткимъ прегледомъ ограничити, оставляюћи тако важный задатакъ Г. Светићу или другомъ комъ. Манѣ погрѣшке, коє се и найбольимъ стихотворцыма кадшто подкрасти могу, оставлямъ недодирнуте, єдно по томе, што се лако извинити могу, а друго, што се слабо и примѣчаваю.

Скупляюћи гореизложенна у єдно, я бы Г. Радишићу збильски савѣтовао, да се у напредакъ оваквоєъ стихотворства окане, и не трошти у лудость време, но на мѣсто тога да се свойски постара срце своє облагородити, вкусъ угладити и умъ свой истинымъ свѣтомъ науке просвѣтити, ако жели, да и себи и роду одъ ползе буде и оно име праведно заслужи, коє є досадъ тако неправедно себи присвояво.

Я се надамъ, да ће читательи съ овымъ малымъ прегледомъ моимъ за садъ задовольни быти и изъ сравнѣня овде ненаведены производа Г. Радишића съ мыслима и основима моимъ, у колико су одобреня достойни, у станю быти и сами о њима, а съ тымъ и о другимъ стихотворцыма нашимъ, кои по срећи или несрећи прилично велико число имамо, судити. У ономъ, у чему самъ по особитой човеческой слабости погрѣшіо, надамъ се, да ће ме други вештіи исправити и како мене, тако и читателѣ на болый путъ и правацъ извести; а то є цѣль и намѣра свакоєъ писателя, или бы требало да буде. У осталомъ ако самъ у чему Г. Радишића увредіо, онъ ће ми опростити, знаюћи, да се кривцу преступленію сходна казнь дає. Послушноєъ човека исправляю и сами благи савѣти, а непослушноєъ и упорноєъ казнь тымъ выше, што ће се и други на нѣга угледати и одъ подобне погрѣшке брижльиво чувати — коє я свакомъ изъ свеєъ срца желимъ!

У Београду 1843.

Ђорђе Малетићъ.

ПРАВДОЛЮБІЄ

НѢМАЧКОГА ЦАРА ІОСИФА II.

(Изъ Лупе.)

У време Цара Іосифа II. у Бечу сучеляваше се кућа єдноєъ грађанина съ дворомъ Царскимъ на таковомъ мѣсту, гди су башъ ловачки пси Цара Іосифа стояли и лежали. Пси ту пребывяюћи често су урлекали, и нѣга тимъ узнемиривали. Сусѣдъ немогући више сносити и трпити такову буку одъ паса, отиде цару и замоли га, да учини расположеніе какво, да се пси съ оногъ мѣста кудгодъ уклоне. Царъ му на то одговори: „Я згодніегъ мѣста за њ'е нигди у двору момъ немамъ, и изъ тогъ узрока они мораю ту остати. Но опетъ, ако вамъ ніе право," продужи смѣщећи се Царъ, „а вы ме суду тужите." Грађанинъ на ово примѣти Цару и рекне: „То ніе лепо, нити се пристои поданику владѣтеля свога тужити; а друго, нико се тогъ посла и парнице латити несме." „А зашто не," одго-

вори правдолюбиви Монархъ: „Закони се распростиру на све у држави, дакле и я никакво изятіе чинити немогу. А при томъ треба да знашъ, да є дужность свакогъ пріятеля правде (адвоката), да свакомъ рукопомоћъ буде у полученію свога права. Отидите вы, Господине, само коємъ адвокату," рекне Іосифъ, „и кажите му моє мнѣніе." — Грађанинъ, ослањући на цареву рѣчъ, позове адвоката, кои, кадъ чує царско мнѣніе, дигне тужбу противу монарха, но опетъ є толико мударъ био, не самогъ Цара, но господара одъ № 1 (царскій дворъ) у прошенію своmъ навести. Стваръ дакле иоће судейскимъ путемъ, и грађанинъ парницу добыє. Господаръ одъ № 1. буде осуђенъ и рѣш но, да онъ псе своє оданде премѣсти. Съ пресудомъ у цепу оде овай Цару, извѣстивши га, да є онъ парницу добыо. На ово се Царъ насмеє и рекне: „Бадава ти пресуда, я нећу моє псе никудъ да премештамъ." На ово грађанинъ умукне, мргодећи се на њега; єръ онъ мысляше у себи: та овога не я, но ови судови земальски приморати немогу. — Великій Монархъ опази на лицу овога негодованѣ и рекне: „Сусѣде! айде да се поравнамо: продай ми твою кућу, и шта ћешъ за ню искати?" Грађанинъ му одговори: „10,000 фор." — „Е добро, я ти даємъ, и, ако мыслишъ, да те мои пси у будуће ништа узнемиравати неће, можешъ у њой безъ и єдне паре до смрти пребывати. У прочемъ радуємъ се, да су моє судіе безъ лицезрѣнія правду изрекли, и я ћу іймъ моє благоволѣніе за њіову непристрастность, а тако исто и мудромъ адвокату показати."

Грађанинъ благодари на 10,000 фор. и безплатежно у истой кући пребываиѣ; и чудновато, одъ садъ га урланѣ и вика паса ништа узнемиривала ніе; єръ є онъ у њой до смрти остао.

Бераръ.

ДОПИСЪ ИЗЪ ЗАГРЕБА.

Кодъ насъ књижевный животъ све већма напредує. Истина, ніе прошасте године изашло толико књига, као што быяше г. 1842. Но тому нису криви ни писаоци, него тежке околности —! Богъ ће дати, те ће се єдномъ и те уклонити съ пута. Међу тимъ се брой писаоца ячи. На концу прошасте године и на почетку текуће появише се на обзору нашемъ књижевномъ три ясне звезде, коє проричу литератури нашой новый народный правацъ, дапаче европейску знаменитость и єднакость. Прва та звѣзда зове се Н. Томасео (рођенъ Далматинацъ). Томасео бы одъ младости посветіо своє перо књижеству таліанскомъ, коє му многа изврстна дѣла на свѣтъ породи. После тога уплетенъ неуплетенъ у некаква државна гибаня таліанска буде потакнутъ тражити уточиште у Француской. Ту є нѣкоє време сѣдіо на столици професорской, предаваюћи у Паризу єзыкъ и литературу латинску. На томъ мѣсту бы писао и нѣколико дѣла на єзыку францускомъ, коя му у књижеству францускомъ име прославиште. У найновіе доба, како бы свимъ државнымъ преступницыма опростіо нашъ милостивый ћесаръ, врати се опетъ и онъ у Аустрію, те сада живе у Млетци, пишући садъ таліански за интересе славенске, садъ опетъ на єзыку домаћемъ, коега бы већъ заборавіо, те га опетъ као дѣте садъ учи, желянъ да домовини своіой баремъ наполакъ изяви своє срце дѣтинско и пуно добры жеља и врући наданя за будућу нѣзину срећу. Садъ се овде тиска прво нѣгово дѣлце у народномъ єзыку „Искрице," *) искрице съ огньишта найдублѣ и найчистіе любави прама свому роду и дому, рѣчи свете, проговорене изъ силны уста пророка, блистаюће као зраци одъ мунѣ или драгушице. Те искре учитће на наметъ младежь наша као молитве побожне. Богъ намъ іошъ дуго поживіо Томосеа! —

(Далѣ слѣдуе)

НОВА КЊИГА.

Три побратима, истиный догађай у Босни, у две пѣсме спѣванъ одъ Ђорђа Малетића. У Бѣограду. Печатано у правителственой књигопечатньи 1844. — На 8-ку, стр. 28. — Ова се књижица може добыти кодъ списателя за 3 гр. чарш. или 15. кр. ср.

*) По гласу Новина хр. сл. далм. ова є књижица већъ на свѣтъ изишла.

Уч р.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 12. У Суботу 18. Марта 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

ОСАМЉЕНА.

Покрай моє баште
Бистра тече река;
Там' на цвѣтном' брегу
Драгій за мномъ чека.
Данасъ ме нечекай,
О мой драгій милый!
Таласи велики
Чамацъ ми однели.

Села бы у чуниħъ,
Али немамъ весла:
Ахъ! и нѣга брза
Вода ми однесла.
Кадъ бы знала пливат'
Хитре к'о рибице,
Преплила бы къ теби,
Слаħена душице!

Кадъ б' имала крила
Бѣле голубице,
Летила бы ладит'
Жарко твоє лице.
Немамъ крила, весла,
Ни на води чамацъ:
Видити се, ранче,
Мы нећемо данасъ.

Любица П.

ЄЗЫКОСЛОВНЕ ВѢСТИ. *)

У НѢМАЧКОМЪ ЄЗЫКУ МОРА СЕ ЗВАТИ И ПИСАТИ: Grâz А НЕ Graz (ГЛАВНЫЙ ГРАДЪ У ЩЫРІИ). **)

У Даници Хорватской, Славонской и Далматинской подъ бр. 43. т. г. явљно є: да є гласовитый историкъ Г. Бар. Хаммер-Пургсталъ у дружству сакупившихъ се у Градцу испытателя нарави у (21) засѣданію одъ 23. Септемв. т. г. изврьстанъ саставакъ о пореклу Градца читао, у коємъ доказа, да су Градацъ Славени утемељили и да му є данашнѣ нѣмачко име Gratz (Grätz) изъ славенскога Gradac (Gradec) постало, те зато да они проти сгодопису и етимологіи грѣше, кои градъ овай, желећи нѣговому имену нѣмачку слику подѣлити, Grätz прозываю (и пишу). Бесѣда истога Г. Барона пріймљна бы съ громовитомъ похваломъ и одобреніемъ, тако да су се нѣмачке Градачке Но-

*) Г. списатель желіо є, да му овай чланакъ нѣговымъ особитымъ, на старимъ нашимъ повелама основанымъ правописомъ печатанъ буде; но мы му желю ову никако задовольити нисмо могли изъ узрока, што овай чланакъ несадржи разправу о правопису, кога бы онъ желіо увести, него сасвимъ другій предметъ, па овай наравно мора се у повременомъ листу оними словима и правописомъ печатати, кои є за нѣга означенъ и примљнъ. У осталомъ посве смо нѣговъ начинъ писаня задржали.

Учредникъ.

**) О овой распри Г. Др. Блайвайсъ, учредникъ Кметійски инъ Рокодѣлски Новица, у бр. 1. н. н. одъ ове године слѣдуюће примѣчава: „Нека Нѣмци пишу Грацъ или Грецъ: нама є Грецъ тако міо, као и Грацъ! Но мы Словенци у єдности живимо, па сви пишимо и говоримо Градецъ!“ Право —

Учредникъ.

вине, досадъ „Grätzer Zeitung“ зване, сутраданъ већъ, одбацивши двѣ точке и пріймивши насловъ „Gratzer Zeitung“ послављиле, и име Gratz бы у обще за службено проглашено. Надалѣ захвалює списатель тога чланка Г. Барону, що насъ є предъ Нѣмцима оправдао, показавши, да свимъ правомъ не само Градацъ но и сву Щырію у наше коло ставити можемо. Осталый садржай чланка, изявлюючи у єдно похвале достойный на то положеный трудъ списателѣвъ, простире се по славенскыхъ старыхъ населбинахъ у Щыріи, Аустріи, Корушкой и Тиролской, и доводи на то клонеће се историчке доказе, оставляюћи нерѣшено то найпоглавитіе пытанѣ: є ли Г. Баронъ у єзыкословномъ обзиру, у колико се то нѣмачкога єзыка тиче, право имао, мѣсто досадашнѣга имена Grätz, коє су Нѣмци досадъ понайвише употребляваали, славенско Gratz препоручити и утврдити га покушати?

Тай є догађай кодъ нѣмачкыхъ историка и єзыкоизпытателя велику позорность за собомъ повуко, и противъ мнѣнія Г. Барона читамъ єданъ чланакъ у изванредномъ прилогу нѣмачкыхъ општихъ новина бр. 346. одъ 12. Декемв. т. г., а другый врьло обширанъ у Бечкыхъ Новинахъ одъ 7. 8. 9. 10. и 11. тога истога м. и г. одъ Г. Дра. Густава Франца Шрайнера, явнога редн. Професора државнога знања при свеучилищу у Градцу, коя оба особито послѣдныи историчке доказе изъ старыхъ повеля наводе, да се тай градъ у нѣмачкомъ єзыку Grätz мора звати и писати, а не како Г. Хаммер-Пургсталъ вели и хоће Gratz.

Прьвый чланакъ несадрьжава нища, що небы и у другомъ одъ Г. Шрайнера доставлѣно было, и тако ћу за оне читателѣ наше, кои тай послѣдныи чланакъ промотрити прилику нису имали, изводъ изъ нѣга ставити, мимогредъ моґа примѣчанія гдѣщо додати, пакъ онда као о рѣчи, коя се найвише Славенства тиче, моє властито мнѣніє у єзыкословномъ обзиру изразити, будући да ни та оба нѣмачка чланка ово полѣ оплѣвили нису.

Г. Шрайнеръ одъ прилике овако бесѣди: Г. Хаммер-Пургсталъ морао бы при нѣговомъ изреченію свѣдочанства историє и нравацъ образованія, коимъ є нѣмачкыи єзыкъ досадъ прошао, у промотреніе узети, пакъ онда пресудити, мора ли се Grätz или Gratz писати. Истина є, да се у щаерско-нѣмачкомъ нарѣчію Gratz изговара, и нѣке повелѣ старіихъ времена то исто засвѣдочаваю, но одъ г. 1092. непрекидно се у писаню Grätz, Grecz, после Grätz и Graetz употреблява, и да на єдну повелю съ Gratz или Graz тихъ 15 — 20. съ Grecz долази; да є оно у томъ засѣданію поставлѣно тврьденіе „да оне двѣ точке или чертице надъ *a* отворено *a* а не претворъ гласа тога писмена знаменую“ у обще неправилно и съ правцемъ образованія нѣмачкога єзыка, по Іакову Гримму показаномъ, у протисловію стоєће тврьденіе. Найважніи темель, кой се за оправданіе у писаню начина Gratz наводи, и на кой се удиль найвеће уваженіе полаже, єсть производъ одъ славенске рѣчи Grad, Gradec, кога Schloß, Burg знаменує. Авентинъ доводи Grätz одъ бойске рѣчи Graenicia или Gränitz и называ тай градъ Boisch-(bayerisch) Grätz за разлику одъ Windisch-Grätz, а Професоръ А. одъ Мухаръ опетъ производи то име одъ потока, край кога є найстаріи Градацъ лежао, и кой се у повеляхъ одъ 14. и 15. столѣтія Gretz именує *). Ако и ніе славенско наименованіе по томъ іощь са свимъ пресућено, то опетъ Г. Шрайнеръ Славене те чести лишити нежели, да покраинскомъ главномъ граду то име надѣли нису.

(Продуженіе слѣдує.)

СТРПЕНѢ.

(По І. В. Андрен.)

Єдномъ се састану заєдно три художна судіе света; прьвый є быо Тужећій се, коме се чинило, да є станѣ людій сама мука и беда; другій є быо Неспокойный, кои є свагда злу светскомъ противостаяо и са самомъ природомъ то саєдинити тражіо; трећій є быо Смеюћій се, коме су звуци суете, шале и смутнѣ увеселѣніе причинявали.

Често су се ова троица договарали, како бы се могло томъ злу противостати, но редко

---

*) Као извѣстно се чини, да оба ова Господина славенскому єзыку вѣща нису была, иначе небы могла Grad, Gradac одъ Gränicia или одъ потока Gretz доводити. Grad долази одъ вельх ветхога глагола хра-ти schützen тако исто као и кра-ль (König) и хра-на (Nahrung), а граница (Gränicia) одъ дужега тога истогъ смысла глагола храни-ти (beschützen, bewahren).

су се у томъ суглашавали: єръ су мнѣнія њіова єдна другимъ посве противна была.

На последку пусте себи такође Сократа и Епиктета, кои су имъ преко свега Стрпенѣ саветовали и препоручивали. Стрпенѣ є, говорили су ови, найбољій и єдяный лекъ, зла тогъ рода излечити, или ій поне умалити. Стрпенѣ є, продужавали су, коє на Бога тіо, а на люде умѣрено и сажалително дѣйствує, одъ зла се предосторожно чува, одъ суєте клони; оно єдино у стању є достићи: да добро извршава, суєтно одриче, ласканю се руга, сили уступа, а а све друго — сноси.

Д. Матићъ.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ЕГИПЋАНИНЪ.

(Съ Нѣмачкогъ.)

У Каиру, превеликой вароши Єгипетской, ноћомъ пожаръ главну џамію у пепео преобрати. Одма на Христіяне пододозрѣніе падне и таки се нађе неброєно число Египћана, кои науме за освету христіянске куће попалити, коє и учине, но пожаръ даљ, него што су мыслили, завати, и тако полакъ вароши изгоре. Ово бездѣліе разяри управителя, кои поватати све вкновнике даде; све є смрти достойне нашо, но будући да є число велико было, пресуди да жребіемъ судбину свою покушаю, и тако є свакій или жребіе живота или смрти извући морао. Младићъ єданъ, коме случайно жребіе смрти западне, плачући повикне: „О пресладка мати моя!“ Комшія нѣговъ, кои є жребіе живота уграбіо, запыта га: шта се є матери нѣговой догодило? на коє му младићъ одговори: „Шта ће садъ сирота моя мати, кою самъ рукама моима досадъ раніо, кадъ мене нестане, чинити.“ „Смири се, пріятелю мой,“ рекне комшія младићу, „дай ми твоє, а ево ти моє жребіе, я нити отца нити матере имамъ, коє бы одржавати морао.“ Великодушный младићъ нехте жребіе узети, и кадъ му га є комшія силомъ давао, изроди се вика, коя и до управителя стигне, и овай видећи таково великодушіе, обонци животъ опрости.

А. Ч....съ

ЯГНЋ И ВУКЪ.

(Съ Немачкогъ.)

Вукъ види ягнѣ, гди иде съ ярцемъ, и запыта га: „Зашто си оставіо твою матерь, и идешъ за тимъ смрдльивымъ ярцемъ? Врати се, врати се, моє драго ягнѣшце, своіой матери, коя има пуно виме млека, и тебе по твоіой вольи доити може.“ Тимъ є вукъ намеравао, да бы се ягнѣ одъ ярца разставило, и да онъ добаръ ручакъ добыє; но ягнѣ му одговори: „Моя мати є мене ярцу на сохраненіе дала, зато оћу я ню да слушамъ, єрбо я знамъ, да она мене милує. Но ты мыслишъ, да ћу я тебе послушати, и оно учинити, што ти мени кажешъ; я познаємъ намѣреніе твои сладки речій, то єсть да ме одъ ярца разставишъ, и да ме пождерати можешъ.“

НАРАВОУЧЕНІЄ.

Лепымъ речма не треба свагда веровати, єрбо обычно иду на обману, и да люде у замке увуку.

Ангелина Лазићева.

ДОПИСЪ ИЗЪ ЗАГРЕБА.

(Наставлѣно.)

Друга звѣзда є П. Прерадовићъ, лайтнантъ кодъ ц. кр. аустріанске войске. Г. Прерадовићъ бы се одгоіо у туђой школи, полакъ туђи узора. У првой младости своіой узетъ у воєну школу новомѣстну, пробави ту седамъ година одстранѣнъ одъ своє родне куће, читаюћи кньиге нѣмачке, таліянске и француске. После доће, свршивши ту школе, у Италію къ угарской єдной регименти, те поче ту стихарити нѣмачки (нѣколике одъ нѣговы пѣсама быле су тискане у покойной Кроаціи). Кодъ те регименте быяше и Иванъ Кукулѣвићъ, другъ нѣговъ, кой га наговараше, да остави туђу службу, па да иде подъ барякъ славенскій. Но текъ онда, како бы се регимента та премѣстила у Далмацію, отворе му се очи, заплаче му се срце, што є оставіо родну свою майку, па иште тражити любавь и славу кодъ туђи врата, учини покору и закуне се, остати правой майци вѣранъ до смрти. А то є садржай друге нѣгове пѣсме, оне прекрасне пѣсме, што се налази

у зори Далматинской (брой 3.) подъ именомъ „Путникъ.“*) Прерадовићъ одгоіо бы се полагъ тићи узора (найпаче романтика), но то неће чинити уштрбъ вили нѣговой, да паче то ће іой окрѣпити крила, те ће нашимъ вилама помоћи, пробити путъ на онай вршакъ, на кой є довео польску поезію Мицкієвићъ, а руску Пушкинъ. Богъ и нѣга поживіо! — Трећа звѣзда є познатый Вамъ красанъ нашъ юнакъ на перу грофъ Орсатъ Почићъ. Почићъ є роћенъ Дубровчанинъ, но онъ опетъ ніе толико заслѣплѣнъ старомъ славомъ своє постойбине, те небы порадъ сяйности видіо и слабы страна, опомыняюћи садашньій свѣтъ, нека не хвали и не слѣди на вратъ на носъ све, шта су писали стари Дубровчани, но у свему тражи зашто, шта є ньиовъ духъ произвео на свѣтло. И татаковы намъ глава треба као войски генерала; єрбо другче бытће одъ наши писаоца млаћи саме копіе — изданія en miniature стары майстора дубровачки, ньіовы мыслій и образа. Почићъ има ведро, оштро око, коє є готово наћи и у сунцу мане, и такво є око за садашнѣ време одъ найвеће вредности. Живіо и Почићъ! *)

(Далѣ слѣдуе.)

*) Осимъ ове и іоштъ други пѣсама одъ предхваленога господина, читамо у Зори Далматинской и слѣдующу, коіой због особите унутрашнѣ цѣне нѣне и у нашимъ листовима мѣста даємо.

НАШЕМЪ СУНЦУ.

Сунце жарко, сунашце прекрасно,
Домородномъ ватромъ свѣтли ясно!
Одъ изхода твога до запада
Много къ теби гледа око сада,
Да посвѣтишъ средъ велике тмине
С'єдинити єдне майке сыне!

Сунце жарко, сунашце прекрасно,
Домородномъ ватромъ гори ясно!
Одтопи насъ изъ сна леденога,
У комъ зебе братъ кодъ брата свога,
Огри старость и упали младость,
Да ій жеже єдне сврхе радость!

Сунце жарко, сунашце прекрасно,
Домородномъ ватромъ свѣтли ясно!
Ако виднишъ несретнике луде,
Што безъ туђегъ своє добро куде,
Запали іймъ свѣтло твога духа,
Да опазе жалость туђегъ круха!

ПАСЪ И КУВАРЪ.

(Съ Грчкогъ.)

Ловачкій пасъ, ушавши у куйну и видећи кувара забунѣна, згоднымъ начиномъ целу цигерицу съ паня украде, и одма умакне; окренувши се куваръ и безобразногъ незваногъ госта, гди бежи, видећи: — „бежи, бежи,“ рече му, „заиста добро самъ те уочіо, єръ ми ниси украо, већъ си ме уєо за цигерицу.“

Андр. Ч....съ и Тома.

НОВА КНЬИГА.

Збирка разныі полезныі предмета. За годину 1844. *Скупіо превео и у редъ ставіо Іованъ Петровъ, Архиваръ и Регистраторъ Суда Окр. Београдскогъ. Втора Часть. У Београду, у Кньигоопечатньи Княжества Србскогъ* 1844. — На-8 ку, стр. 162.

Сунце жарко, сунашце прекрасно,
Домородномъ ватромъ гори ясно!
На олтару храма запушћена,
Гди садъ мрачи іоште туђа сѣна,
Ты ужежи свѣће наше славе,
Да освану нашегъ рода главе!

Сунце жарко, сунашце прекрасно,
Домородну ватру креши ясно
У сва срца, коя нами патре!
Крвь є улѣ, коме треба ватре,
Да у пламъ се свемогућій дигне,
Землю држећ', неба высость стигне!!

*) Истый Г. Почићъ издає сада у Бечу велеважну кньигу подъ именомъ: „*Славянска Антологія изъ рукописа Дубровачки пѣсника съ приставкомъ народны пѣсама.*“ Ова ће кньига излазити у свезкама; цѣна є свакой 40 кр. у сребру.

Учредникъ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 13. У Петакъ 24. Марта 1844.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД *

УЗКЛИКЪ

НЂГОВОМЕ ВЫСОКОРОДІЮ

Господину

Попечителю Внутрењи Дѣла Княжества Србскогъ,

Полковнику и Кавалѣру,

ИЛІИ ГАРАШАНИНУ.

Кликни, Вило, Србству своме,
Да се ори лѣсъ и лугъ,
Да се диви свакій томе
Правый Срба братъ и другъ!

Данасъ ево настао є
Прославлѣна міо данъ,
Пуштай миле гласе твое,
Да крозъ Србскій проѣу станъ;

Србинъ свакій да упозна:
Како слави Срба другъ,
Ког' су дѣде гнали грозна
Врага, да іймъ цвета кругъ.

Садъ му хвалу труби вѣчну,
Сада шири славе цвѣтъ,
И Србину кажи срећну:
Да га знаде бѣлый свѣтъ.

На срцу му чврсто лежи
Домовина, сладкій родъ;
Предъ ньим' завистъ, злоба бежи,
По дну мора крів ходъ. —

Кликни мила, кликни ясно,
Да се ори лѣсъ и лугъ!
Ой, Иліе име гласно
Нека позна братъ и другъ!

Нѣму Србство, докъ узтрае,
Уздизатѣе славе рогъ;
Нѣму честь ће да одае,
Нѣг' да сына люби своегъ!

М. Войновићъ.

ЄЗЫКОСЛОВНЕ ВѢСТИ.

У НѢМАЧКОМЪ ЄЗЫКУ МОРА СЕ ЗВАТИ И ПИСАТИ: Grätz А НЕ Graz (ГЛАВНЫЙ ГРАДЪ У ЩЫРІИ).

(Продуженіе)

Г. Шрайнеръ є већь у 1092. 1144. 1146. 1146. 1162. 1180. 1182. и 1183. г. повеля налазіо, коe Grez садрьжаваю; истина є, да има гдѣщо и Grace, и башь найстарія повеля одъ г. 881. спомињ нѣкаква „Vodihetmu *) de Grazze," но напротивъ тому налази се повеля, кое уєдно Graeze и Greze имаю као н. п кодъ Фрелиха I. 68. одъ г. 1182, тако исто има друга повеля

*) Ове є име одъ вода и хелмъ (брьдо) састављено и одъ притяжателя Градца пріимлѣно, коe у єдно посведочава, да господаръ свой насловъ, а потокъ и брдо, на коемъ послѣднѣмъ Градацъ стои, свое име одъ Градца Града добыше.

Graecce и Grez. Маѳеј Цердонисъ у своихъ печатаныхъ дѣлихъ одъ год. 1487. пише мѣсто своега роѣеня Windschgrez. Г. 1188. био є „Ottachar de Grez.“ Меѣутимъ налазе се те исте особе и съ насловомъ до Gràz подписане, єръ се є крозъ сва врѣмена начинъ писаня Grätz и Gratz само послѣдньій много рѣѣе узаймно употребляваo. У 13. вѣку писао се тай градъ у обще съ e, ä и ae: Gretz, Grez, Grätz и Graecce. Киндерманнъ каже: „прьво нѣмачко име тога града было є Grez; скоро доѣе къ тому и t, и онъ се зваше Gretz. На оба ова начина налазисе тай градъ найчеће у найстарінхъ повеляхъ израженъ.“ Одъ туда слѣдуе ясанъ доказъ, да є крозъ сва столѣтіа у повеляхъ и печатаныхъ дѣлихъ найвыше Grez, Grecz, Grecium, Graez, Graecce, Grätz и Graecium напротивъ Grazze и Graz само рѣдко писано было. Ово послѣднѣ у савезу съ єдномъ повельомъ одъ г. 1146, у коіой се Grace и Greze написано налази, доказує одъ Г. Іакова Гримма у врѣме одъ 9. до 11. столѣтія поставлѣный прелазъ писмена *a* у *e* и кодъ имена градова; єръ онъ каже то: „тко почетакъ одъ ae (и друге претворе гласника найпаче дугога гласника) у прьву половину 12. вѣка метне, тай неће у далеко промашити.“

Нѣмачка Граматика одъ мало пре наведеного Г. Іакова Гримма (Гетингъ 1840. стр. 131 — 135 и 172 173 *) показуе, како се є по закону образованя єзыка *a* прелазомъ у *e* у гласъ ä претворіо. Професоръ Масманнъ вели у своемъ писму на професора Дра Фр. Унгера: „тому (т. є. оному одъ нѣга пріе проведеному закону) слѣдую и нѣка изъ туѣихъ єзыка понѣмчена мѣстна имена. Изъ Grad-i-z, Grad-e-z быва са свимъ по ономъ закону Grez, Gretz и после Grächz и Grätz, и тако што и Windischgrätz, Münchengrätz, Königsgrätz близу Тропаве, и толики Grätz-и у Пруской, кои се сви съ претворомъ гласа пишу, премда и они одъ Grod и Grad произлазе.“ Професоръ Масманъ писа у преднаведеномъ писму изъ царскога града (Бечъ): „при мѣстныхъ именихъ треба колико є могуће гласъ повеля изтраживати. *)

Законъ самогласногъ претвора гласи овако: „и садъ Професоръ Масманъ показуе примѣры изъ Гриммове граматике изваѣеными крозъ предугачакъ редъ наваѣаня, негъ да бы ихъ Г. Мрайнеръ овде сва именовати мого, образованіе поединыхъ претвора гласа *a* нарочито ä изъ â, пакъ онда надаље продужую: „то нека буде доста. По томъ слѣдую и изъ туѣихъ єзыка понѣмчена мѣстна имена. Изъ Grad-i-z, Grad-e-z быва по ономъ закону Grez, Gretz. Текъ новіи правописъ, кой претворъ краткыхъ гласова (ae према e, ö према oe, ü према ue) више неразликуе, угаѣаюћи оку, почео є мѣсто онога претворна e (изъ a), ä писати.“

Оно мнѣніе, да по правилу оне обе точке или чертице надъ *a* претворъ гласа знаменую, налази Г. Шр. и тымъ іощь потврьѣено, що онъ у толикыхъ печатаныхъ дѣлихъ одъ 16. — 17. и 18. вѣка мѣсто оба или съ ньими узаймно *e* надъ *a* за означеніе самогласнога претвора находи, као н. п. таквы у „описанію Щырске Херцеговине по славномъ щырскомъ списателю исторіе Аквилин-у Юлію Цесар-у Graetz 1773.“ — hätten, Prädicat, häufig, Geschäfte и. т. д., и очевидно є, да они претворъ гласа *a* не гласно *a* садрьжаваю. Г. 1566. налази се Gretz и све рѣчи съ претворомъ гласа као: Stäte, märkt и т. д. съ *e* надъ *a* снабдѣвене. Г. 1598. доходе: Gebräuchen, Räthen, Aufschlägen, Miszgebräuche и друге многе рѣчи съ ä написане. Г. 1632. Gratz а 1688. опетъ Grätz. Фрелихъ пише у своихъ дѣлихъ Graecium и Grätz.

Киндерманъ каже сврху дѣла испытателя исторіе, Аквилина Юліа Цесар-а: Annales Ducatus Styriae. Graecii 1768: „да нѣгова дрьжавна и црквена исторіа башъ у томъ изнимку чини.“ Али сврху те изнимке даe савѣстный Киндерманнъ слѣдуюће извѣстіе: „Нитко вели,“ вели онъ, „небы мого мнѣнію, како се мора Grätz писати, више уваженія дати, него нашъ Несторъ

*) Я ову Граматику іощь ни видіо ни читао нисамъ, а у овай паръ овде се у околици ни добыти неможе, дакле су ми и нѣвови закони о претвору гласника сасвимъ непознати.

*) Тако прекрасно Нѣмци Старину уважавати знаю, но кодъ насъ ю нитко ни погледа удостоити неће, премда повеля толико и башъ добрыхъ има, да бы се правописъ огледаюћи се на ньихъ до савршенства постиѣи мого.

у домородной исторіи Г. А. Юл. Цесаръ, кой толико подлиныхъ свѣдочанства у руку имаде. По несрећи именуе се тай градъ у нѣговой дрьжавноцрьквеной исторіи одъ найстаріихъ врѣмена Graz, да чакъ баварьскый Graz. Но нѣговъ одговоръ на пытанѣ показуе, да онъ, будући є одъ печатнѣ мѣста подалеко живіо, при овомъ имену Graz никаква участіа имао ніе, нити є имати мого, и да є то умысао Коректора было, *кой тимъ рѣчи по хадету долый изгледъ дати хтіяше.* Рукописи Г. Цесара, кое самъ (Киндерманнъ) после разгледао потврђую нѣгове рѣчи.“

(Продуженіе слѣдуе.)

ПИСМА ЗНАМЕНИТЫ СРБА.

Будинъ 7. Септемвра 1797.

БЛАГОРОДНЫЙ ГОСПОДИНЕ,

Мнѣ достопочитаемый пріятелю!

Пріятное Вашего Благородія посланіе отъ 30. Августа получилъ убо єсмь єще третіяго дне, принужденъ обаче быхъ отвѣтъ мой на не отложити дондеже не увѣдомихся о єстествѣ Вашего наложенія въ разсужденіи Дістріктуалнаго дѣла Вашего, о коемъ увѣрити Васъ могу, якооно отъ камеры въ Діректоріумъ послано єсть, отъ онудуже всевысочайшее рѣшеніе можетъ быти не тако скоро изыдетъ зато, что дѣло само по себѣ обширно єсть, разсмотрѣніе же єго требуетъ своего времене.

Мнѣ зѣло пріятно єсть, яко Вы изволили єсте почести писмо мое предмотомъ своея радости, кое азъ Вамъ писалъ, заеже искренно благодарити Васъ за толь пріятелское воспріятіе, егоже Вы удостонли мя єсте въ своемъ домѣ, и егоже сладостнымъ воспоминаніемъ єще увеселяюся. Благое пріятелство, и волшебная дружба суть два сладчайшая движенія души человѣческія, яже въ сладкой тишинѣ гражданскія жизни превосхищаютъ сердца наша къ небесному веселію: священная дружба, сія прекраснѣйшая дщи Небесе, самымъ тѣснѣйшимъ союзомъ сопрягаетъ чувствителная сердца, питаетъ и умножаетъ въ насъ чувство всеобщаго благоволенія, производитъ въ насъ счастливое согласіе, людемъ по общему ихъ благу толь нуждное! — ослаждаетъ намъ нашу жизнь, єдинымъ словомъ дѣлаетъ насъ благополучними. Чувствуютъ ли въ свѣтѣ священную важность и медоточную сладость дружбы? Мало! — — Тѣмъ драгоцѣнша убо єсть душа, которая єя неоцѣнимость чувствуетъ и внѣдряетъ — гдѣ дружба между людми царствуетъ, ондѣ на незыблемомъ основаніи зиждется постоянство благополучія народня, кое простирарается и къ самому позднѣйшему потомству. Сія чувствованія возобновлена быша во мнѣ въ домѣ Вашемъ, занимаху мя на всемъ пути моемъ, и нынѣ занимаютъ, зато и посылаю я въ источникъ ихъ, желая, да бы она Вамъ такожде пріятна была прочитати, якоже мнѣ суть писати. — — Мое здравіе становится убо лучше, обаче все єще должно хранити постелю. Поздравите отъ мене любезную Госпожу супругу Вашу, и прочія тамошнія пріятели моя, а Вы пріимите мое пріятелское, искреннее обятіе со увѣреніемъ яко азъ єсмь истиный Вашъ почитатель же и пріятель.

Терлаичь.

ЗЕМАЛЬСКА ПРОСТИРКА.

(Съ Нѣмачкогъ.)

Коме ніе познато раскошство и веселѣніе персиски простирака? Разнѣженый Истокаръ (Оріенталиста) гордельиво хода по ньима, кадъ у харемъ свой ступа. Но ове и све друге на свѣту простирке, непревосходе простирку земальску. Непостижима є и дивна различность нѣне шарености, коіомъ є ова чудесна простирка украшена. По ньой є природа све своє дарове просула. Нѣна кичица накитила ю є тисуѣна тисуѣнимъ степенитостіма шаре. Богови Олимпа, сѣдећи при разбою, употребили су свою умѣтность. Цвѣта є плела цвѣће, а Цересъ злато и сребро уткивала. Зора є ружичношарномъ своіомъ свѣтлосћу пруге на ньой учинила, Помона свой изобилія рогъ по ньой просула, а Венусъ украсила ю є смарагдима и рубинима. И нама свима слободно є по дивной овой простирки шетати се, безъ да она одъ своє красоте штогодъ губи. Шта више она свѣтлія и величественія быва; и остає вѣчитый споменикъ величине **ГОСПОДНѢ.**

Бераръ.

ДОПИСЪ ИЗЪ ЗАГРЕБА.

(Наставлѣно.)

Књижевность наша умножила се и лѣтосъ опетъ єднымъ листомъ: „*Зоромъ Далматинсьомъ.*“ Истина є, да Зора слѣди одвише покрайнскій свой интересъ, мало се бринувши за остале покрайне южнославенске, и држи се нѣкаквогъ правописа, кой неће башъ никога подпуно задовольити, но опетъ и она дає прилогъ свой за обште добро, и може се сматрати, као берачица одъ новы непознаты іошъ ученому свѣту народны рѣчій, одъ кои свакимъ броємъ донесе до 20 — 50 и више. Тко се дакле хоће да шта научи, има ту лѣпе згоде. И гледећи на складъ рѣчій, дає зора повода дубокому размышляваню. *Данщу* познаєте. *Кметійске новице*, коє лучъ реалне просвѣте расносе по горньи страна. уређиваю се вѣштомъ рукомъ и бистрымъ разумомъ. У горньи страна чита ій све и єдтый тежакъ. И кодъ насъ имаду доста предбройника, и свуда се са похваломъ споминю. — *Коло* — III. књига метута є већъ мѣсеца Свибня (Мая) пр. г. у тисакъ, но текъ сада є єдномъ проклувала . . tantae erat molis . . — Књига та неће быти башъ празна, него по свой прилици найзнаменитія одъ свію свои старіи сестара. Између осталога доноси найстарій южнославенскій законикъ (одъ г. 1280) и многя други озбильны стварій. — Између осталы књига, што су кодъ насъ не давно изашле или коє ће изаћи за кой данъ, явитћу Вамъ слѣдеће: *Прошастность угарско хорватска, историчке новелле одъ Л. Вукотиновића. Діо I. Штитоноша.* — Књига ова найболя є одъ свію књига ове струке, што ій є до садъ кодъ насъ угледало свѣтъ. Поредъ тога стои цѣна нѣзина у сходности времена, у коє бы изашла. Шкода те има толико тискарски погрѣшака. — *Искра*, забавникъ за г. 1144. съ чланци одъ г г. М. Боговића, Л. Вукотиновића, Дра Д. Деметра, Ивана Кукулѣвића, Антуна Нѣмчића и Ивана Трискога. Књигу ту, коя ће имати добры стварій, издає г. И. Хавличекъ и може му се рећи у похвалу, да ни єдногъ труда и трошка нештеди, да тога свога посынка што присталіє у свѣтъ спреми. Зато ће се забавнику тому приложити осамъ образа народны ношня. Књига ће изаћи до конца т. м. — *Любице*, пѣсме одъ М. Боговића. Ствари врло красне, спадаюће у врсту поезіе кротко-досѣтне (наивне). Незнамъ кадъ ће се доготовит', єрбо се писаоцъ налази садъ у Пожуну, забавлѣнъ пословима државнима. — Овы дана быо є овдѣ г. И. Трискій, па доніо нѣкакво сатиричко дѣлце: *Звеканъ узкрвнутъ.*“ Оће ли быти врстникъ свому првому лику, у коємъ є путовао Звеканъ по томъ неваляломъ свѣту одъ Валпова па до Нашица, іошъ незнамъ. Я му баремъ одъ срца желимъ, да ніє ни мало одъ своє снаге оставіо у тамномъ гробу, него опетъ узкрснуо здравъ и читавъ. Видитћемо, казаше слѣпци. И Звеканъ тай већъ се знои подъ тискаломъ. —

(Конацъ слѣдуе.)

ЗНАТАНЪ СЛЕПАЦЪ.

Прошле зиме умро є у Хумлоцу, у Ческой, єданъ човекъ, кои се звао Ваславъ Смркеръ, у 52 години живота свога. Онъ є іоштъ као дѣте одъ четири године изгубіо видъ, и у овомъ жалостномъ стаю развію му се знатна свойства, т. є. особито памтенѣ, тако, да є све знао, што є єданпутъ читати или приповедати слушао. Онъ є знао єдну Ческу кронику, цѣо старый и новый завѣтъ съ доказиванѣмъ, коя є глава и стихъ, троянску повѣстъ и т. д. на паметъ. Онъ є имао свою малу библіотеку, и последньи свои година држао є єдне ческе новине. Къ тому свирао є врло добро у віолину, и знао є до 300 народны и 200 свештены пѣсама на паметъ, тако, да є онъ при свакомъ торжеству милый гостъ бывао.

Д. Аврамовићъ.

ПОГРЕШКЕ.

У 7. числу Подунавке, на 3. бр. 1. стр. у 15. врст. *обдаренъ*, како; у 17. врст. да *са* свакимъ; у 30. врст. свѣдомосћу *духа*. На 2. стр. у врс. 7. *ньимъ* плаво; у врст. 21. *свимъ земньымъ*; у врст. 23. мѣсто *страшне*. На 4. обр. стр. 1. у врст. 16. стра *и*.

У 8. чис. на 3. обр. на 2. стр. у врст. 4. увиђа *умѣстность*.

У 10. чис. на 4. обр. на 2. стр. у врст. 16. *сама* по себи.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 14. У Суботу 1. Априла 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

ФАЛА ВРЛОМЪ И ФАЛА ЗАСЛУЖНОМЪ.

Каліопо о небесна пѣвко,
Та божески дѣла возглашавко,
Бесмртя ти у свіету твога,
Вѣчно ћу ти светиности служит',
Ма и слабымъ, ал' искренымъ звукомъ,
Умомъ ћу ти подигнути кипе,
Славит'ћу те за віека мога,
Удеси ми струне у гусала,
Дай іймъ слогу некъ сагласно єкну,
А мен' пошльи сладке изражає,
Да запѣвамъ негди на дивану,
Међу друзма и браћомъ роћеномъ,
Браћомъ Србма а родомъ юнацма,
Да запѣвамъ дѣла одабрана,
Штоно намъ се на свіету сяю,
Штоно пакъ ли одъ ньи пресяваю,
Та што л' вѣчна на свѣту остаю,
Што ли людство усрећую цѣло. —
То све у мен' духъ ми уобража,
Упућує кано невѣштога,
Грло дає кано безгрлноме,
Умъ се труди, умъ се затруднява,
Трзаюћ' се по оков'ма бѣде,
Заплетенъ є у кршеве брига,
Мутнило іймъ презирући скрозно;
Єзыкъ сплетенъ чувства є збунѣна,
А и Арфи вѣштине є мало. —
Но ам' и ты изъ горице вило,
Колик' игда, то баръ данасъ мени,
Ам' помози съ кликомъ гласовитымъ
Благодарность Србу да изявимъ,
Врсномъ Србу *Ниницћу Іовану*,
Родолюбцу а славе витезу,
Ил' Србчадце благодѣю цигломъ,
Патріоту л' давно желѣноме,
Штоно ій є у Србству ріедки,
Добродѣтель што му груди краси,
Суету му разумъ разтерує,
Духъ прозире основе истине,
Оружа се противъ вѣчногъ стыда;
Єръ онъ види и наравь му каже,
Да се вѣчность на дѣлу оснива,
Добродѣтель да изъ дѣла быва,
Но не гньила већъ Богу угодна,
Што га люби истина и правда,
И што воли сво єстество дивно;
Пакъ онъ Србства славу подранює,
Србадію духомъ оснажує,
Сирочадма животъ услађує,
Неуморно слабе подпомаже,
Да неживе у бѣди и туги,
Већъ да нехтаръ просвѣштеня пію,
И своегъ рода ползу умножаю.
Но вы друзи Миннервины Нимфа,
Любительи Муза и Грація,
Што вамъ грлу гласа є задоста,
Топлимъ грудма и духомъ слободнымъ,
Вѣку овомъ хвалу уздижите,
Оглашуйте што садъ уживате,
Одъ родбинца и своегъ отачбинца,
Што до сада ни одъ кога жива,
Ни домаћа толи одъ туђина,
Пакъ у груди дубоко смѣстите,
И поштеню вѣчномъ преданте,
Да се на нѣг' будућность угледа,
Да ревнує свога реда слави.
Тако и вы друзи ми данашньи,
И сви Срби мали и велики,
Сладке плоде што сте окусили,
Ма и мало доброте *Ниницћа*,
Са ума му име нескидайте,
Пратите га до гробова ваши,
Са любавлю и благодарношћу,

Да с' природа на насъ неразсрди,
И ругоби вѣчной насъ непреда.
Теби сада о Небесный Сыне!
Спасителю свеѣ рода людскога,
Молбу ову съ усрдѣмъ подносимъ,
Да Србинству неякомъ подпоре
По вѣков'ма и времен'ма златнимъ,
Више пошлѣшъ *Нишића Іована*,
Да и Србство изъ мрака се дигне,
И упозна твоє волѣ путе,
Тадъ ће т' славит' к'о штоно є дужанъ,
А не к'о што суєта му каже. —
Равномѣрна л' *Исидору* фала,
Што *Нишића* на то напомену;
Добрый добромъ добро одобрава.

Ранко Алимпићъ
С. В.

ЄЗЫКОСЛОВНЄ ВѢСТИ.

У НѢМАЧКОМЪ ЄЗЫКУ МОРА СЄ ЗВАТИ И ПИСАТИ: Grätz А НЄ Gratz (ГЛАВНЫЙ ГРАДЪ У ЩЫРІИ).

(Продуженіє)

Г. Хаммер-Пургсталъ найвише се позыва на то, що школске књиге Gratz пишу. Но старый Киндерманъ дає сврху промѣне имена тога града слѣдеће извѣстіе: „По уставлѣню нормалныхъ школа у земльи наће се найпре у школскыхъ книгахъ Gratz мѣсто Grätz печатано. Было є, како ми є познато, умысао єднога странога, кой у нашь изговоръ одвише повѣреніа полагаше. Тай случай медютимъ учини, да се при овдашньихъ школахъ іощь до овога часа Gratz изговара, пише и печата.“ Тако дає Киндерманъ у г. 1790 почетакъ новости, Gratz писати.

Градачке Новине звале су се одъ г. 1740. до 1786. „Grätzer Zeitung,“ гдѣ се на єданъ махъ у „Gratzer Merkur“ покрьсте. У исто врѣме зваше Меркуръ и средньоаустрійске Новине тай градъ Gratz. Тай писаня бунтъ траяо є одъ г. 1787. до 1795., но одъ онда до садъ уталожіо се є было, и надати се є, да ће и садъ као и пре изчезнути. Хаммер-Пургсталъ и самъ є г. 1800. Grätz писао.

Мы (Нѣмци) вѣкъ садъ у найкраћемъ врѣмену добыли смо петь различитыхъ начина писаня. Сви землѣписци нашега врѣмена и скоро сви изображени пишу Grätz; говорникъ у 21. скупщини нѣмачкыхъ изпытателя нарави бори се за Gratz; ученый архиваръ Вартингеръ и нѣгови наслѣдници пишу Gratz; у щырскомъ лѣтопису (1842) изяснисе Баронъ одъ Хаммер-Пургсталъ пре за Grecz неголи за Grätz, а дописникъ бранкобродскога листа обходѣня мысли, да се мора, да бы се отезанѣ гласника *а* ясно изразити могло, Graeze писати. Тихъ петь начина писаня произишли су у течаю одъ нѣколико недѣля, одъ како смо се одъ обычнога начина одвратили, и потребно є, да се, за избѣћи іощь већу сметню, досадашнѣга у обычай уведенога писаня начина Grätz придрьжавамо. —

Тако умствує Г. Шрайнеръ, како бы се славенска рѣчь *Градацъ* нѣмачкы изговарати и писати морала, и немогу мое удивлѣніе узтегнути, съ каквомъ се точностію и разборитостію Нѣмци боре, докъ начинъ писаня само єдне єдите рѣчи опредѣле, дочимъ кодъ насъ о таковыхъ стварихъ нити тко ща говори нитъ ромони, већъ пише како тко зна, неосврћући се ни найманѣ на Срьбулѣ и друге повелѣ, стои ли тамо *Князъ* или *Кнезъ* и ща ли є *я* ща ли *е*?

У наведеныхъ рѣчихъ Г. Шрайнера видимо у кратко ово:

1) Да се є славенска рѣчь Gradac, Gradec, Gradic (Градић) скоро хиляду година борити морала, докъ се є по правилу нѣмачкога єзыка сасвимъ у Graetz, Grätz претворила.

2) Да су понайвише Славени и они медю ньими стануюћи Нѣмци звали Gratz, а прави Нѣмци изъ унутарности Нѣмачке Grätz, єръ о оныхъ другыхъ по Нѣмачкой налазећихъ се Grätz-ахъ, кои су се по правилу нѣмачкога єзыка већъ утврьдили, никакве разпре нейма.

3) Да Г. Шрайнеръ надъ Г. Хаммер-Пургсталомъ у толико побѣду одрьжава, що не само већа часть повеля, него и правило нѣмачкога єзыка за нѣга говори, о чемъ ћемо се изъ наведеныхъ примѣра такы освѣдочити.

Нѣмци изговараю и пишу оне рѣчи, коє се и у другыхъ єзыцихъ находе, и рѣчи су Gradec подобне на слѣдећій, пре стране, пакъ онда нѣмачке рѣчи садрьжаваюћій начинъ:

Kar-i-nthia.	Ker-nden. 1) / Kär-nthen.
Gor-i-ca.	Gör-z. 2)
Mart-i-s.	Mär-z.
Gam-i-za-ti.	Gäm-se. 3)
Mur-i-ca.	Mür-tz. 4)
Kol-i-n.	Köl-n. 5)
Gran-i-ca.	Grän-ze. 6)
Sabl-j-a.	Säbl. 7)
U-b-i-l.	Übl.
Прьс-і те.	Brüs-te.
Брьи-ь.	Brün. 8)
Notar-i-us.	Notär.
Commisar-i-us	Kommisär.
Popularitat-i-s.	Popularität.
Popular-i-s.	Populär.
Dan-i-a.	Dänemark.
Nur-i-nberak.	Nür-nberg. 9)
Tur-e-k. 10)	Tür-k.
Boh-e-mia.	Böh-men.
Bor-i-sa. 11)	Bör-se.
Iun-i-or.	Iün-ger.
Мон-а-хъ	Mön-ch.
Hol-o-muc. 12)	Ol-mütz.
Grad-a-c. / Grad-e-c. / Grad-i-c.	Grädc, / Grätz, / Grätz.

Изъ тихъ предложеныхъ примѣра види се, да гдѣгодъ у туђихъ рѣчихъ *a*, *e*, *o* и *i* стои, и у нѣмачкомъ єзику избаци се или болѣ рѣћи кодъ предидућегъ или кодъ слѣдуюћегъ (Olmütz.) самогласногъ писмена метне се, онде се у нѣмачкомъ єзику *a* у ä, *o* у ö и *u* у ü претвори, коє Нѣмци претворъ гласа (Umlaut) зову. Оне двѣ точке или чертице ниша друго незначе, него *i* или *u*, и я ово називамъ *копула* (свеза), коя *слово* (Praedicat) съ *пологомъ* (Subject) веже н. п. гор-і-ца, гор- значи слово, -і копулу, а -ца (=ща) пологъ.

(Ковацъ слѣдуе.)

1) Овако се налази у повеляхъ од г. 1301. напписано.

2) Градъ у Краньской край рѣке Сонче међу горами.

3) Я знамъ да Нѣмци пишу: Gemse (дивля коза), но они пишу и hängen и Henker, а писали су Grez и Grätz, како смо горе видили.

4) Рѣка у Штырской.

5) Градъ край рѣке Рѣне (Rhein).

6) Нѣмци пишу и Grenze, а пре су писали: Granitz, Granitzer (Graničar).

7) Одъ глагола са-бити, дакле съ прошастымъ дѣлателнога: са-била=сабля.

8) Главный градъ у Моравской.

9) Градъ у Нѣмачкой.

10) Ово є необычно єдинствено одъ *Турци*.

11) Мѣсто са-боръ и у срѣди копула (свеза): і.

12) Градъ у Моравской, и долази одъ Хольмъ = брьдо; Olmütz є то исто що и хольмићь.

ПРЕРАНА ЗРѢЛОСТЬ УМА.

(Съ Грчкогъ.)

Тома Вилхелмъ Малкинъ познавао є Англезку азбуку пре него што є говорити почео; при свемъ томъ што ніе могао изговарати писмена, опетъ ій є показивао прстомъ, кадъ є чуо кога име. Кадъ є было одъ 2. године почео є говорити, и одма читати и писати съ таковомъ брзошћу, да они, кои нису были очевидци тога, никако вѣровати немогау. На данъ рођеня нѣговогъ, кадъ му се трећа навршила година, напише своіой матери писмо, и после неколико мѣсецій другимъ сродницыма своимъ. У четвртой години познавао є Еллинску азбуку, и толико є успѣо у Латинскомъ, да є сачињавао теме посведневно са довольномъ правилношћу. Пре нег што му се навршн пета година, ніе само читао са довольномъ и савршеномъ лакоћу, него є и разумевао чудесно. Карте Географическе преписивао є изредно и оригиналу равно; учиніо є неколико преписанія одъ главны дѣла славногъ живописца Рафаила, тако согласна са штиломъ и чувствомъ оригинала, да вѣште судіе предсказиваy кадъ бы се дао на художества, было бы єданъ одъ найславніи мужева.

Одъ седамъ година списывао є басне, и учиніо неколико проба у поетическомъ сачињенію, коє небіяу презрителне; но найпаметодостоиніе показиванѣ урођеногъ нѣговогъ уображенія быяше то. Идеа нѣкогъ несуштествуємогъ мѣста удубила се тако у уму нѣговомъ, да ю є ясно и живостно описао. Овогъ веселогъ мѣста мечтаваше себе царемъ; имао є намѣренѣ да спише исторію нѣгову, и заиста є произвео раздѣлене части неке. Сачини географическу карту уобразителне ове землѣ, дававаюћи имена своихъ собственогъ изнађая главнымъ го-

рама, рѣкама, градовима, єзерама, селама и т. д. Ова є последня игра нѣговогъ великоумія была; єрбо ово младо чудовиште науке умре пре него што наврши седму годину живота свога. Євтиміє Аврамовићъ.

ДОПИСЪ ИЗЪ ЗАГРЕБА.

(Конацъ.)

У Сплѣту се штампаю съ новымъ правописомъ *пѣсме разлике на поштенѣ божѣ* и т. д. Књига бытѣе за наше црквенике одъ користи. — У Трсту изашла су два дѣла на нашемъ єзыку одъ г. *Иліе Рукавине Љубачкогъ:* 1. Kroatische Abänderungs-und Abwadlungsformen nebst den Regeln der Ausprache und Rechtschreibung. Grammaticalisch verfasst von Elias Rukavina v. Liebstadt. 2. Граматички *превводди* (!!!) за народно казалиште одъ *Иліе Рукавине Љубачкогъ*. Я се нећу пуштати у протресанѣ унутарнѣ цѣне ти дѣла, єрбо ій нисамъ іошъ прочитао. Но држатћу се само єдне ствари — наиме ортографіе. Вы сте већъ опазили изъ єдне рѣчи наслова нѣшта новога. Да богме, време одъ реформаціе іошъ ніе прошло кодъ насъ: єдва што є *Даница* извела тежкимъ мукама (и све што су іошъ помогле найболѣ силе западне стране южны Славена), тежкомъ мукомъ и невольомъ (кажемъ) реформу, коя южный западъ Славена приближуе осталому сѣверному западу Славенства, ето ти опетъ г. Рукавину, кой є у своіой глави пронашо, да та реформа іошъ ніе савршена, него да треба на начинъ таліянскій предвостручити нѣкоє самогласнике, 1) за да се тимъ назначи ударенѣ прећашнѣгъ самогласника. А ту реформу подузе г. Р. на свою руку, безъ да є кога пытао или слушао савѣтъ, да одустане. Да є г. Р. на нашемъ обзору звѣзда првогъ блеска, бы му се опростило, єрбо каже се, да велике главе имаду своє мухе (Launen), у коє неваля дирати, него праштати ій због величине или величанства исте главе: но како може г. Р. у књижеству нашемъ као Deus minorum gentium метнути се у позитуру реформатора, то никако докучити неможемо! Заръ ли мысли г. Р., да се реформе тако лако уводе у животъ, као што се раћаю лако у глави и напишу на артіи? Или може быти мысли, да свѣтъ сваку реформу тако радо гледа и прима као какву нову хальину? Нипошто! Да шта: свѣтъ мрзи на сваку реформу, као медвѣдъ на човека, кой га тера изъ свогъ брлога, и пази добро, кой се на тай посо спрема. Тко око реформа мысли и ради, нека прво добро промысли, єсть ли реформа нѣгова заиста *времену сходна, необходно нужна?* Тко то нечини, нагазитће као врагъ на великій петакъ, раздражитће свѣтъ противъ себе; неће (истина) пролити крви, него много жучи и црнила, коє бы се могло повратити у болю сврху. Тако нека и г. Р. пази, да ненагази, и прієодустане, него побуни свѣтъ противъ себе и изпразни кесу свою на штампанѣ књига, одъ кои ће онъ главомъ остати найвѣрніи и найискреніи читатель и штователь. — *Матица* наша, како ће Вамъ быти познато изъ Новина, врло добро напредуе, главница се све више допунява. *Гундулића* прво дѣло, што Матица издае, бытће т. м. готово (како? то знате такоћеръ изъ Данице). После тога издатће Матица *Деметровъ* историчкій драма „*Теуту*.“ По свой прилици те ће и наша Матица временомъ издавати свой часописъ. Боже дай, да бы се то стало што скоріе! Свако дружтво књижевно треба да стече упливъ и правацъ књижевный, но тога другче стећи неможе, него средствомъ књижевногъ листа или часописа. Dixi et salvavi animam meam! — И. Р. Ц.

*) Овде є г. дописатель сигурно хтѣо рећи „*сугласнике,*“ єръ г. Рукавина, како изъ горе наведене у наслову рѣчи „*превводди*“ видимо, неудвоява „*самогласнике,*“ него „*сугласнике.*“ — Ову прилику неможемо пропустити, да непразнимо наше велико удивлѣнѣ на рѣчи истога г. Рукавине, коє ономадне у 13. брою *Зоре Далматинске* читасмо. Онъ претресаюћи преводъ г. Димитрія Поповића „*Освалдъ или златотворно село,*“ каже „да небы много жертве одъ стране *Сербалях* стаяло, ако биду 1) и они *латиска слова* за свою књижевность примили, будућ да већ и онако половицу *латиники слова* употриблява-

1) А ха, г. граматикеру, дакле „*биду!*“ То є сигурно по Вашимъ спрезаня формама. Мы ій іоштъ нисмо срећу имали читати, но изъ овога можемо судити, како су основане и савршене! Кодъ насъ „*биду*“ кажу дѣца кадъ проговараю, а мы велимо „*буду.*“ Учредникъ.

ю, 2) дочим она друга пола *герчких писменах* такову моћ и оштрину нма, да само сузе штіоцу на очи наганя.“ Гди є быо, и шта є мысліо г. Р., кадъ є ово написао, мы никако докучити неможемо; зато га само сажалѣвамо као краткоумна и педантична човека, кои ни мало далѣ одъ носа негледа, и неразбира, шта, и кадъ, и коме говори. У мѣсто да своима роћацима препоручує, да драгоцѣну старину, кою су сами одбацили, и кою су Срби за себе и за њи вѣрно сачували, на ново пригрле, онъ є радъ и Србе одъ нѣ да одврати!!! ??? O Coridon, Coridon quae te dementia cepit? — Смилуй му се Боже, єръ незна шта твори! — Учредникъ.

2) Іоштъ лѣпше, него „*биду.*“ Швабе и Грци, кадъ Србски говоре, у мало коіой рѣчи да непромѣну *е* на *и*; и мы смо имали више пута прилику такове чути да рекну: *трибамъ*, а напротивъ наши люди кажу *требамъ*, дакле и „*употреблямъ,*“ а не „*употриблявамъ.*“ Sapere aude! Учредникъ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 15. У Суботу 8. Априла 1844.

СИНТЕЗНА БИБЛИОТЕКА БЕОГРАД

ЮГОСЛАВЕНКАМА.

Да самь я орао птица поносита,
Посѣтіо бы самь стѣне Велебита,
На гласу юнака южну домовину,
Предивны Славенскій красну отчевину,
Па бы іймъ летећи подъ небомъ высокимъ,
Овако шуштао са криломъ широкимъ:
„Доба є и вама тако се дизати,
Као што видите мене узлетати,
Яо! тежко ономъ, тко по земльи пузи,
Єръ га у прахъ душманъ газећ' свагда грузи!“

Та я да самь ласта, пролѣтна птичица,
Злаћенога ютра єдина Царица,
Већъ бы ми се пѣсме предъ зору ориле:
„Све у помоћъ слави югославске Виле!
Тко на бонштy борца срета, добро спава,
Ал' радостну чека побѣду бадава!“

Да самь я славуякъ любко пѣваюћій,
У тамноме лугу тужно уздишући,
У свакой бы башчи, и у свакомъ гаю,
О ономе земномъ радо пѣв'о раю,
Кои нама мора быти домовина,
Юначки отаца славна дѣдовина!
„Ей, ей домовино! ты чаровно име,
Та слаћа си него чеду майке виме!
Югославке тебе више су цѣниле,
Него животъ самый, и драгане миле!!“

Да ли самь я съ вами румени облацы,
И вы громовити надкривански мрацы:
Живо бы самь тамо съ громомъ поюріо,
Гдѣ є душманъ худый Славу подярміо!
Па бы се пруѣала муня огнѣвита,
На непріятеля Славе страовита!

Да Славенкій куће у миру већъ цвате,
А пѣсмомъ се оре горе, долѣ злате!

Ей, да самь я съ тобомъ Кралѣвскій Дунаве,
Ты свѣдоче наше некадашнѣ славе!
То бы су на моє воде уздишуће
Врвиле Славенке на югу цветуће,
Струяма бы ноге ньове любіо
А таласи любко ньима жуборіо:
„Ой вы красне топломъ на югу дѣвице,
Драге намъ Славіе любезне кћерице,
Тамо вы све очи радостно бацыте,
Гдѣ Вы у облацы светый Крыванъ *) зрите,
Пружаюћи своє бісле деснице
Словенскимъ дѣвама к'о добре сестрице;
Єрбо намъ є завѣтъ вѣрне узаймности,
Непокретный темель Славске будућности.“

Богославъ Носакъ.

ЄЗЫКОСЛОВНЕ ВѢСТИ.

У НѢМАЧКОМЪ ЄЗЫКУ МОРА СЕ ЗВАТИ И ПИСАТИ: Grâß А НЕ Graß (ГЛАВНЫЙ ГРАДЪ У ЩЫРІИ).

(Конацъ.)

Мы Славени Нѣмцима и другымъ народима, ако кою славенску рѣчъ у ньиховыхъ єзыцихъ слутимо, нетреба да намећемо, како ю они писати имаю, єръ свакый єзыкъ има своя правила, и мы се само тимъ задовольити морамо, що смо тако срећни были, туће рѣчи за славенске или за сродне съ ньими познати; єръ ако ћемо дотеривати, да се такове рѣчи по правилу славенскога єзыка пишу, онда ћемо имати славенскый а не нѣмачкый єзыкъ; та ни сама славен-

*) Планина у горньой Угарн.

ска нарѣчіа нисмо кадри подъ єданъ калупъ дотерати, пакъ ща ћемо онда о другыхъ єзыцихъ говорити. Тко бы дакле захтевати мого, да се н. п.: мука Mühe, муха Mücke, млинъ Mühle, мати Mutter, пуле Füllen Fohlen, пламъ пламонъ Flamme, стрѣля Strahl, клада Klotz, уврхъ über, прудити fruchten и т. д. или башь и саме славенске рѣчи: Погубилъ и погибель, хладъ и ледъ, — єднако пишу, премда се њихова сродность одрећи неможе; тако стои и са *Градьцъ* (Градацъ) и Grätz, ово є нѣмачко и оно славенско образованіє.

Оне рѣчи, коє се чине, да су изъ славенскога єзыка у нѣмачкый прешле, већомъ страномъ видъ славенскогъ родителнога на себи носе, и тимъ понѣщо доказую, да су одъ Славенства узете, н. п. Mühe муке, Mücke мухе, Liebe любе и т. д.

При размышляваню овыхъ єзысословныхъ стварій немогу да незавапимъ: Славіо! славіо! како годъ у теби никада сунце незалази, тако се исто и твоє рѣчи по широкомъ свѣту и чакъ онуда, гдѣ о Славенству ни помыслити небы могли, простиру, и кадъ се твоя єдна рѣчъ као *Градацъ* скоро хиляду година борити морала, докле є нѣмачкый видъ узела, у коє дакле врѣме мораю она наименованіа, коя ученый свѣтъ заєдно са сванутком европейске историе поздравля, спадати, кадъ су њими слѣдеће предмете крьстила као що є: *море* одъ *мохрое=мокрое; адранско* море одъ *адро* данасъ *нѣдро*, Sinus (зато се зове и *синѣ море* одъ глагола *снѣсти=вести*), Busen: *Далмати* изъ *дохолма ти* и кадъ се спое онда буде *Д'алма-ти* т. є. становници до хлма (hämus, веле-бить=хелемитъ, хеле-мище=велебище=велебићь.); *Дра-ва* одъ глагола *дра-ти* reißen и полога *ва* (ова), дакле данашнѣмъ изговору *дерава* der reißende Fluß; сава одъ *са-хва-си-ти=съквасити*, дакле der überschwemmende Fluß одъ тога є глагола и латински aqua; тиса одъ прилагателнога *тих* и полога *са* (съ, са, се), инда der sanfte Fluß; Дунав Donau одъ существителнога *до, донъ, дно, дано*, одъ туда и прилагателно дон-ьій, копуле *а* (и, und) и полога *въ* (овъ, ва, во), дакле der tiefe Strom; Ister одъ славенскога *взеро*, дакле Istriani=єзерани; ердель одъ славенскога *хрдъ* данасъ 'ртъ (= брьдо), копуле *е* и полога *ль* као у учитель; Suez, єзыкъ медю средуземнымъ и црвенымъ моремъ, одъ славенскога глагола свезати, дакле Svez?

Вѣща єзыкоиспытателя могле бы саме изъ старославенскога єзыка горе наведене рѣчи: *мохрое, хлопъ, ядро, снѣсти* и *драти*, убавѣстити, да є данашныій црьквеный или старославенскый єзыкъ — єзыкъ старыхъ Илыра быо, коє исторіа са своимъ почеткомъ споминѣ, и суетно є напрезаніє оныхъ нашихъ списателя, кои се труде доказати, да Илыри нису Славени (ово име текъ у петомъ столѣтію починя се спомињати) были, єръ ихъ праведно пытати можемо, да кои народъ надеде, ако не Илири, мору и горе наведенымъ рѣкама имена, коя свойствама тихъ тако точно и данданасъ одговараю? Ако ми Богъ и срећа послужи желимъ се съ врѣменомъ мало дублѣ у тай посо пустити, и сада само примѣтити морамъ, да є жалостно и помыслити а камоли дочекати, да бы єдна, као що Обще Новине кажу изгублѣна азіатска стража ма кою грану те велике и древне Славіє, коя исто тако стара као и име мора и дунава, при уваженію своє древности у азіатскый народъ претворити могла.

Концемъ г. 1843.

Т. Брькићъ.

ОСНОВИ ФРИДРИХА ВЕЛИКОГЪ

Одломцы изъ нѣговы Списанія.

Наблюдаванѣ закона єсть єданъ єдинитый основъ, кои є люде приморао, князове надъ собомъ поставити; єръ то є правый узрокъ суверенитета.

Найвећа є несрећа, кадъ зломысленику испадне за рукомъ наговорити владѣтеля, да є нѣговъ интересъ одъ интереса свои поданика различанъ; у томъ случаю постає онъ, безъ да зна због чега, *непріятель свога народа.*

Цѣль свакогъ законодавства єсть обште *благостанѣ*. Погледамо ли поступанѣ наймудріи законодавателя, то ће се видити, да закони свагда духу народа, за кои се издаю, сходни быти мораю.

Владѣтель кои духъ и срце изображено има, свагда ће своє расходе и трошкове на ползу свога народа прорачунити.

Вештина и знанѣ установлявати порезу састои се у томъ, трошкове тако разделити, да се народъ неугнѣтава.

Истинито богатство народа састои се у обдѣлаваню землѣ. Али знаменита точка єсу Фабрике и трговина. Земля она у коіой се равно-

вѣсіе трговине у томъ стању налази, да є увозъ већій него извозъ, пада одъ године на годину.

Онай владѣтель у половину само испуњава свою дужность, кои се само исключително за ратника приправля, єръ смешно є, да онъ *само* войникъ буде.

Нико није рођенъ, да робъ свога сочовека буде.

Она є религія найболя, коя найвеће вліяніе на нравственость има, и люде блажіима и добродѣтелніима чини.

Нема нигди никакве религіе, коя бы се у призрѣнію морала здраво єдна одъ друге разликовала. Правителство дакле може ій равнодушнымъ окомъ сматрати, и оно мора свакомъ слободу оставити, да онымъ путемъ путує, кои ће га у царство блаженства увести. Онъ нека є добаръ грађанинъ, то є све, што правителство одъ њега тражити и искати има.

Воспитаніе младежи єсть єданъ одъ найвећи предмета за правителство. Истинито добро државе, користь и њена слава изискую, да є народъ изображенъ и наученъ. Я желимъ имати учителѣ, кои нису суєвѣрной побожности одати, али опетъ способни младежь къ добродѣтельи руководити и за полезне и искрене членове државе изобразити. А што се философіе тиче, она се одъ свештеника предавати немора, него одъ светскога човека, єръ то бы толико значило, да правдословъ офицыра воєный єксерцыръ учи

Философія є Прометей, кои є небесну свѣтлость на землю донео, да родъ човеческій одъ преразсуђеня и заблуде ослободи.

Свакій владѣтель дужанъ є почитовати и пазити обште мнѣніе.

Сваке Новине, ако ће любопытне и интересантне да буду, нетреба да се чега устручаваю.

Бераръ.

ПРИСУТСТВІЄ ДУХА.

У години 1812., када се є нека часть великобритански морски и пѣшачки офицыра у єдной колеби не далеко одъ вароши Мадраса при ручку налазила, случи се да се єданъ грдне величине тигаръ међу њи однекудъ увуче, и одма некогъ младогъ ту десившегъ се юнкера шчепа, и на своя леђа бацы. Овако изненаднымъ долазкомъ немилостивогъ госта уплашени офицыри лате се оружія свога и повуку се неколико корakляя натрагъ, сматраюћи само непріятногъ госта, како съ репомъ своимъ у єднакой мѣри, то на леву, то на десну страну баца, као да бы несматраюћи на множину њіову у некомъ двоумію био, како бы сирѣчъ, іоштъ єданъ грабежъ учинити, или съ учињнымъ већъ одъ претеће му опасности избавити се могао. Они, премъ да су знали, да тигаръ пре, неголи ће животно каково напасти, обично съ ударомъ предньи ногу, задубивши у исти ма и нокте своє у главу, свладати обичствує, ал' ій овде предпаведеный сирѣчь прекообычайный поступакъ госта њіовогъ у мыслима осуєти и довольно увѣри, да свако животно, у нуждномъ и потребномъ случаю, необычествує користи своє, на єданъ спомателный начинъ снабдѣвати. Младићъ истый, кои є на леђи непріятеля своегъ недвижимъ лежао и предметъ саболѣзнованія био; није опетъ никако околостоеће одма и то одважително да на непріятеля нѣговогъ изъ оружія свога ватру баце, и съ тимъ нѣга избаве, побудити могао; а то зато, што су они о смрти нѣговой двоумили, єръ у противномъ случаю могли бы и єдно и друго у єданпутъ убыти. У овомъ њіовомъ незнаню и двоумѣнію, спазе на єданпутъ, да се рука истогъ младића полагано диже, при чему помысле, да су то послѣдни знацы, коима се душа одъ тѣла разставля, и текъ што су наумили, да освету надъ тигромъ учине, кадъ на њіово велико удивлѣніе мнимогъ звера на землю недвижима мртва, а младића съ крвавымъ у руцы ножићемъ, кога є изъ срца непріятеля своегъ извадіо съ побѣдомъ стоећа виде. Какова є радость и какова су чувства зрителя тада была, то свакій читатель, познаваюћи духъ и характеръ овога народа, лако себы представити може. — Кадъ є дакле истый младый Юнкеръ ближе къ дружству своимъ дошао, то на многа нытаня, каже іймъ да є у исто време кадъ є одъ њи бадава избавлѣніе очекивао, на ту мысао дошо, да кротко свога похитителя стоянѣ на свою ползу употреби, и тако безъ дугогъ размышляваня одважно рѣшіо се, и ножъ, кога є у цепу при себи имао, полако, како га нѣговъ похититель спазіо небы, извадіо, и у срце, коє му є на згоди было, углубивши му га, тако себе спасо.

П. І. О.

РУСКІЙ ЦАРЪ, ПЕТАРЪ ВЕЛИКІЙ И СНАЖНЫЙ АВГУСТЪ, КРАЉ ПОЉСКІЙ.

При састанку єдномъ овы Монарха, као што є познато, да су обоица тѣломъ особито снажна была, сребрнъ таньиръ, кои є предъ Краля Августа метнутъ быо, учини му се, да ніе добро чистъ; узме га, те савіе у трубу као артію и бацы. Петаръ великій ніе хтео за ньимъ остати, него и онъ учини тако исто. Затымъ Краљ Августъ узме єдну велику сребрну чинію, те є сву съ рукама стиньи. Одма му покаже и нѣговъ пріятель Петаръ Великій на другой сребрной чинiи, да и онъ исто тако може учинити, те тако є было све сребрно посуђе у великой опасности, да га ова двоица сасвимъ не униште, докъ Петаръ Великій ніе овомъ препираню чрезъ то край учиніо, што є своимъ госту рекао: Августе брате, мы тинъимо и савіямо сребро; айде болѣ да мы шведско гвожђе савіямо.“ (Они су у оно време были на Шведе завоєвали). —

Другій путъ, кадъ є Августъ са своимъ саюзникомъ, Петромъ Великимъ гледао боренѣ бикова, дочепа рукомъ єдногъ быка за рогъ, и на єданъ ма са сабльомъ одсѣче му главу. „Чекай,“ викне Царъ Петаръ, „и я знамъ єдно художество.“ Онъ даде єданъ цѣлый комадъ чоє донети (у комъ є до 30, рифій было), бацы га у высъ и долепадаюћій комадъ чоє съ єднымъ саблѣ ударомъ пресѣче. Краљ Августъ колико є путій пробирао учинити онако, ка што є Петаръ Великій, ал' ніе могао комадъ чоє пресећи. „Поклони ми ту саблю“, проговори Петаръ, она бы ми нуждна была, да аждаяма, коє бы се подигле, главе одсѣцамъ.“ Краљ даваюћи му саблю съ овымъ рѣчма: „Смрть Татарима! а животъ и милость подайницыма.“

Д. Авраамовићъ.

КНЬИЖЕВНА ВѢСТЬ.

Славна дѣла Дубровачки пѣсника леже, на велику штету народне книжевности, већомъ части у рукопису или у стары книга забачена и непозната. Но и таквы сбирка свакій данъ быва манѣ, и зато мыслимъ, да ће быти драго целомъ Славенскомъ Обштинству сазнати, да ће се почети издавати у Бечу и то већъ до идућегъ месеца

СЛАВЯНСКА АНТОЛОГІЯ

изъ рукописа Дубровачки пѣсника, съ приставкомъ народны поэвка.

У овомъ избору быти ће као у вѣнцу сплетено наймирисніе цвѣће Дубровачке башче, кои себи свакій родолюбъ лако ће моћи прибавити, и видивши, како су наши стари пре четиръ столѣтія говорили и писали, нагледати се ньіове красоте и изгледе оне слѣдити и придобити. Прва книга садржават'ће само найстаріе пѣснике 15 и 16. вѣка. У то доба пѣсничтво наше све врсти пѣсама произведе; и као што намъ найстарiи Ђорђе Држићъ изгледъ дає любезнога пѣваня, у коіой врсти и Златарићъ се яко узвыск: исто тако налазимо у пѣсми младога Мароє Држића и Налѣшковића драматике, у Ветрановића, Чубрановића изгледъ балада, у Демитрића, Бобалича и Ранине изгледъ моралны и други научны пѣсама, у Налѣшковића и Раньине боголюбны; у Лукарића и Бабулинића превода изъ грчкога и т. д. Одъ свію ти пѣсника находитће се у нашой книжницы неколико пѣсама, и скупитель є найвеће настояо на то, да книга та содржава найболѣ комаде разны врсти пѣсничтва, тако ће и исказати различность метра, конмъ су се наши стари служили.

Подписаный скупитель моли дакле све родолюбе, да бы изволили по славны градовы наши држава, гдигодь се ова наша рѣчь разуме, сакупляти имена ГГ. Предплатителя, текъ послати ій долеподписаному у Бечъ, Rauhensteingasse Nro 932. — Цѣна прве книге єстъ 40. кр. у сребру. Цело дѣло изићи ће у три книге.

Грофъ Орсатъ Почићъ.

Мы смо већъ о овой книги споменъ у нашимъ листовима учинили, но сада на молбу велехвалногъ Г. Издателя ставлямо овде цѣло нѣгово обявлѣніе, препоручуюћи свакоме пріятелю народне книжевности ово у нашемъ славенскомъ свѣту до сада єдино тога рода дѣло. Тко се изъ Србіе пренумерирати жели, нека се, съ положеномъ напредъ цѣномъ, кодъ подписанога пріяви.

Учредникъ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Книгопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 16. У Суботу 15. Априла 1844.

ВРХОВНА БИБЛИОТЕКА БЕОГРАД

ЦВЕТА САСА ДОЊИЋЕ НАМЪ СПАСА.

Ярко Сунце, развіяй пупольке,
(И лаори нек' се съ тобомъ сдруже)
Єръ пупольци — зиму боравивши —
Лице желе показати творцу! —
Око блене, неразбира боѥ,
Чрезъ глупости кадкадъ срце страда *)
Налакомо л' **) узме? тужно пада.
Плавило ти црнило пропасти,
Над' кою є што надвиси точку,
А подъ кою што надъ ньоме лежи,
А у точки видъ у распласъ бежи —
Ти дужину и ширину тражишъ,
А невидишъ кадъ изведешъ пруге
Две у накрстъ, те помоле краке,
Да у пропасть умъ и срце пада! ! —
Даклемъ вара насъ природа майка?
Слабъ намъ єзыкъ, ахъ! слаба сказалька,
Єръ душевный єзыкъ неодличи,
Слабо намъ є и сво наше знанѣ,
Єрбо намакъ тѣла пругомъ значи. —
Єднолетке у нѣкой дальини
На краєвы лажно примицуѥ
А на стади — шире показуѥ.
Три лалета одъ румене боѥ
Кадъ се изпне сунце на степене
Одладицомъ іошъ єданпутъ трои;
То су брои, кои се не роѳ
За светского творца и држевца,
Смртнога су ока лажни крои —
Одкудъ знаде штоно непознаѥ?
Патня га є майка и дадиля
Научила, на правацъ извела . . .

Порезала знаке и замаке,
Па мракъ тера силомъ на опело! —
Даклемъ творче! єдно най ни добро:
„Ногомъ поћи, у природу нићи,
„На прагъ ступит', пакость погазити,
„И варварству жигъ на чело внити
„Да невара време, временика!! —
И поганцу знаду баке лека,
Пакость, зависть, гадно опаданѣ,
(Три бодльике, погана кићанка)
Три су Фрине, не бы л' све три свисле,
Прва треб' да цркне у повитку,
Другой пупакъ никадъ незарасто,
Трећа треба челенку да носи
И да су іой сад' ово поноси:
„Десно, — коло мука породилѣ,
„Да уздан' на поган' — опадника,
„Лево, — ница, кандилце и жижакъ,
„Да пробія пропасть на све стране
„И вапіе, єръ є лако тѣлце —
„А у среди срце невесело
„Окол' нѣга мунѣ и протисли
„Да се грле, на прелазку *) куме
„И напиню теме и одпиню. —
Савіячомъ цветъ у сунце ниче
Кадъ стативо измакне иу жилу,
И развенча с' точкомъ за комъ тежи, —
Скотъ уздане, и за нечимъ тужи, —
Вреднін є, нег' неуки мужи — —
Крстити се, зрнца помицати,
Кланяти се очи превраћати,
Любити се, побратимомъ звати,
А газити, што природа диже,
И низити, што теранѣ виси,
И тражити росу окол' полдне,
И любити Фрине одъ милине,

*) Фисіологическа боя?
**) Патологическа боя?

*) На гршв.

Божю искру, што съ плавине слети,
У одежду унинія смести,
Безтрага му име и презиме,
Онъ с' противи блисту божѣмъ листу!! —
И раздвая Бога одъ Божества,
И дружи се съ Момомъ *) ноћнымъ сыномъ,
Па се руга дану и дневнику,
У комъ му є име записано,
Те са Фриномъ хити у кольиво —.

Ђ. М.

ВРАТА УНГАРСКЕ ЗЕМЉЕ.

(Изваћенно изъ писма єдногъ страногъ путника.)

Унгаска земля подобна є великомъ котлу, кога узвышеный край чине карпатске горе, Алпи и илирски и влашки брегова. Укругу овоме заключена є издубљена равница, кою две главне рѣке: *Дунавъ* и *Тиса* пресѣцаю, и, провальиваюћи бреговитый кругъ онай, землю унгарску обколяваюћи, отвораю троя врата, или пролазка, крозъ коє су народи у стара времена гомиле своє у предѣле ове изливали. Ова троя врата налазе се: *прва* кодъ *Пожуна*, онде, где Дунавъ између Карпата и Алпа у землю ову улази; *друга* кодъ *Београда*, где Дунавь, у долини међу србскимъ и банатскимъ бреговима пролазећи, землю ову оставля; а *трећа* кодъ извора *Тисе*, где є ова рѣка у течаю своме равницу отворила, коя се пэредъ нѣ међу гради мъ ердельскимъ и унгарскимъ Карпатима скоро до самога гребена найвыши Карпата пружа.

Крозъ *прва врата Пожунска*, на кои прагу є негда славный градъ римскій, *Карнунтумъ*, лежао, пролазили су народи унгарски на западъ; овуда су излазили дивльи Хуни Атилови, и грабежни Мађари Арпадови, да муче и плѣне Нѣмачку и западну Европу; овуда су прошли Турци, кадъ су држали Будимъ и найвећу страну Унгарске, да юрише на Бечъ; но туда су и западни народи, особито Нѣмци подъ великимъ Карломъ и нѣговимъ наслѣдницима долазили, да ове дивлѣ номаде за учињено зло казне, и доцніе, да као граћани овде живе, вароши зидаю, и западну изображеность посаде; крозъ ова врата путовали су побожни Нѣмци, нѣмачки и француски кралѣви, молитве поюћи и крстомъ означени одъ Рима и сѣвернога мора у свету землю Палестинску; и овуда су пролазили аустрійски владаоци са своимъ четама, да своє наслѣдіє одъ Турака ослободе, а найпосле туда є прошла войска великога Цара француского, да Аустрію у Унгарской побѣди. Крозъ ова врата су дакле пролазиле изъ Унгарске на западъ дивлѣ орде азіятски варвара, а са запада у Унгарску дошло христіянство и западна цивилизація.

Друга главна врата су кодъ *Београда*, и ту є онай чворъ, у комъ се путови, одъ Босфора и мале Азіе долазећи, састаю са главнимъ путовима на западъ водећима. Покрай Мораве долазиле су на ова врата чете римско-бизантиски царева, а доцніе неизбройне гомиле турски яничара и осталы азіятски робова султановы; и крозъ ова врата разливале су се дивлѣ окрутника турски громиле на заповѣдь свога падишаха преко несретне Унгарске. Напротивъ крозъ ова врата ударале су храбре чете стары славенски жителя Унгарске на римску државу, а доцніе войске унгарске и аустрійске ту су се сударале у крававимъ биткама са полумѣсецомъ, докъ су га найпосле крозъ иста врата изъ отечества свога истерале. — Крозъ ова врата дошла є у Унгарску куга; око ове точке догађале су се све кравае борбе противъ Турака, тако, да є одъ Мухача и Сенте поредъ Дунава и Тисе до Београда свакій коракъ землѣ крвлю Турака и Угра поливенъ. Кодъ Београда приміо є већъ Дунавъ последню велику рѣку Саву и ту є скоро све своє воде у єдно скупіо. Сава се одъ Београда прама западу пружа; Драва отвора путъ прама западо-сѣверо-западу, а Тиса прама сѣверо-сѣверо-истоку; кадъ мы дакле ове рѣке одъ Београда сматрамо, видимо, да се четири велике воде са своимъ пространимъ рѣкама као єдна грдна лепеза разширую, коє држальица є Дунавъ кодъ Београда, тако дакле видимо, да се сви изъ мале Азіе, Влашке, одъ црногъ мора, Траціе, ядранскогъ мора, Паноніе, Нѣмачке и горнѣ Унгарске водећи сувоземни и водени путови кодъ Београда као у средочію и чвору своме састаю. И као годъ што Београдъ држальицу ове грдне лепезе, у коіой се све нѣне гране саєдињаваю, чини тако исто влада онай, кои Београдъ држи, надъ свима предѣлима, у коима се гране ове лепезе разширую. А то є заиста и причина, што су толике кравае и смртоносне борбе за држанѣ ове важне точке воћене и зато се и называю мали међу Земуномъ и Београдомъ на Дунаву лежећи острови: острови сраженія или боєва (Schlachteninseln); одъ тудъ є и то, што су се

*) Момусъ.

толики народи европейски усилявали преважно ово мѣсто одъ Турака отети, тако да су често Нѣмци, Србльи, Угри, Шпањолци, Чеси, Французи, Власи, Таліянци и Шкотци у єданпутъ и скупа подъ Београдомъ противъ Турака воєвали. Зато є и постао тако славанъ войвода Евгеніе Савойскій, што є онъ године 1717., имаюћи подъ своимъ заставама до 30 различиты европейски принцева, градъ овай храбро освоіо и тако Унгарску одъ Турака коначно повратіо и ослободіо; одъ туда найпосле произтиче превелика важность Србіе у найновія времена, будући да у ньой овай преважный ключъ саобраћаня и трговине средо-европейске лежи; а то чини, да садъ цѣла Европа свако кретанѣ ове младе државе съ найвећомъ позорносћу и участіемъ гледа и прати.

Найпосле трећа врата су она, крозъ коя су изъ равница молдавски преко долине, у коіой Тиса тече, прешли карпатске брегове чете Маћара, састоѣе се изъ 215.000 войника, кадъ су ови првый путъ у Унгарску дошли; они су преко Мармаріе, покрай Тисе и крозъ нѣну долину, у средину Унгарске продрели и ралили се међу миролюбиве ондашнѣ славенске житељ унгарске землѣ. По свой прилици су крозъ ова иста врата дошли пре Маћара и други азіятски варвари и завоєвательи, као Хуни, Авари, Татари, у ову землю, и она служи за пролазакъ изъ сѣверо-истока Европе долазећимъ четама, зато се и данасъ боє Маћари, да ће іошъ некадъ крозъ ова врата и Руси доћи, као што су они дошли.

Пожуиска или западна врата окружаваю Нѣмци, зато се она могу звати *нѣмачка*; южна или *Београдска* врата обколѣна су са свы страна одъ Срба, дакле се могу назвати *Србска*; тако исто и *источна врата* обсѣли су Русняци, дакле могу се звати *Руска*. Кодъ нѣмачки врата чува стражу тврдый градъ *Коморанскій*, кодъ србски исто тако утврђеный *Варадинскій*, само руска врата повѣрена су староме и слабоме *Мункачу*.

Изъ маћарски новина „Таршалкадо“ превео

Дръ. Ш.

ПРИМѢЧАНІЄ
КЪ СВЕМИРНОЙ ИСТОРІИ.

За младости моє учіо самъ по школама, а доцніе и у различитимъ кньигама читао, гди многи историци пишу, да су Персіяни, воююћи, прелазили и преко Дунава (Истра), найзнаменитіе рѣке у Европи, и да су на нѣму и єданъ мостъ (ћупрію) сазидали были; но ни у єдной исторіи мѣсто тога моста нису знали назначити, може быти изъ тогъ само єдинственогъ узрока, што у оно време, а и позніе у удалѣніе вѣкъ време, премда є исторія требала означити мѣсто Персискогъ моста на Дунаву, нико одъ потомака ніе знао поменуто мѣсто до 1834 г., кадъ є Дунавъ тако яко пресануо быо, да се могло на многи мѣсти и конѣмъ прегазити, и онда, окромъ извѣстне Троянове ћупріе, налазеће се изподъ Фетислама, између бывши градова: Саверія и Теодора, окромъ стубова на десномъ и левомъ брегу рѣке іошть 9. четвороуголны стубова одъ єдногъ фата и выше дало се изванъ воде видити. Покрай ти примѣтили су се іошть съ дебелимъ, 4. палца дугачкимъ чамовимъ даскама обложени балвани растови, кои су забаносили се; іошть и другій мостъ се є показао прама граду Ибраили, до 7 стубова округлы, цигльомъ, на римску неналичућомъ, сазиданы имаюћи. И тако дае се заключити, да є истый мостъ остатакъ одъ Персіяна; єръ исторія свемирна недоказуе, да є какова трећа одъ камена или угля зидана была каквимъ другимъ народомъ, окромъ Персіяна, царемъ ньіовымъ Даріємъ, и Трояномъ, Римскимъ императоромъ, почемъ є Даке побѣдіо быо.

На служби у Влашкой находећи се и 3. године дана службено по Дунаву путуюћи, примѣтіо самъ и собственимъ очима видіо, окромъ выше наведены ћупрія, на Дунаву іошть 5, а те су:

1. Мало ниже рѣке Тимока на десномъ брегу Дунава, коє се остатакъ темеля на истомъ брегу на брду не тако высокомъ и доста равномъ видіо быо; неизвѣстнымъ матеріяломъ граћена є напрама села Престола у Влашкой.

2. Напрама саме Ломпаланке у Бугарской, и то дрвена, одъ коє и данасъ вода избаца коєкакве балване и необычне дебльине одъ балвана колѣ; изъ узрока тога полаже се, да є и островъ ниже мало лежећій образовао се, а вода свагда у немирномъ теченію одъ исте ћупріе пребыва; у самой пакъ вароши, гди є Турска тврдиня начинѣна, была є нека друга одъ старина, гди се старински новци налазе съ писменима Елинскима.

3. На левомъ брегу напрама Циброа па-

ланке у Влашкой, опетъ дрвена съ патосомъ, коя є вићена такођеръ 1834 лѣта, кадъ є вода врло мала была, тако да є єдно 12. фатій сува стояла, а далѣ да є єдно 8. фатій у води и по ньой човекъ, до грла воду газећи, ишао; выше коє солдати Влашки купаюћи се нашли су єданъ штитъ Римскій, кои се налази у Капетана Влашке регуларне войске, Александра Качетурова, бывшега пре у Руской воєной служби. Ниже пакъ врло мало ове ћупріє на узвышеномъ мѣсту налазе се развалине Римскогъ града, а изъ брега ронећегъ се испадаю изъ дубльине кости човеческе необычне величине, и различне златне, сребрне и бакарне монете съ различитима писменима а и съ єроглифима.

4. На десномъ брегу Дунава у Бугарской выше села Каланлика и Бошліє; ту се налазе тако названи одъ простоте цидовски дућани, признакъ темеля одъ ћупріє, одвећъ старе и особитымъ матеріяломъ креченымъ зидане, а одъ нѣ ниже дућани чудесно иззидани; ту є водила калдрма у Дунавъ идућа одъ 40 фатій одъ плоча бѣлога камена, а вићаю се различите ствари на подобіє колача одъ камена или окаменѣне.

5. Ниже ушћа рѣке Искра на десномъ брегу Дунава напрама села Челея у Влашкой; такођеръ дрвена є была, а како съ єдне тако и съ друге стране био є градъ и превелика варошь Римска, одъ чега развалине и данасъ се виде; различити новци и штатує Римске такођеръ се налазе.

Любительи и испытательи старине, ако бы пожелили о выше наведенима ћупріяма достаточно свѣдѣніє имати, могу, ако не узвѣрую свему выше учинѣному примѣчанію моме, и сами означена мѣста видити и себе и свѣтъ увѣрити; међутимъ и то ћу примѣтити, да има готово између сваке назначене ћупріє и развалине іоштъ градова Римски, као и на врло многи мѣсти на десномъ и левомъ брегу Дунава одъ самогъ Београда па до црногъ мора, коє самъ я у овомъ одстоянію видити могао; но шкода што іймъ се имена незнаду, а сгорега небы было, кадъ бы се дознати могло.

Илія Момировићъ.

ПИСМА ЗНАМЕНИТЫ СРБА.

(Г. ЯКОВУ ЧОКРЛЯНУ.)

Любезный Сыновче Господинъ Чокрлянъ!

Христосъ се роди!

Я добро знамъ, да ми нико и некаже, да сте се вы на мене разсрдили, што вамъ нећу да пишемъ одавно. За то ніє добро напрасито любити; зашто, ко тако люби, онъ се ласно разсрди. Али да я знамъ да ћете се вы само разсрдити; я за то небы врло млого маріо, него се я боимъ, да вы не пожалите на мене, и ово є, за коє много маримъ и небы ни пошто быо радъ. Зашто бы я онда двоиномъ толико жаліо, и на васъ и на мене: на васъ, зашто безъ великогъ узрока на мене жалите: а на мене, зашто вамъ я и маленъ узрокъ даємъ, да на мене жалите. За то дакле, за избѣгнути при ови весели праздници свакога невеселя и жалѣня, ето вамъ пишемъ и являмъ, да самъ фала Богу све онако здравъ и задоволянъ, како ме знате, а болѣ не желимъ. Само бы радъ знати, да сте и вы здрави и спокойни, коє желимъ одъ васъ чути. И желимъ да вамъ идућій новый годъ весело доће и проће и са свимъ слѣдующима, докъ буде Божія воля овде на земльи време проводити. Поздравите ми наше любиме и пріятелѣ, и будите ми увѣрени, да самъ я Вашъ

У Бечу Декемвра 25. 1791.

Правый любитель
Доситей Обрадовићъ.

НОВА КНЬИГА.

Искусный земльдѣлацъ Чича Срећко и нѣгови совѣти Србскимъ селяцыма у домоводству, земльдѣлію, скотоводству, пчеловодству и свилодѣлію. Одъ А. Николића. I. Свезка. У Бѣограду, Печатано у Типографіи Кнлжества Србскогъ 1844. — На 8-ку стр. 111.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 17. У Суботу 22. Априла 1844.

ПЕТСКА БИБЛИОТЕКА

ЛИРА АПОЛЛОНА.

На Олимпа высокой планини,
У окружю Темпе дивна поля,
Гди се смртном' рай на земльи чини,
И престає и найлюћа боля:
Стихотворства ту се раћа воля,
Силна любавь къ милой отачбини.

Ту Тесалска младежь упела се,
И у сѣни зеленога лишта
Шилѣ лика Аполлону гласе,
Шилѣ пѣсме до Муза сѣдишта;
О да свѣтлог' оку позоришта:
Хите к' њима Музе плетућ' власе.

Калліоппе Кліе, Мелпомене
Шесть іошъ други гласъ зазвони Муза,
Њима равне нема Елисъ жене,
Нити звучног' лѣпшега саюза,
Младежь обли одъ очію суза,
Гласъ њинъ чуюћ' єкомъ праћенъ стѣне.

„Ко се жели нашемъ слюбит' хору,
Нек' узима лиру Аполла,
И пролазећ' съ нама чарну гору,
Буде садругъ тога дивног' кола;
Ал' недирне лиру рука хола,
Ванъ ког' за њомъ любве чувства гору.“

Устадоше сви на ноге съ места
Прекидаюћ' започете песме;
Већ' подъ сѣнкомъ сѣдећи свы неста;
Ал' се єдно момче крочит' несме,
И поєћи ладной води чесме
Сузе ліе там' у ладу бреста.

Неста Муза, неста садругова,
Слѣдуюћи стопе пѣвачица,
Усамлѣникъ посредъ свои снова,
Тарућ' сузе съ умивеногъ лица,
Чуе пѣсму горскіе птичица,
Па заводи свою пѣсму съ нова.

У пѣсми се Аполлону тужи
И проклинѣ стыдъ и желю свою,
У томъ часу погледъ баци къ ружи,
Ку славуя любни лици пою,
И у златну сливаюћ' се бою
Смотри лиру, Богъ кою му пружи.

Ха! у сами лиро, Богомъ дана,
Оставлѣнымъ съ неба слатый даре,
Ты ми буди друга поуздана,
Коя пратишъ младости ми жаре;
И отачбе бранећи олтаре
Те просвѣте буди гласникъ дана.

К. С. Поповићъ.

ЛИШЕНА РАЗУМА.

(Съ Рускога.)

По фамиліярнимъ пословима — вели єданъ путникъ — провео самъ осамъ мѣсеціи на острову Бурбону. Єдномъ у ютру сѣдећи на обали морской, забављо самъ се съ узилазећимъ сунцемъ, коє є примамльиво одбіяло зраке своє на мирной равници воде. Не далеко одъ мене стояла є на обали морской млада дѣвойка и гледала съ усилѣнымъ вниманіемъ на некій предметъ. Недвижимо положенѣ ове женске узбуди у мени неко любопытство; я се тихо при-

ближимъ къ ньой, но у исто ока тренуће она брзо обрне се, и управи на мене своє црне очи, имаюће у себи неко странно израженъ. Измучено лице ове прекрасне непознате изражавало є тугу и очаяніе.

— Шта бы сте хтѣли? запита ме она, и при овымъ рѣчма побѣгне.

Мени одма падне на умъ, да є судбина ове дѣвойке скопчана съ некомъ страшномъ тайномъ, и, на моє задовольство, могао самъ дознати неке подробности нѣногъ животоприключенія одъ старогъ Креола, сѣдећегъ у своммъ рыбарскомъ чуну до обале.

— Кажи ми любезный, запытамъ га я, тко є она ядна женска, видишъ ли є што бѣжи къ ономъ брегу?

„Тко є она женска? . . . . . Лея!

— Лея?

„Да. Луда, Лея . . . .

— Но какавъ є узрокъ нѣне несреће!

„Ахъ Господине, приключенія нѣговъ живота врло су жалостна. Ако вамъ є воля, я ћу вамъ ій приповѣдити?

„1821 године у мѣсецу Юлію єдногъ дана, кадъ є врло препека была, навуку се црни облаци на свѣтло небо и покрію га тако, да є стало тавно као у по ноћи, само што су свѣтле мунѣ пресѣцале често ову ужасну тавнину. Жительи су у кућама позапальивали свѣће; сви са страомъ очекивали су страовиту олую, и млоги су се молили свевышнѣмъ за спасенѣ оны, кои су се онда на мору налазили. Предъ вече олуя се осили тако страшно, да се чинило да ће море прождрети савъ нашъ островъ.

„Не далеко одъ обале указао се брыгъ, кои несматраюћи на сва усилія морнара, гонѣнъ є было силнимъ таласима управо на стѣне, гди є пропасть нѣгова была неизбѣжна. После неколико минута лаће заиста нестане, и море избаци на обалу тѣло мужко и дѣвойчице одъ єдно три — четири године. Мало за тимъ доће на обалу Грофица де Верней, єдна врло добра и састрадателна душа, коя є свагда была готова притећи на помоћь ближнѣму, и будући да су обоє живи были, то она прими се бѣдне сиротице, и воспита Лею као свою роћену кћерь. — Любезна — добра и паметна Лея, растила є и лѣпшала. Грофица ю є любила съ истиномъ материньомъ нѣжносћу, и тужећи за своимъ сыномъ, Ліонелльомъ одъ Верней, живећемъ у Француской, налазила є у єдной Леи утѣху.

„Прошло є шестнайстъ година одъ оногъ времена, како є Лея ступила у дворъ грофице, и о породици сиротице ништа се дознати ніе могло. У то време Ернестъ де Бомонъ, некій младый офицыръ, посѣћавао є често грофицу и на скоро постане сваки-дашньій гостъ. Єдно вече Лея є одала замышлѣна по градини, Ернестъ сѣдећи до нѣне благодѣтельнице умилято гледао є на прекрасну дѣвойчицу. — „Госпоіо Грофице! рекне іой онъ: я самъ нашао у вашой кући таку гостолюбиву пріятельицу, да се садъ усућуємъ вама повѣрити мою срдачну тайну, одъ коє зависи срећа могъ цѣлогъ живота. Погледайте, продужи офицыръ, показиваюћи на Лею, погледайте на оно мило створенѣ, на оно дѣте, невино као оно цвѣће, коє є она башъ садъ узабрала . . . . Обнадеждите ме, милостива Госпоіо, да ћу я имати срећу ню получити за супругу.

„Я морамъ съ вама говорити одкривено, Ернесте, одговори грофица невесело; Лея ніе моя кћи . . . .

Грофица за тимъ приповѣди му сву исторію Леє.

„Но ако я дадемъ за васъ Лею, дали ће она быти съ вама сретна?

— Я се заклинѣмъ именомъ матере моє, коя ме є воспитала у страху Божіемъ!

„А єли Лея на то согласна?

— Я іой о моіой любави нигда говоріо нисамъ, но садъ, кадъ ми вы ласкате надеждомъ, садъ ћу іой казати, да ћу животъ нѣной срећи посветити.

У ово магновеніе Лея се приближи къ ньима, великій сламньій шеширъ вio се надъ нѣкимъ бѣлимъ раменима; она є држала у руци киту цвѣћа; очи се нѣне блистау одъ радости.

— Како сте вы добаръ, Ернесте, рекне дѣвойчица, што сте дошли провести съ нама вече.

Ернестъ є ћутао. Срце є у нѣговимъ грудма страшно ударало, очи су му быле управлѣне на нѣжну дѣвойчицу, коє животъ и будућность могла є нѣму принадлежати. Грофица се уклони; Лея є такођеръ пошла, но Ернестъ ю задржи.

„Дозволите ми, да вамъ одкріемъ єдну тайну, Леіо . . . . .

— Мени, тайну? говорите, говорите! Мы васъ тако радо имамо.

„Вы мене любите?

— Као брата, Ернесте!

„О, обећайте ми, Леіо, да сте согласни дати ми вашу руку! Грофици є познато моє намѣренѣ; она ми є дозволила надати се: шта могу дакле очекивати?

Лея поћути неколико минутій.

„Мамица вамъ є дозволила надати се? запыта она.

Ернестъ іой на ово оспе руку полюбцима.

Лея обећа согласіе; до тогъ магновенія она ніе знала, шта є то любавь, и къ самомъ Ернесту осѣћала є она дѣтинску любавь. Грофица после тога даде тврдо рѣчь официру.

На скоро после овогъ сретногъ дана доће изъ Француске бродъ, на комъ є Грофица чекала своегъ сына, но на мѣсто тога доће на нѣму Ернесту извѣстіе о тежкой болести нѣгове матере, коя є молила сына, да іой поита доћи у Француску; и после неделѣ дана Ернестъ дѣйствително одплови у свою домовину.

Грофица де Верней свако є ютро долазила на обалу, съ надеждомъ дочекати свога сына. Лея ніе изявльивали ни найманю жалость, после одлазка своегъ младоженѣ, єръ ніе къ нѣму никакове особите наклоности у срцу осѣћали, она є свагда была пуна и весела као майскій цвѣтъ.

Грофъ Ліонель найпосле доће. Мати представи сыну своемъ нѣгову сестру. Свѣтло руменило покріе ягодице Леє. Ліонель є причиніо срцу дѣвойке тако упечатлѣнѣ, одъ кога готово свагда завысе найважніи догађаи живота, а Лея, ако є была и непозната съ любавлю, тражила є душу, коя бы могла разумѣти нѣну душу.

(Конацъ слѣдуе.)

ПИСМА ЗНАМЕНИТЫ СРБА.

(Г. ЯКОВУ ЧОКРЛЯНУ.)

Брате Вселюбимый!

Съ колнкою радостію и увеселеніемъ я Ваше посланіе пріимилъ, и въ немъ разумѣлъ єсмь, да Вы благополучно путовали, и сада дома здрави єсте, то Вы знаюћи, коль тепло и огнѣвно Вы мнѣ любовь и пріятельство Ваше показали єсте, и коль нѣжно и сладостно мене дражайшее дружество Ваше увеселило єсть, весма леско можете Вы себи представити. Я Вами, као любезнѣйшему брату моему безъ ласканія и безъ притворства, праву истину исповѣдамъ, говорећи Вамъ, да мени Ваше дражайшее писаніе неизглаголану радость заузроковало єсть; ибо я єще отъ нашего рода толь любезна, толь любопытна и человѣколюбива пріятеля нисамь имао, као что се хвалимъ Васъ имати. Сего ради я отъ Всевысочайшаго Творца ничто вящше не желимъ, развѣ благоспособную причину имѣти, за єже Вами показати, доколѣ предѣли почитанія моего, єже къ Вами простиряются, коль силно єсть въ сердцѣ моемъ любви Вашея дѣйствіе, внеже она глубоко вселилася, и твердо вкоренилася єсть. Между тимъ Всемилостивѣйшій Господь Васъ въ благоцвѣтущемъ здравіи и въ благополучномъ животѣ съ мнѣ Высокопочитаемымъ Господиномъ отцемъ Вашимъ и съ цѣлымъ славнымъ домомъ Вашимъ на особитую утѣху плодовъ сердца Вашего, на радость пріятелей Вашихъ и на благое прославленіе дражайшаго отечества, и на дѣйствителное просвященіе рода нашего, многолѣтно и безпечално да содержитъ, и преславно возвеличитъ. О! єгда бы вящше въ народѣ Славеносербскомъ таковыхъ сыновъ было, иже толико о благополучіи всеобщемъ, и о украшеніи отечества нашего пекутся, єлико Вы, и которіи почитаніемъ и любовію ко ученымъ, и учившимся, толь ревнително возбуждаютъ ихъ умноженіе трудовъ и дѣланій ихъ отечеству благопоспѣшныхъ и полезныхъ, и сице младія вѣтви во плодоносная древеса, и будущія отечества подпори, своимъ спомоществованіемъ прилѣжно веспитаваютъ; тогда бы млади Аѳинеи жертвецы (ученицы) цвѣтали; тогда бы они до плодоноснаго возраста дорастли; тогда бы они снажнія и изостренія сили своя къ ползѣ отечества всемощно и полезно управляли, народъ нашъ цвѣталъ, имя Сербское возвеличилося, и далечае во свѣтъ распростралося, мы же вси славно блистали. Мое желаніе єсть, да славный и великодушный примѣръ Вашъ, число ихъ умножитъ, коимъ я всюду, идѣже мнѣ можно єсть, радостно хвалимся. Но ревность моя и благодарность далеко мя отведоста, да преидемъ нынѣ на другій разговоръ. — Я Вами вселюбезнѣйше благодарствую за отсланіе писанія моего матери моей. Что се впрочемъ мене касаетъ, я благодареніе Господу Богу здравъ

єсмь, и за ову єще годину остаемъ у Бечу, слушати права. О преведенію Телемаха сада не послуемъ, неимущи къ томъ времена, будући да принужденъ єсмь былъ правила Французскаго языка во єдино совокупити, и въ рядъ разположити, изъ коихъ Грамматіку сочинилъ єсмь, єже удобиће предавати я ученикомъ моимъ. Сада хоћу почети пословати о Телемаху нашему, єгоже окончење буду Вами явити. — Что ми наложили єсте, то єсмь съ великою радостію исполнилъ, и цѣловалъ славную десницу Г. Досіеа, коего я всегда высокопочитаю, и всею душею люблю, као преславнаго первопросвѣтителя Славеносербскаго рода нашего. Господь да продолжитъ дни єго, и да подкрѣпитъ старость єго! Онъ награжденіе благодѣтелныхъ трудовъ своихъ, поне на другомъ свѣту обрѣтетъ. — Милость, юже отъ Васъ прошу, єсть, єже изволити мнѣ препочитаемому Господину Отцу Вашему мой всенижайшій поклонъ отдати, и вся племенитія домашни Вашія именемъ моимъ любезнѣйше поздравити. Вы же, брате вселюбезнѣйшій! пріимите благодарное и любезнѣйшее поздравленіе мое; иже Вами вѣчныхъ и земныхъ благъ во всякомъ душевномъ увеселеніи присно наслаждатися огнѣвно желаю, сердцемже и душею лице Вамъ цѣлую. Въ Віеннѣ 13. Октов. п. р. 1791.

Вашъ

искренній и благодарный братъ,
ГРИГОРІЙ ТЕРЛАНЧЬ с. р.
Правъ Слышатель.

ХИНЕЗКИ ПОЗДРАВИ У ПРЕДУСРЕТАНЮ.

Ни у каквой земльи ніє тако споляшнѣ почествованѣ претерано, као у Хини. Одъ тежки поклона и прегибаня єдва дишу Хинези. Нашъ найучтивіи човекъ сматранъ бы быо у Хини као какавъ орятинъ. Кадъ Хатоцъ Хонгконжца на путу сретне, покланя се до землѣ ни броя се незна колико путій, те почне говорити: „Я бѣдна стрвина, коя нисамъ достойна ни праха землѣ коснути се, оживлявамъ се одъ радости, єрбо у сунце твога блистаюћегъ лица гледимъ.“ Хангконжацъ мора садъ ову почесть удвоити почемъ се дванайстъ путій до землѣ сагне и и проговори: „Я, кои не вредимъ ни половину єдногъ папка одъ закланогъ вола, или за половину репа одъ глади цркнутогъ магарца, озаренъ самъ одъ величественогъ зрака ока твога, и одъ чистогъ звука єзыка твога запытанъ самъ быо; зато се радость у развалѣно обыталиште срца мога сместила, єрбо се пара твога божественогъ гласа могъ ува коснула.“ — Хатоцъ пакъ неда му изговорити, него почне опетъ Хонгконжцу говорити: „Цвѣће людско, славо народа, твоє лице свѣтли као летнѣ сунце у подне; твой є разумъ проницателанъ као изоштрена стрѣла; твоя уста имаю гласъ као арфа небесна; твой стасъ надвышава єлу, а твоя снага срамоти бенгалскогъ рыса, а кадъ се я бѣдный угурсузъ у околини твога испаренія наодимъ, осећамъ се —“ Садъ опетъ Хонгконжацъ прекине рѣчь говорнику, и опетъ га превазиће са себе хулѣнѣмъ и претеранымъ улагиванѣмъ. Доће л' къ тому іоштъ трећій, то поздравима нема края.

Строги се закони учтовости особито наблюдаваю у обхођеню са женскимъ поломъ. Ту се чує: као „бисерни образи,“ као „мѣсечина чисте очи,“ као „зора црвене устне,“ и подобне ствари, коє се кодъ насъ само у романима употребляваю.

Д. Авраамовићъ.

СМѢСИЦЕ.

Лондонскій главный пошталукъ сваке недељ оправи 600,000 броєва одъ различиты новина, што преко године дає сумму одъ 30,200,0000. Новинарство є последньи година яко нарастло.

У *Мадриду* и последньій журналъ оппозиціє престао є излазити, и садъ има само министеріялны листова. Но притомъ влада слобода штампе! И тако є добро.

Высоко училиште у *Цириху* налази се сада у таковомъ станю, да ће се скоро морати укинути. У осталомъ многи грађанн то желе, єръ бы се тимъ варошкой касси уштедило 5000 талира. — О!

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 18. У Суботу 29. Априла 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

ПРОЛЕЋЕ.

Веће преста бурно време,
Свудъ окопни ладный снегъ,
И сурове неста зиме,
Зелени се свакій брегъ.

Рѣшила се свака доля
Одъ окова снега тогъ;
Єръ велика то є воля,
Кою вышньій носи Богъ.

Свакомъ с' мѣсту дичногъ лѣта
Сада сяйный враћа знакъ,
И цвѣће намъ опетъ цвѣта,
Сунца єръ ій сія зракъ.

Процватила любичица
И олисто густый глогъ,
Єръ заповѣсть слуша Творца
Свака земна тварка своги.

Сада красне траве чбуниħъ
На сунца се диже мигъ,
Садъ жубори чистъ поточиħъ,
Нит' га гуши мутный льигъ.

Источникъ се свакій бистри,
Загушує нит' га ледъ;
И пчелица цвѣту ити,
Да сакупля сладкій медъ.

Прозерпина намъ долази
Одъ Плутона сада своги,
Кою намъ є одпустіо
Подземности цѣле Богъ.

Свудъ с' милине све разстрле,
И стваряю земльи рай,
И Богинѣ намъ донеле
Са олимпа дивный гай.

Л. П. Ненадовиħъ.

ЛИШЕНА РАЗУМА.

(Конаџъ.)

Грофица є престала говорити о Ернесту; она є предвидила да ће се Ліонель покорити красоти Леє; а тако се дѣйствително и догодило. Младый грофъ нашао є случай застати прекрасну питомицу своє матере у градини, и рекне іой:

— Одъ првогъ дана мога долазка я самъ осѣтіо, да само вы, Леіо, можете ме наградити ономъ срећомъ, кою самъ я залуду тражіо. Живећи у вышемъ Паризкомъ обштеству, у кућама, гди хилядама жене єдна надъ другомъ съ лепотомъ се надмећу, я нисамъ нашао створенъ, ка коме бы моя душа толико тежила. Я васъ любимъ, Леіо! . . . .

Срце Ленно є уздрктало; очи іой се напуне суза; и ньой се представи предъ очи сѣнка Ернеста.

„Не, Ліонелю, я немогу быти ваша супруга.

— Може быти да ме нелюбите?

„Ліонелю! . . . . . И вы можете тако што казати? А знате ли какова преграда разрушава наше блаженство? Ернестъ де Бомонъ добіо є согласіе грофичино, предъ одлазкомъ своимъ у Француску.

— Дакле онъ є, кога сте вы изабрали.

„Ніє Ліонелю; я самь се само повиновала. Осимъ пріятельства, я нисамь къ нѣму ништа друго осѣћала; но мамица са задовольствомъ согласила се на тай бракъ, а я нисамь была у стаю одказати

— Заклинѣмъ вамъ се Богомъ, да Ернестъ де Бомонъ неће быти нигда вашъ мужъ.

Грофъ де Верней оставіо є Лею у сладкомъ и заєдно горкомъ стаю. Она ніе могла разумѣти шта произлази у нѣномъ срцу.

Кадъ є грофъ Ліонель почео говорити о своіой любави къ Леи, она му скорбно одговори, да є обећала другомъ; но наоружана обичнимъ постоянствомъ своіъ карактера, она є у томъ трудномъ догађаю искала сво величіе своє душе.

— Послушай ме, любезный сыне — рекне она Ліонелю — Ернестъ є честанъ и благороданъ младићъ. Я обећавши нѣму дати Лею, была самь увѣрена, да ће онъ собомъ усрећити сироту дѣвойчицу, и да ће Лея одъ своє стране быти съ ньимъ срећна. Но стыдльиво и боязльиво дѣте, зашто она ніе открыла мени, да она само осећа къ нѣму єдно пріятельство? . . . . Шта ћу дакле садъ чинити? Валя о свему явити Ернесту, и писати му, да є пламенна любавь нѣгова къ моіой кћери награђена само пріятельствомъ одъ нѣне стране, чувствомъ доста ладнымъ за нѣгово срце. Пакъ ако се Бомонъ одрече одъ своіъ права, на мою рѣчь, то само онда може Лея быти твоя супруга.

Ліонель є припознао сву силу истиногъ суђеня своє матере. После петъ дана писмо претеће уништожити све надежде несретногъ Бомона, буде послано у Француску.

— Ево већъ прошло є десетъ мѣсецій, а одговора нема, рекне єдномъ младый грофъ, притискаюћи къ срцу руку Леє. Онъ є тебе заборавіо, драга моя! Ты си садъ слободна, и срећа насъ неће изневѣрити.

Наступи данъ свадбе. Сѣдећи на дивану до своє невѣсте грофъ Ліонель гледао ю є съ преизпунѣнимъ сладости чувствама, и тіо іой є говоріо оне рѣчи, одъ кои срце радостно игра одъ любави и надежде. У ово найсретніе за младоженю и невѣсту ока тренуће утрчи у собу Ернестъ.

— Гди є грофица? запыта онъ Ліонеля.

„Мамица?

—Да, ваша майка, я се морамъ съ ньоме састати.

Грофица доће; она рекне Ліонелю, да є остави на само съ Ернестомъ; на то почне Ернестъ говорити:

— Госпоіо грофице? тако ли вы држите вашу рѣчь? Тако ли є валяло наградити моє постоянство моє сузе, проливене кодъ постелѣ умируће моє матере, онда кадъ самь я мысліо о Леи? Каково самь я безчестіе заслужіо, да моя невѣста постане любезница вашегъ сына?

„Вы мене врећате де Бомонъ, мы валя да се разумемо, и онда ће ваша клевета постати явна.

— Клевета! . . . . . Да вы вальда незнате, да самь я нашао Лею у обятіяма грофа де Вернея? То є гадно грофице, безчестно!

На ове последнѣ рѣчи, Ліонель утрчи у собу. „Молимъ васъ изволите на полѣ“, рекне онъ Ернесту.

— Добро, я одлазимъ, одговори ладнокрвно де Бомонъ; но найпре валя да вамъ кажемъ, да сте вы безчестанъ човекъ!

Млого труда є стояло грофицу да образуми Ернеста у неоснованомъ нѣговомъ подозрѣнію, но несретный младићъ у очаянію и бѣшенству ніе ктео разумети нѣна изяснѣня. Ліонель са стране, науміо є осветити се нагломъ младићу за увреду после вѣнчаня.

Позвани на свету церемонію почну долазити. У то само магновеніе слуга даде Ліонелю одъ Ернеста слѣдуюће писмо:

„Майка ваша, господине, преварила є мене на безчестный начинъ. Ваша невеста гадно и лицемѣрно заборавила є женскій стыдъ. Я васъ чекамъ на краю Саванне, и надамъ се да ме нећете оставити дуго чекати.“

Грофъ одма, по прочитаню писма, оде на означено мѣсто съ два Креолла. Супарници су изабрали мачеве, и Ліонель прободенъ крозъ груди умре до єдногъ часа после двобоя.

Оно исте вече сирота Лея лиши се разума, стара грофица не преживи ни године, а Ернестъ оде у Шпаньолску.

По свршетку приповѣдке рибара, я се замыслимъ и рекнемъ у себи: Дакле и у Африки има несрећны као свуда.

Іованъ Ђорђевићъ.

ОБРАЗЪ ПРАВОГЪ СУДІЄ

(Съ Французкогъ.)

Срдце мудрогъ Судіє єсть свето прибѣжиште, коє страдаюћи почитую, коє добродѣтельи обытаваю, коє миръ, непрестану правичность, коє срећу своимъ присутсвомъ простире. Срдце пакъ честолюбивогъ Судіє єсть скверный храмъ; оно поставля богатство и срећу на олтаръ правичности; и прва жертва, кою она одъ нѣга зактева, єсть нѣговъ покой! Колико є се плашити, да се очи непрестано на богатство обраћене кадкадъ прама правичности незатворе и да честолюбіе не обмане срдце на заслепу ума!

Шта є постао онай храмъ, у коме Судія, наслаћаваюћи се само своимъ собственимъ преимућствама, затворенъ у границама свогъ звања и дужности, наоди у себи средоточіе свію свои желя и самъ є себи доволянъ? Онъ небы на срећу познавао ону мложину распутица, међу коима често виђамо запируће честолюбиво срдце; нѣгова умѣреность и уздржанѣ показуе му путъ млого глаћій и лакшій. Онъ оди безъ муке по нераздѣлимой стази своє дужности. Нѣгова личность истина быва често непозната, но заслуга нигда. Задоволянъ съ тимъ, што ће свету своє добро и честно име показати, кадъ га потреба нѣгове дужности необвезуе, бавећи се самъ са собомъ, радіе слуша пытанѣ: зашто се тако редко даје виђати, него напротивъ што тако по све често и у срећномъ своимъ станю добродѣтельне независимости, онъ се сматра, као какво божество уединѣню, самоћи и своіой дужности одано посвећено, коє се нигди више непоявлюе, осимъ у храму своє дѣятелности и нигда другчіе, него са обоженѣмъ; онъ є свагда другима потребанъ, безъ да му є игда туђа помоћь нуждна и истинито є добродѣтелапъ, безъ да другу какову награду, осимъ чисте добродѣтельи, очекуе. — Али срећа види се, као да оспорава нѣговой добродѣтельи славу награде; све се подаје онима, кои ништа незактеваю; чести по себи одаю се Судіи, кои ньи презире и пренебрегава. Колико више онъ умѣрава и уздржава своє желѣ, толико већма види свою моћь прирастлу; и нигда нѣгова важность већа непостаје, него кадъ є задоволянъ тако живіо: *да ништа за себе, а све за правичность учинити трудіо се.*

Но чимъ честолюбіе Судію до тогъ доведе, да одъ света изтязава почитаніе и важность, коію бы требало, да самъ у себи самомъ наоди, чимъ се они, кои се боговима земальскимъ назвати могу, у светску трговину зададу и покажу се, да нису ништа друго, него обични люди, тиме насъ одма обучаваю изъ ближе безъ страпочитанія сматрати ово величество, коє се чинило изъ далека као каква светиня. Светъ одриче своє почитаніе онима, коє є онъ видіо смѣшане съ ньиме у гомилу робова среће, и оно почитаніе, коє є одавао добродѣтельи Судіе, промѣнуло се у праведно презренѣ нѣгове суете. —

Принућенъ у оваковомъ станю туђу помоћь узаймльивати за одржанѣ слабы остатака колебаюћегъ се своегъ достоинства, Судія отвора врата и найвећимъ своимъ непріятельима. Ова раскошь, ова высокопарность, ово великолѣпіе, коє є онъ позвао за помоћь своегъ подизая, доканчаваю му уништанѣ нѣговогъ бывшегъ достоинства и само му текъ горку опомену старе важности нѣгове представляю! —

Д. Матићъ.

ПИСМА ЗНАМЕНИТЫ СРБА.

(Г. ЯКОВУ ЧОКРЛЯНУ.)

Паче всѣхъ на земли дражайшій друже!

вселюбезнѣйшій брате мой здравствуй!

Писмо твое на Г. Обрадовича отправленое изъ нѣговы любезны руку читао єсамъ съ дражайшимъ Іорговичемъ нашимъ, кое є и мое и нѣгове любовію и радостію къ тебѣ неугасимымъ огнемъ воспалило перси. Писмо на Г. Ваплера, нѣму самомъ изручіо єсмь онай путь. Ево ти дакле шилѣмъ собственоручную цедулю, у коіой онъ прилаже све книге, кое онъ има, съ последньомъ цѣномъ ихъ, и кое износе 253 Ф. 54. кр. Я бы брате быо све ове книге исплатіо и теби послао, да ме ніе ихъ ужасная цѣна

уплашила была, я самъ мыслiо, да ти мени то не бы наложiо бyо, да си могао предвидѣти, да оне толико много коштyю, добро знаюћи да я другомъ служећи, и съ папиромъ и черниломъ торгyюћи на єданпутъ за другога, ни две ста крайцара положити немогу, а не двеста форинтiй. Зато, брате, я теби шиљмъ саде цедулю, да видишъ шта книге коштyю, пакъ ако ти се свиди, а ты пошли новце, пакъ ћу я таки све те очевидце послати. А оне друге книге, кое на овой цедульи не стое, Г. Ваплеръ обћщава се све изнаћи и мени дати, само ако вы yверите нћга, да вы ньи имати хоћете, и те ће доћи до єдно 20 ф. с. Дакле ако хоћешъ све книге имати, кое си y твоме писмy на Г. Ваплера назначiо, а ты пошли мени или нћмy до 275 ф. с. па ћешъ све на ма получити. Мени бы весма драго было, да могy съ кесомъ моiомъ саде послyжити; али ты добро знашъ, да ко съ чимъ торгyе, онакавъ и еспапъ има, y мене Фала Богy могло бы се по мало папира наћи, али новаца вала iокъ. . . — Ха! ха! Ако никадъ ниси погодiо, садъ вала погоди. Богме ако се ты yмеша съ книжевникцы, yсануће теби твое пyне перси. Я бы о овоме съ тобомъ yстмено радъ бyо разговарати се, дакле ако те пyтъ нанесе да се скоро видимо, о благiй Боже дай! а ты ми пиши, ако ли не, а оно ове зиме валя добро да подоштришъ халатъ твое будyће трговине, пакъ да ми изићешъ на мећданъ, да се мало братски огледамо; єрбо мени се види, да пре него што ћешъ намѣреніе твое во дyйствіе произвести, да мало myћнемо главомъ. Я бы теби и садъ казао, шта я мыслимъ, али саде брате прости ми, воистинy времена немамъ саде ни спавати, акамоли о Алхимiи разбiяти главy. Доста є то, да я твою любовь излишнyю къ нами овде, съ благодарнаго сердца моего любовiю признаемо, но долга єсть зима, моћићемо мы о сему натенани разговарати се, между тѣмъ ты, нераздѣлимый брате мой, здравствyй, и мени, скоро пиши, твоему искренному другy

Въ Вѣнѣ Г. Терлаичь.

Ноемврiа $^{5}/_{16}$ числа
1792. года.

P. S. Отпиши ми таки, хоћешъ ли ове книге yзети, или нећешъ, єрбо Г. Ваплеръ хоће да зна то, иначе онъ книге, кое є скyпiо и за тебе држи, хоће продавати, ако ты нећешъ ньи кyпити. Мы смо сви здрави, и тебе скоро видити желимо, а особито я, кои те любезно цѣлyемъ.

Здравствyй.

ОБОЖАВАНЋ НАПОЛЕОНА У ЄДНОЙ ХИНЕЗКОЙ БОГОМОЛЬИ.

Быле су скоро све новине явиле, да є єданъ Енглезъ за време войне y Хини Наполеоновъ образъ y єдной богомольи као кипъ намештенъ видiо, предъ коимъ су се Хинези кланяли. Истый є Енглезъ начертао целый изгледъ богомолѣ и реченый кипъ, заєдно са Хинезима, кои су се онде кланяли. У колико се ређе овай догађай чyе, y толико опетъ не садржава никакве лажи. Често се виђало, да су се Негри y внyтреньой Африки каквой годъ крпетини или иверy кланяли, и као Фетиму молили. Зашто да се небы овай догађай, по доказываню свiю извѣстнтеля, кодъ овакогъ народа случiо, когъ є чyвство за лепоту, пристойность и согласiе сасвимъ неразсмотрено и разсеяно, заръ небы могли єданъ кипъ дyшевногъ израженiя, као и тѣлеснога створа, а башъ и одела, кои бы одъ ньiовогъ обичногъ изгледа одступао, као што є Наполеоновъ, исто тако као и измышљенъ образъ за божество yпотребити, као и наказе, y коима ньiова разсеяна фантазiя собственость найвећегъ сyштества гледи y садашньости наћи? На свакiй бы начинъ Наполеоновъ ликъ за почитаніе достойнiи образъ бyо, нежели аждае и подобна чyдовишта, кое на Хинезе yпечатлѣнѣ достоинства чине.

Д. Аврамовићъ.

НОВА КНЬИГА.

Кратко сочиненiе Антропологiе, или наука о човеку. Са yпyтствованѣмъ къ содржанiю здравля. Полезна наука за Yчителѣ и Yченике, при явнымъ наставленiяма и за приватно поyченiе, но и за yпотребленiе Одрастны. Изъ разны списателя скyплѣна Петромъ Радовановићъ, Директоромъ норм. школа Княжества Србскогъ. У Београдy y Кньигопечатньи Княжества Србскогъ 1844. — На 8-ку, стр. 121.

Yчредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано y Правителственой Кньигопечатньи y Београдy.

ПОДУНАВКА.

ГРАД

№ 21. У Суботу 20. Мая 1844.

СВЕТОПЛУКЪ

КРАЛЬ СЛАВЕНСКІЙ

одъ

Павла Стаматовића.*)

Зора с' плави, данъ већъ новый свиће,
Надъ Срб-Славством мутно с' чисти небо,
Краль Светоплукъ — вышнѣмъ Богу слава —
Надъ Славіомъ цѣломъ владу прима.
Све већъ землѣ Виндске, Поморанске,
Међу Лабомъ и Саломъ рѣкама
Сагрђую безбройне градове,
Отвараю по свуда тржишта,
Уређую њиве плодоносне,
По конма младе богатирке,
К'о пирове да съ Боговы свете,
У пребѣло руво обучене
Опасане клечанимъ кецелям',
А у скути свога рукотвора
И съ рукавы златомъ извезены,
Српомъ саню, — дружини пѣваю —
Дѣцу доѥ — мужеве милую —
Цѣломъ свѣту примѣръ красный даю! —
Одъ Вистуле до самога Днѣпра
Дреговичи, Мазовци, Поляци
Дижу граде, зидаю тврдинѣ,
Знакъ просвѣте што давнашнѣ носе. —
Оботрити, Србльи и Мютичи
Туђе иго бацаю са себе. —
Градъ Новгородъ међ' Славены цвѣта
Међ' Сѣверци, Ђулевци, Дрвляни,
Радимилци л' Кіевъ Апостолскій. —
Чеси с' дижу подъ своимъ воћама,
Бабѣ-горе и Бѣло-Хорватске,
Сва Панонска земля до Поморя
Имаюћи Кирил-Методія
Већъ безкрвне носе Богу жертве
Све к'о браћа присна и роћена
Ал' окрета немаюћи правогъ:
Іоштъ се браћа братски непознаю,
Жертвеника іоштъ немаю обштегъ,
Свакій прутъ ѥ по себи неяцакъ;
И Срб-Славске издѣлѣне землѣ
На толике краѥ и кнежине
Іоштъ немаю точке чуварице,
Коя рон, ал' све свуда свои,
Све краѥве у себи споява.

Небо с' стара за промѣне людске,
На обртню што с' вѣчномъ окрећу. —
Што вѣкови сковати немогу
У тренутку быва и постаѥ
По закон'ма тайній вѣковѣчны.
Кнезъ Светоплукъ надъ Моравомъ Славскомъ
Духомъ вышњимъ заданутъ међ' Слав'ма
Искре свете немож' да затаи;
Коіомъ га ѥ творацъ обдаріо,

---

*) Свакоме ће читаоцу Српски' књига' быти позната она млоговажна песма „Српскій Праздникъ на Авали," кою ѥ славный и родолюбивый сачинитель нѣнъ Г. П. Стаматовићъ преко трудолюбиве „Српске Пчеле" роду своме саобштавао. Но кадъ Пчела, на грдну жалость српску, престаде плодове своѥ по Србинству разносити, — остаде и споменута песма несаобштена. Али нетреба мислити, да ѥ томе узрокъ поштованый нѣнъ издаватель. Не! — Овде бы се кодъ насъ ктело да мы Срби — а уобште и сви Славени или ништа непишемо, и нечитамо (— а безъ тога шта ѥ човекъ у садашнѣ време?) — или што и пишемо, да ѥ тако, што ѥ готово ништа. — Я самъ быо тако срећанъ, те самъ имао у рукама Пчелу за 1842. непечатану. Па самъ исписао изъ нѣ „Праздникъ на Авали," што бы за ту годину изишло. И отуда као одломакъ извадіо самъ ово, што садъ п. н. српской публици саобштуемъ. Надамъ се, да ми нико овоме поступку неће ни ктети замерити — баремъ зато — што ѥ на свесрбску корист.

У Бретислави.

Ђ. І. П. Б.

За Слав-владца кадъ га й наменуо,
Душа крѣпка свете мысли раћа,
Коіомъ с' цело човѣчество срећи,
Ню нестраше стрѣле нит' громови,
Нит' бѣснило найлюћегъ оркана,
Нит' пресуда мѣкушкога свѣта;
Тако уманъ, снажанъ и челичанъ
У сред' Нитре Светоплуче Кнеже,
Пунъ любави спроћу рода свога,
А човечству помоћи желећи,
Живый погледъ на све стране баца,
Славскій народъ гдѣ проводи дане;
Преброява села и градове,
Преброява душе и мишице,
Кое с' ране и ода-зла бране
Та своіемъ трудомъ и намећу,
Онъ будућа съ садашньимъ споређа,
Самъ случає ствара и обара
А по своіой глави мозгаюћи,
Съ тврде точке све земальске ствари
Соколећимъ прегледа очима,
Проучава Франке, Алемане,
Саксе злобне, Данце и све Чуде,
Хуне крвне, све народе туће,
Сва могућства и сва немогућства,
Садъ му с' душа, срдце, умъ споява,
Пакъ изъ душе на све Славске стране
Яснымъ гласомъ запѣва витежки:
„Ой Славени браћо и сестрице!
Подъ Божіомъ гди годъ сте десницомъ
На острову ил' на тврдой земльи,
Край извора, шума и ливада,
Ил' на лећи кога синећъ мора;
Или жнѣте ечамъ и пшеницу,
Ил' купите шльнве и орахе,
Ил' чувате стада одъ вукова,
Ил' редите ланове, куделю,
Ил' за сукна прећу дружличите,
Ил' чистите злато одъ дрождине,
Ил' у цркви творца своѣ славите,
Ил' се съ пѣсмомъ къ небу узднжете,
Ил' край свирке бриге забављяте,
Ил' Србчиће младе челичите,
Како с' бране дѣдовска огньишта,
Како с' єзыкъ, крвь, народность чува,
Како с' законъ прадѣдскій нѣгує,
И за име како умире се,
Или кћерке младе преправляте,
Коя како да быва любовца,
Па и майка, коя Славству раћа
Съ тимъ човечству по изборъ юнаке!. —
Чуйте сада о врли Славени!
Саслушайте, добро промозгайте:

Лабудъ, гусакъ и мркій гавране
Птице єсу, и опетъ неслажу с'
Стасомъ, клюномъ, перѣмъ и ноктима,
А сувише наравлю и гласомъ,
Єдно што є, друго быт' неможе;
Божя й воля уредила тако;
Ни Срб-Славенъ, Нѣмацъ или Чудацъ,
Єдногъ отца ак' и єсу дѣца,
Да мећ' собомъ єдно быт' немогу
Срдцемъ, рѣчю, памећу, наравлю;
Квочка квоче, пилићи іой трче,
Ластавче іой неразумѣ рѣчи,
Већъ пѣсмицу майке своє слуша;
Голубови сви єднога рода
Сами собомъ чине єдно ято;
Свака птица своє ято тражи;
Нит' яганьци кадъ пасу са вуци,
Нит' славуи мѣшаю се съ чворци,
Свой є своме свагда найсродніи. —
Богъ є вѣчанъ, и воля нѣгова,
Да се сродно люби и милує.
Тко й мудріи одъ закона тога,
Тай безумлѣмъ себе надвышава.
Што се люди на народе дѣле,
Та дѣлидба Богу є повольна,
Што єдначи обртляє свѣта,
Силе дає людскоме животу.
Што с' Славени народъ многобройный,
То й уредба божя непостижна,
Коіой треба да с' кланямо свагда,
А што ли се мећу собомъ дѣле
На поманя дружтва и кућишта,
К'о да нису найприснія браћа
По имену, крви и єзику,
То є само збогъ плитке памети,
Коя незна Творца ни природе,
Већъ се єднак' по сумрачю скита! —
Ой народе славный и великій!
Драга браћо! сестрице премиле!
Да славніи, ячи постанете,
Небесны се закона држите,
Подъ именомъ дивногъ Срб-Славенства
Сви се знайте да сте браћа права,
Сви єднога држите се ята
Рад' обштега добра и напредка;
У яту є и снага и слава,
Изванъ нѣга туга и неволя!
Поточићи праве грдну рѣку,
Коіомъ с' сбира и сребро и злато,
Сложне силе осниваю царства',
Раздвоєне куће обараю,
Руке млоге самъ благословъ носе
У праведномъ людскомъ намѣреню;

Руке дайте, заклетве полаж'те
Да ћ' у свію єднак' куцат' срдце,
Єдна душа єдна мыс'о быти,
Сва племена коя ће срећити,
А душмане на вѣке страшити,
Да признаю одъ себе већега,
Да милую одъ себе болѣга,
Да поштую одъ себ' мудрієга." —

Кадъ Светоплукъ пѣсму свою сврши
Све славенске запѣваю землѣ
А изъ уста к'о єдніемъ срдцемъ:
„Жив' намъ дуго и надъ нама владай,
О великій Кралю Светоплуче!
Небомъ земльомъ теби се кунемо:
Болѣгъ владца одъ тебе нећемо!
Цѣла Виндска, Србска и Моравска
Ческа, Польска, Русія велика,
Часть Панонске и све землѣ Славске
Све некъ су ти држава и царство!
Творацъ тебе, ты насъ управляо,
Залаг'о насъ светима мислима
Узаймичне слоге и любави,
Све Срб-Славе братски спояво
Око єдне точке и жертвишта,
Све срећио, одъ ньи се срећио,
Цѣлый народъ къ слави уздизао,
Угодіо Богу и човечству,
Споминьо се к'о Геній хранитель —
Докъ є неба и на небу сунца,
И подъ сунцемъ Србльина витеза! —

НѢКЕ ПРИМѢТБЕ ДРА. М. І. С. У ПУТОВАНЮ ИЗЪ БЕОГРАДА ПРЕКО КРАГУЄВЦА У СРЕЗЪ ЛЕВАЧКІЙ.

Кадъ човекъ, єдногъ народа и землѣ станѣ у свимъ смотреніяма познаваюћи, више година у странимъ државама проведе, па по повратку у ону исту землю или народъ умъ свой на станѣ народа баци, свашта у смотренѣ узме и оногъ времена станѣ са саданьимъ сравни, примѣти, да є се преобразило, променуло и побольшало. Но кадъ бы оне землѣ и народа само кругъ природне промене изпытали, истина да бы промену, будући є све у обятію неба и землѣ промени изложено, нашли, али побольшанѣ никако, коє само правителство, мудро-предвидеће правителство єдномъ народу дати може. О овомъ ћемо се найлакше увѣрити, кадъ на нѣке Азіятическе народе помыслимо, кои како пре хиляду година, тако и данъ данасъ свой првобытный животъ проводе. Дакле побольшанѣ и вышій степенъ изображености само мудра и далеко предвидећа правителства народима дати могу. О овомъ далѣ овде говорити предузетый ми предметъ недозволява, зато на истый прелазнмъ.

Путованѣ моє изъ Београда преко Раковице, Рипня, Трешнѣ, Ралѣ, Сопота, Кораћице, Белосаваца, Жабара, Чумића и Крагуєвца у Рековацъ, никакву другу цѣль ниє имало, осимъ видити се съ родбиномъ и пріятельима; но побуђенъ радосћу, будући самъ побольшанѣ премилогъ ми отечества у млогимъ смотреніяма примѣтіо, и одушевлѣнъ за све предрагогъ ми Србства, не налазимъ за излишно нѣке кратке примѣтбе, изъ данашнѣгъ живота Србаля узете, изрећи.

Изъ Београда пођемъ 17. Априла после ручка, на колима Высокород. Господ. Книћанина, и како изиђемъ изъ града (чаршіе), окрећући се одъ барутане къ Мокромъ Лугу, кодъ закопа, кои су Турци, боєћи се Србске силе подъ Црнымъ Ђорђемъ, закопали, примѣтимъ неко выше пута успоредъ побивено каменѣ, коє свакога Србина тронути, а найживлѣ оне юначке и вѣрне Србле, кои су, за отети одъ Турака Београдъ, кодъ истогъ закопа славно животъ свой изгубили, представити мора. За закопъ су или єндекъ место Турци врло добро изабрали были, будући є на самомъ погибалу брда изкопанъ, како страна одъ града на высини а одъ Мокрогъ Луга у низини да остане, због чега є тежко было и продрети преко овога; али Србской сили подъ славнымъ предводителѣмъ ништа насупротъ стати ніе могло, да градъ неосвои.

Преко Врачара далѣ идући, само су се пасућа стада оваца и яганяца по полю видити могла, коя су люди изъ удалѣны места у Београдъ на продаю дотерали; али кадъ на прекосавске предѣле, кои на подножію Србски и Фрушкогорски планина леже, погледнемъ, помыслимъ: да л' самъ игди овако величественно положенѣ видіо — падне ми на умъ Ческій замакъ, съ коєгъ се преко Молдаве на Златный Прагъ и нѣгову околину гледи — а іоштъ да су ови у ономъ обдѣланю! —

Наступаюћи у честе, шумарице и лугове, а после овы у планине, све се у найлепше зеленило, особито рано листаюћа гора, обукло.

Предѣли одъ природе за рай земный опредѣлѣни — разлеже се по ньима гласъ различны птица —. Кадъ сиѣо у Раковачкій потокъ, коегъ ситно жуборећій поточићъ одъ чесме укреплѣнъ красоту зачинява, и далѣ преко подножны потока Авале путујући, помыслимъ да самъ у Саксонскомъ Швайцу, али кадъ путове, гору немилице и безъ реда изсѣчену и т. д. просмотримъ, рекнемъ: „О Боже! кадъ ћемо и мы ову пребогату природу на болю ползу употребит' и уважит' умети.!“ —

Кадъ приспѣмъ къ Рипню, оставляюћи гордо узвышену Авалу съ леве стране, угледамъ изъ далека, да се нешто здраво пуши, одъ коеѥ пушняве цела се сѣверозападна долина замаглила; кадъ кодъ меане, а оно цео пластъ ђубрета и брлога одъ сена, сламе и т. д., коеѥ преко целе зиме скупляно, запалѣно, запытамъ меанцію: „Што си запаліо ово ђубре?“ Одговори: „Да шта му знамъ друго“. „А зашто га небы извукао на ньиву и по овой растуріо,“ рекнемъ, „па бы ти плоднія была.“ Одговори: „Вала Богу, она ѥ плодна и безъ ђубреня.“ „Добро брате,“ кажемъ му, „али колико ѥ плодна, толико бы не само іоштъ плоднія была, кадъ бы ты ово ђубре, єдне године на єдну, а друге на другу ньиву изнео и по ньима развукао, него бы ти и земля мекша постала, па бы ѥ лакше радіо —.“ Одавде седнемъ на кола и пролазећи поредъ Трешнѣ, одъ г. 1839. знаменито место, дођемъ у Ралю око 8. сатій съ вечера на конакъ, и то у овой меани на брду.

Овде првый путъ, како самъ се у отечество повратіо, видимъ, како наши селяци по првобытномъ обычаю (као што самъ у С. Н. Листу чис. 14. 1843. год. изрекао) благодать ватре уживаю. Кадъ уђемъ у меану сирѣчь, застанемъ 8. селяка, кои око огньишта, на комъ толика ватра гори, да бы се ма каквый бравъ изпећи могао, на клупама и столицама седе. „Добро вече браћо,“ рекнемъ. „Богъ ти помогао,“ одговоре ми. „Имашъ ли собу меанція“? „Имамъ,“ рекне ми, и одма ме у собу (на плѣсань удараюћу) одведе и почесть учини, да ствари на креветъ, изъ дасака одъ єдногъ до другогъ дувара съ десне стране начинѣнъ, спустимъ. По овоме кочіяшъ отидне гледати конѣ, а я отворимъ собна врата и станемъ узъ пражный дирекъ, да гледамъ, како се мои мили землѣдѣлци, пастирима у гори подобно, грею. Ови око ватре сачињаваю єданъ кругъ, кои ѥ само, гди главнѣ стоеѥ, уштрбнутъ. Овако седећи сви біаю руке на колена наслонили, а дланове управо ватри окренули. Кадъ се западна врата меане отворе, а оно съ источне стране ватре грећимъ се оће димъ очи да истера, а кадъ источна, оной другой страни. Садъ се пустимъ съ ньима у разговоръ: „Єсте ли сви браћо одавде изъ Ралѣ?“ упытамъ. „Єсмо,“ одговоре (изузимаюћи єднога, кои ми ѥ после у разговору казао, да ѥ онъ иза Н. Пазара близу Пећи роћенъ, па ѥ іоштъ пре 15 година овамо дошао). Садъ одма упытаю и они мене: „Одкуда си ты?“ Одговоримъ одкуда самъ и приповѣдимъ іймъ, гди самъ до садъ био и шта самъ радіо. Съ пунымъ удивлѣніємъ сгледну се, говорећи: „Вала Богу, брате, ко бы рекао да ѥ онъ у Левчу роћенъ!“ Далѣ међу прочимъ разговорима рекнемъ іймъ: „Заръ небы болѣ было, да у соби седите, него узъ ватру да се печете?“ Одговоре ми: „Може быти да бы и болѣ было, али мы смо овако научили.“ „Та ніе брате, да бы може быти болѣ было,“ рекнемъ, „него за цело ѥ болѣ, єръ не само, да се манѣ дрва изгори, одкуда радъ заштедите и ратніе живите, него небы хальине горели, и съ єдне стране пекли се, а съ друге мрзнули, одъ куда, како пролеће доће, яо протисли, пробади, реуматизми и на друге коекакве болести тужите се.“ „Бога ми єсте,“ одговори єданъ измећу ньи, а други ме запыта: „Па како живе ти люди тамо, гди си ты быо?“ „Е мой брате,“ рекнемъ, „тамо люди сасвимъ другчіе живе, іоштъ кадъ бы они тако доста плодне землѣ и горе имали, а малый данакъ, као вы, плаћали, нигде срећнієгъ народа небы было.“ „Вала Богу, брате, заръ тамо нема доста землѣ и горе?“ „Нема богме, и то ѥ тако неплодна,“ одговоримъ, „да ништа неможе да роди, докъ се ненагнои, а одъ дрва ни прутъ нема где одсећи, докле га некупи, а камоли грмъ.“ — „О Боже, тебе валимъ,“ рекне єданъ, подигне капу и погледаюћи наокодо седеће, климне главомъ и рекне: „Мећеръ ти мы браћо царуемо!“ По овоме другій ме запыта: „Па заръ и великій данакъ плаћаю?“ Рекнемъ: „Те како великій, па и то ніе доста, но іоштъ и своеѥ жито несме нико да мелѣ, да се лебомъ рани, докле на њега данакъ не плати.“ Садъ сви подигну капе и повичу: „Боже поживи нашегъ КНЯЗА, тебе се молимо!“

(Далѣ слѣдуе.)

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ЦОДУНАВКА.

№ 22. У Суботу 27. Мая 1844.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА БЕОГРАД

ДВОЄ.

У ходнику, миломъ мѣсту,
Двоє сѣде замышлѣны,
Мѣсецъ сяє, зефиръ милый
Благій мирисъ разпростире.
Свуд' тишина мртва влада,
Текъ се уздисъ кой путъ чує.
Кажи, вило! ко су сѣдеѣ'
Ово двоє замышлѣны?
Ил' су братацъ и сестрица,
Ил' любезникъ и любовца,
Ил' су душе изумрлы,
Што домове обилазе,
И на милы нѣгда мѣсты
Іошъ с' и мртви радо баве?
Они само тако сѣде!
Братъ и сестра разговоре
Увекъ важне заръ имаю?
А любезникъ и любовца,
Ако ћуте, баръ на ближе
Єдно другом' сѣдеѣ', руку
Знакъ вѣрности тврде, држе.
Бледый мѣсецъ некъ ти каже,
Онъ є слуш'о ньине тайне,
Зефиръ обе загрлює,
Онъ познає чувства ньина.
Ко ће тайну да изпыта,
Што на небу мѣсецъ слуша?
Ко ли чувства да разуме
Тіомъ вѣтру саобштена?
Устай, прени младъ делія,
Шта є теби ова мома?!
То є моя посестрима,
Уздишући проговара
К'о иза сна тргнутъ младићъ.
Ха! за далѣ немой пытат',
Любопытна читателько!
Већ' сажали млады двоє,
Што о єдной ватри горе,
А помоћь іймъ непритиче,
Да ій слюби жаромъ любве.

К. С. Поповићъ.

НѢКЕ ПРИМѢТБЕ ДРА. М. І. С. У ПУТОВАНЮ ИЗЪ БЕОГРАДА ПРЕКО КРАГУЄВЦА У СРЕЗЪ ЛЕВАЧКІЙ.

(Наставлѣно.)

Кадъ предъ меану после вечере изиђемъ, видимъ на оной страни потока Ральскогъ у гаю да великій пожаръ гори. Упытамъ меанцію, шта оно онамо у гаю гори? Одговори, да су люди по ньивама лугъ крчили, па запалили. По овомъ уђемъ у меану и добру ноћь моимъ Ральчаньима реклемъ! —

Сутра данъ 18. Априла пођемъ изъ Ралѣ. Идући преко Сопота, гди се лепа чесма кодъ меане налази, къ Кораћици, наиђемъ на єдногъ селяка, кои край пута крупникъ сеяше. Ньива беше по одавно орана, и то тако, да осекъ бразде дубльій одъ тры прста небыяше, а ширина дубльину исте четири пута прелазаше. По названію Бога, упытамъ га: „Шта сеєшъ, брате, по тако крупномъ ораню и бусеню?“ „Крупникъ,“ одговори, додаваюћи: „чека, и чека, да киша падне, и оранѣ покваси, да бы болѣ повлачити могао, па нема, а я оћу да посеємъ, па Божія воля.“ „Добро брате,“ реклемъ я, „нека буде Божія воля, али да си ты ту твою ньиву другоячіе поорао, па бы ти и Божія воля болѣ помогла.“ „Али како бы є другоячіе поорати могао?“ запыта ме. „Тако,

брате, да си ты бразде уже а дублѣ орао, онда не само да бы ти ситніе оранѣ было и траву, коя ти после жито отрави и преузме, изъ корена утр'о, него бы ти лакше было и повлачити. А што се годъ у дублѣ узорану землю сеѥ, то ѥ сигурніи усевъ одъ суше; ѥръ само онда жиле своѥ у дубльину пустити и разширити може, кадъ се ситно и дубоко изоре.“ — Далѣ идући къ Кораћици примѣтимъ више пута у ѥдномъ грму крстъ изрезанъ, коѥгъ первази види се да су сваке године понављяни. Запытамъ кочіяша шта онай записъ значи? Одговори ми да незна; но люди ми нѣки, кадъ у Кораћицу дођо, приповеде, да су онде нѣки Србльи, побивши се съ Турцима изгинули, па да су іймъ сродни спомена ради онай записъ начинили. Ово ми се съ тымъ више вѣроятно учини, што самъ и неко каменѣ овди, онди, край пута у истоме гаю побивено примѣтіо.*)

У Кораћицу кадъ приспѣмъ, буде 10. сатій, гди се коньи одморе и я, неимаюћи шта друго, попаре мало поручамъ. Одавде по томе пођемъ, и идући къ Белосавцыма угледимъ съ Белосавскогъ поля Рудникъ, као яйце одъ снега белећій се. У Белосавце кадъ дођемъ, одседнемъ у прву одовудъ меану, да коньи оддану. Видећи неке безпосличаре и нерадніке, гди око огньишта рупама обкруженогъ (будући ѥ меана, као да су по ньой свинѣ риле, неравна) седе, рекнемъ: „Ѥ ли данасъ каквый свечаный данъ, те нерадите?“ Одговори ми нѣкій селскій калайція, кои ѥ поле леиѣ люде безпосличарима учинити вештъ, да ніе, но данасъ се тако догодило. „Чини ми се, да се то кодъ тебе чешће догађа,“ продужимъ я, и рекнемъ: „съ Богомъ!“

После два сата (одъ прилике) стигнемъ у Жабаре, гди више ћерамидомъ покривены кућа, коѥ пре неколико година нису быле, примѣтимъ. Овде застанемъ кодъ меане Жабарскогъ кмета П. Ст. и свиньярскогъ трговца К. изъ Чумића. Ова два поштена човека лепо ме предусретну и са особитымъ любопытствомъ о различнимъ предметима пытати почну. Кадъ іймъ я између другогъ подобно Ральчанима приповедимъ, рекне кметъ Жабарскій: „Воліо бы те, брате, да ми се у селу догодиншъ, и селянима, кадъ се скупе, тако приповединъ, него Богъ зна шта.“ Међу тымъ скуе Циганинъ два три коньска клинца, будући ѥ ѥдна плоча коню кламићати почела, и утврди исту. Садъ пођемъ и по мраку у Чумиће приспѣмъ на конакъ.

(Далѣ слѣдуе.)

*) Овако се каменѣ готово по целой Србіи край путова налази, и то не само онде, гди ѥ некадъ битка была и людій изгинуло, него и онако спомена ради, па ма гди да ѥ у войни погинуо.

КРАЛЬ И ВОДЕНИЧАРЪ.

Хенрихъ II., краль енглезкій, ѥданъ данъ отиде на коню у шуму Шерводъ, да лови ѥлене, и за то се съ такомъ охотомъ заузео быо, да се одъ нѣгове пратнѣ оддвоіо и у шуми заблудіо. И тако коѥкудъ на коню тумараюћи, умори се не мало и уплаши, найпосле наиће на ѥдногъ воденичара, те га запыта, куда ѥ путъ, кои у Воттингамъ води. Воденичаръ мыслећи, да ѥ онъ горскій айдукъ, рекне му, да бежи по далѣ у шуму. Краль се насмеѥ, те проговори: „Я нисамъ айдукъ, я самъ честанъ племићъ; заишао самъ у шуму, пакъ тражимъ конака, гди ћу преноћити.“ — „Шта, вы сте племићъ?“ проговори воденичаръ; „заиста цѣло ваше иманѣ на леђи вамъ ѥ, а у цепу ни паре немате. Но ако сте честанъ човекъ, я ћу вамъ дати конакъ да преноћите.“ — „Я самъ,“ проговори краль, „свагда быо честанъ човекъ, и ево моѥ руке.“ — „Не, не пріятелю,“ настави воденичаръ, „я у помрчини непружамъ никоме руку; морамъ васъ болѣ познавати, пре него што се рукуѥмо; но айдете самномъ, близу смо кодъ моѥ куће.“ Краль пође за ньимъ; кућа ѥ яко воняла на ѥла, коя су онда готовлѣна, и пуна ѥ дима была, но опетъ ѥ была доста видна тако, да ѥ воденичаръ монархово лице разпознати могао. „Ваше ми се лице допада,“ проговори онъ, „вы честно изгледате, вы ћете ову ноћь съ моимъ сыномъ Рихардомъ заѥдно спавати.“ На то проговори воденичарка: „Онъ ѥ истина красанъ момакъ, но добро ѥ предосторожнымъ у послу быти. Ѥ л' то башъ истина, да вы нисте айдукъ? Покажите намъ вашъ пасошъ, пакъ ћемо вамъ веровати.“ Младый краль насмеѥ се на досетльивость женску и проговори: „Я самъ дворянинъ, пакъ самъ у шуми заблудіо; свако добро, коѥ ми учините, богато ће вамъ се наградити.“ Садъ воденичаръ своіой жени пришапће на уво: „Овай се странацъ види по нѣговомъ одѣлу и обхођењу, да ѥ одъ доброгъ рода; гріота бы было, нѣга одъ врата одгнати;“ на коѥ жена краліу проговори: „Добро намъ дошли младићу, вы ћете добру постелію имати; я ћу фришке сламе у вашъ кре-

ветъ метнути и кудельный чаршавъ одозго прострти. Нећете рђавогъ друга у кревету имати, нашъ ће рођеный сынъ Рихардъ съ вама спавати.“

Садъ они седну вечерати врућъ пудингъ, осимъ когъ су іоштъ и добру питу съ ябукама имали за єло, къ томе іоштъ и добра пива, коє су изъ єдне црне шолѣ сви редомъ пили. „Ово піємъ за ваше здравлѣ, добрый друже,“ проговори воденичаръ, за тымъ єданъ наглый гутляй повуче; краль настави: „Я вамъ благодаримъ за вашу здравицу, допустите ми да и я по обичаю истымъ начиномъ вашемъ сыну напіємъ.“ Све є већма и већма дѣйствіе пива отварало срце дружевногъ воденичара. Онъ мигне окомъ на жену, коя одма донесе іоштъ єдну одъ дивчи печену паштету, коя є кралю тако вкусна была, да є рекао, іоштъ овако сладакъ залогай нисамъ нигда окусіо. „Господине!“ проговори Рихардъ, „ово за насъ башъ ніе никакавъ особитый залогай, мы то свакій данъ єдемо.“ — „Доиста?“ настави краль: „у коіой вароши купуєте месо?“ „Шта? да купуємо!“ проговори Рихардъ, „мы нигда зато ни пару неплаћамо; мы налазимо у шуми, гди слободно изпредъ насъ трчи. Найманѣ є по два три комада дивчи кодъ насъ у куѣи, и то све меснате и угоєне; но я васъ молимъ, да о томъ неказуєте никомъ ништа, єрбо мы нисмо ради због млоги узрока, да краль зато дозна.“ — Хенрихъ одговори: „Небойте се, о томъ неће краль ништа одъ мене дознати,“ и почемъ є крѣпкій напитакъ по обичаю оногъ предѣла изъ смешаногъ пива и вина испіо, легне у креветъ, простртъ кудельнымъ чаршавомъ по слами. У ютру доћу и нѣгови пратіоци предъ врата воденице, башъ онда, кадъ є онъ у намери было на коня узяти. Дворяни клекнуше предъ краля говорећи му: „Ваше Величество!“ Воденичаръ садъ почне мыслити, о съ почетка непріятельскомъ предусретаню краля, о опасной тайни паштете одъ дивчи, да ће обешенъ быти, те падне на колена предъ ноге кралѣве. Краль га види да дркће, изтргне мачъ и ни речи непроговори, на коє воденичаръ помысли, да ће му краль животъ узети, падне на землю и изъ свегъ грла дрекати почне; немало се изненада обрадуе, кадъ га є краль наградіо за нѣгово пріятельско угошћенѣ са благородствомъ и годишньимъ издржаванѣмъ.

Кадъ се краль Хенрихъ у Вестминстеръ натрагъ вратіо и са свои дворяни разговараюћи се, шта іймъ се у лову догађало, каже, да є догађай са воденичаромъ одъ свію други найболыій было, и да бы га желіо са нѣговомъ женомъ у двору имати. Тога ради онъ съ места оправи єдногъ вѣстника къ ньима; овай, текъ што є налогъ извршіо, ал' воденичаръ повика: „Я то немогу да понямъ; шта имамо мы посла кодъ двора?“ „Найпосле ћемо быти обешени,“ проговори Рихардъ, єрбо се сетіо разговора о дивчи. „Ямачно не,“ дода вѣстникъ: „краль о вама добро мысли, онъ є вама за честъ пріуготовіо велику часть.“ За ово радостно извѣстіе обдари воденичаръ вѣстника, и обећа му доћи по заповѣсти кралѣвой; текъ што є вѣстникъ было отишао, а воденичаръ се са своіомъ женомъ почне договарати, како бы се они за овай поодъ на найпристойніи начинъ преправили. „Та стварь бы насъ богме доста новца стала,“ рекне онъ, „али мы морамо са достоинствомъ предстати, макаръ све на то отишло, што смо досадъ заштедили; нама требаю нове хальине, коньи и слуге, седла и простирке!“ Жена му нѣгова помогне и одврати га одъ овогъ великогъ трошка. „Ты се само небриши, на мене нећешъ ни паре потрошити; мени су добре и моє свечане хальине, макъ ћемо на нашимъ воденичарскимъ коньма яшити, а оседлаћемо ій и зауздати што болѣ можемо.“ У овомъ угледномъ одѣлу доиста су яшећи отишли у дворъ, ньовъ є сынъ Рихардъ напредъ ишао, кои є петлово перо за шеширомъ заденуто имао, и тако су ступили у предворіе кралѣво.

Можемо мыслити, кадъ се воденичаръ са своіомъ породицомъ указао, коя своє просте обичає и хальине ни найманѣ ніе променула, да є то кодъ двора великій смей побудило; ал' є управо ова различность была по вкусу кралѣвомъ, кои є съ честнимъ людма врло пріятельски поступао. „Добро дошли, господине риттеру,“ проговори краль, „и добро дошли, вы лепа дамо, и вы младый господичићу, кои сте ми у спаваню другъ были.“ Такођеръ и кральица, коя є приступила, говорила є пріятельски и милостиво и не мало се увеселявала са збунѣномъ воденичаркомъ, коя є тако круто предъ ньомъ стояла, башъ као дама на карти, и за сваку є рѣчь клецала съ ногама. Ово се посѣштеніе найвећма о ручку украшавало; воденичаръ є єо и піо, шта му се годъ предложило, безъ да є рѣчь єдну проговоріо; напротивъ пакъ нѣговъ є сынъ было разговоранъ, сва єла, коя су доношена, нису му вкусна была, зато найпосле изкаже, да онъ радіе єде црный пудингъ, и маши се рукомъ у нѣговъ грд-

ный цепъ, те на велико увеселѣніе цѣлогъ дружтва извуче єданъ великій пудингъ. После ручка краль зовне къ себи воденичара Мансфелда, а садъ Сиръ Донъ Кокне названогъ, и наименує га надзирателѣмъ шуме Шервода съ годишньомъ платомъ одъ 300 фунтій штерлинга, но подъ тымъ уговоромъ, да дивлячь више некраде.

Д. Авраамовићъ.

НАПИСИ

НА ГРОБОВИМА СЛАВНЫ СРБА, ПОГИНУВШИ ЗА УСТАВЪ М. АВГУСТА ГОД. 1842.

Х. МИЛУТИНЪ ГАРАШАНИНЪ ПАДЕ 20. АВГУСТА 1842. ГОД. КОДЪ БАРАЄВА У ОКРУЖІЮ БЕОГРАДСКОМЪ У 80. ГОДИНИ СТАРОСТИ СВОЄ.

(Ово є на крсту.)

Животъ роду,
Богу духъ
Сѣдый старацъ даде,
Кадъ тиранске
Лозе плодъ
У Србіи паде.

(Ово є на плочи.)

Милутинъ Гарашанинъ старый,
Кара-Ђорђевъ борацъ бы за слободу храбрый.
Онъ на жертву цѣлый вѣкъ отечеству даде,
Младъ за избавъ воєва, старъ за Уставъ паде.
Глава сатре нѣгова Србству ярамъ тежкій,
Тимъ слободу задобы опетъ родъ витежкій.

ЛУКА М. ГАРАШАНИНЪ У 50. ЛѢТУ ЖИВОТА ПАДЕ 22. АВГУСТА 1842. ГОД.

(Ово є на крсту.)

Чій є овай, пыташъ,
О путниче! споменъ?
Пытай Уставъ, Србство,
Шта покрива каменъ.

(Ово є на плочи.)

Презро благо, презро домъ, и све, што є имо,
Кадъ є сладкій рода гласъ на обрану позво;
Потекав' му у помоћь паде жертва по отцу,
Но угодна, єръ му духъ съ жельомъ приспѣ къ Творцу,
Кои посла Анђела, те невиность одбрани,
Падшій Уставъ васкресе, неправду утамани.

ЯНКО МИХАЙЛОВИЋЪ ПОГИНУ У 30. ЛѢТУ ЖИВОТА 23. АВГУСТА 1842.

(Ово є на крсту.)

Залудъ оће тиранъ
Да у гробу цвилимъ,
Кадъ я са слободомъ
И са Србствомъ живимъ.

(Ово є на плочи.)

Уваженъ и везанъ одъ тиранске руке
Претрпи за Уставъ неизбройне муке;
Залудъ моли, плака и преклиня Богомъ;
Одъ когъ чека милость, отури ме ногомъ,
И предаде смрти, кадъ найволѣхъ живит',
Єръ побѣде гласъ чу „ура уставъ“ трубит'. *)

НОВА КНЬИГА.

Похвала Марку Аврелию, найдобродѣтелнивѣмъ цару римскомъ. По Томасу, члену француске академив, превео съ францускогъ Димитрія Матићъ. У Бѣограду, печатано у Княжества Србскогъ Кньигопечатньи. 1844. — На 8-ку, стр. III., 77. — Кньига ова добити се може у Бѣограду кодъ Г. Кньигопродавца Глише Возаревића съ цѣномъ одъ 1. цванцике.

---

*) Мора се примѣтити: Єръ побѣде гласъ чу „ура Уставъ“ трубит', значи, да є у оно време покойникъ као жертва пао, кадъ є противна страна къ бѣгству већъ склонѣна была, и побѣду Господинъ Вучићъ на Крагуевцу, Петровцу торжествовао, и на Жабарима обе стране већъ се сразити хтѣле.

У Београду, 23. Маи 1844.

Е. В.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

№ 23. У Суботу 3. Юнія **1844.**

ХИМНА БОГУ.

Тебе, свѣте свы свѣтова,
Свы духова, Тебе, душе,
Тебе, Бога, духъ мой тражи,
Тебе виче, Тебе зове,
Свуда блуди на све стране,
Теб' да нађе невидима,
Теб' да позна несаздана!
Там' по ноћи долня свѣта,
Там' гди тама вѣчна влада,
Гди є глувость безконачна
Свуда широмъ разпростртa,
Гди с' нечує гласа смртна,
И там' духъ мой Тебе тражи
Жельно одвећъ невиднма.
Ахъ! одъ нѣга зашт' се крієшъ?
На пребрзы свои крилы
Тамо горе духъ мой лети,
Онъ пролеће све свѣтове
И предѣле све тайности,
Небо плаво разпростртo,
Изкићено са звѣздама,
Духъ мой често разсмотрава,
По простору там' Теб' виче.
Жельомъ жаркомъ кипи духъ мой,
Теб' да нађе виновника,
Началника, пранзвора
Свы тѣлеса, свы духова.
Само слѣди духъ налази
Быћа Твога непонятна,
Али сама Тебе, Боже!
Нигди смотрит' ніе кадаръ.
Та зашто се непокажешъ
Већъ єданпутъ створителю?
Зрацн феба блистаюћи,
Па и онай садъ звѣзданый,
Теченіе звѣзда дивно
По закону Твоме светомъ,
Па и ово быће мое
Увѣрава м', Ты да єси.
Да, єси, Ты, свѣте свѣта,
Духа мога створителю,
Вездѣсущій, непремѣный,
Свевидећій, свезнаюћій!
Ты с' у мени, а я незнамъ,
Свудъ си самномъ, я Т' невиднимъ.
Овай духъ мой єсть Твой светый,
Ове речи Ты говоришъ.
У пупольку мала цвѣта,
У зачетку нѣжна плода,
Тамо Ты си, когъ я тражимъ,
Невиднмо сакривеный,
Там', гди гласна птица гнѣздо
Мудро себи устроява,
И онде си невиднмый!
Та сва жива Тобомъ диша!
Садъ, животе свы живота,
Како да Те именуемъ?
Да л' є име Бога сходно
Твоіой снаги и высини?
Какву славу да Ти даемъ,
Кою пѣсму да Ти поемъ,
Кадъ Те немож' увеличат'
Гласъ човека немоћнога!?
Нико Т' ништа немож' дати,
Єръ свачіе све є Твое;
Теби дакле савъ се даемъ,
Одъ Тебе самъ, Теби идемъ!

Алекса Десимировићъ,
Ученикъ Поетике.

НЂКЕ ПРИМЂТБЕ ДРА. М. І. С. У ПУТОВАНЮ ИЗЪ БЕОГРАДА ПРЕКО КРАГУЄВЦА У СРЕЗЪ ЛЕВАЧКІЙ.

(Наставлѣно.)

Овде преноћимъ, и сутра данъ кадъ устанемъ, примѣтимъ, да є се и овде више кућа съ ћерамидомъ покривены изградило. Чумићанима на особиту честь и похвалу служи, што велика пожертвованія на зиданѣ цркве съ куломъ чине. — Одавде ме почне киша пратити, коя є іоштъ преко ноћь ударила, и башъ до Крагуєвца допрати ме. На путу овомъ, кадъ низъ гай къ Петровцу будемъ, угледамъ више циганскі чергій, коє ми да повода, о овомъ номадическомъ народу мыслити и говорити. Цигани, номадизираюћи, донели су овай обичай іоштъ изъ Азіе и никако га нису ни до данасъ побацили, будући да имъ се никаква препрека у томе, као по другимъ цивилизиранимъ европейскимъ државама, нечини. Они се у Србіи деле на Гурбете и Лингуре*) или Цамбасе и Коритаре. Први имаю черге (обично изъ Козійне начинѣна матерія, одъ коє тако чергу устрое, да, кадъ се на моткама разпне, колибу неку сачини), коє собомъ носе и гди годъ дођу, изъ ньи себи кућу начине. Ове обично близу градова (чаршія или вароши) разапињу, будући да они найрадіе са коньима тргую, т. є. промену чине, и изъ руку у руку препродаю. Лингури немаю чергій, но гди у планину дођу, да коєкакову посуђу, као: корита, кашике, заструге, вретена и т. д. граде, начокере какву годъ колибицу, да се одъ времена сакрити могу. И жене іймъ помажу радити, но оне обично иду по селима, те посуће за брашно, пиће, старо одѣло и т. д. меняю. А бабе и врачати знаду, кадъ іймъ ко шта даде, младе пакъ играти. Гурбети су дружевніи него Лингури. —

У Крагуєвцу кодъ з. и с. пребудемъ 2. дана, гди Выс. Г. К. и Р. посѣтимъ, одъ кои ме првый и ручка удостои. — Крагуєвацъ примѣтимъ, да є се повеличао и полепшао, а граћане, да у надежди добробытности живе. — — Одавде јнемъ коня и узъ реку Ждралицу, у коіой млого кречногъ камена има, похитимъ къ премиломъ ми рођеня мѣсту Рековцу.

*) Име Лингура суднмъ да одъ латинске речи „lignum, дрво“ долази, єръ ови коєкакове ствари изъ дрвета граде.

Овде съ родбиномъ обкруженъ проведемъ четири дана, и Ђурђевъ-данъ, као своє крстно име, съ браћомъ прославимъ. Неупуштаюћи се у церемоніялно описиванѣ прославляюћи светителя, желимъ само у смотреню народне економіе или прибавоштеденя неколико речій проговорити. Кодъ наши є селяка у обичаю своє домаће патроне или заштитителѣ три дана славити.*) Првый данъ или онай данъ, на комъ се светитель догоди, славити, быва изъ неке побожности и дружевности, и треба да се кодъ народа овай обичай храни. Но остала два дана, само да прилике пити а нерадити имаду, у обичаєни су. Да овде не узмемъ, што єданъ другомъ толико поєде и попіе, да бы се цела она кућа, коя є славила, найманѣ три мѣсеца мрсити и поити могла, него да само надницу, кою народъ у смотреню овога за єдну годину изгуби, прорачунимо, па ћемо се текъ онда о питети, изъ овога обичая произилазећой, увѣрити, чега ради овде слѣдующе за примѣръ ставлямъ:

Као што є познато, да свака кућа у Србіи има своґъ заштитителя, коґъ єданпутъ у години дана (изузимаюћи прекаћиванѣ) слави, и то неслави се овай само онай данъ, на комъ се є светитель догодіо, него іоштъ два работна дана. По овоме дакле свакій за радъ способанъ човекъ у Србіи (изузимаюћи граћане) два дана преко године изгуби, и тако кадъ умножимо съ два цело за радъ способно людство, коє я за примѣръ 400,000 узимамъ, то ће изићи 800,000 изгубльны надница. Но ово іоштъ ніе доста, єръ оволико бы се само онда изгубило, кадъ бы цела Србія єдногъ патрона у єданъ

*) Одкуда є се и одъ когъ времена кодъ нашегъ народа, патроне кућевне славити, уобичанло, вредно бы было испытати и дознати. Я судимъ да є се съ Христіянствомъ увело, и то тако, да є цело єдно село, а и предѣль єдногъ патрона славіо, као што се и данасъ н. п. Спасовъ данъ или другій какавъ празникъ, носенѣмъ крста, славлѣнѣмъ цркве и држанѣмъ богомоля, прославля; но доцніе, кадъ су народъ обстоятелства изъ патріархалны обштества покренула, по различнимъ предѣлима расеяла и єдне люде съ другима помешала, опоминаюћи се онога обштинскогъ светителя, почеле су га єдинствене фамиліе славити, и тако обштински патрони постану єдинствены фамилія. Ово доста потврђава и онай обичай у народа, што се сви, єдногъ светителя славећи, рођацима називаю. Шта више и за греоту држе, кадъ кои свою рођаку, овымъ путемъ ороћену, за жену узме, ков доказуе да су не само некадъ у єдной обштини живили, него да су и сви сродни. — Ђурђевчани се сви, па ма гди были, Топличанима називаю. — —

даѣ славила; али кадъ знамо, да млого таки прославляюћи светителя има, као: св. Лука, Митровъ-данъ, св. Никола и т. д. и т. д., и да у свакомъ селу свакій светацъ прославителя има, то я, Милутинъ, и Драгутинъ н. п. зовемо на св. Луку остале наше коншіе и изгубимо како мы, тако и позвани, осимъ данъ праздника, два дана; после петъ или десетъ дана доће н. п. св. Аранћелъ, садъ Аранћеловци зову такоће све свое коншіе и изгубе съ њима заедно по два дана, и т. д. преко целе године, докле толико пута по два дана сви за радъ способни люди не изгубе, колико є таки кућевны патрона. А да таки прославляюћи светаца више преко године има, познато є, но я само 10 за примѣръ узимамъ. Дакле свакій човекъ преко године 10 пута по два дана, т. є. 20. дана изгуби. Слѣдователно ако у Србіи 400,000 за радъ способны душа има, изгуби се преко године 8,000,000 надница. Наднице пакъ кадъ бы съ єдне на другу по 3. гроша узели, то народъ сваке године по 24,000,000 гроша, само у надници, изгуби.

Далѣ упуштаюћи се са селяцима у разговоръ, запытамъ ій: „Є ли вамъ тежко по три дана славити?“ „Те како тежко, особито неплодне године,“ рекне єданъ, а другій продужи говорећи: „Вала, я бы волео іоштъ 5. талира данка платити, само да га три дана неславимъ*).“ На то я рекнемъ: „Па зашто тай обичай не одбаците и само по єданъ данъ, као чаршиліе, неславите?“ „Та неможемо“, рекну ми, „єръ кадъ бы кои започео само онай єданъ данъ славити, то бы га другій изсмеявали и не бы на свети звали, а нико неће да буде осимъ людій.“ На то запытамъ: „Па бы ли вы волели, кадъ бы вама одъ власти дошло, да дуже одъ єдногъ дана светителѣ не славите?“ „Како не бы Богъ съ тобомъ,“ одговоре ми, „и то бы за насъ велика срећа была.“ —

(Ковацъ слѣдуе.)

ТЕСКОБА ЄДНОГЪ ПУШКАРА.

У єдной збирки достопаметностій Наполеоновы у Паризу на свѣтъ изишавшой, између осталога и ово се налази. — Кадъ се Наполеонъ іошть у првимъ годинама свога царствованя, у време кадъ се тайны убица бояо, на путъ у Белгію спремао, даде онъ себи некогъ искусногъ пушкара дозвати, и наручи му єданъ одъ свакогъ оружія безопасный оклопъ. Овай се прими посла, и заиште 18,000 франка. На уреченый рокъ допесе онъ свой израдъ. Царъ му садъ заповеди, да га обуче. Кадъ га є овай обуко, узме Наполеонъ два пиштоля и нанишани првый у прси нѣгове съ намѣреніемъ, да види оће ли оклопъ тане одбити! Тане одскочи натрагъ. „Окрени се само“ рекне му царъ. Онъ опали изъ другогъ пиштоля у леђа, да види оће л' и овде оклопъ пробу одржати. Садъ є већъ мысліо сирома художникъ, да ће оклопъ попустити, но онъ срећомъ опетъ небуде пробіенъ. Іоштъ съ єдномъ ловачкомъ пушкомъ прокуша царъ оклопъ на трбуу пушкара и опетъ, као годъ и пре, срећно сохрани овай израдъ своге художника. — „Колико зактевашъ?“ упыта напоследку задовольно Наполеонъ. „18,000 франка,“ одговори тихимъ и дркћућимъ гласомъ пушкаръ. — Наполеонъ є іоштъ єданпутъ толико за оклопъ положіо.

Светозаръ Іовановићъ.

АНЕКДОТЕ.

Фридрихъ Вилхелмъ III., краль Прускій, добыє одъ своє кћери, садашнѣ Царице Руске, єданъ особито реткій цвѣтъ на поклонъ. Овай є цвѣтъ стаяо у стакленой башти у Шарлотенбургу, и за краля є одъ неоцѣниме вредности было. Єдно ютро отиде краль да види цвѣтъ; ал' овай є было превалѣнъ и пребіенъ. Лютитъ викне краль на баштована: „Тежко том', тежко том', ко ми є овай цвѣтъ пребіо!“ „Ваше Величество,“ проговори дркћућій настоятель баште, „ючеръ є овде было єдно дружтво изъ Берлина; и ова се несрећа догодила дворскомъ савѣтнику . . .“ „Ћути!“ уће му краль у рѣчь, „я нећу да му знамъ име. Заръ ты ниси чуо, шта самъ казао?“

Истый краль имао є єдногъ старогъ аћутанта, полковника Милаховскогъ, кои є врло сирома было и оскудно живіо. Краль му пошлѣ єданъ малый портуфиль на подобіе какве књиге, и у нѣга 500. талира метне. После некогъ времена сретне краль реченогъ полковника. „Но?“ — запыта га краль — „како вамъ

*) А пуно право има, єръ за она два дана найманѣ 80. ока кое вина, кое ракіе попіе му се, кое кадъ бы по грошъ продо, ето му 80. гроша, а еди му є што се по 2. или 3. брава поеду!!

се допада оно дѣло, кое самъ вамъ послао?“ „Изредно, Ваше Величество,“ одговори полковникъ, „и то тако узбудително, да другу свезку нестрпѣливо очекуемъ.“ Кралъ се насміе, и на полковниковъ именъ данъ пошлѣ му опетъ єданъ портуфиль подпуно онакій као и првый; но на овомъ горе на корици напише: „Ова књига више нема, него две свезке.“

Д. Авраамовићъ.

ЛИСИЦА ПРЕВАРЕНА ОДЪ ПЕТЛА.

(Съ Њемачкогъ.)

Лисица, коя є єдномъ човеку много пилића подавила, падне найпосле у замку, коя є за ню намешћена была. Ухваћена замоли петла, да іой ту доброту укаже, и єданъ ножъ донесе, коимъ бы замку разсећи могла; и ако іой неће и то учинити, а онъ нека господару о томъ ништа неговори, єрбо є мыслила, да ће моћи зубма жицу по жицу лако раскинути, и тимъ начиномъ свою слободу опетъ получити, и смрть избећи. Пето іой обећа, да ће найоштріи ножъ донети. Онъ дакле отиде, као да га донесе; но то є само зато учиніо, да своимъ господару новъ гласъ донесе, да є лисица ухваћена, приповѣдивши му све, што є она говорила. Лисица чекаюћи повратакъ петловъ съ великимъ немиромъ, сва се задрхће, кадъ види господара, гди съ колцемъ у руци иде, коимъ ю є тако ударіо, да є она већъ издишући рекла: „Како самъ я безумно учинила, што самъ се петлу повѣрила, комъ самъ толико кокошію повла.“

НАРАВОУЧЕНІЄ.

Ко другомъ што зло учини, быва кадъ тадъ зато казнѣнъ.

Анђелія Лазићева.

ХИНЕЗКА ИЗРЕЧЕНІЯ.

Онога, кои є у чизма, непознає ни єданъ, кои є у ципела.

Разговоръ є човека као стрела, онъ лети управо на нишанъ; разговоръ пакъ жене подобанъ є сломљеной лепези.

Човекъ може рибу и у дубокой води съ мрежомъ уловити, и орла по воздуху летећегъ устрелити; ал' човеческо срце у одстоянію єдне стопе неможе познати.

Сви су люди одъ природе єднаки, ал' ій воспитаніе прави неєднакима.

ЖЕНЕ.

Да срећно живи и себи свагда єднака остане, мора лепа жена млада умрети, добродѣтелна пакъ дубоку старость достићи.

Само ону жену за супругу изабрати валя, коя, кадъ бы мужъ была, пріятель бы намъ была.

Ништа жени тако на честь неслужи, као нѣна собствена стрпльивость, а ништа тако на срамоту, као стрпльивость нѣнога мужа.

Съ достоинствомъ само се єданъ путъ може быти супруга и удовица.

Дѣца се само одъ свои матерій добро негую, мужеви само одъ свои супруга.

Жене држе све за невино, што оне чинити дрзаю.

НОВА КЊИГА.

Француzкій Буквaръ заєдно са читаоницомъ к' употребљенію учеће се младежи србске. Уређенъ и изданъ Алексіемъ одъ Околскій, Професcоромъ Француzкогъ єзыка у Лицеуму Княжества Србскогъ. Abécédaire et Prémières léctures Françaises. *У Београду при правителственной књигопечатньи* 1843. — Съ приключенымъ „*Малымъ Рѣчникомъ*“ (Vocabulaire). — На 8-ку, стр. 150.

Читаоница горня изишла є іоштъ у мѣсецу Септембру прошасте године, садъ пакъ придоданъ іой є „Француzко-србскій рѣчникъ“ премда малый, но будући є за ню (читаоницу) опредѣлѣнъ и доволянъ, зато є одъ велике ползе за учећу се младежь србску и за любителѣ Француzкога єзыка. Овай рѣчникъ заєдно съ читаоницомъ може се добыти у правителственой књигопечатньи и кодъ познаты књигопродаваца.

Учредникъ Милошъ Поповићъ

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду

ПОДУНАВКА.

№ 24. У Суботу 10. Юнія 1844.

ВЕЛЕПОЉА БИБЛИОТЕКА

СОНЕТТО.

За коіомъ самь у надежди сладкой
Даню, ноћу шильо уздисае,
И стижући, гди се бавишъ, крае,
У мыслима обим'о те духъ мой;

За коіомъ самь готовъ быо на бой
Устремит' се крозъ све окршае,
Докъ ми любавь посредъ битке сіе,
Кано Геній у ризи анћелской;

Због коє самь све обиш'о храме,
Оракулумъ стрепећ' изпытив'о,
Сузе ронећ' посредъ моє саме:

То заръ бћданъ да увидимъ окомъ,
Што ни у сну страшномъ нисамь снив'о,
Другій да се съ моіомъ люби Милкомъ?!

К. С. Поповићъ.

СРБИ У КОЛУ СЛАВЕНСТВА.

(Изъ Пожунске Читаонице Србске.)

Врлый Славенъ, Проф. Пуркиня, пише у Даници Варшавской (за год. 1842. № 10. и 12.) „о литературномъ единствѣ между Словянскими племенами.“ У томе преважномъ саставку излаже найпре „историческо-литературное положеніе главнѣйшихъ Словянскихъ племенъ,“ а за тимъ „стремленіе Словянъ къ литературному единству.“ Ту є укратко видити, како се одъ старина зачиняло књижество у поєдины Славенски племена, како се далѣ развіяло и како є напредовало, какве ли є незгоде и преврате трпити морало, докъ є стигло до данашнѣга станя. На почемъ є показано садашнѣ ставѣ књижевности кодъ поєдины грана Славенски, изводе се отуда изгледи за књижевно споєнѣ Славена и за свеобшту будућность Славенску. — Я самъ науміо овде саобштити браћи моіой на нашемъ наречію, само шта є о нама Србима, и уобште южнимъ Славенима тамо речено. Србо свакій ће признати, да мы мало познаємо нашъ народъ, па отуда и быва, да га гдикои, исти Срби, башъ немилую, и за нѣга слабо маре, по ономе: ignoti nulla cupido; а мы се управо зато скуплямо овде, да се учимо родъ нашъ любити, и гди треба да се болѣ и упознаємо съ њиме. —

Славенски народи (вели Г. Пуркиня), кои седе у Штаєрской, Корутанской, Крайнской, Далмаціи, у Хрватской, Славоніи, Босни, Србіи, Црной Гори и т. д., — чимъ су іимъ се почеле споляшнѣ околности осмевати, таки су чинили различна усиляваня, да бы књижевно полѣ себи раскрчили; но те силе наскоро опетъ усану. Срећніи су одъ осталы были найближи суседи Таліянаца, исти Далматинци, а именито Дубровчани. На основима, коє они узеше, никла є и найновія књижевность Хрватско-Далматински Славена. Србско прво књижество ограничавало се на старый Славенскій єзикъ, и текъ у наше доба правый народный духъ Срба достиже до некога степена самосталности. Збирке преизредны народны песама, кои се мложини свако диви, служе за темель младой той литератури, као што негда песме Омирове быше заметакъ — просвећеной, временомъ, литератури грчкой. — Ти ће народи превазићи правымъ Славенскимъ развиткомъ млоге своє суплеменике, кои далѣ у просвети дотераше. Зашто они нису были толико изврнути навали латинске и германске образованости, — и што они своє препороћенѣ почеше бацъ у време, коє є сре-

но за Славенство. Просветитељи њиови настоє свимъ силама, да бы се сачувало, и самостално узрасло народно семенѣ, коє пре времена угину — одъ новога изображаваня — кодъ неки западны Славенски племена. У њи є іошъ и то преимућство, што іймъ се выше обштинство іошъ ниє сасвимъ удалило одъ свога народа чрезъ мешанѣ са странима, и чрезъ страно изображенѣ; при томе ни идеа народности ниє у њи толико покварена новымъ козмополитизмомъ, као у други Славена, кои се наоде ближе кодъ главне точке свеобштега просвештеня. У њи ће развитакъ књижества и знаня зависити одъ развитка самога политичногъ и обштинскогъ бића њиова, коє се сада текъ зачинѣ; — па є по томе одвећъ знаменито, коя ће изображеность имати на њи силнїи упливъ, — германска ли, оли северна Славенска? — У Словенаца у Штаєрской, Корутанской, Крайнской, и у некимъ краєвима Унгарскимъ, текъ є одъ реформаціе почело литерарно изображенѣ. Далѣ напретке задржа — коє распростиранѣ антиреформаціе — коє сасвимъ близакъ и знатанъ упливъ са стране Немаца и Таліяна. Желити є, да се животна сила, коя се досада сачувала у народу, небы делила, већъ да бы се слила са више знатніима рекама Славенскимъ. —

Ово о историчко-књижевноме положаю южны Славена. Али є (фала Богу!) већъ прошло оно време, кадъ су се Славенска књижества дизала понаособъ, свако за се, ништа и незнаюћи другъ о другу. Зато да видимо каквe дає изгледе литература њиова за узаямность и єдинство свію Славенски племена.

О южнимъ Славенима, а именито о Србима, навестћемо овде што є Шафарикъ*) великимъ духомъ предсказао о определѣню Срба, куда ій народна снага Славенска зове, єзикъ и наравь њиовы земаля. Ево нѣговы речій: „Гледећи на єзикъ данашньи Срба у ономе виду, у каквоме живи у устима народа, — види се очевидный упливъ южнога неба на северо-источно њиово порекло. А є ли и могло быти другчіе! — Погледаймо на тай край, што весели, но немори душу; край, што средину држи између пусты ледина, и неизмернога обиля, између зноя и лада, између вечно подмурнога и између сяйнога и ведрога неба; єдномъ речи, — край, кои ти ништа више неоставля да желишъ. У томе су краю горе начичкане, коє га кано бедеми деле одъ разны суседны народа, и служе му кано заштита, — има у нѣму и чаробны долова, — ти богаты колевкій народне поезіе. Онъ заузима такође средину између Нормана и Грка или Таліяна. Весело се огрева на сунцу међу ладномъ месечномъ светлости съ єдне стране, и међу палећимъ земнымъ огнѣмъ съ друге. Најпосле споменимо и упливъ, кои на овай край учинише Грци, као рођаци нѣгови по єзику и вери, — и Таліяни, као другови нѣгови у трговини и по мору; и гледнимо упливъ њиовы богаты, звучны и слатки наречя на расплодъ силны и животны заметака народнога изображеня у томе краю. Изъ свега овога лако є видити, како се высоко могао попети тай народъ, кога є природа тако богато одарила свима нужнима средствама за развіянѣ човечности, — и предъ коимъ се отвора на западъ — море и єданъ светъ, а на истокъ — величествена река Дунавъ — и другій светъ. Како бы се развіо єзикъ тога народа, да га судбина непостави међу два народа, коима є елементъ быо — истреблѣнѣ, а животъ — смрть други.. Но ни за њи іошъ ниє последный сатъ избіо.“

Предсказъ заиста неповратимъ у смотреню на прошлость; но у напредакъ се може іошъ испунити. Іошъ живи тай истый народъ, што срећно саєдинює у себи северный значай са южнимъ; іошъ стои тай край са высокимъ планинама и чаробнимъ доловима, колевкама народне поезіе; іошъ се ниє изменіо положай тога земльишта, іошъ є оно окренуто єдномъ страномо Дунаву и истоку, а другомъ — Ядранскоме мору и западной Европи. А међутимъ споляшнѣ су се околности измениле. Србскій єзикъ, у пуномъ цвету мужествене северне силе и южне милоте, изишао є невредимъ изъ свію времены превратa, и дочекао данашню епоху, кадъ се свако развіянѣ сила пооштрава, кадъ се свезе међу народима, кано артеріе, пружаю по свима и найкрайніимъ странама Европе. — Одъ околности ће зависити, оће л' южни Славени надвладати и край учинити унутрашнѣмъ цепаню у наречяма, у правопису, у међусебнимъ одношеняма племена, и у историчнимъ правцима.

Литература южны Славена већъ є прешла у савезе са другима Славенскимъ литературама. Прво она се одупире на основе старославенске књижевности, и присвая себи стару нѣну узвышеность, ал' опетъ народный се єзикъ слободно оделіо одъ нѣ, па се садъ развія све

*) Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur. стр. 203.

по найразніимъ правцима, кои ће се безъ сумнѣ у єдну обшту литературу слити, кадъ бы само Богъ дао, да се свуда међу ньима уведе правилно уређена и єднака система воспитаваня. Што се ученога єзика тиче, могу се доста ползовати рускимъ и ческимъ, као єзицима више већъ усавршенимъ, као што то већъ и чине. Поезія у ньи има неисцрпимъ источникъ у народнима песмама, коє се могу сматрати као класичке за цео светъ Славенскій. — На овай начинъ већъ су савези књижества Србскогъ са осталимъ Славенскимъ литературама по већой части утврђени, и обећаваю, временомъ, брзый развитакъ. Ти прекрасни краєви, докъ се по ньима просвета разшири, скоро ће постати цѣлю путованя за све любителѣ величествене природе, и патріярхалнога сеоскогъ живота. Само нека и тада южни Славени задрже — садашню простоту своє нарави! — —*)

1844. Ђ. І. П. Б.

НЋКЕ ПРИМЋТБЕ ДРА. М. І. С. У ПУТОВАНЮ ИЗЪ БЕОГРАДА ПРЕКО КРАГУЄВЦА У СРЕЗЪ ЛЕВАЧКІЙ.

(Конацъ.)

Овако пуштаюћи се у разговоръ, и пытаюћи селяке о разнымъ предметима, почнемъ о школама говорити, и примѣтимъ, да врло добро о важности науке, сравняваюћи ньіове окружности, умствовати знаду и велику наклоность и волю, децу у школу давати, имаю; зато налазимъ за умѣстно и у смотреню училишта неколико речи проговорити.

На станѣ училишта, особито основны, будући да су ова правый темель народногъ изображеня, треба особито вниманѣ обратити. Кодъ насъ истина нису учителѣи одъ Правителства плаћени, т. є. одъ обштина независими, коє бы врло добро было, али є Правителство, имаюћи у виду драгоцѣность изображеня, — обштинама на тай конацъ нѣке приходе уступило, и ове ревностно напомаже, школе подизати. Обштине се пакъ и саме врло ревностне показую, што сведочи: подизанѣ школа, опредѣльиванѣ учителѣима годишнѣ плате и непрестано часъ єдне, часъ друге обштине на Попечителство Просвѣштенія съ молбомъ обраћанѣ, да іймъ се какво лице, за учителя способно, пошлѣ. Но оваковы способны лица слабо имамо — нити ій дотле имати можемо, докъ се годъ заведеніє за изображаванѣ учителя неоснує. — Место учителя данасъ кодъ насъ заступаю богословци, и ово є у самой клици народногъ изображеня нуждна потреба, коя само крайню оскудость заглаћава. Ова є потреба у самомъ подизаню єдногъ народа природна, коя се истина текъ мало по мало съ пута уклонити може; али гди Правителство немилице на изображенѣ народа дає и потрошити нежали, ту она оскудость за кратко време, престати мора, само треба средство, право средство, потревити. Мнѣніє, да бы се младежь у гимназіи, кадъ бы се Педагогика у последньимъ класама гимназіє предавати завела, за учителѣ добро изобразити могла, ніе добро; єръ нама треба знати, да за учителѣ ніе доста рећи: што кои нема, неможе ни другомъ дати, т. є. кадъ учитель ніе изображенъ и добро воспитанъ, неможе ни другога изобразити и добро воспитати; него найпре треба да има, а после и да зна, како му га треба дати, да се онай, кои прима, одъ нѣга ползує. И у овомъ се права вештина учителя састои. Ова се вештина или способность учительска неможе узгредно са сувопарнымъ предаванѣмъ Педагогике добыти, коє кадъ бы могуће было, небы сви изображени Европейски народи при толикимъ академіяма, свеучилиштама и т. д. особито вниманіє на заведенія, у коима се учителѣи изображаваю, обраћали, него предаванѣмъ исто онакимъ, каковымъ учителѣи у своимъ училиштама треба да се служе. Дакле за задобыти учителѣ (учене), кои ће начинъ предаваня правый учительскій задобыти моћи, и младежи, не само паметь, него и разумъ изобразити, изоштрити и развити, нуждно є и пренуждно, семинаріумъ за учителѣ завести. —

Као што изображенѣ мысли човека Богу и човечеству узвышава, све, што є лепо и добро, у срце улива и правой цѣли човечества

---

*) Са овима последньимъ врло знаменитимъ речма слажу се и оне речи великога нашегъ Милутиновића, гдино (у Србіянки Ч. І. стр. 13.) вели:

„Славна горо, жилиште правице,
Растилодеръ Юговића Србски!
О да с' кои учевностю снабде,
Ал' у сфери воспитавсе истой,
На єзику л' мужествену своме,
При правима зрело-старинскима,
Текъ да сталежъ свой познаю болѣ,
Далеко б' нхъ светъ цѣніо више;
Наука ли?... Да се одъ ньи учи?...
Безъ те дивни! Ал' ньомъ примѣрани.“

Ђ. І. П. Б.

или самодѣлателность у истомъ добромъ и лепомъ води, тако му и чувства къ болѣмъ животу оживлява, вкусъ лепогъ живота даѥ и потребе свакидашнѣ умложава; одъ куда се радиность подиже и степенно съ развиткомъ лепогъ живота расте. — Радиность ѥ као и изображенѣ здраво се у Србіи побољшало и животъ кућевный поправіо. Свудъ, кудъ самъ пролазіо, особито у већимъ селима, примѣтіо самъ, да су се млоге куће съ ћерамидомъ покриле и покоима (собама) снабдѣвеле, што великій коракъ лепогъ и углађеногъ живота показуѥ. У смотреню народногъ прибавоштеденя такођеръ ѥ се станѣ поправило. Люди изъ ѥдногъ села и обштине незаграђую више своѥ њиве и ливаде свакій за себе (гди ѥ ово могуће), него све у ѥдно; пшеницу и друго ситно жито несею више између кукуруза и иначе, као што самъ у С. Н. Л. 1843 ч. 14. казао, него свако за себе, одъ куда се после села и обштине пашомъ ползую. У кратко све ѥ се, чуванѣ марве изузимаюћи, на некій степенъ побољшаня подигло. Но кадъ знамо, да ѥ марва найболѣ средство, коимъ селякъ до новца дође, то треба веће вниманіѥ на ову струку народногъ богатства обратити и слѣдства нѣгова испытати. Овай предметъ у колико ѥ по себи важанъ, у толико ѥ са штетомъ други грана народногъ богатства скопчанъ, ако му се економическомъ проницателносћу на путъ стати незна. Обштине и села немаю обштинске пастире, него свака кућа чува свою марву. Ова, као што ю ѥ природа разделила, свака за себе чобанина потребуѥ, одкуда ѥ селякъ прикнућенъ свакой чобанина дати, или ѥ у шуму пустити, па ма ѥ нигда и невидіо. Родительима како се деца изроде, ништа ій толико нерадуѥ, као онай изговоръ, кои детету іоштъ у колевки почну тепати: „Майкинъ или тайкинъ овчаръ, козаръ и т. д.“ Дете іоштъ у колевки чобанчетомъ поставше, проводи свой невиный животъ донде за стокомъ, па ма и 10 брава само было, докле му се годъ чувства фамиліярногъ живота, т. ѥ. женидбе, неразвію, а ако замене нема и после. Кадъ овай возрастъ стигне, съ ѥдне стране миліи му ѥ фамиліярный, съ друге пакъ пастирскій животъ, и у ово се време два противника у природи младића, т. ѥ. пастирскій и фамиліярный животъ, боре; и премда ѥ последный съ тежкимъ польскимъ радомъ скопчанъ, но помоћу домаћина или отца обвлада младића. Али како? Опоминюћи се нашъ новый земльодѣлацъ пастирскогъ слободногъ живота, іоштъ ніѥ редъ кукуруза окопао, одкосъ истерао и т. д., разгледа дебео ладъ и съ некимъ уздисаѥмъ каже: „Уби се, брате, радећи, све ме кости одъ рада болу.“ — (А како небы, кадъ се ніѥ одъ малена на радъ навикнявао — ?) Но и то ніѥ доста, што слабо ради, а тужи се, да се уби радећи, него непрестанно тражи и измышлява средство за избећій радъ, одъ куда нове светце гради, заветине чини, на славлѣнѣ светителя, окрилѣ и поокрилѣ наставля и т. д., само да неради. Ето у кратко изречена слѣдства, коя зло разположенѣ чуваня марве приноси.

Пытаймо садъ: како бы се ово неприбавоштедно чуванѣ марве поправити могло? Може быти, кадъ бы села или обштине (гди ѥ ово могуће) ѥнородну марву скупа чувале; чобанина ѥдногъ или два за свакій родъ стоке погодиле, па іймъ по мложини такове платиле. — Ѥсте, и ово ће се чисто само по себи у народъ увести, само треба настоявати и дано-ноћно трудити се, да се оно по народу разпростре, што му мысли къ себепознанству или човечеству узвышава, вкусъ лепогъ живота даѥ, чувства къ свему ономе, што ѥ истино, лепо и добро, подранюѥ, т. ѥ. изображенѣ и просвештенѣ.

МЕХМЕД-АЛИНА БРАДА.

Пре некогъ времена дође ѥдна Енглезка дама у Александрію, коя се удала за некогъ полковника, кои ѥ у источноиндиской компаніи у служби. Она чрезъ другога замоли Вице-Краля, да бы іой мало косе съ нѣгове главе дао; будући се она съ тымъ занима, да собраніѥ одъ косе свію славны монарха нѣнога времена оснуѥ. Мехмедъ Алія пошлѣ іой одговоръ, да онъ косе на глави нема, зато іой ни дати неможе; и да ѥ онъ иначе далеко одъ тога удалѣнъ, славнымъ Монархомъ быти, и то ѥ већъ свѣдочба, што му нѣгова мала заслуга недопушта, да на ню за нѣга тако ласкателну желю полаже. Међутымъ, да бы дами свою добру волю показао, обећа іой, да ће онъ у своимъ тестаменту нѣговымъ наслѣдницыма завѣштати, да они, после нѣгове смрти, ньойзи нѣгову подпуну браду пошлю, ако дотле британска путница небы другу паметь стекла.

Д. Авраамовићъ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 25. У Суботу 17. Юнія 1844.

У ГОРКОМЪ ОТРОВУ

СОКРАТУ ШТА Є БЫЛО СЛАДКО.

Часъ за часомъ страшный куца,
Сократу се отровъ носи,
Словомъ своимъ што немуца
И кадъ му се смрть подноси.

Са трептењомъ спрамъ божества
Сократъ рукомъ узе чашу,
У надежди, кодъ блаженства
Да ће у томъ быти часу.

Дрзновено отровъ прима
Одриче се жизни ове,
Казујући вѣчность свыма,
И плачуће тѣши, зове.

Къ небу очи диже горе,
Пакъ одсудный отровъ попи,
Да анђелске види хоре,
Гди с' милионъ душа топи.

Заръ неб' плак'о и рыдао
При самртномъ и онъ часу,
Да с' животу ненадао,
Гди неноси злоба чашу?

То є сладко нѣму было,
То є духа присутствіе,
То є любавь къ земльи крило,
То нѣгово упутствіе.

У отровной чашн сладко
Сократу є было онда:
Што знађаше, да ће лако
Невиность му да се позна.

Сладакъ му є отровъ было,
Што зракъ свѣта одъ нѣг' сину.
Часъ є смрти нѣму міо,
Засвѣдочи да истину.

За све срећанъ онай часакъ,
Када отровъ Сократъ попи,
А у ове жизни санакъ
Свою душу неутопи.

Люб. П. Ненадовићъ,
Слуш. I. год. Философіе.

КРАТКОПИСНЫЙ ПРАВОПИСЪ У ПИСМУ КИРИЛСКОМЪ.

Одъ Вт. I. К., Чеха.

I.

Искрено се мора обрадовати свакій пріятель Славяна, кадъ лѣпый онай животъ угледа, кои се по источной Европи появлюе; єръ єви се славянски народи мало по мало изъ дуготрайнога сна буде и починю познавати, да су браћа; єдна грана учи єзыке други и чита ньиовогъ духа производе; у часописима сваке гране описуе се кньижество све друге браће; срећа Словака, Крайнаца и други Славяна свыма осталыма Славянима є мила; а кадъ се Чеху ил' Моравану или кому годъ изъ славянски народа несрећа догоди, по свы краєвы славянски участвованѣ се указуе.

Заисто, духъ, кои у рѣчма и у писмама саданьи Славяна дише, духъ є пріятельскій, духъ братинске слоге и улюдности, како се за великій овай народъ башъ пристои. — Позорно и любезно све они требе, што є неславянскога изъ несретны прећашньи вѣкова кодъ

ньи заостало; све запреке разкрчую, кое ій безъ потребе разставляю; гдѣ годъ околности допуштаю, они се къ себи приближую и братински си пружаю руку.

Найлѣпше се овай духъ славянскій указао у књижевности, на коемъ полю се особито благимъ своимъ послѣдицама указати има. У прећашњ доба є големый зидъ латинскимъ писменима пишуће Славяне све єднако раздѣљивао и на путу био, што се нису могли за већу обшту књижевность сложити. А то су была различна писмена и начини писаня. Ал' тай зидъ данъ на данъ пада, и ніе далеко време, па ће се сви латинскимъ писменима пишући Славяни єдногъ (чеško-илирскогъ или загребачкогъ) правописа латити, кои већъ у Ческой, Хрватской и Славонiи влада и све више моћни пріятеля добыва. — Па каково ће олакшанѣ быти, кадъ се обште уведе! Тко само у єдномъ нарѣчію буде знао читати, тай ће брзо одъ сама себе и у свима другима знати.

Само єдно є іошть потребно, да се азбукомъ пишући Славяни у писму за неколико корака абецедомъ пишућой браћи, а и осталымъ Европейцима приближе; а валяло бы, да се и абецедомъ служећи Славяни опетъ кирилицомъ пишућой браћи, гдѣ є то само иоле могуће, придруже. А многа су доиста у томъ могућа безъ икакве штете єдне ил' друге стране, ал' за велику користь обадвѣю.

II.

Красно бы было, да сви Славяни єдно писмо и єданъ правописъ имаю. Њиова укупна књижевность бы онда могла и брже и крѣпчіе процвѣтати. Єръ данасъ међъ Славянима, кои се са латинскимъ писменима служе, онай само Чехъ, Штаєрацъ и т. д. одъ руске и србске књижевности нешто чита и зна, кои окромъ тегобе єзыка и тежкоћу разликуюћи се писмена надвлада. А несмемо се чудити, што таки Славяна мало има, єръ нема сватко волѣ, стрпѣнія, ни времена за надвладати те тегобе, будући є човећу и онако већъ прирођено, сваковрстне тежкоће свагда избѣгавати.

Съ друге стране познае додуше Русъ и Србинъ латинска писмена свеедно ко и свое, єръ ій, ако се съ европейскомъ књижевношћу упознати жели, потребує; али ипакъ съ одвећъ великомъ любави є своіой кирилици наклоњенъ, коя є душевна одѣћа нѣгове народности; па зато свакій производъ духа славянскогъ, кои у ову одѣћу обученъ ніе, изъ предразсуде или изъ когъ другогъ узрока непочитує много; чега бы тежко было, да нису знамена писаня различна. — Да сви Славяни єдно писмо имаю (макаръ Руси и Србы латинско, ил' Поляци и Чеси и т. д. кирилско имали, све єдно можемо узети): тад' бы польско и чеško књижество за цѣло међу Русима и Србима више цѣњено и опріятељно было, имало бы више читателя и купаца, а съ друге бы стране тако исто было съ рускимъ и србскимъ књижествомъ кодъ Чеха, Словенаца крайнски, штаєрски и т. д. Тако дакле двоструко писмо отегоћує књижевно приближаванѣ Славяна. — Ал' та двостручность писма є найшкодльивія за књижество южны Славяна, кое є истомъ клицати почело. Славонци, Хрвати, Србы, Далматинци и т. д. имаю єданъ обштій єзыкъ, єръ на оне мале различности, кое се налазе, ніе вредно ни пазити. Само неколико писмена ій раздружує. Па опетъ илирска и србска књижевность као туће се гледаю, ко да се и непознаю. Заръ негледаю многи Илири изъ предразсуде прама азбуки ладнокрвно на србску, а Србы опетъ на илирску књижевность, мыслећи, да є доста, да Илиръ латинску само, а Србинъ само кирилску књигу чита! — За њиову књижевность є та двостручность писаня тежкій оковъ, и премда човекъ и у оковима може напредъ корачати, опетъ другче иде, кадъ є слободанъ!!

Шта ћемо дакле садъ, кадъ знамо, да раздвоєность писма Славяне у књижевномъ приближаваню и узаимности препречує, особито пакъ, да южне Славяне у брзомъ напредку заустављ? Заръ да азбукомъ пишући Славяни овай часъ кирилицу оставе, те се латинскогъ писма лате? То бы само будала искати мого! — Ил' валяло бы може быти, да се латинскимъ словима пишући Чеси, Поляци и Илири латинскогъ писма оставе, те себи тако употребляванѣ књижевности осталы Европеаца отеготе, а зато се приключе кирилицомъ пишућой браћи? И то недопушта обзирность и смотреность. — Ил' да гледаю Славяни іошть непрестанце штету, кою раћа двоврстно писмо, а да изворъ штете незачепе? Тако немарно гледанѣ бы было заиста човечаскогъ духа недостойно. — Дакле шта да почнемо? Я мыслимъ, да се на то пытанѣ само овако сходно одговорити дае:

„Некъ мирно обстое ова два писма уза се; ал' узоръ (идеалъ) єдногъ єдиногъ обштегъ сла-

вянскогъ правописа и писма некъ се у духу нашемъ укорени; саданьость и будућность некъ силе своє и умъ свой упру, да ту сретну цѣль некадъ у будућности, макаръ и касно, само паметно и мало по мало достигнемо.“

За сада пакъ є време: 1.) да се Славяни науче и освѣдоче, да раздоръ, кои двоврстно писмо проузрокує, њима врло шкоди; 2.) време є, да препрече све, што бы ій у писму іоштъ више разставляти могло; 3.) време є, да се ова ни мало непотребна пислена паметно одбаце, и на тай начинъ првый коракъ къ приближаваню учини; 4.) потребно є, да садъ примѣръ дамо, како у будуће съ тимъ поправляњемъ поступати валя, и да тако саданьость буде учителница будућности. И тако се дакле нашъ састававъ на четворо дѣли.

Ал' да видимо, хоће ли икадъ Славяни тако сретни быти, да єдно обште писмо имаю? „Само ако мы нашу дужность сада добро познали и извршили будемо, ако путъ покажемо и покрчимо, по комъ бы потомци у будуће ступати имали: онда се можемо надати, да ће долазећа поколѣнія, нашемъ примѣру слѣдујући, учинити, што за саєдинѣніе писма потребно буде. Све намъ мора за рукомъ поћи, ако се братски излюбили и праву, тврду, разумомъ управляну волю имали будемо.“

Увѣренъ самъ, да є свакій, коме за срећу рода и єдна искрица любави у срцу свѣтли, о користи, коя бы изъ сложења такова у писму произишла, освѣдоченъ, и да и самъ кадкадъ пожели: ахъ, да смо сложни, шта небы све учинити могли! Па заръ да такій родолюбацъ (племенитость срца славянскога ємствує ми, да да ій много има) о изведеню желѣ своє очаява, те у слѣдству тога се на далѣ послованѣ нерѣшія? Неопростимъ грѣхъ ми се чини, грѣхъ противъ разума човеческогъ, очаявати о будућности и о потомцима нашима, и непочети дѣло єдно, о чијега користи предобро освѣдочени смо, због тога само, што га єданъ данъ дѣланя нашегъ къ свршетку привести неможе. Почнимо само дакле мы, неплашећи се оне истине: Omne initium grave (свакій почетакъ тежакъ), а потомци ће, премда далеку цѣль достићи.

(Продуженіе слѣдуе.)

КНЬИЖЕВНА ИЗВѢСТІЯ.

Земљопис Покрајинах Ілірскихъ илити Огледало земљ, на коіой прибива Народъ Ілірско-Славянскій са описанѣмъ бердахъ, потокахъ, градовахъ, и знатніихъ мѣстахъ полагъ саданѣгъ сталиша, съ кратким догодописным додатком и приложеным крајобразомъ илити мапомъ одъ Драгутина Селяна. Діо I. (Покрајине Аустріанско-ілірске.) У Загребу. Тискомъ к. п. ілир. тискарне Дра Людевита Гая. 1843. 8. стр. 256. Съ Латински писмены.

Ова є књига у свакомъ погледу добитакъ за наше књижество; єръ, по рѣчма самогъ Г. Списателя, землѣпис и съ њимъ повѣстница найглавніи су предмети, помоћу коихъ можемо єдино у човеческомъ содружеству съ успѣхомъ напредовати, обстоятелства саданьости и прошлости темељніе разумѣти, и одтудъ понѣшто у будућность погледати. У овой првой части налази се описаніе слѣдујући, као што Г. Списатель каже, Аустріанско-Ілирски областій: 1) Корушке и Штаерске, 2) Горице и Крајнске, 3) Истріе и Далмаціе, 4) Рватске, Славоніе, Баната и Бачке. Г. Списатель скупа и судбине свакогъ одъ овы знаменитіегъ предѣла одъ найстарія до найновія времена на кратко историческимъ перомъ описує тако, да родолюбивый читатель са землѣ — и мѣстописнымъ (геои топографическимъ) понятіемъ заєдно и поврхно познаніе повѣсти таковогъ предѣла себи прибавити може. Точно представља станѣ просвѣштенія, фабрика, рукодѣлія и осталы занатлійски и художествены производа свакогъ одъ гореречены предѣла. Словомъ: вопросна є књига у своме роду отмѣна, и за свакогъ родолюбца одъ велике важности. Мы найучтивіе молимо Г. Списателя, да намъ дозволи, овомъ згодомъ две сврху хвалѣногъ му душевногъ чеда примѣтбе учинити.

1-во пытамо: Како є могао Г. Селянъ на страни 250. о Кикинди казати: да су жителъи ове вароши већомъ страномъ Рацы, или по новіемъ Срблъи. Тако на страни 251. и о Чанаду (у Торонталской мѣри) вели, и име „Рацъ“ у мѣсто „Срблянинъ“ на выше места употреблява. Съ овымъ Г. Списат. или то хоће да изрази, да є име Србско у обште узимаюћи истомъ у найновія времена постало, или пакъ то, да смо мы у Аустрійскимъ земляма пребываюћи и обреде Грчко-Славенске цркве

слѣдующи Югославени, а као што насъ онъ именує Рацы, оставивши ово наше Рацко име, у новія времена Србльима нарекли се; но ни єдно одъ овы потврђеніе непочива на историческомъ темелю. Не прво, єръ већъ има 1765. година (после Христа на 79 год.) одъ како є Плиній, Римскій Писатель, у „Histor. Natur. p. i. l. VI. c. VII. (A Cimmerio accolunt Maeteci, Vali, Serbi, Arechi etc.) име Србско споменуо, и тако є ово и одъ самогъ данасъ обштегъ Славенскогъ наименованія у историческомъ свету старіе (Durich у „Bibl. Slavica“ на страни 268· вели: Dalemilo Srbica gens vel lingva eo sensu dicitur, ut e contextu facie intelligas, eum hoc nomine velut antiquiori . . . . . Slavos intellexisse), будући да на Славенско прозваніе истомъ V. столѣтія кодъ Іорнанда наилазимо. Не друго, єръ при свемъ томъ, што смо у странымъ єзыцыма и мы сами себе называли и Албаныма, и Илірыма, и Рацыма (Rasciani), и бог-зна како не (но свагда онако, као што су насъ иноплеменицы именовали), ништа манѣ у нашемъ материнѣмъ єзыку мы смо у свако доба себе за Србле признавали, као што то паметницы Србски савршено свѣдоче. Рацко є име само географическо названіе оны Србаля, кои су у южной части Србіе, „Рассіа“ или „Рашка земля“ одъ рѣке истогъ наименованія тако прозваной, становали, и одавде се многи ій у новія времена преодолѣвшой луни у Аустрійске наслѣдне области коє одъ стране Правителства позвани, коє пакъ собственымъ побужденіемъ изселили. Напротивъ Србско име, ово є обште свію насъ овай єзыкъ говорећы названіе, ово є име генетическо.

2-го Г. Списатель послѣдователѣ восточногъ закона Христяныма (Hristjani), а западновѣрце Каѳолицыма, или Крстяныма (Kerstjani) назива.*) Пытамо: по коємъ правилу ове последнѣ исключително Каѳолицыма именує? Та и мы старовѣрцы исповѣдамо єдну: соборнѣю т. є. каѳоличеcку, и апостолскѣю церковь. Дакле и мы смо Каѳолицы. Но у овомъ га извинява то обстоятелство, што ніе онъ єданъ, кои є у томъ погледу тако погрѣшіо. Но зашто да поставля (као што су нѣки одъ Босански дописивателя, или правилніе извѣстителя, поставляти почели) разлику између Христіана (Ришћана) и Крстіана, и тымъ начиномъ слѣдує простоти народа, когъ бы паче требало у погледу исты стварій убавѣстити, и чисто му понятіе дати? Ово народъ одъ свои књижевника, свои просветителя, праведно захтевати може. Наши восточногъ закона люди кажу: „Іисусъ Христосъ,“ а браћа западне вѣре: „Isukerst“ (Исукерстъ), па зато први да се Христяныма или Ришћаныма, а други Крстіаныма (єдно значи оно исто, што и друго) называю?! Та ови други прве на нѣки мѣсти и Ркаћыма, а први друге и Шокцыма (то ће вальда рећи Шухцы, или Шакцы одъ шаке, што се са цѣломъ рукомъ, са шакомъ, а не съ тры прста, као мы, крсте) именую! па хоћемо ли тыма простыма наименованіяма и у књижевноме свету право грађанства да дамо? На ово ће држимъ свакій разборито мыслећій одрицетелно одговорити. У погледу имена вѣрозаконъ сходніе изясняваюћы хвала Богу не само да оскудицу нетрпимо, него сувише и изобилуємо. —

Друга ће частъ садржавати описаніе Црнегоре, и слѣдующы, као што Г. Списатель каже, Турско-Илірски држава: 1) Босне и Бугарске, 2) Србіе, 3) Албаніе, 4) Траціе, и Македоніе. Ово є таково дѣло, коє непотребує рѣчій на похвалу свою, єръ се оно слѣдствомъ обштеполезногъ садржанія своегъ само по себи препоручує; а о валяности самогъ дѣла, име Г. Селяна, нашегъ похвално познатогъ Списателя, довольно ємествує.

Александеръ Стоячковићъ.

*) *Кадъ Г. Списатель каже (на стр. 251. о Сомбору):* „Katolici imadu jednu učionicu i hristjani opet jednu,“ *одтудъ се изводи то, да Каѳолицы нису Христіяни, коє є безмѣстно.*

КАКВЕ ТРЕБА ДА СУ, А КАКВЕ ДА НИСУ ЖЕНЕ?

Жене треба да су као ловци, да иду за ловомъ; а опетъ нетреба да су као ловци, да толико нетумараю.

Жене треба да су као воденице, увѣкъ радине; а опетъ нетреба да су као воденице, да све у мало непретвараю и толико ларме печиве.

Жене треба да су као гдикоя загонетка, кою неможе сватко погодити; а опетъ нетреба да су као гдикоя загонетка, не одъ єдне словке.

Жене треба да су као лѣкари, што насъ тѣше и лѣче; а опетъ нетреба да су као лѣкари, да толико визита неправе.

Жене треба да су као врутци: чисте и свѣже; а опетъ нетреба да су као врутци, — да недаду свакоме изъ њиова срца црпити.

Учредникъ Милошъ Поповићъ

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду

ПОДУНАВКА.

БИБЛИОТЕКА БЕОГРАД

№ 26. У Петакъ 23. Юнія 1844.

ТУГА ЗА ОТЕЧЕСТВОМЪ.

Горко ми є было с' раставити
Съ тобомъ, земльо, што си ме родила,
Славу твою бѣданъ негледати
Сяйну данасъ, кою си добыла.
Овде одъ теб' премила удалѣнъ,
Што т' веселе пѣсме садъ нечуемъ,
У жалости за тобомъ погруженъ
Даню, ноћу душомъ, чуй, болуемъ.
Веселе ти с' сва садъ дѣца вѣрна
На твомъ крилу, избавлѣна майко!
Садъ облака, на твомъ нобу церна
Нема, сунце сія твоє ярко.
Сви ти сложно на олтаръ приносе
Драгу жертву, о земльо премила!
Славу твою на Парнасъ узносе
Вѣрни сыни, коє си родила.
Там' по твоме тавномъ лугу дѣва
По ливади, шумици зеленой,
Са радосћу, усхићена, пѣва,
Гласъ іой звони по горици чарной.
Изподъ неба ам' твога удалѣнъ,
Те радости само с' я лишавамъ,
Међъ народомъ туђимъ заборавлѣнъ,
За утѣху ахъ! сузе проливамъ. —
Дал' є небо тако одредило,
Да ме сунце грее туђегъ рода,
Пренесрећнымъ мене учинило,
Изподъ цѣла небеснога свода. —
Ты зефиру послушай ме малый,
Земльи оной, што се там' плаветни,
Гди су с' тигри све до юче клали,
А данасъ се слави данъ пресретный;
Земльи поздравъ мой однеси оной,
Да се сына опомене свога,
У веселю и радости своіой
Некъ се сѣти и мене бѣднога.

А. Десимировићъ.

КРАТКОПИСНЫЙ ПРАВОПИСЪ У ПИСМУ КИРИЛСКОМЪ.

(Продуженіе.)

III.

Што се тиче прве части, у коіой бы свакій Славянинъ увидити моро шкоду изъ раздора у писму произлазећу: за ту овде друге доказе наводити немамъ мѣста ни времена. Само онога, кои се о истини те шкоде освѣдочити жели, молимъ, нека изволи упытати Салвянина, кои є имао прилику познати истину мога потврђиваня друженѣмъ са Славянима, и некъ самъ у кньижевный животъ иде и пазльиво све разсматра. Ако има уши, да чути, и очи да видити може: онъ ће хиляду путій изкуствомъ своимъ опазити, колика шкода изъ двоструког писма произтиче. Найкрѣпчіи примѣръ речене шкоде єсть єдно у найновіе време изишавше, кирилскимъ писменима печатано дѣло за простъ народъ, подъ именомъ: „Златотворно село," међу коега 1500 предбронтельима єдва се 50 латинскимъ словима пишући Славяна налази. Тако двострука писмена препречую узаимность южнославенску!!!

Што се друге и треће части нашега задатка тиче, ту ће свакій азбукомъ пушћій Славянинъ упытати: у чему треба разколѣніе препречити, и у чему є могуће безъ теготе приближити се? Да на то одговоримо, валя погледати на правописъ ти Славяна и нѣгове промѣне, што слѣдує.

IV.

Право имаю Славяни, латинска писмена употребляваюћи, кадъ се туже, да у кирилскомъ писму ћашкасто „Р, р" мѣсто пређашнѣ

га правогъ (округлогъ) „ρ, ρ“ у новіє време искључително скоро читаю. Чини се, као да бы то было приближаванѣ къ латинскоме писму, єръ и у нѣму ћошкасто „Р, р“ находимо; ал' кадъ се добро промотри, убег-ме се види, да є то шкодльиво одалѣніє обои страна; єръ друго є у латинскомъ ћошкасто „Р р“ (єднако съ кирилскимъ „П, п“), а друго у кирилици, дакле латинца много путій превари, будући мѣсто ракъ (ракъ) чита пакъ, и мѣсто родъ (родъ) чита подъ и т. д.; а да свагда напишу Руси и Срби округло „ρ, ρ“ мѣсто ћошкастога „Р, р,“ лако бы мого то писмо свакій познати.

У Подунавки на єдной страни по сто пута налазимо ћошкасто „Р, р“, па се толико пута латинскій Славянинъ на свакой страни превари. — И зато латински Славяни изъ срца желе, да се Срби и Руси съ братскомъ любави у печатанимъ дѣлима къ старомъ правомъ округломъ „ρ, ρ“ поврате. Ал' ако су томе печатательи криви, што є округло „ρ, ρ“ изчезло: то нека се изволе списательи побринути, да печательи одъ тогъ самовольногъ и Славянима шкодльивогъ поступка одустану. —

Латинскимъ Славянима є жао, кадъ домысле, како се є изъ кирилскога писма мало по мало изтребило невино округло писме „ρ, ρ,“ а утурало углясто „Р, р.“ Пређашнѣга доба су кирилци за латинско „R, r“ и за грчко „Ρ, ρ“ увѣкъ у великимъ и малимъ писменима употреблявали округло „ρ, ρ“; после ово знаменѣ („ρ“) остаде іймъ само као мало писме, а за велико узеше ћошкасто „Р“: а на последакъ округло „ρ“ и изъ малы писмена избацише, те уведоше ћошкасто „Р, р“ свуда. — У Лѣтопису Матице Србске, у Пешти изданомъ, налази се іошть г. 1840 (право незнамъ, ал' можда и после) свуда округло „ρ“; а Даница Вукова, у Бечу печатана, већъ г. 1834 (можда и пріе) има свагда дугуласто „р“ (само іошть гди гди се налази округло „ρ“). — Па вальда оно округло „ρ“ у свима печатнима іошть ніе нестало. Дакле, браћо кирилци, вратите се што брже опетъ къ округломъ „ρ, ρ“, у великимъ и малимъ писменима.

Уведенѣмъ тога ћошкастога „Р, р“, мѣсто округлога „ρ, ρ“, књижевноме саєдинѣнію Славяна найчувствителнія рана є задана, после оне, одъ како є безазлено црквено „ѕ“ смутльивоме свѣтскоме „у“ (коє латинци као „ы“ читаю) мѣсто уступити морало; и црквено нагнуто „N“ (коє є латинскомъ „N“ толико слично, а исто онако изговара се) варльивоме правоме „Н,“ коє латинци скоро као кирилско „Х“ читаю. Кадъ промотримо, да знакъ „У“ врло често долази (на пуной страни Подунавке скоро сто пута), „Н“ пакъ іошть чешће у писму кирилскомъ (200 — 300 пута на єдной страни Подунавке), тако, да то Моравца, Поляка и т. д. небројено путій на свакой страни у читаню побуни: морамо допустити, да є славянска узаимность много се покварила тимъ, што су ова два писмена уведена. — Та заръ, до милога Бога! ніе было доста запреке изъ пређашньи незодны времена съ три она стара писмена „В, С, Х“ (єръ „В“ се одъ латинаца као кирилско „Б,“ „С“ као „Ц,“ а „Х“ различно изговара) и съ новія два „У, Н“? Зашто бы іошть шестогъ буюнцію „Р, р“ наводили? У деветнаестомъ вѣку, у комъ гледаю разна племена людій, да се у душевнимъ стварма сложе, што тимъ већма учинити мораю, ако народъ као Славяни сачињаваю. Зато на страну съ тимъ ћошкастымъ „Р, р“; прогоните га изъ кирилице; де, браћо Руси и Срби, вратите се къ округломъ изворномъ „ρ, ρ.“ докъ є време, докъ посве забачено и заборављено ніе! Садъ можемо лако учинити, што ће насъ после много труда стати.

Кадъ Чеси, Далматинци и остали латински Славяни желе, да Руси и Срби опетъ округло „ρ, ρ“ приме: то се овымъ очевидно доказуе, да ни єданъ Чехъ, Хрватъ и т. д. немысли и нетражи, да се кирилица утамани и у абецеду претвори, уведенѣмъ латински писмена мѣсто чисты кирилски; єрбо кирилцима мы овде право кирилско писме, округло „ρ, ρ“, препоручуємо, коє у абецеди никадъ нити є было, нити ће быти.

(Продуженіе слѣдуе.)

ПИСМА ЗНАМЕНИТЫ СРБА.

(Г. ЯКОВУ ЧОКРЛЯНУ.)

Въ Будимѣ 24. Февруаріа 1796.

Любезнѣйшій Пріятелю мой!

Дружеское писмо твое отъ 28/17 Февруаріа прошлаго толико пріятньe мнѣ быть получити и прочести, єлико давнѣе въ совершенномъ молчаніи єдинъ къ другому бяхома. Изъ сего неожиданнаго писма твоего вижу, яко здравствуе-

ши, но не увѣдомляеши мене внемъ како, и въ чемъ ты нынѣ упражняешися; еже мнѣ первою приликою яви. Еже мене касается, азъ здравствую, и безъ службы давно уже сый, пребываю въ праздности и безъ всякаго заслуженія. Съ печатнею Славено-Сербскою изъ Віенны сышелъ есмь сѣмо въ Будимъ. Повнегда она проданна бысть и соединенна съ кралевскою печатнею Всеучилища Пештанскаго, мнѣ хотяху при ней службу поправителя дати, и азъ рѣшился бѣхъ ея пріятися; обаче другому упражненію мнѣ случившуся, кое мнѣ повольніе видѣся, первую оставихъ, а другую нынѣ ожидаю.

Еже службы Дістріктскаго Судіи касается, могу Вамъ сказати, яко вчера имѣлъ есмь честь быти у его Превосходителства державнаго Совѣтника и Первопана Балога, кои изволилъ есть мнѣ доказати, яко еще нѣсть время поставити Судію Дістрікту; а когда къ тому время будетъ, то безъ знанія его небудетъ. Когда его Превосходителство мене вопросилъ есть, былъ ли азъ сіе званіе на себе пріялъ, на сей вопросъ отвѣщалъ есмь, яко нынѣ небы могалъ, а что послѣ годины дней сбытися возможетъ, непредвижу, и на семъ дѣло остало есть. Сіе єдино извѣстно есть, яко аще настоящее предпріятіе мое мнѣ во благо и по желанію моему обратится, то при немъ радо остану.

При семъ благосклонномъ случаи не хощу пропустити приложити тебѣ петъ пѣнязей твоихъ, оставшихъ у мене послѣ посланія къ тебѣ книгъ, изъ коего увидиши, яко ти еще долженъ есмь 14. ф. 4. кр. Сей малый долгъ въ нынѣшнемъ состояніи моемъ платити тебѣ не могу; но обѣщаю здѣ яко постараюся исплатити и до 8 мѣсяцовъ дней.

Впрочемъ желая случай имати тебе вскорѣ видѣти, и въ присутствіи доказати тебѣ, яко всегда непремѣнный есмь пріятель твой, и истинный почитатель драгія ко мнѣ дружбы твоея.

Терлаичъ.

СЧЕТЪ ОСТАВШИХЪ У МЕНЕ ПѢНЯЗЕЙ.

	фор.	кр.
Послѣ книгъ остало есть у мене всего . .	75,	—
Отъ сея суммы потрошихъ на веселіе съ пріятелми нашими по твоему наложенію . . .	11,	56.
Далъ есмь Господину Обрадовичу	30,	—
„ „ Господину Новаковичу за исторію . .	10,	—
„ „ Тому же за новины на 1974 год. .	10,	—
Всего	60,	56.

Остаетъ тебѣ еще получити отъ мене всего на все. . . . . 14. ф. 4. к.

Въ Будимѣ 24. Февруаріа 1796.

Кромѣ погрѣшки въ численіи. Терлаичъ.

КАДЪ Є, И КАКО КАВА У ЕВРОПУ УВЕДЕНА.

Кава се употреблявала іошть XV. столѣтія у целой Аравіи, и аціе, кои су се XVI. века изъ Мекке и Медине враћали, уводили су ю у свима Муамеданскимъ земляма; а особито Муфтіе, кои су само ню, као право пиће муамеданске вѣре, пити допуштали. Путници изъ Европе, кои су крозъ Левантъ пролазили, научили су тамо каву познати. Кадъ є Петаръ де ла Фалле изъ Цариграда єдномъ пріятелю у Римъ писао, яви му да ће онъ за кратко време Европу научити, како се Coћué, коє се тако у Турской зове, піе. Год. 1644. была є у обичаю кава кодъ неки трговаца у Марзелю. Тефетонъ употреблявао є каву у Паризу 1658. год. при повратку са свога путованя, и гостіо є стране, кои су га пре подне посѣштавали съ кавомъ. То є само за неке поєдине путнике.

Да бы кави право преимућство дали, морамо особито и знаменито обстоятелство, коє є каву у обичай увело. и коє се године 1669 случило, кадъ є Великій Султанъ Маомедъ IV. єдно посланство Лудвику XIV. оправіо, навести. Солиманъ Ага, началникъ овогъ посланства, бавіо се 10 мѣсецій у Паризу, и за ово време млоги є жителя своіомъ природномъ живошћу и умилятошћу пр'ятельство задобыо. Разне особе а особито госпоє посѣштавале су га изъ любопытства. По обичаю, кои у Турской влада, гостіо ій є кавомъ, и као што учтивость заповеда, морали су и нѣму, кадъ є кога посѣтіо, каву давати. Притомъ є и за око пріятно было, будући су каву у чистомъ и скупоцѣномъ порцуланскомъ посуђу, съ лепимъ златомъ французскимъ украшенимъ салветама, робови госпоями подносили. Къ томе долази страно ношиво, наравь, обычай, особитость, съ домаћиномъ (Солиманъ Агомъ) преко толмача говорити, и на ћилиму при земльи седити. Све є ово морало главу госпоя забунити. Одма су хтѣли они, кои су кодъ посланика каву пили, овай ужитакъ кодъ своє куће имати. Ка-

ва се само у Марселю налазила, притомъ є было я мало, тако, да є фунта на 40 талира скочила.

После 3. године отвори некій Американацъ, Паскалъ, као неку буду на пазару светогъ Германа, на подобіе оны, коє є у Цариграду и Леванту видіо. Некій іошгъ єданъ изъ Леванта уреди подобну овой. Обоица су по улицама ишли, каву продавали и муштеріе прибављяли; носили су по єдну котарицу са свима пріуготовностима за каву и отмѣнимъ судовима. Они су свою каву съ великомъ викомъ обављивали и продавали єфтиномъ цѣномъ; али опетъ нису добро успѣвали, єръ како граѓани средњегъ стања, тако и осталый народъ ніе имао на то волѣ. Напоследку Флорентинацъ Прокопе уреди нову продавницу, гди се каве, тея, чоколаде, сладоледа (Gefrornes) и различиты ликера налазило. И одма се постара погледъ изображеногъ свѣта къ себи привући. Нѣгово уређенѣ имало є такавъ успѣхъ, да є онъ скоро млого подражателя добыо. Госпоє првогъ реда често су своє интове предъ найотмѣнімъ таковимъ продавницама заустављяле, гди іймъ се крозъ врата интова у сребрномъ посуђу кава доносила. Ово се догодило око 1741. године. Садъ се кава свуда распространила, и піє се и у найсиромашніимъ селячкимъ куѣама.

Св. Іовановићъ.

КНЬИЖЕВНЕ ВѢСТИ.

Некій данъ изишао є изъ овдешнѣ правителствене кньигопечатнѣ *„Позывъ на пету кньигу Голубице.“* Видивши исту кньигу већъ у печатньи и смотривши красну пшеницу, кою є *Голубица* на ньиви кньижевности Српске побирала, неможемо срцу одолѣти, него ю и нашимъ читательима найболѣ препоручити, реченый позывъ овде препечатаваюћи.

ПОЗЫВЪ.

НА ПЕТУ КНЬИГУ ГОЛУБИЦЕ.

Кадъ самъ четврту кньигу *Голубице* напечатану у светъ пустіо, нисамъ се надао, да ћу далѣ издаванѣ наставити моћи, зато, што є пренумерація и продая іошгъ на врло мало число ограничена, а моя єдинствена снага према трошковима слаба є и недосежна, кою наравно као сваке помоћи лишену и найтоплія жеља и ревность накнадити и умножити ніє кадра. И зато у IV-ой кньизи нисамъ пету ни обавіо. Но видећи драгоцѣнне прилоге, коима су ревностни дѣлательи на полю кньижества Српскогъ и опетъ притећи усрдствовали, и нежелећи родъ Српскій такове здраве умне 'ране и насладе лишавати, скупіо самъ и последнѣ силе моє, да и *пету кньигу Голубице* издамъ. И будући да ме є къ томе само права лепота и важность прилога' побудила, то бы излишно было на препоруку исте што говорити. Кои є прве четири изишавше кньиге, о коима су се на велику нашу радость иностарни отлични Журнали (као Часопись Чесскога Музеума у Прагу, и Лѣтописи за славенско кньижество и пр. у Липиси*) врло похвално изразили, са вьиманіемъ читао, онай ће лагко о томе уверити се, кадъ помысли, да ова пета кньига и по важности избора предмета', нарочито Српства и нѣговогъ историческогъ живота касаюћи се, и по величини не само изза осталы заостати неће, него ће оне и премашити; о чему да се увѣріо нисамъ, не бы такову заиста при слабой снази моіой ни издавао. А моя ће брига быти, да красота внѣшнѣга изгледа савршенству внутренѣмъ подпуно одговори, па и тимъ очи наше къ болѣму и здравіему вкусу отвора и навикава. Планъ є познатъ; цѣна є, премда ће кньига већа быти, обычна као и досадъ по 3. цванцига. Кньига є већъ у печатньи, и найдалѣ до конца Августа мѣсеца ов. год. готова ће быти. ГГ. Скупителѣ зато найучтивіе умољавамъ, да бы за любовь обште ползе непоштедили труда найдалѣ до половине Августа мѣсеца о. год. имена съ новцыма на мене долеподписанога у Београдъ послати, како бы се имена у кньигу печатати могла.

У Београду, 5. Юнія 1844.

Григоріе Возаровићъ.

*) И двапута у руско-польскомъ часопису „Денница“ Ф. Дубровскога, што у Варшави излази.

Учр.

Учредникъ Милошъ Поповићъ

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 27. У Суботу 1. Юлія 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

ХИМНА БОГУ.

О свесилный Боже и свехвалный!
Милостивый свему свѣту Отче,
Саздателю вѣчный, непостижный,
Сваке тварке Творче чудноватый!
Сва створеня Ты крѣпко управляшъ,
Съ Твоіомъ вольомъ сунце насъ огрѣва,
Мѣсецъ, звѣзде красотомъ веселе,
Съ Твоіомъ вольомъ пѣва данасъ славуй.
Твогъ постаня почетакъ край нема,
Твоя нити мож' престати бытность,
Ништа Т' давно сакрити неможе;
Свашто ѣ' быти кратко, и преетати,
Макаръ данасъ како силно было:
Ты си быо, бытѣешъ и на вѣки.
Богъ надъ свыма Ты си богуюћій,
Нити равна, нитъ вечегъ имашъ,
Царъ си єданъ царствуюћій царма,
Са сазданѣмъ цѣлымъ Ты управляшъ;
Ты с' тријичанъ, али нераздѣланъ,
Свойствама си превзпунѣнъ светимъ,
Сяйна Ти є воля невредима
Са пространымъ небомъ, свѣтилама;
Свемогућность Твоя є нескрушна
И са земльомъ, и са свима тварма.
Шилѣшъ штедро блага любећнмъ Те,
Коя крѣпкомъ рукомъ садржавашъ,
И покланяшъ свыма добрымъ людма;
Судбу бѣдногъ Ты блажишъ надеждомъ.
Благій Творче непрезри ми вѣнацъ,
Чувства грѣшна кои Ти саплећу,
Малый даракъ жертвуе Ти срдце,
Благодарно за сва свѣдска добра.

Андрія Петровићъ,
Ученикъ Поезіе.

КРАТКОПИСНЫЙ ПРАВОПИСЪ У ПИСМУ КИРИЛСКОМЪ.

(Продуженіе.)

V.

Сада, гди сватко єдносталность и брзоћу само тражи, морамо се чудити, што се Руси и Срби непрестано свога (како сами увиђаю) непотребногъ знака „ъ“ (єръ) оставити неће, коє ій у писаню задржава. У старославенскимъ єзыку чрезъ граматично грађенѣ може се оправдати; ал' у рускомъ и србскомъ нипошто. Господинъ Вукъ показа у своима дѣлима тако крѣпко, да га нитко опровргти неможе, да се овай знакъ у србскомъ єзыку безъ икакве штете изоставити сме. — Да ніе потребно, показую и друге кирилске киьиге, гди знака „ъ“ нема, кано Златотворно Село, Бачка Вила, Србско-француска словница одъ Іовановића и друге киьиге, а међу тима има и изданы одъ Матице Србске, н. пр. Задигъ г. 1828 печатанъ и т. д.

То бы приближеніе врло лако было, да Руси и Срби изъ свои писмена тай знакъ избаце; Латински Славяни немаю ни то, ни томе подобно знаменѣ, пакъ ій отегоћуе у читаню кирилице, єръ іймъ брзый прегледъ цѣлога одузима. Некъ кирилски Славяни латинскима то за любавь учине; єръ бы и приближенію и себи много ползовали чрезъ то, што бы се єдногъ непотребногъ и сувишногъ знака опростили.

VI.

Бащъ є жалостно видити, како є кирилица прећашнѣга доба у многимъ случаима одъ абецеде се удалявала. Уведенѣ правогъ „Н“ мѣс-

то нагнутогъ „N“, и шилястогъ „у“ мѣсто округлогъ „ꙋ“ већъ самъ споменуо. Трећій примѣръ имамо у писму „*иже*“ (И, и), кое є временомъ све више и више „і“ заступати узело. Н. пр. пре є обычай было писати „вінo, архімандрітъ“ и т. д. съ єднолотезнымъ „і“, а садъ ево овако зачело се писати: „вино, архимандритъ“ съ двопотезнымъ „и“ и т. д. Пре десетакъ година (шта ли?) писало се єднопотезно „і“ у свима именима страны светаца, као што су: Філіппъ, Каллістратъ, Ніколай и остала; а данасъ се у свима тима именима већъ пише двопотезно „и“. Те тако Латинцима непознато „И, и“ мало по мало надвлада свуда познато „і“. То заиста нити є потребно, нити полезно было. Правописъ Руса и Србаля постаде додуше правилніи и слѣдственіи по нешто, ал' не савршеніи. Добро я знамъ, да се они садъ єдногъ єдиногъ правила држе: „Предъ самогласницима (и зато предъ покраћеніемъ „я, є, ю“) пиши єднопотезно „і“, а свагди другче двопотезно „и“. Али шта ће два знака, кадъ є єдно посве доста? И шта ћемо да рекнемо, кадъ Србинъ н. пр. пише: у мужкомъ полу „*біо*“ съ єднопотезнымъ „*і*“, а у женскомъ „*била*“ съ двотезнымъ „*и*“; у опредѣлѣномъ времену „*бівмъ, бівшъ, біо*“ и т. д. съ єднопотезнымъ „*і*“, а у неопредѣлѣномъ „*бити*“, и у произведенію „*битіе*“ опетъ съ двопотезнымъ „и“? Молимъ само, є л' то паметно и по правилама коренословія и грамматике, да се єдна словка „*бі*“, коя се свагда єднако изговара, по своєвольномъ закону на два начина пише? У той струци кирилска писмена врло се несавршена быти чине. И Г. Вукъ є збыля у србскомъ єзыку избаціо єдно одъ овы знаменя (сирѣчь „*і*“) и у своя писмена приміо є само „И, и“. Но нека онъ латинскимъ Славянима опрости, што нѣговъ изворъ одобрити немогу; єръ они, а и цѣла Европа познаю врло добро потезъ „і“; а двопотезно „И, и“ само є Кирилцима познато; было бы дакле болѣ учиніо, да є се съ єднопотезнымъ „і“ свой Европи придружіо, неголи съ двоповезнымъ „И, и“ одъ ње отуђіо, премда є у осталомъ за разумъ кое му драго све єдно.

Айде дакле, браћо Кирилци, у поправляню вашегъ правописа примите обште, мѣсто двопотезнога „И, и“, єднопотезно „І, і“, не само зато, што га и Латинци познаю, већъ и што є за писанѣ краће, нити тако лако у блудню завести може; єръ у штампи не посве бистрой писмена *иже, наш, покой* („и, н, п“) лако се замѣнити могу. — Осимъ тога у косой (курзивъ) штампи писме „и“ има округласту форму „*и*“, што у Славяна, кои се латинскимъ словима служе, и скоро у свы осталы Европеаца као кирилско „у“ гласи, дакле Латинца то свакій часъ забунює.

На пуной страни Подунавке писме се „И, и“ до 200 путій налази, а кадкада и 400 путій. Каково олакшанѣ у читаню небы за Латинца было, да є свуда єдно потезно „і“! За колико бы се на тай начинъ єдни къ другима приближили, и како бы ласно то Кирилци учинити могли! Нитко се у читаню небы забуньивао; а шта више, было бы читателя, кои ту промѣну у правопису ни опазили небы. У ничемъ другомъ немогу Кирилци тако лако показати, да су наданути владаюћимъ данасъ духомъ славянске узаимности.

И други су народи у такима обстоятелствама то исто чинили, што мы Русима и Србима савѣтуємо. Іоштъ у почетку овога вѣка Чеси су за кирилско „ꙋ“ два знака имали; у почетку рѣчи писау „v,“ а у среди и на концу „u,“ кое последнѣ садъ су свуда примили, єръ га многи Славяни и Европейци такођеръ за то исто употребляваю. — Тако су и сви латинскимъ словима пишући Славяни кирилско „С“ у малимъ писменима на почетку и у среди рѣчи назначавали правымъ „ſ,“ а на концу рѣчи заврнутымъ „s;“ а у великимъ писменима само є заврнуто „S“ владало. И садъ ево сви примише заврнуто „s“, оставивши право „ſ,“ кое само іоштъ Крайнци у несавршеномъ правопису своме задржаше. Па заиста право су имали латински Славяни, што су избацили то писме, кое новекъ найлакше съ писменомъ f(=Ф) промѣнити може.

Ал' ће ій быти, кои ће ми рећи: „Ако бы то Руси и учинили, те мѣсто двопотезнога „И, и“ свуда метну єднопотезно „І, і“: ал' у нашемъ Србскомъ єзыку то неможе быти. У овима двѣма словкама „ньи“ и „льи“, н. прим. *пріятельи*, *книга* и т. д., морамо двоструко „И, и“ имати, єрбо на мѣсто „ньи“ неможемо писати ни „ныі“, ни „ні“; изъ истога узрока неможемо ни на мѣсто „льи“ употреблявати „лыі“ нити „лі“. — Ако браћа Срби Вукове знаке „ньи, льи“ увести неће, ово є извиненіе основано. У двѣма наведенима словкама необходно потребно іймъ є онда двопотезно „и“; овде бы га онда могли іоштъ задржати, али баремъ у свима другима случаима нека єднопотезно „і“

ставе. Ако се дакле двопотезно „И, и“ кодъ Србаля посве изоставити неможе: то баремъ нека се по нешто ограничи.

(Конацъ слѣдує.)

ОДЛОМАКЪ.

РАДОМИРЪ И МИЛЕВА.

Радомиръ. Заръ непрестано да ме цвидишъ? Заклинѣмъ те свымъ на свѣту, проговори. Цѣо ми є животъ вечъ мрзакъ, єдна єдина радость цвѣтала ми є у твомъ кругу, и ту ми заръ да украшишъ? Слабомоћанъ самъ, исповѣдамъ, што неумемъ себи заповѣдити, и по предузетомъ начину што непоступамъ — ал' —

Милева. Остани при предузиманю.

Р. (У себи:) Зашто є збогъ свирѣпостій нѣны све вѣма цѣнити морамъ? Она є моимъ паденіемъ у души моіой све вѣма и вѣма побѣду достизавала, и самымъ тымъ држимъ, да бы веће паденіе поднео, ако бы ми та побѣда нѣна неполезна была. (Велегласно:) Остаємъ при предузиманю. — Съ Богомъ. (Полази.) (У себи:) Никадъ више нећу те видити, можда на ономъ свѣту; нећу ову цвѣтну околность ньомъ украшену више сматрати, ништа одсадъ неће ме тронути. (Велегласно:) Съ Богомъ драга Милево!

М. (Само рукомъ и анѣелскимъ умилѣнѣмъ, помешанымъ съ прикривеномъ тугомъ, и као срдито знакъ му да.)

Р. (Враћа се.) Дай ми єданъ полюбацъ — (и таки нечекаюћи одговора процвили ахъ! и поће.)

М. Богъ некъ ти є путевоћа, и помысли кои путъ на мене.

Милева оставша сама почне се неспокойно окрећати, и видећи себе саму, уздане и поће шетати се по башти.

Шта є се у души нѣной волновало, самъ Свемогућій зна, но мысли, коима се после вѣнчаня невѣста занима, у томъ магновеню ямачно нису є обузимале. Онай уздисай био є истина као неке побѣде надъ самымъ собомъ гласъ, ал' одъкъ у нѣномъ срцу чиняше се да налази. После краткогъ пролазка врати се у дворану, гди є весело дружтво дочека. О каква сяйна звѣзда садъ у кругъ тэй ступи, съ ускликомъ сви є поздраве. На лицу нѣномъ радость изваяна бы, но редки само познаватель човечіе природе съ ти знакова увидити мого бы, да є та радость подобна цвѣту у стакленомъ врту нѣгованомъ, кои жарке луче природногъ сунца зато већма текъ упія, да бы пре угинути мого. То нико примѣтіо ніе.

После неколико мѣсецій великій маскиратъ балъ бы држанъ, и две различногъ дружтва маске почну се разговарати.

а.) Я му опраштамъ и сажалюємъ нѣгову судбину, но молимъ васъ кажите ми обстоятелно нѣгову смрть. Срце ме боли и я знамъ каквымъ самъ га тежкимъ чувствомъ неутѣшено одпустити морала, нѣгово слабомоћіе, ахъ шта велимъ, нѣгова готовость, жертвовати се за єдну слабу женску, о коіой іоштъ увѣренъ ніе быо да га люби, у колико ме є одъ нѣга одвраћала, съ тимъ ме є више после нѣгово коначно одказиванѣ удивило, и у само разкаянѣ доводило, но молимъ настави: животъ и смрть нѣгова мене се исто тичу, као найближнѣ сроднице.

б.) Дуго самъ я надъ ньимъ лебдила и мѣсто матере заступала, привреженость нѣгова мени то є налагала, залудъ бы свако моє старанѣ, онъ є найвеселіи чиніо се быти, но тайна туга на срцу примала є свой данакъ, докъ га напослѣдку своегъ непревлада. Я самъ му на гробу лѣпо цвѣће посадила, моимъ самъ га сузама орошавала, и то, коє самъ ти при уласку дала, съ нѣговогъ є гроба, садъ све знашъ, съ Богомъ.

Милева исто є венула, као и надгробно цвѣће, она дична мома, радость цѣле окрести, у кою є ступала, у црны хальина краткій свой вѣкъ оконча. Єда ли полазећи съ овогъ свѣта и на Р. помысли?

К. С. Поповићъ.

ЧОВЕЧІЯ ВЕЛИЧИНА.

Како є човекъ великій!

Высокъ є сводъ небесный. Ал' човекъ съ дурбиномъ, коєга є измысліо и художествено саставіо, стократномъ снагомъ съ высине привлачи звѣзде, и ньіове путове дознає.

Дубока є земля. Ал' ю човекъ са своіомъ снагомъ и помоћу гвожђа и парны машина, коє є онъ художествено у редъ довео, пробія, и пећину єдну за другомъ у крылу землѣ копа, уређує дивлѣ воде, коє изъ камены пукотина изкачу, и износи изъ землѣ сакривена блага.

Пространо є море. Ал' се човекъ на художествено саставлѣномъ дрвету по њему вози, и саюжава разлучене стране свѣта.

Лавъ є дивльій и страшанъ, онъ кадъ се разлюти, са снажнимъ шапама землю разкопава. Ал' га човечій оштрый погледъ поплаши, и художествено начињена пушка обара на землю.

О како є човекъ великій! Крозъ све државе знања нѣговъ силный духъ | проницава, а зна се и у заблуђеніяма добро наћи. Художествена дѣла онъ измышлява и изводи', и на млога столѣтія подиже каменита зданія.

Само є єданъ већій; нѣгова є величина непостижима, и къ њему треба човекъ горе да погледи са смиреносћу и благодарносћу; єрбо човекъ што є, то є чрезъ нѣга.

Д. Авраамовићъ.

МУДРЕ РЂЧИ.

Обычай є найяча дужность.

Жалость и радость имаю и даю крила.

Шта є сва земля друго, него предсобиште малога гроба.

Човекъ, кога іоштъ и єдна мысао любави тони, ніе самъ, ма стояо у пустињи.

Любавь є наравна мати крайности, єръ за ню нема среднѣга пута.

Поглавица у свакомъ послу треба да се добродѣтеланъ показує, ако хоће да добродѣтелно нѣгови поданици раде. Вредніи є нѣговъ изгледъ одъ написаны закона, єръ є онъ законъ живый.

Тиранъ єсамо онда якъ, кадъ су други слаби, бои се оны, кои се нѣга небоє, клони се оны, кои се нѣга неклоне.

Добродѣтель — облагорођава само човека, али га нечини богата.

Само правда обезбѣђава одъ паденія, а не сила.

СРБСКА НАРОДНА ПѢСМА.

(Изъ збирке Милоша Поповића.)

ПОЛАЗАКЪ МЛАДОГЪ ОБЛАЧИЋА НА КОСОВО.

Кньигу пише србскій кнезъ Лазаре,
Те є шалѣ на тридесетъ страна,
Да му дођу тридесетъ войвода.
Све войводе напредъ му дођоше,
Ал' недође младый Облачићу.
Мало време постояло беше,
Али дође и младый Облачићъ.
Кадъ є бio близу до Косова:
Коня игра са четири копля,
Коє у высъ, коє унапредакъ,
Огледа га дал' є добаръ за бой,
И баца се пернымъ буздованомъ
У высине плаветногъ ваздуха,
Пакъ у руке нѣга дочекаше,
Да онъ види, дал' є добаръ юнакъ.
Ал' є съ овымъ Облачићу младый
Издалека побуніо Турке;
Чакъ кадъ дође у Косово равно,
Одма поче бой бити съ Турцима;
До подне є три нляде сек'о,
А одъ подне ни броя се незна.
Но кадъ беше сунце на заранце,
Онъ саломи саблю аламкиню,
Пакъ є баци у корице златне.
Кадъ видоше Турци Јничари,
Да саломи Облачићу младый
Оштру свою саблю аламкиню,
Нагрнуше на нѣга к'о вуци:
Сунце заће, Облачићъ погибе.

НОВА КНЬИГА.

Утукъ II. или одговоръ на Вуковъ одговоръ на лажи и опаданѣ у Србскоме Улаку, (печ. у Бечу 1844). Одъ М. Светића. У Београду, печатано у княжеско-србской типографіи. 1844. — На 8-ку, стр. 39.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 28. У Суботу 8. Юлія 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

ПРІЯТЕЛЬСТВО.

(Слободанъ преводъ съ нѣмачкогъ)

Пріятельи Марко и Анђелко,
Кое разумъ и врлина равна
Тесно скопча свезомъ пріятельства,
Повѣре се невѣрноме мору.
Кадъ іймъ дуне благоспѣшный вѣтре,
И нестане землѣ предъ очима,
Указа се синѣ море свуда,
Небо бяше ведро и весело,
По нѣмъ царе дневный путоваше,
Сунца свѣтомъ све далѣ пловише,
И већъ скоро къ цѣли намереня
Бяу стигли здраво и весело,
Кадъ ал' бурно дигну се таласи,
Грозный Орканъ вечаянно рикне,
Отера іймъ са пута галію,
И тресне ю о кршине морске.
Свакій тражи смрти се отети,
Свака даска ту іймъ беше лађа. —
Но єдино, а и најманѣ парче,
Избавлѣнѣ дає обонци;
Ал' є слабо за два пріятеля,
Єръ то стаде подъ њима тонути,
И грузит' се на дно мора синя.
То кадъ виђе пріятелю Марко,
Тужнымъ гласомъ и сузнимъ очима:
„Съ Богомъ остай,“ изрече Анђелку,
„Ты се мноме морашъ замѣнити
„Млогогуби благо у теб' свѣте,
„А безъ тебе вѣрный пріятелю,
„Вѣчна мука био б' мени животъ.“
„Не!“ Анђелко одговори Марку,
„Я прерадо утонутѣу за те,
„Ты ми морашъ остат' и живѣти!“
Іошъ Анђелко у рѣчи бияше,
Ал' се Марко у воду погрузи;
Преда себе воденоме гробу,
И таласма страшно хуєњима.
Но свемоћный, кои на све пази,
Види вѣрность до два пріятеля,
Неда мору нѣга прогутати,
Таласи га избаце на суво,
Ал' и тамо пріятеля нађе.
Та се радость неда изказати,
Спасена су оба пріятеля,
У новомъ се састала животу;
Загрле се проливаюћ' сузе.
„Айдмо,“ рекну іоште обонца,
„Благодар'мо небесноме Творцу,
„На нѣговомъ божіемъ промыслу.“
Клекну близо край синѣга мора,
Благодаре благомъ створителю,
Што ій овда бѣде избавіо.
Молитве іймъ у небеса промкну.
Тад' Анђелко съ пріятелѣмъ своимъ
Раздѣліо цѣло своє благо,
Єръ онъ бяше кано пушка гола,
Надъ смрть морску текъ врлину спас'о,
Но врлина вѣчито є благо. —
Све то Марко благодарно прими,
Бога милость њи є постигнула,
Обонца цѣлогъ вѣка свога
Бяу прикладъ чиста пріятельства. —

Євтиміє Авраамовићъ.

СПОМЕНЪ

СѢНИ ПРЕМИНУВШЕГЪ СЕДАМНАЙСТЕ ГОДИНЪ СВОЄ МЛАДОСТИ У АТИНИ 12. ДЕЦЕМБРА 1843. ГОД. МЛАДОГЪ СРБИНА ТЕОДОРА АЋИМОВИЋА ТОМИЋА, РОДОМЪ ИЗЪ БЕОГРАДА.

Духъ млађаногъ Србина за просвѣтомъ тежећій, за познанѣмъ опредѣлѣнія своегъ чезнућій, бори се съ препонама свѣтскимъ, тражи

средства за изображеніе. Одзива му помоћи съ друге стране у бурномъ свѣту нема, єдина неснажна майка осѣћа неугасиме жудњ любезногъ чеда своегъ, коє стално у намѣри своіой моли, приклињ, губи се у жељи, свѣта видити, высоке науке и мудрость за садъ Србства црпити. —

Она изванъ могућства непрестано већма буктећой жељи прелюбезногъ сына своегъ удовлетворити, тражи ядна изговоре у изумляваню неполезности наука и недосегу њиномъ за набавку живлѣня; ал' у врломъ полету душевна сила чеда нѣногъ неладни у томъ; за име найвышегъ Суштества моли: „*удовлетворите потреби душе мое, коіой се иначе немили овако у мрзкомъ незнаню борити се, удовлетворите сыновной молби моіой, материномъ любавію само благословите полазакъ мой у дальный свѣтъ, ніе свудъ овако, накиће одѣка жеља моя; удовлетворите просби моіой, єръ иначе савъ в свѣтъ за мене тамный гробъ.*“ —

У крайньой туги, у найвећой борби матернѣ дужности и любави уважава бѣдна овако преклињнѣ любезногъ чеда своегъ, прибира све могуће силе своє, у сузама обливена изявлюе узвышеномъ сыну своє одобренѣ, помоћь, и матерньій благословъ на дальный путъ. „*Съ Богомъ ми пођи прелюбезно дѣте мое, незаборави майку, браћу твою.*“ — „*Съ Богомъ остайте мила майко, браћо моя, ніе ово данъ жалости, ово є часъ найвећегъ веселя жудне душе мое; сынъ, братъ вашъ тѣломъ се само одъ васъ и милогъ отечества удалява, душомъ нигда, она ће непрестано око васъ лебдити; обале Савске бытће наймиліе пристаниште нѣно. Садъ ћу првый управъ мой обратити наукама у преславной Елади, у Атини добродушна пріятеля имамъ. О да срећна мене! Тамо ће се душа моя услађавати мудросћу, тамо ћу я њиву обдѣлати, да временомъ у момъ отечеству плоде приноси, тамо ћу се я савршенству приближити! О мила майко, мила браћо моя, ко є садъ срећніи одъ мене?! Недангубимо више, съ Богомъ, съ Богомъ!*“ —

Ту му неотиче смирене очи сузе пролію; ах'! сканда є предчувствовао, да последньій путъ майку, браћу, домовину, отечество своє види. — У єцаню гушећа се майка, браћа, прате преко Савске обале мило суштество, коє се скромнымъ погледомъ пашта одъ милы свои, одъ милогъ мѣста, у коме є нѣжногъ дѣтинства и младости време провео; іоштъ єданпутъ „*съ Богомъ*“ прослови, па се одъ свои удали*).

Тужнымъ погледомъ, уцвилѣнымъ срдцемъ, пратила є майка и браћа драго створенѣ, докъ су га усмотрити могли, па изгубивши га у дальини, врате се тужни мѣсту, на комъ су єго последньій путъ изгрлили.

Брижну за чедомъ своимъ майку и браћу тѣшила су врла, мудросћу изпунѣна писма Атинскогъ питомца**), коя су у цѣломъ Србству необичайне упечатке учинила; — ал' горка судба недаде тужной майци дуго радости уживати, недаде Србству у таковомъ младићу велику надежду оснивати; таково врло суштество усредъ найвећи у просвѣти успѣха, усредъ найвећи душевны заниманія преста себе свѣдомо быти, преста живити! —

Гле, млада мудраца, Сократовымъ млекомъ запоєна, како се са свѣтомъ пашта: „*Изъ краткогъ траяня могъ овде на бурномъ свѣту, видіо самъ шта є бѣдный човекъ, познао самъ нѣгове слабости, видіо самъ какве неизбройне препоне стаю свакомъ напредку нѣговомъ на путъ. До садъ самъ се боріо съ њима, а садъ се преселявамъ у пожелано спокойства царство. — — Са спокойномъ душомъ паштамъ се одъ тебе, свѣте; но тужна, прелюбезна майко и браћо моя, премило отечество мое, одъ васъ ми є тежко се растати; до садъ вамъ болю мою явити нисамъ хтѣо, да вамъ тугу заштедимъ, а садъ немоћна рука ніе у стаю перомъ владати, да се последньимъ писмомъ на свагда съ вама опростимъ; о майко моя, о браћо моя! знамъ я како ће васъ вѣсть о престанку суштествованя могъ поразити; ал' утѣха некъ вамъ є опомена велике мое сыновне и братске любави, кою ево собомъ и у ладный гробъ носимъ. — — Єдиный пріятелю мой,***) кои си ми овде животъ сладіо и сада ме на наручію твомъ мѣсто майке држишъ, прими ове мое неизбройне топле полюбце, па кадъ срећанъ будешъ Савскимъ обалама родительима твоима вратити се, испоручи ій мѣсто мене тужной майци и браћи моіой и тѣши ій онако, како те є мудрость у Елади поцрплѣна*

*) 8. Юлія 1843. године.

**) Види два писма изъ Атине у Београдскимъ Новинама брою 19, 20 и 21. т. г. печатана.

***) Константинъ Куманудн, братъ садашнѣгъ Правителственогъ Банкера, кои се у Атини на наукама наоди; нека му є благодарность и одъ стране Србства за такову добродушность покойнику указану.

научила. — — Садъ ћемо се разстати, — па и при овомъ одлученю момъ велимъ ти: да в добродѣтель узглавлѣ на смртной постельи.“ — — — Іошть є хтѣо говорити, но прелазъ у несвѣдоность погледу, дисаню и говору на свагда край учини! — — —*.)

Овако премину младо Србче ово, коє бы было поносъ рода своґъ, да га црна смрть съ лица земноґъ прерано неотрже! — Тѣло ти, блаженый покойниче, у земльи Сократовоґъ отечества на миру почива; добродѣтельна ти се душа вѣчнымъ слађава покоємъ, лебдећи надъ неутѣшимомъ майкомъ и браћомъ твоіомъ; а споменъ врлине твое остаће вѣчанъ у Србству. — **).

У Београду 4. Юлія 1844.

Димитріе Матићъ.

КРАТКОПИСНЫЙ ПРАВОПИСЪ У ПИСМУ КИРИЛСКОМЪ.

(Конаџъ.)

VII.

Овай бы се правописъ дакле морао чимъ скоріе у печатанима писменима употреблявати: округло „ρ, ρ“ мѣсто ћошкастога „Р, р,“ єднопотезно „І, і“ мѣсто двопотезнога „И, и,“ и одбацити непотребный знакъ „ъ“. Изъ тога и увидити може се, зашто я то краткописный правописъ называмъ.

То бы было првый коракъ братинскога приближаваня къ европейскоме писму и одъ знамените користи за латинскимъ словима пишуће Славяне, будући бы іймъ се читанѣ одбаченѣмъ двопотезнога „И, и,“ на свакой страни скоро двѣста путій олакшало, а поновлѣніемъ округлогъ „ρ, ρ“ баремъ сто путій реће бы было преваренѣ у читаню. Па заръ бы то мало было? — А и како бы се то *лясно учинити* могло! Знакъ „ъ“ (єръ) вѣчъ су многи списатели одбацили; єднопотезно „І, і,“ свакоме є познато; округло пакъ „ρ, ρ“ налази се не само у свима црквенима, него и у некима новіима свѣтскима киньгама, и зато є то писме свакомъ Русу и Србину познато, па ій у читаню ни найманѣ пречило небы. Некъ дакле Кирилци изъ любави прама своіой латинской браћи тай коракъ приближеня учине; а латински опетъ Славяни неће пропустити све, што іймъ є могуће, учинити, да се зидъ писмена, кои насъ дѣли, єданъ путъ развали. — Доста ли насъ недѣли разлика вѣре, єзыка, држаавны устроєнія и правителства, а осимъ тога и мрзость изъ прастары времена наслѣђена: зашто іошть да насъ писмена разлякую?!

VIII.

Садъ бы іошть доказати моро четврту часть задатка нашеґъ, т. є. шта будућность одъ Славяна, кирилскимъ словима пишући, иште? Као што су Чеси, кадъ свой правописъ поправляти почеше, таки огласили, да іошть много остає, што се изгладити мора (садъ су ево све, што потребно беше, срећно у животъ привели, премда неки водише оштрый бой противъ поправака): тако дакле морали бы и Руси и Срби већъ садъ опредѣлити, шта се за у будуће учинитя има, да се съ правца незаће. — Будући пакъ да незнамъ, како ће се овай „краткописный правописъ“ дочекати: зато се іошть сада уздржавамъ, средства за будућность савѣтовати.

IX.

Молимъ почитаємо учредничество Подунавке, нека изволи ове моє редке за напредакъ онога, што є користно, у свой листъ примити и краткописнымъ правописомъ напечатати*), да га сватко такоћеръ и у дѣлу видити може. — Молимъ осимъ тога славно учредничество, ако є могуће, да саставке такове, коя се Славянства тичу (ако не све, а оно баремъ неке) у томъ правопису издавати изволи, по изгледу *„Кметійски ин рокодѣлски новица“* (у Крайнской) и *„Зоре Далматинске,“* кои листови, премда свой провинціяльный правописъ већомъ страномъ за-

---

*) 12. Децембра 1843. год. уАтини после краткогъ болованя.

**) Покойникови є више валяны съ Грчкогъ єзика превода у Подунавки печатано; остао є іошть, докъ є у отечеству было, преводъ єданъ такоће съ Грчкогъ єзика Велизарія, славногъ Римскогъ воєначалника; а радіо є и у Атини, о чему ћемо Србство, кадъ му се киньге одтудъ донесу, извѣстити.

*) Некъ намъ опрости вредный г. писатель, што му овой жельи задовольити немогосмо Мы одъ власти налогъ немамо, да ове листове, као правителствене, онымъ правописомъ и штиломъ пишемо, кои є у канцелларіяма у обычаенъ. У овоме налази извинћеніе наше и остало, што г. писатель ниже говори.

Учредникъ.

државаю, ипакъ чланке и затребачкимъ правописомъ писане, кои све обштіи быва, примаю, да бы га временомъ посве задржали. Подунавка нека слѣдує благій примѣръ ческого листа „*Квѣты*,“ кои найпре посве у смаромъ, 1843 г. одъ части у старомъ, одъ части у новомъ (загребачкомъ), а ове године ево сасвимъ у новомъ прапопису излази. Тако су и „*Ческа Вчела*“ и „*Пражке Новине*“, одбацивши нѣмачка писмена, одъ првогъ Априла 1844 г. зачеле латинска писмена са єдинымъ новымъ правописомъ употреблявати. Тако ступау та три ческа часописа по примѣру ческого музеума све више напредъ.

Благородно бы „*Подунавка*“ и „*Србске Новине*“ учиниле, да се, као и гореречени листови, другимъ Славянима приближити труде! Ево Хрватъ и Славонацъ остави, а Краняцъ оставля кривописъ свой томъ приближенію за любавь. Они примише петъ новы писмена (Č, Ć, Š, Ž, Ě), Хрватъ осимъ тога своме знаку „s“ (кога изговараше као кирилско „ж“) даде другій гласъ (кирилскога „с“). Чехъ посве другче садъ писмена „G, j“ употреблява, а осимъ тога петъ оны новы знакова прими. Краньци се особито (по брою 15 Кметійски Новица одъ 10 Апр. т. г. стр. 60.) о разширенію тога правописа стараю. Све то речени Славяни требаше, старога се одрекоше, слоги за любавь. Па заръ да браћа Кирилци овай „краткописный правописъ,“ кои се тако мало одъ прваштньга разликує, неузму?! Толико любави прама браћи своіой ямачно у срцу имаю!

Немойте ову малу промѣну башъ за тако невредну, ил' за играрію съ писмены држати. Єръ ніе мртво писме, о комъ се овде ради, него нешто веће: духъ братинске узаимности некъ се и међу кирилскомъ браћомъ свуда, гди є могуће, особито у писменима покаже.

Као што магнетична игла (бушулька) за се одъ велике вредности ніе, али морнару на мору бродећемъ неизмѣрну хасну доноси: тако и приближаванѣ у писменима за се ніе велика ствар; али духъ, кои ю є у животъ позвао, коимъ она пріятельски дише и кои бы се очевидно чрезъ то у славянскомъ народу показао: тай є, кои іой праву достойность и вредность дає, а народу цѣль указує, коя се достиће има, и кою намъ божество на овой земльи опредѣли. И зато нека престане гласъ, кои насъ къ узаимности, гди є іоле могуће, савѣтує, быти гласъ вапећега у пустиньи!

ПОЗЫВЪ.

Долеподписани, држећи се обште примљеногъ основа, да се на озбильно напредованѣ неможе онде помыслити, гди се негледи, да се свака струка людскога знаня одъ вештака обдѣла, и, колико є могућно, у савршенство доведе, а изъ призрѣнія тога, што су неке гране знаня таковога рода, ди нигда ніе прерано, да се о ньима радити почне; предузели су патологическе, т. є. у струку медицине спадаюће, предмете скупляти, имаюћи при овомъ предпріятію то предъ очима, што се у истомъ смотренію може данасъ таково што появити, коє се другій путъ догодити неће; и што бы ово, кадъ бы се по небреженію и немарности изъ вида изпустило, єданпутъ за свагда изгубльно было. — Оваковогъ рода редкости скупльне су одъ части, и смештене у Београдскомъ воєномъ шпиталю; но осећаюћи долеподписани, колико помоћи и садѣйствія други такође любителя захтева се, да се ова цѣль постигне, и да се съ временомъ не мало важный народный Музеумъ установи, кои ће и за садашньость, а навластито за потомство одъ велике користи быти, за нуждно налазе свакога Окружногъ Лѣкара, свакога Чиновника, и ревнителя овымъ позвати, и умолити, да изволе старанѣмъ своимъ сабирательима у помоћь притећи, и сваку чрезвичайность кодъ човека, или животинѣ появившу се, као изроде и измете (Monstra), нагрде (Varietates); а и свако появльніе разны болестій, коє бы ГГ. Доктори за важно держали, да се у редъ оваковы редкостій поставе, долеподписаныма у Београдъ послати, придодаваюћи къ припослатымъ овако стварма и кратко, но подробно извѣстіе, да бы се знало, одъ куда, и како є предметъ набавльнъ, коя ће се извѣстія, као и име онога, кои є ствар припослао, у нарочитый за ту потребу сачињный протоколлъ ставити. Могу се пакъ оваки предмети лако спремити у сасуду са шпиртомъ, или препеченомъ ракіомъ.

Будући у Београдскомъ воєномъ шпиталю доста мѣста има, и ништа на путу нестои, да се за установльніе народногъ Музеума таково и распространи, зато бы могли ревнитељи предмете изъ єстествене такођеръ исторіе, као што су редко налазеће се животинѣ, или пакъ частице одъ редки, или већъ никако више несуштествуюћи животиня истыма долеподписаныма припослати, тврдо увѣрени, да ће се све ово, не само са усрдномъ благодарносћу примати, него и као народна светиня хранити и сачувати.

У Београду, на Петров-Данъ 1844.

Воєный Штаб-Докторъ,
Е. Линденмайеръ.

Воєный Штаб-Хирургъ,
Ф. Биргъ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду

ПОДУНАВКА.

№ 29. У Суботу 15. Юлія 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД *

ПРИВЂТСТВІЄ

НА ТЕЗОИМЕНИТЫЙ ДАНЪ ВЫСОКОРОДНОГЪ ГОСПОДИНА ПОПЕЧИТЕЛЯ ПРАВОСУДІЯ И ПРОСВЂШТЕНІЯ, КАВАЛЂРА,

ПАУНА ЯНКОВИЋА.

Да пѣвамо, спѣш'те друзи,
Сви *Пауну* именъ данъ!
Паунъ Србе води къ Музи,
Нѣговъ данъ є одабранъ!

* * *

Некъ намъ *Паунъ* небо грее
Светымъ жаромъ Аполла,
Густу маглу некъ развее:
Богъ то рече съ престола!

* * *

Пѣвай, Србе, изъ свегъ гласа,
Подай пѣсми складный ходъ:
Име *Паунъ* овогъ часа
Некъ достигне неба сводъ.

* * *

Некъ се свуда име чуе,
Кое брани Муза станъ,
Гласи славе нека хуе
Међу нами свакій данъ.

* * *

Пѣвай Србе, некъ ти звони
Лѣсъ, дубрава, тихій лугъ,
Твоя пѣсма некъ се рони,
Твомъ *Пауну* одай дугъ.

* * *

Онъ пресеца сада наши
Због неправде суза токъ,
И подноси намъ у чаши
Одъ Астрее сладкій сокъ.

* * *

Даймо дакле знати свету,
Какву *Паунъ* има грудь.
Србске славе любкомъ цвету
Онъ приноси савъ свой трудъ.

У Београду на данъ Св. Апостола
Петра и Павла 1844.

Алекса Десимировићъ,
Слушатель Поезіе.

РАСКОШНО ВЕЛИКОЛѢПІЄ ПРИ ЄДНОЙ СВАДБИ

„Билѣжка азіятски лѣтописа“ доноси намъ слѣдующе описаніе свадбе єдногъ Индискогъ Кнеза.

„Мы позвани будемо предъ вече у дворъ, и на тай конацъ доведу намъ слонове, на коима су богати покривачи и други украшаи были. *Набобъ* дао є у поляни близу вароши много шатора разапети, одъ кои два найвећа изъ найлепши памучны матерія направлѣна, са шаренимъ пругама одъ найбольи Енглезки комада накићена, и са свиленимъ гайтанима тврдо увезана быяу. Свакій одъ ова два шатора было є 120 стопа дугачакъ и 60 стопа широкъ. Мотка, на коіой су разапети были, имала є у высини 60 стопа. Оба заєдно вредила су преко 300,000 талира. Єданъ одъ овы было є са решеткама за госпое изъ *Набоба* сарая, и за отмѣнія лица, а други за наше и друге позване

госте, опредѣлѣнъ. Спрамъ овы налазаше се єдна сѣница, коя є одъ найскуплѣ Енглезке чое справлѣна; и на 60 изъ самогъ чистогъ сребра саливены мотака разапета была. Она є была 100. стопа дугачка, и готово толико широка.

Кадъ смо мы приспѣли, прими насъ *Набобъ* на найотмѣнiи начинъ; онъ насъ одведе у єданъ великiй шаторъ, гди смо єданъ сатъ одпочинули. *Набобъ* є одъ главе до ноге био съ драгимъ каменѣмъ покривенъ, кои цена найманѣ на 12,000,000 талира износи. Потомъ оставимо мы шаторъ и одемо у сѣницу, коя є чрезъ 200 особито великолѣпны Европейски сребрны полилелея, чрезъ толико исто други свећняка, кои су сви скупа штитъ прама фаносу изъ различито шарено-боядисаны стаклены парчадiй имали; притомъ iошъ и одъ више стотина на дувару высећи свећняка осветлѣна была. Ова множина свећа, кои є сяйность, крозъ велику множину огледала натрагъ падала и умножавала се, образоваше заслепляваюћу светлость. Сто млады богатоукрашены девойчица играу у сѣници, и пѣвау различите индиске и перзиске пѣсме.

После 7 сатiй появи се младоженя, кои є тако са драгимъ каменѣмъ обтереѣенъ био, да се єдва крећати могаше. После тогъ попнемо се мы опетъ на наше слонове и пођемо у єдну не далеко лежећу башту. Походъ къ ньой имао є величественый изгледъ. Онъ се састояо изъ 1200. слонова, кои су съ найбольимъ покривачима украшени и као каква регимента коняника, у два реда, поставлѣни были, и куле на леђима носили. У средишту налазiо се *Набобъ* на єдномъ одъ свiю найвећемъ слону, сасвимъ у злато обливеномъ, кои є одъ чистогъ злата саливену кулу носiо, на коiой є ексере драго каменѣ заменявало. На десно одъ нѣга iшо є Енглезкiй Президентъ, а на лево младоженя. Остали Енглези, господа и госпоє, као и отмѣнiє особе земальске заключавале су спроводъ на обадве стране.

Одъ шатора до баште налазиле су се на обе стране пута куле, сводови, пирамиде и овымъ подобна, све са шареним свећняцима, коє є особитый изгледъ издавало.

На обадве стране пута, мало далѣ одъ слонова, играле су младе, великолѣпно обучене девойчице, на ћошкама, коє су одъ люди направлѣне, и златнымъ и сребрнымъ застирачима прострте былe. На свакой ћошки налазило се по две играчице и два свирача; на свакой страни пута было є по 100. таковы ћошкiй. Целымъ путемъ на обе стране бацане су ракетле, и осимъ тога поредъ пута 3,000 машала одъ людiй ношено є, тако, да смо чрезъ то, премда є врло тавна ноћь была, ясанъ данъ имали.

Походъ є iшо полако, да бы ракетле смотрати могао. Кадъ смо на врата баште ступили, поскачемо съ наши слонова. Башта є была съ млогима одъ артiє фенѣрима различите боє осветлѣна, а у среди нѣ налазило се єдно велико зданiє. У єдной великолѣпно осветлѣной соби даду гостима обѣдъ, кои се одъ части у Европейскимъ, одъ части у Индискимъ єлама, у различитимъ плодовима, вину и другимъ посластицама састояо. Сто найлепши играчица пѣвало є скромне пѣсме, и веселило госте своимъ земальскимъ играма.

На овоме торжеству задржимо се до сванућа. Празникъ є три ноћи єдно за друго, овако истымъ великолѣпiємъ и раскошствомъ проведенъ, кои є преко 1,800,000 талира стао.

Светозаръ Iовановићъ,
Слуш. I. год. Филозофiе.

КЊИЖЕСТВО ИЛИРСКО.*)

У кратко списао И. Фр. Юкићъ-Банялучанинъ. 1844.

Съ почеткомъ овогъ столећа Чеси, Поляци и Руси озбыльно почеше обраћивати свой народный єзыкъ, сваке врсти кньиге у нѣму издаваюћи. Родолюби ови Славянски, колико су се више своимъ нарѣчiємъ забавляли, настоећи међу друге учене єзыке узвысити га, не манѣ бригу осећали су надъ своiомъ браћомъ — Славянима на югу илити тако звaномъ Илирику живећима; жалостнымъ, реко, окомъ гледали су: како мы у неслоги и немарности прама народномъ єзыку живимо! — Далматини свою, Дубровчани свою, ако се може назвати, литературу дизаше; на истый начинъ Хрвати, Славонци и Словенци, свакiй кодъ своє куће чепркаше, ничiегъ обзира на се необративши! Србльи у Аустрiи са славнымъ Обрадовићемъ почеше обраћивати полѣ народногъ (?) кньи-

*) Ово сачинѣнiє већъ одъ дужега времена кодъ насъ лежи, но због особиты узрока досадъ га саобштити нисмо могли.

Учредникъ.

жества, за 40 и више година много ако на брой, на вредность пакъ гледаюћи мало изађе: мећутимъ мало или ништа неучинише! Зашто? Ласно є узрокъ наћи. Србски књижевници никадъ сталногъ правописа неимадоше! Књиге издаваy само за тако зване: „граждане“! Треће у издаваню књига нигда се необазреше на своє роћаке у Босни, Далмаціи, Славоніи и т. д., єръ и оно, што су неколико народны рѣчій уписали, быяше Сремски уписано, одтудъ быва, да, изузевши Караџића дѣла, сва остала Србска дѣла су Бошняцима и т. д. безъ икакве користи и остаће до вѣка! (Сравни „Књижевный животъ Србаля“, Коло, књ. I. стр. 113 — 123.) — — При толикой сметньи видећи насъ непріятельи, помыслише: дайдер', ови люди кадъ су немарни за се и за своє, неће ли за насъ и нашу литературу быти марльивіи? И по несрећи добро погодише: єръ Маћарска, Нѣмачка и Таліянска литература толико имена Славянски у свой дневникъ записа!? И непріятельи наши, видећи да су на првомъ кораку успѣли, и далѣ се упустише: — да насъ народности собствене лише! Браћа наша Славяни садъ изгубише о нама надежде; мы пакъ, мракомъ немарности застрети, то за шалу држасмо. Кадъ смо башъ надъ ямомъ наше пропасти были, ево, изненада сину даница са запада! Мраци, кои насъ быяу одъ толико година обузели, падоше съ очію наши, мы увидисмо неслогу и немарность нашу; сви заваписмо: *нећемо быти туђи, кадъ можемо быти наши!?* — Даница та быяше Г. Др. *Людевитъ Гай*, кои првый на среду ступи и коло одъ илирске слоге и књижества заведе. Пре него поћдине списатељ наведемо, да видимо правацъ, коимъ є Гай ударіо, па онда истомъ увидитћемо, како є мого у тако мало времена до толико славногъ *ловоровогъ* вѣнца доћи. Правацъ овый єсте слога, и прво: у *правопису*. Правописъ дакле валяло є увести, кои бы на знаню народногъ єзыка быо основанъ, то єсть народноме говору сходанъ; само тай правописъ мого є све остале правописе поплавити, само такій мого се є одъ учены примити, а таковъ є славный Гай своимъ земляцима препоручіо, пакъ є услышанъ быо. О правопису овомъ ученый Г. Др. П. І. Шафарикъ у часопису „Ost und West“ г. 1838. бр. 17. овако говори: „О сходности по Гаю утемељногъ и одъ његовы суплеменика, одъ многи други илирски списателя уведенога и одъ изображене стране народа съ похваломъ примљногa аналогичкога правописа, већъ смо се на другомъ мѣсту, нарочито у Часопису Ческога Музеума“ (где каже: „све славянске правописе надилазећій єсть илирскій правописъ“) „обширно изразили, можемо зато тимъ краће овде говорити. Начинъ у латинской абецеди писаню, латинскомъ єзыку туђи, новымъ опетъ єзыцыма собствены гласова, съ діакритичкимъ знаменяма, нагласцима и т. д. у помоћь притеће, башъ є пре неколико година єданъ одъ највећи филолога нашега времена, много путовавшій Еразмо Башкъ, у Копенхаги, съ нарочитымъ призрѣніемъ на Ческій правописъ, у особитомъ дѣлу орієнталистама силно препоручіо, и ГГ. Баппъ у Берлину, Айххоффъ у Паризу єсу га одъ части већъ и извели. Ако се начинъ овай болѣ промотри, видитће се, да нит' є новъ, нити управо Ческій: многи одъ найизображеніи народа Европе, Французи, Шпаньолци, Поляци и т. д. употребляваху су га баремъ у темелю, ако башъ и безъ строге слѣдствености, одъ више већъ столећа. Исторія и искуство говоре дакле за овай правописъ . . . . Новіи илирскій правописъ одликує се своіомъ примѣрносћу, єдноставносћу и слѣдственосћу и т. д.“ Правописъ овай, кои пре петъ година толико великій слависта хваляше. свакій данъ више се разпростире; године пакъ 1841 постао є службеньмъ у Хрватской и Славоніи по налогу више власти. — Друго: *књижевный єзыкъ* валяло є увести, кои бы быо найсходніи за све Славяне одъ црногa до ядранскога мора. То є Гай најболѣ знао учинити, уведши нарѣчіе оно, коимъ су писана дѣла неумрлогъ: Држића, Минчетића, Ветрановића, Хектеровића, Чубрановића, Бунића, Мажибрадаћа, Раньине, Златарића, Гундулића, Палмотића, Иванишевића, Ђорђића, Качића, Филиповића, Лазтрића, Канижлића, Великановића, Томиковића, Леаковића, Пестелића, Павића, Павишевића, Јапшевића, Рапића, Радића, Дошена, Рељковића, Керемпотића, Катанчића и т. д., и коимъ се іошъ данасъ говори у већой страни Илирика, у Истріи, Далмаціи, войничкой Хрватской, Славоніи, Унгаріи, Банату и Бачкой, Босни, Црной Гори, новой и старой Србіи и т. д. Ово нарѣчіе не само што є књижествомъ найбогатіе, што є найшире, већъ и съ тога препоруке достойно, што є найблажіе и найчистіе остало, особито у Босни; ово є Гай приміо, и ово садашньи илирски књижевници употребляваю. — Трећій узрокъ цвѣтаня илирскога књижества єсте света *узаимность, узаимность свеславянска!* Славный Коларъ прве да тако рекнемъ ученике свога о у-

заимности ученя стеко є у Илирима, предъ коима Гай одъ почетка па до данасъ заставу носи, сва илирска дѣла и сви књижевници илирски дишу овомъ светињомъ, безъ коє никаква Славянска грана неће плода принети! Ово су Гай и остали Илири добро увидили, оногъ се начала чврсто држећи: Slavus sum, nihil Slavici a me alienum ses puto. (*Славянинъ самъ, ништа Славянско недржимъ да ми є туђе.*) Младежъ у Хрватской и Славонїи овымъ путемъ озбильно напредує, сва Славянска нарѣчія учећи и књиге читаюћи. Ово троє овѣнчава мужевный значай Г. Гая, кои своїомъ разборитосћу и постоянствомъ, дубокомъ наукомъ и невизказаномъ проницателносћу знаде толика напаствованя и запреке съ пута уклонити, будућемъ напредованю и књижевномъ животу путъ окрчивши. Таке люде столећа само у свѣтъ шалю! — —

(Продуженіе слѣдуе.)

ИСКРИЦЕ.*)

I.

Како што птица любовна приправля у пролеће гнѣздашце своимъ птичићама, и купи перѣ и сламу, да лакше леже мале своє, коє она іоште ни видила ніе; тако и я изъ далеки земаля, изъ страньски књижества, изъ различиты єзыка, купимъ чувства и гласе и складанѣ, да ій изрећи могу и милу браћу наданути съ оньмъ пламеномъ любави, кои ми непрестано у срцу гори. Различитость помаже намъ, да болѣ чуємо єдинство, како изъ складногласія многи гусала излази савршена и чиста умилятость. Єзыци су човечески као и лире, коє заєдно звоне, и шалю къ небесима гласъ народа, желећи отачбину райску. Може да се єданъ єзыкъ съ другимъ немѣша и да се нештети; као сестре дѣвице, коє се любе съ чистимъ цѣловима; као стабла очишћена, коя незасѣняваю єданъ другогъ, него горе украшаваю; као што бистрый поточићъ, жуборећи у своме теку, наквасує равнице.

Знамъ да є велико дрзновеніе моє, да починѣмъ писати у єзыку, съ коимъ єдва самъ почео заєкивати. Тежко я рѣчи налазимъ, да оно изразимъ, што у срцу имамъ, али вилу славенску чуємъ, да говори нѣзинымъ знаменитымъ гласомъ души моіой. Далмаціо драга али жалостна, теби ніе никада быо животъ властитъ; већъ одъ много си времена вучена за колима други народа. Радостно бы я умро, кадъ бы ти могао оставити найманю споменку милованя и любави моє, кадъ бы се мого надати, да ћешъ быти прстенъ златны верига, коє валя да свежу слободне све кћери славенске матере наше.

*) Ово су оне Искрице, о коима є у № 11. т. г. овы листова рѣчь была. Њи є написао Г. Никола Томасео, коє га животъ и дѣла читательнима ће изъ споменутогъ числа листова наши позната быти; издао ій є пакъ у Загребу Г. Иванъ Кукулѣвићъ Сакцински. Изъ њи се подиже найсветіи пламенъ любави къ народу югославянскоме; и зато ћемо мы одъ времена до времена на време баремъ важніе између њи у наше листове ставити. — Духъ књижества и народности славянске заиста се радовати мора, кадъ види, да се такова изгублѣна овца, као што є вредный Г. Томасео, стаду своме враћа! —

Учредникъ.

КАКВЕ ТРЕБА ДА СУ, А КАКВЕ ДА НИСУ ЖЕНЕ?

Жене треба да су као цвѣће пасульово: у лѣпомъ цвѣту да трепте; а опетъ нетреба да су као пасульово цвѣће: да се око свашта несавіяю и необмотаваю.

Жене треба да су као винове лозе: што намъ пріятно доносе; а опетъ нетреба да су као винове лозе: да се немораю тачкомъ исправляти.

Жене треба да су као запальива дрвца: да су преко нужне; а опетъ нетреба да су као запальива дрвца: тако лако ватру да непримаю.

Жене треба найпосле да су као адвокати: пріятельи правде; а опетъ нетреба да су као адвокати: да се недаду поправити.

НОВА КЊИГА.

Пре'одница свеобште исторіе света одъ Исидора Стояновића, Професора свеобште исторіе у Лицеуму Княжества Србскогъ. У Београду, при правителственой књигопечатньи 1844. — На 8-ку, стр. 140.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 30. У Суботу 22. Юлія 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД *

ПАСТИРЪ.

У поляну цвѣтаюћу,
Гди невлада завист, злоба,
Тамо тежи душа моя,
Тамо тежи башъ до гроба.

* * *

На часть свакомъ свѣтскій метежъ,
Радо живимъ я у полю:
Там' налазимъ задовольство,
Нити желимъ срећу болю.

* * *

Нит' ми треба людско дружтво,
Ер' ту с' одма злоба раћа,
Ту пакости стрѣла кивна
Одма свакогъ люто сгаћа.

* * *

А овако у поляни
Самъ за себе живимъ радо,
Ту налазимъ задовольство
Пасућ' моє мало стадо.

* * *

Сво є моє задовольство,
Кадъ с' накитимъ польскимъ цвећемъ,
Ил' у фрулу кадъ засвирамъ,
Кад' на пашу стадо крећемъ;

* * *

Или сунце кадъ се раћа
Ил' кадъ шева сладко пои,
Или стадо кадъ се игра,
Ил' кадъ овца ягнѣ дои,

* * *

Ил' кадъ после ноћногъ санка,
(Ахъ описат' то немогу!)
Шта чувствуємъ, шта осећамъ
Кадъ с' помолимъ тіо Богу.

* * *

У вароши тога ніе,
Невалялство тамо влада,
Зато бежимъ къ моємъ стаду
Изъ вароши к'о изъ града.

Н. Бибићъ.

НА ЧЕМУ СУ ЛЮДИ ПИСАЛИ У НАЙСТАРІЯ И ПОЗДНІЯ ВРЕМЕНА.

Іоштъ одъ почетка културе допадало се народима опоминяня свои побѣда и различиты несрећа у кронике и лѣтописе ставляти. Они су ставляли ова на лубове дрва, на каменѣ и на руде. Наскоро затимъ снабдѣду се они єднимъ лакшимъ и движућимъ се матеріомъ, на коіой се съ млого маньимъ трудомъ рисовати и писати могло.

Папиръ тросникъ, кои се на обали Нила налазіо, было є одъ Египтяна за ову потребу изнаћенъ, и Мемфисъ, стецыште тадашнѣгъ изображеногъ света, отликовао се у готовлѣню истогъ. Папиръ, кои є справлянъ изъ жица, и люска овогъ произрастѣнія, коє су крсту подобно єдно на друго лежале и узаимно утискане быле, углаћивали су слоновомъ косћу и трли са зейтиномъ одъ кедра, да бы гибкость до-

біо. У књижницама новијех времена налазе се неки одломцы одъ њега; докъ ніе при отвораню и испытиваню мумія веће число одъ њега у светъ дошло.

Осимъ папира было є лишће одъ палме и други дрва за писанѣ употребљавано. — Потомъ доће и кожа различиты звериня. Познатый *Пентатевхъ* (петъ књига Мойсеовы), кои се у књижницы Господина *Понтшартрина* налази, и кои є съ великимъ писменима на 45. у єдно сашивены телећи кожа написанъ, єсть рукописъ, кои є до 100 стопа дугачакъ. По известіяма *Херодота* и *Діодора Сикула* писали су Персіяни и Іоніяни само на овчіимъ кожама њіове летописе.

Пергаментъ было є у вароши *Пергамо* изнађенъ, на 200. година пре рождества Христова, кадъ су кралѣви Египетски извозъ папира у страче землѣ забранили. Онъ є было изъ козіи и уштроєны овнова кожа справљанъ и лакимъ каменомъ*) углађиванъ, и заєдно у толико комада сплетенъ, као што є писмо требовало, за коє се онъ употребљавао. Ове части пергамента звале су се комади (volumina) или умотана парчета, коя су се рольомъ углађивала, и коя се нису у листове везивала, као књиге данашнѣ.

Пергаментъ є было бео, жутъ или пурпурне боє. На последнѣмъ су се само свете књиге и царске повелѣ писале.

У старія времена писана су были листови само са єдне стране. Писанѣ са обадве стране почело се текъ при концу IX. столѣтія. У овомъ веку, праведно векомъ *варварства* и *глупости* названомъ, дошло се на ту мысао, да се на пергаменту, ако се писма изгребу, опетъ наново писати може. Ово несрећно измышлѣнѣ упропастило є мложину драгоцѣны писама, коя бы насъ съ нравима и повѣстима старія народа упознати могла. Међутимъ су чрезъ нове ревнителѣ и ученіе мужеве нека одъ овы стары писама опетъ поправлѣна, почемъ су нова писмена са њи избрисали и тако стара, коя нису сасвимъ избрисана была, опетъ свету показали.

*) Bimsstein, єсть лакій, шупльикастый, ирке боє, каменъ, кои се у близкости ватру блююћи гора налази.

Велико употребленіе пергамента и распростета трговина съ њиме по Италіи, Француской, Немачкой и Енглеской учинили су га редкимъ и скупымъ. Карталски калуђери у Гою, коима є Грофъ одъ *Нефереъ* сребрне сосуде поклонити тео, рекли су му: да бы онъ њи съ поклономъ одъ пергамента выше обрадовао и обвезао.

Велинъ є касніе изобретеніе одъ пергамента, и справляо се изъ кожа побачены телади, одкудъ є и своє име добіо. Изобретеніе велина припусує се граматику *Кратеру*, когъ є *Атила*, Хунскій краль, у Римъ као посланика оправіо было.

Особита белина и танкость велина (кои се са садашњомъ нашомъ велинскомъ артіомъ променути неможе) єсу сведоцы нѣгове древности, да є онъ іоштъ пре VI. столѣтія постао. Кадъ се листови одъ самы себе, или самымъ додиранѣмъ топле руке увіяю, єсть сигурный знакъ, да є то старый велинъ. Одъ X. столѣтія ніе велинъ тако нѣжанъ и танакъ, и манѣ се віе.

Понегда су и други животиня коже за изображенѣ у писаню употребляване бывале. У књижницы у Дрезди налази се єданъ мексиканскій месецословъ, кои є на човечіой кожи написанъ; и у Бечу налази се єдна рукописна књига изъ исте землѣ, пуна образа, кои су на углађеной човечіой кожи изрисовани и снимљени.

Познато є, да є стара књижница Цариградска пре узећа града одъ Турака єдну Иліаду и Одісею имала, коє су златнимъ словима на зміскимъ кожама написане, и преко 120. стопа дугачке были. Незна се, шта є са овомъ драгоцѣносћу древность урадила.

Артія одъ памука (carta bombycina) показала се првый путъ у VIII. столѣтію у *Букареи*, гди су Арапи ово, тамо у изобилію растеће произрастѣніе први на художество употребляваты почели. Услѣдству тога подигну они многе рукодѣлнице у *Цейту*, на прибрежіяма Африке, наскоро затимъ у *Есативи*, *Валенціи* и *Толеду* у Шпаніи. Памучна артія добіе свеобште теченіе текъ у XI. столѣтію у Европи, и одъ христіянски земаля прва є была Сицилія, будући се ту питомъ памукъ налазіо, коя є артію памучну израђивала.

Памучна артія у старимъ арапскимъ рукописима была є чврста и глатка; али у Таліян-

скимъ и Сицилiянскимъ рукодѣлницама, была є одъ простiегъ и рѣавiегъ качества, и то є поводъ дало *Цару Фридриху II.*, да є онъ све на памучной артiи написане повелѣ за уништене огласiо и заповедiо, да се сви документи, кои се на памучнимъ артiяма налазе, найвыше до 2. године преписати мораю.

Трговина Марзельска съ Левантомъ и союзъ ове вароши са Шпанiомъ, куда су фабрике памучне артiе до великогъ савршенства дошле, да є Арапскiй списатель *Едризи* казати смео, да є памучне артiе белина сяйнiя одъ месеца, а ведрiя одъ дана, — уведу ову артiю сву у обичай; и у варошкимъ архивама налази се iошъ доста документа, кои су на овой артiи писани.

Найстариi рукописъ овогъ рода налази се и дан-данасъ у великой книжницы Парiзкой подъ № 2889. одъ године 1. 304.

Прва рукодѣлница куделнѣ артiе приписуе се єдномъ у *Базлу* избегшемъ Грку; други приписую заслугу за изобретенiе ово Таliянцыма; напротивъ други съ великомъ вероятносћу Арапима у Шпанiи. Они су чинили прво покушенiе съ ньиме у провинцiи *Валенцiи*, а доцнiе у *Каталонiи*.

Наравно є, да Европейцы, кои памукъ у домовини своiой нису имали, морали су га изъ Азiе доносити, или съ другимъ производима замењивати. Они су се служили съ ланомъ и коноплѣмъ. Али є тврдость и величина овы прећица причинявала много труда, докъ се напослѣдку неизнађе, да се старе ланене крпе расткати и чрезъ трулежь у кашу преобратити даду; садъ дакле устроє воденице, и правила се артiя, као што ю мы iошъ данъ данашньiй правити и употребляватн обычествуемо.

Животъ светогъ *Кукуфата* одъ године 1079. и єданъ латинскiй речникъ у манастиру светогъ *Гилоса* у Шпанiи, писанъ међу 1072 — 1109., кои су као найстариi документи на кудельной артiи, єсу при болѣмъ изслѣдованiю за памучну артiю припознати были.

У Германiи увела се ланена артiя у употребленiе iошъ одъ године 1239, ако датумъ єдне одъ *Адолфа IV.* на варошь *Ринтелъ* управлѣне дипломе искрено сведочи.

Што iошъ као постояніе доказателство узети можемо, єсть єданъ рачуничный изводъ, кои *Готхелфъ Фишеръ* у године 1301. изданомъ своимъ дѣлу: „Опытъ сверху филиграма,“ наводи. Овай одломакъ, на ланеной артiи написанъ, има за воденый знакъ*) єданъ кругъ поредъ єдногъ стабла и єдну звезду. Артiя є чврста, крута и дебела.

Светозаръ Iовановићъ,
Слуш. I год. Филозофiе.

ПИСМА ЗНАМЕНИТЫ СРБА.

(Г. ЯКОВУ ЧОКРЛЯНУ.)

Въ Предигстулѣ 15. Юнiя п. рим. 1795.

Паче огнепалящiя любве Любимый Друже!

Сей самый часъ ублажихся азъ получити писмо твое, преисполненое єлико народолюбiя твоего, толико паче всегорящѣйшiя любве твоея ко мнѣ, огнемъ сердца твоего блаженѣйшему мнѣ. Обаче, о! неуслышаннаго исповѣданiя! никогда єще писмо твое толикiя жалости нѣсть исполнило горко уязвленное сердце мое дружеское. Вскую? Се причина, даже толь, мнѣ писмо твое прочетшу, скоро въ черножелчное очаяніе погрузи неутѣшимо скорбящее сердце мое. Добро знаеши ты, безсмертный друже! яко горящая искренность, и чувствителнѣйшее человѣколюбiе суть первая качества дружелюбивыя души моея. Сего ради тебѣ откриваю жалостное состояніе мое, єгоже ради писмо твое удручителнѣйшаго стыда исполнило мя єсть. Ничимъ въ всемъ мірѣ толико неувеселяюся азъ, развѣ радостiю, тебѣ, торжественнѣйшiй побѣдоносче и обладателю сердца моего, развѣ радостiю, глаголю, тебѣ благоугодити; ничимже инакъ толико нескорблю, єлико невозможностiю твою ти исполнити волю. И се нынѣ въ скорбнѣйшемъ мнѣ послѣднемъ состоянiи семь нахождуся. Во первыхъ бо все бездѣйствiе мое въ сердцѣ твоемъ, непонятность же моя возвратити тя отъ предпрiятiя твоего, єже єлико тебѣ обще полезно видится, толико мнѣ отсутствiемъ твоимъ изъ дражайшiя отчизны нашея, родолюбiю нашему вредително мнится, горко удручаетъ мя.

О! несравнимый срертне! разсуди ты нынѣ, коль неисцѣлимою раною ты отшествiемъ твоимъ уязвилъ єси неутѣшимое сердце мое! єдинаже токмо мысль остала мнѣ бяше, даже бы могла была, неутѣшимаго не утѣшити, но въ бездну горчайшаго черножелчiя погруженна-

*) Овай знакъ се на артiи свакой налази, кои се према прозору или свећи видити може.

го сердца моего болѣзнь нѣколико утолити; сирѣчь, при отшествіи твоемъ, съ удоволствіемъ твоимъ мною разстатися ми отъ тебе: и сію єдину мыслъ нищее состояніе мое при полученіи писма твоего исторже ми со всѣмъ, и уничтожи ю. Проклятая чувствителность моя наведе мя раздати ми вся, яже имѣхъ, въ друзѣхъ нашихъ терпящему человѣчеству; нынѣ убо тако окаянъ єсмь, да азъ тебѣ ни 30. кр. возвратити немогу, видяже, яко наложеніе твое по воли твоей исполнити немогу, возвратихся напрасно со всѣмъ въ ничто мое. О друже! блаженъ азъ аще ты незачтеши худое мнѣніе о недойствѣ моемъ любве твоея. 20. Августа пріимити буду плату мою, и тогда съ радостію поспѣшу исполнити дружескую волю твою. Ахъ! увы мнѣ бѣдному! не уже ли тогда ускореніе должности моея косно и всуетно будетъ! Паче 30 форинтовъ, коихъ отъ тебе Г. Обрадовичу положихъ, нищей матери моей 50 ф. послати имѣхъ; 15 ф. въ єдинѣмъ нищемъ, єму же я повзаимилъ бѣхъ, изгубихъ; 4 ф. єдиному, 3 ф. и 45 х. другому, и изъ сего узрока задолжи мя бѣхъ 30 ф. другихъ, и вся моя тримѣсечная плата износитъ 125 ф., что убо мнѣ остало єсть? Мнѣ паче сего каждый день чисто подобаетъ за столь Государя моего пріити. Словомъ нѣсть человѣка въ мірѣ, иже толь нищъ єсть, яко нещастный азъ: Сего ради, друже мой, абіе отпиши ми, можетъ ли наложеніе твое до Августа мѣсяца отложитися, или не, и аще оно нынѣ абіе учинитися иматъ, азъ абіе, писмо твое пріемъ, умножу долги моя, заєже мнѣ волю твою исполнити мощи. Соболѣзнуй слабости моей, и непріими мнѣ за зло открывеніе мое.

Аще божественный мужь, Г. Балогъ, єще у Васъ єсть, цѣлуй єму отъ мене благодарнѣйшаго Серболюбивыя стопы єго, и пошли ми отъ него адресъ єго. Прочая въ писмѣ твоемъ содержащаяся, абіе, како съ горы во градъ сниду, исполню. До трехъ недѣлъ буду послати ти обадвѣ книги моя моимъ иждивеніемъ на взаемъ напечатаемыя, и аще бы зналъ, да бы тамо могло что распродатися, бы до єдно сто екземпларовъ послалъ ти.

Разумѣется, яко имена Госпожъ Бояркъ горѣ на цыпелами навезти подобаетъ. о семъ лучше извѣсти мя, и каковымъ языкомъ везъ сей быти иматъ.

Терлаичъ.

P. S.

Книгописцы наши трядятся вся дни. Исторіа Г. Архімандріта Раича уже пришла єсть. Се єдиное дѣло єсть, єже азъ при Князѣ моемъ въ ползу Рода нашего учинити могохъ. Азъ бо получивъ случуй сказати єму о дѣлу семъ, онъ представленіемъ моимъ далъ єстъ писати Архіепископу, да онъ изволитъ Исторію сію послати на печать, и аще онъ небы на то склонитися хотѣль, Єго Сіятелство, Князъ Голицынъ, далъ єстъ єму знати, да онъ учинитъ уже, да будетъ морати послати ю. То разумѣется, друже, да аще вящше сицевыхъ случаевъ збудется, я непропущу, ихъ на ползу рода нашего обратити.

ИСКРИЦЕ.

II.

Вѣтаръ баца тамо амо ситна сѣмена, а свако ће великимъ стаблом узрасти. Рекао бы да ій срећа носи; али Богъ има на свако ситно сѣме истый позоръ као и на тисуће неизмѣрны сунаца. Богъ ій меће на мѣсто одређено іоштъ одъ вѣчны вѣкова; Богъ ій рани. Тако и у човеческу паметъ Богъ свако осећанѣ доведе, Богъ га рани росицомъ любави своє. Због милости нѣгове и суза наши оно долази и краси мысли, и свака є душа као великій свѣтъ, пунъ складаня и чудеса безъ броя.

И ты си мало по мало, душо моя! понарасла, а различни єзыци теби су были прозори, кои отвораю изгледъ на далня мѣста, приказуюћи нове горе и планине, сада снѣгове сада цвѣћа.

Ако я после половице мога живота починѣмъ изустивати матернѣ рѣчи моє, теби самъ, Спиро, захвалу дужанъ. Єръ ты имашъ срце просто-народно и пуно крѣпости тихе. И ты си чуо што су жалости, али и познаєшъ жалостій смиреный стыдъ, знаду се мучати туге твоє а други пожалити. Може быти да я у кньиги свога живота пустимъ трагъ, кои неће нигда помрчити; али я знамъ за цѣло, да у свакой рѣчи нашой Славенской, кою ћу читати или писати, сакрити ћу, Спиро, име твоє.

Учредникъ Милошъ Поповићъ

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА БЕОГРАД

№ 31. У Суботу 29. Юлія 1844.

У НОЋИ.

Горду главу сяйна луна
Съ ведрог' неба пружила,
И свѣтлости райске пуна
Любке зраке спустила,
Сву површност озарила
Лучам' дивне зрачности,
Сѣнь и сваку одгонила,
Преужасне мрачности.

* * *

Тихій зефиръ сладко пири,
Свудъ несташно облеће,
Лакокретна крилца шири
Умилято на цвеће.
Огрнуто у тишину
Све почива єстество,
Благог' санка єръ милину
Вѣчно стере божество.

* * *

У покою и ты спавашъ,
Нимфо моя, сладостномъ,
Румень зорну ожидавашъ
Санку садъ у радостномъ;
Ал' на мое плачне очи
Жельный дремежъ неслази,
Горка суза изъ њи с' точи,
Сва м' утѣха одлази.

* * *

Ты, о луно сребросяйна,
Неба дична царице!
Чувства мени одкри тайна
Виткостасне єлице;
Њой а опетъ тугу мою
Ты изтолкуй зефиру,
Чувствителност носимъ кою
Садъ у любве немиру!

Ђ. М. Деспотовићъ.

ПОХВАЛА

АРМОДІЮ И АРИСТОГИТОНУ 1).

(Съ Еллинскогъ слободанъ преводъ.)

(Изъ артіа покойнога Вукашина Радишића.)

Грани у миртовой 2) бритка ћу носити мача,
Ка'но Армодіє, Аристогитонъ и славни,
Кад' смрть тирану 3) зададоше,
Подъ раванъ законъ 4) градъ 5) поднеше.

Драгій Армодіє, ниси іоштъ умъро, ниси!
Кажу те, да си у отров'ма блажены 6) житель,
Там', гдѣ і' и брзы ногу Ахиллъ,
И съ њимъ Тиндовъ сынъ Діомидъ 7).

* * *

Грани у миртовой бритка ћу носити мача,
Ка'но Армодіє, Аристогитонъ и славни
Минерве кад' на жертвам' 8) крвной
Хиппарху люди 9) смрть нанеше.

Вѣчно, юнаци, вамъ име ће быти на земльи,
Драгій Армодіє, Аристогитоне милый!
Тирану, кад' сте смрть задали 10),
Подъ раванъ законъ градъ поднели!

ПРИМѢЧАНІЯ
НА ОВУ ПОХВАЛУ.

1) Армодіє и Аристогитонъ были су два поштена и правдолюбива Атинска грађанина, два присна друга, кои су у време, кад' є тиранство по граду имъ бѣснило, задали єданъ другоме тврду вѣру, да сваку неправду, буди коме одъ ньи двоице учињну, сматраю као обшту и собствену, и да се сложно за ову освећую, као што су заиста то и радили.

2) Кад' су Елини праздновали тако — званый свой старый свенародный праздникъ *Панатинея*, обредъ є праздника изискивао, да свакій у руци носи за оно време по єдну грану одъ мекацкога и зеленога мирта. Какву є послугу учинила ова грана Армодію и Аристогитону, то ће разяснити слѣдующе подуже примѣчаніе.

3) Тиранинъ є овай было Хиппархъ, братъ свога наслѣдника Хиппіе, а сынъ великога и политичнога Писистрата. Докле ние Хиппархъ погинуо, оба су ова брата кралѣвали у Атини по наслѣдству свога отца. Осамнайстъ година были су они прилични подражатељи у свему свога предходника. Но єданъ путъ Хиппархъ почне различна беззаконія чинити, и зато два вѣрна друга Армодіє и Аристогитонъ заключе међу собомъ Хиппархову смрть, за кою накупе и други помагача. Кад' дакле о празднику Панатинея и Хиппархъ на явно торжество овога дође єдномъ међу народъ, и почне се већь у храму приносити празднична жертва, онда два заклета брата свакій у своіой густой миртовой грани понесу по єданъ оштаръ мачь, те ту тирану зададу смрть, и повикавши народу: „Живѣте одсад' у слободи, мили сагрђани!“ одмах и сами падну жертвама за правду и слободу. Братъ Хиппархонъ Хиппія дышући духомъ освете надъ свима онима, кое є предпоставляо за участнике сазаклетве на свога брата, увати међу овыма и неку жену, именомъ Леену, кое юначтво вреди спомена. Кад' ю є Хиппія дао свакояко мучити, да бы одъ нѣ докучіо све редомъ сазаклетнике, она онда, немогавши већь одолѣти последньима найжешћима мукама, и побоявши се, да одъ овы приморана неизда штогодъ, прегризе сама себи єзыкъ и отплюне га у лице тиранина. За споменъ овога юначтва Атињани подигну у Атини кумиръ, представляюћій Леену безъ єзыка. Хиппія по томъ у страху, да и самъ непроће братовымъ трагомъ, науми утврдити се помоћу иностраны саюза, а особито свезомъ са Шпартанцима. Но у томе поквари му посао породица Алкмеонида, кои истерани изъ Атине іоштъ одъ отца му Писистрата, обнове и украсе Делфійскій храмъ бога Аполлонна, те тако добыю пророчицу овога Питію на свою страну. Молившима іой се дакле Шпартанцима за савѣтъ у єдной ньиной тескоби, обећа она заштиту, ал' ако ослободе Атину одъ Хиппарха. На тай предлогъ по маломъ времену истераю Шпартанци тиранина изъ Атине управо оне године, кад' су протерани и кралѣви изъ Рима. Види се дакле, да су прво и найглавніе орудіе ове свѣтле у Атини премѣне были Алкмеониди, но народъ простъ, коме є скорашньость одъ веће цѣне, воліо є за ослободитељ своє сматрати Армодія и Аристогитона, коима є у то име подиго на тржишту и андріасе (штатуе).

4) Овай *законъ* было є грађанскій Уставъ, пунъ духа правде, слободе и єднакости свакога грађанина предъ лицемъ законика.

5) Градъ овде особено значи Атину, а уобште сву Атинску область и грађанство.

6) Острови *блажены* єсу тако звана у Митологіи Елисейска поля, у коя су долазили и живили само они духови людій, кои су у свѣту овомъ любили истину и творили правду. Па єсу ли могли изъ овы испасти и Армодіє и Аристогитонъ?!

7) Ко є Ахиллъ, о томе Омиръ у Иліади пространо учи, а о Діомиду читай у Омир. Одиссеи п. 181.

8) Читай треће примѣчаніе, у комъ є ово мѣсто већь изявлѣно.

9) *Люди* овде значи *людини*, и есть єдин. дател. падежъ одъ имен. люда.

10) Армодіє и Аристогитонъ у оно време морали су быти тираноубице; єръ тиранинъ ньиногъ отечества было є тако утврђенъ, да га се прогнаніемъ нису могли отрести. Ньима є дакле у правди спѣвана и ова похвала и андріаси подъ вѣнцима уздигнути. Али данашньій политисамъ Европе упраздніо є, како млого друго коєшта одъ стары времена, тако и древный обычай, увѣнчавати тираноубице. Данасъ се вѣнаца достойныма суде само єдни тиранствоуби-

де, а не и тираноубице. Кад' на руци стои способъ, протерати тиранина изъ земль, коя подъ њиме стењ, свагда є и праведніе и болѣ избирати за њга изгнаніе изванъ круга мучимога одъ њга народа, него му у томъ кругу смрть наносити. *Праведніе* є ово за то, што тиранинъ само онда подноси сразмѣрну своима злыма дѣлима казнь, кад' онъ изванъ отечества сѣдећи, сећа се своихъ дѣла, па ако има поле савѣсти, гризе се, и самъ се за њи убія, а ако ове нема, онъ опетъ и отуда чезне за своіомъ силомъ и славомъ, (ако тиранству пристои слава!) те опетъ у желяма тає и мори се. А *болѣ* є за то, што народъ остає сасвимъ опранъ предъ светомъ и чистъ предъ Богомъ, кад є тиранина свога предао на судъ и смрть самоме своме тиранину, и ніе ктео њговомъ крвлю умилостивлявати лице своє земль, нит' у ову после пріймати њгово тѣло, па тако нехотице давати му недостойно опроштенѣ и оправданѣ, а на себе зазоръ навлачити. Похвале є вредно юначство, ко убія само тиранство! —

А ДА НУ!..?

СРБСКЕ ФАБРИКЕ И УШТЕДДЕ.

У свакой Србской кући сеоской преде се куделя, и тка се одъ нѣ платно, а тако се преде и вуна, и тка се одъ нѣ сукно, и то све за свою домаћу потребу и ношиво. Наша ова обадва рукодѣлія и єдра су и яка, и была бы доиста за наше солдате млого боля и потрайнія, пакъ и єфтинія, одъ иностранскога подобнога фабриката, коє мы досадъ за њи купуємо и набавлямо, а имаюћи при томе и своє добре бояціе у своме отечеству. Преко свега іошъ тога и ово є неодспорна и не маловажна полза, што бы за то све издаванный новацъ остаяо у нашему народу, и што бы се одъ годъ до годъ издѣлія овога вѣштина, доброта и лѣпота према препоруцы и траженю дизала и напредовала. Ето намъ дакле и ту приличне уштедде, ако бы башъ и сами офицыры танко и фабрично сукно и платно употреблявати непрестаяли; а кад' бы іошъ не само сви официры, него и сви наши чиновницы ове обѣ домаћега издѣлія струкке непремѣнно предузели употреблявати, было бы доиста и млого знатнія полза и уштедда отечеству и народу Србскомъ — и прочая —.

Кадъ є земльотресъ 1755. г. у Португаліи столичный градъ Лиссабонъ тако страшно разоріо, да є отуда и сва држава штету опазила, онда є краль Португалскій, за накнадити ту свеобшту штету, а и за пробудити и процвѣтати отечественна рукодѣлія, начиніо самъ себи одъ простога сукна и платна потребне му хальине, и такове начинятн и носити заповѣдіо свима званичницима своима и свему воинству, пакъ є тако до мало времена не само постигао што є желіо, него є и обучіо и обогатіо свой народъ.

Къ томе іошъ єданъ примѣръ ево: предостойный свога рода и мѣста царъ Аустріе Іосифъ вторый често є особитима лицама дике ради показивао своє хальине, да су то све одъ Аустрійскога и производа и рукодѣлца правлѣне.

Симеонъ Милутиновићъ
Сарайлія.

ГОЛУБОВИ И СОВУЛЯГА.

(Басна, съ нѣмачкогъ.)

Кобацъ єданъ путъ ухвати єдногъ голуба и изеде га. Други голубови држау скупштину, да се договоре, кодъ кога бы се за то потужили, сви рекоше: „Кодъ совуляге.“ Совуляга є пакъ птица съ великомъ главомъ и већа є одъ орла. И тако голубови кодъ нѣ тужише кобца; зато, да іймъ она право суди, єрбо є онъ єдногъ одъ њіове браће убіо.

Кадъ є совуляга была њіову тужбу саслушала, онда іймъ она съ дубокимъ гласомъ и са здраво отворенымъ клюномъ одговори: „Клокъ.“ На то голубови међу собомъ говорише: „Ахъ, како лепо говори! Она ће заиста кобца на єданъ махъ прогутати.“ Кобацъ се опетъ залети и угради іоштъ єдногъ голуба, Голубови одоше къ совуляги говорећи: „Суди намъ по правди!“ Она іймъ одговори: „Клокъ.“ Голубови међу собомъ рекоше: „О како му страшно прети: она ће врло добру пресуду изрећи.“ Кобацъ украде и трећегъ голуба. Голубови одоше и трећій путъ къ совуляги, молећи є, да кобца казни, она іймъ опетъ одговори: „Клокъ.“ Кадъ су они ово чули, рекоше: „Шта ће то рећи, да свагда „клокъ“ говори, а нама нигда правицу неда? Мы ћемо се њене власти одре-

ћи, а съ њомъ ћемо као съ варалицомъ и лудоглавомъ поступати!“ Одтудъ то долази, што голубови и проче птице на совулягу нападаю и ню хватаю, и совуляга се само зато усуђуе ноћу излетати; єрбо бы є иначе птице убити могле. Тако исто говори већа часть великаша, кадъ се сиромаси због нанешене іймъ увреде кодъ њи потуже, да іймъ право суде: „Мы ћемо вамъ помоћи.“ Они говоре само „клокъ,“ и опетъ нечине нигда ништа. Тако исто и несигурни люди, кои обећаваю, свагда кажу: „клокъ, клокъ,“ то єсть я ћу дати, и опетъ никомъ ништа недаду, докъ ій люди найпосле непознаду, да су лудоглави и варалице, те ій онда оставляю.

Д. Авраамовићъ.

ИСКРИЦЕ.

III.

Хотѣо бы я, да ми се покаже до дна, югославенскій народе, духъ твой непознатый; хотѣо бы сваку рѣчь разумѣти твога знаменита гласа, и съ тобомъ говорити, како говори човекъ съ миломъ любомъ своіомъ. Нитко те добро іошъ непознає одъ оны, кои ти говоре; нитко немѣри управъ слабости ни крѣпости твоє; — а како ћемо ти помоћи, непознаваюћи те? Гдѣ ти се починѣ и свршуе рана, невидимо, а како ћемо ю дакле лѣчити? Велико се хоће срце, пуно любави, да ове ране разгледа и лѣчи. Валя ій преметати брзо и лагано съ милосрдіемъ, валя почитовати болестника као Исусово тѣло.

Ниси ты кривъ народе бѣдный, ако ти животъ пролази у незнанству и смраду. Достойни бы были силни удови твои, народе лѣпый, да чистіе одѣло обучешъ; али бы валяло да непромѣнишъ съ одѣломъ и чувствованѣ твоє, и лѣпша кошуля да ти несакрива нечисту душу.

И да бы те добро познавао, народе драгій, небы я могао све оно изрећи, што видимъ, небы ты мого све ни чути. Небы я могао, а нисамъ ни достоянъ да кажемъ толикимъ душама истину спасоносну. Я мыслимъ кад-кадъ на туге и неволѣ твоє, али ій неоплакуемъ онако, како бы дужанъ было; нису мени све ране твоє предъ очима, нисамъ ни удъ живый тѣла твога. Дай ми, о Боже, да све жалости човеческе учине у души моіой великій складъ, да већу дублѣ чуемъ, маню ласніе, те да се у овомъ великомъ мору суза сузе моє изгубе, и да се съ братинскима мило помешаю!

ОТМѢНА ГОСПА.

Єдна врло пристойно обучена Госпа, украшена съ великимъ перомъ на шеширу и свиленимъ альинама, ступи у єдну Берлинску отмѣну продавницу моде и други украсны стварій, учини поклонъ, и проговори у дућану налазећемъ се калфи: „Господару, я потребуемъ єдно мало угожденіе“; „съ драге волѣ,“ одговори овай. „Опростите ми: єдна ми се пантљика на ципели одшила, и будући ми є съ тимъ ходъ врло несносанъ, іоштъ при томъ самъ удалѣна одъ обыталишта, а у овой части вароши съ никимъ познанство немамъ, то видимъ себе принуђену, кодъ васъ помоћь потражити; и я васъ молимъ, да мы иглу и конацъ дате, да бы ю прешити могла.“ „Съ драге волѣ,“ было є опетъ одговоръ. — Калфа отиде одма у близку собу, и доће съ потребнима натрагъ. Госпоя замоли, да бы ю за болю угодность съ єдномъ собомъ послужили. Съ великимъ высокопочитаніемъ была є молба уважена. После неколико часака была є штета намирена. Госпа се препоручи іоштъ єданпутъ, благодари за указану іой честь и остави дућанъ.

Текъ што є неколико часака прошло, іоштъ нико небіяше у дућанъ ступіо, примѣти калфа, да є єдне скупе спаваће капе, коя є на єдномъ столу лежала, нестало. — Сва истраживаня, да се ова отмѣна Госпа пронаће, была су суетна.

Светозаръ Іовановићъ,
Слуш. I. год. Филозофіе.

НОВА КЊИГА.

Лукіана Мушицкогъ Стихотворенія. Књига трећа (Славенска). Скупіо и издао Георгій Мушицкій, Медіцине Докторъ и Султанскогъ Нишанъ-Ифтихара Кавалѣръ. У Новомъ Саду писмени Іоакина Д. Каулиција ц. к. привил. Типографа г. 1844. — На 8-ку, стр. XII. 243.

Учредникъ Милошъ Поповићъ

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА У БЕОГРАДУ

№ 32. **У Суботу 5. Августа.** **1844.**

ОСТАВЉЕНА ЗАРУЧНИЦА.

Тавна ноћца већъ настаѥ,
Завѣса већъ црна спада,
Горко цвилећ' због издаѥ
Заручница плаче млада;
Зефиръ њојзи одзывъ даѥ,
И примаюћ' уздисаѥ
Њој с' радуѥ пуста ада,
А срушеног' птице града
Зову ню у своѥ краѥ.

Очи плакат' принуђене,
Жудећ' муке предстоеће,
Упирућ' на кршне стене
К' небу духъ се нѣнъ узлеће,
Мутне краю лете пене
Пратећ' волне разярене,
Буре расту, све су веће,
Изъ основа свѣтъ се креће —
Смрть осветит' оставлѣне.

Нѣжно чедо свѣтлог' дома,
У обильству неговано,
Светолика, дична мома,
Вѣре жертва паде рано, —
Радисава кћи питома.
Ахъ! зашт' муњомъ ярног' грома
Свезнаюћій нисн план'о,
Благо носећ' похарано
Сагн'о у адъ вѣролома!

Данъ огрaну; сѣе окрести
У грлѣню заръ стихіе
Са умилни свои мѣсти
Видъ подаю дражестніе?
Ал' не дичной већ' невѣсти,
Смрть у вѣчность кою смѣсти,
Нѣно срце већ' небіе,
Но саняюћ' безсмртіе
У вѣчитой бди несвѣсти.

Цвѣтакъ исто на ливади,
Кланяюћ' се свѣжой зори,
Росомъ іоштъ се непрохлади —
Облећу га већъ лахори;
Предаюћ' се њиной влади —
Рука дѣве га разсади,
Туђомъ земльомъ гди се бори,
Узабранъ мре на прозори,
Мре поклоићнъ съ момци млади.

Стан', куд блудишъ на бродовы,
Бѣжућа те совѣсть прати:
Слободанъ си; ал' окови
Живота су твога сати.
Да л' ће твон бурни снови,
Да л' саюзи любве нови,
Покой бѣсной души дати?
Разбойниче, къ пакла врати
Ид'! Съ издайствомъ срећно плови!

Ха! съ таласы чіе тѣло
Оной пустой ади плива,
Шта л' є съ шумомъ долетѣло,
Ужасъ срцу што улива?
Разбойничко мрзко дело
Є л' се правди кадъ отело!
На што ли се умъ оснива,
Знаюћ' судца Бога жива,
Злой годећи вольи смѣло!

К. С. Поповићъ.

СЛАВЕНСКА ПРОЧИТАВАЊА.

(По Нѣмачкомъ преводу съ Рускога одъ Срезнѣвскога.)

Ево є већъ тридесетъ година, одъ како нико неспомену Славене; двадесетъ година сурваше се у пучину неповратка, — и редко писа когодъ што о њима; десетъ є година — и редко проговори когодъ што о њима. — Садъ пакъ у деветъ градова Европе отворише се катедре за слушатељ славенски прочитавања, и широко полѣ указує се изображеномъ испытателю, кадъ позорльивый погледъ на Славене баци.

Шта пакъ могу ови слушательи одъ свои префессора поискивати? Пао бы у блудню свакій онай, кои бы мысліо, да професеоръ може своме слушателю само голымъ осмотреніемъ славенски литерарны дѣянія удовлетворити, онъ неће ни себе, а іоштъ манѣ своги славенскогъ слушателя задовольити, кадъ само литературу у смотреніе узима; онъ ће увидити, да му є нужно позоръ на производе народне литературе управити, а да бы исте познао, мора єзыкъ народный и нѣгову простоту испытати; да бы познао народность у књижеству и говору, мора народъ, нѣговъ характеръ, нѣгове нрави, мѣсто обытаваня и нѣгово знанѣ точно изучити; да бы пакъ познао све ово у своме повременомъ развитку, а и утицай овога на дѣланѣ народа, мора прошлость и старину нѣгову провидити. — Филологія, етнографія и исторія очекую іоштъ своє мѣсто у славенскимъ прочитаваняма.

Ако Славенину и ніе нужно грамматику сродногъ нарѣчія у свему пространству, као страны єзыка испытивати, то опакъ мора онъ свойство и духъ говора славенскогъ, нѣговъ развитакъ у свима нарѣчіяма схваћати и познавати, мора овогъ характеръ сравнявати, мора славенске звуке хемически раздробити и разлучити, рѣчи као союзъ звукова за поставленіе мыслій анатомически разчленити, и начинъ словослаганя, као єзыкоизображенъ мыслій, философически докучити; и мора ій изъ живогъ єзыка, а не изъ стары споменика испытивати. Многостручный га посао изчекує; но Добровскій и Шафарикъ, Востоковъ и Капитаръ, Линдъ и Павскій олакшаваю му труде.

Єзыкъ є споменикъ живота народа, нѣговогъ изображенія, нѣгове душевне снаге, нѣгове народности; но на испытаніе само тога онай се ограничити може, коме друга средства оскудѣваю, да може народъ познати. Самъ єзыкъ доводи къ пытаню: „како є живило кодъ народа то, што се данасъ на єзыку показує?“ Онъ дакле самъ знаню народности подиже цѣну. Славенскій испытатель мора се дакле обазрѣти: а) на физическо изображеніе народа, на тѣлесный составъ и видъ, физіогномію, темпераментъ, тѣла и живота снагу, у кратко на све оно, што правый характеръ народа, као єдне массе лица, фамилія и родова сачинява; б) на развитакъ трговине, на физическо быће народа, на нѣгова обыталишта, одѣло и рану, на нѣгове обычає, економическе послове и заниманія, занате и трговину; мора се обазрѣти в) на нравствено изображеніе нѣгово, на понятіе о Богу, природи и човеку, о нѣговимъ дужностима и правама, о нѣговомъ фамиліарномъ животу, и о нѣговой народности, и на сполящности овы представленія у вѣри и заведеніяма, у нравима и обычаима, у књижеству и художеству; онъ се на послѣдакъ обазрѣти мора и на дружевно изображеніе, на обычна и свеобшта заниманія народа, на нѣгово одношеніе къ праву и правителству, на нѣгова дѣла, као єдиногъ неразлучногъ лица. Ко то све незна, неможе народъ познавати, и Славенинъ, кои на полю своє єдноплемене браће испытанія чини, заиста ће се при овомъ кругу знаня дуже задржати и позабавати него при икоємъ другомъ.

На конацъ исторія ће му обѣлоданити то, што є онъ као литераторъ, филологъ и етнографъ испытао и изкусіо. Истина є, да испытаніе на полю исторіе и народности Славена ніе тако лако, као ученѣ Славенске литературе и нѣны нарѣчія; истина є, да дѣла Шафарика и Маціеіовскогъ, Енгела и Штриттера, Карамзина и Наручевића, Снѣргирева и Голембіовскога и други, саме су монографіе; ал' опетъ зато доста олакшаваю труде испытателю, а што у ньима ненађе, то нека богатствомъ свога собственогъ искуства попуни.

Литература, филологія, народность и исторія Славена єсу предмети, кои позорность новіи Славена на себе привлаче; и свему овоме посвећую они своє домаће послове, све ово изъ славенски прочитаваня хоће да изкусе? По себи се разуме, да професеоръ само Славенинъ быти може, о своіой єдноплеменой браћи извѣштенъ, и то не изъ самы књига. Измећу

досаданьи 9 професcора четворица су Руси, двоица Поляци, єданъ Чехъ, єданъ Словакъ и єданъ Лужичанинъ. У колико они своме дѣйствованя кругу одговараю, ако обшты билѣжака о методу поєдины професcора и нема, може се изъ слѣдующегъ увидити.

Године 1838. држао є само Качеповскій у Москви славенска прочитаваня. За Москвомъ слѣдовао є Паризъ и Пожунъ, овыма Берлинъ, Вратислава, Липиска, Казанъ, Петрбуръ и Харковъ.

У Пожуну и Вратислави учяпище славенска прочитаваня великій напредакъ, тамо се слушательи любавлю къ ствари, а овде ученосћу професcора плѣняваю. Ал' опетъ недостижу савршено свою благородну намѣру нит' овде, нит' тамо, почемъ се изключително на филологію и сравнителный прегледъ славенски нарѣчія ограничаваю. Истина Челаковскій у своимъ прочитаваняма нешто и исторію и литературу Славена уплеће, но опетъ се види, да ће филологія нѣговъ изключителный предметъ остати. — Штурова прочитаваня могла бы се сматрати, као да ко свеобштности теже, и могла бы све, ако ничимъ, а оно своимъ енциклопедическимъ управленіемъ задовольити; но мѣсто, гди онъ своя прочитаваня држи, ставля му препоне на путъ.

Примѣтити се мора, да сви ови професcори, изузимаюћи єднога, своя прочитаваня недрже у славенскомъ єзыку, ако ій найвыше и Славени посѣћую; у Паризу є Славенинъ Французомъ, у Берлину, Липиской и Вратислави Нѣмцемъ постао. Само у Пожуну слушаю Славени прочитаваня на своимъ матернѣмъ єзыку, на Ческословенскомъ нарѣчію.

Одъ осталы четири професcора читаю за Русе у Русіи: Бођанскій у Москви, Григоровићъ у Казану, Прейсъ у Петрбургу, Срезнѣвскій у Харкову. Њиова славенска прочитаваня имаю, по уредби правителства, исторію и литературу славенски нарѣчія за свой предметъ, ал' опетъ неизключую изъ свогъ садржанія народность ни исторію.

(Конацъ слѣдуе)

НЕКА ЄЛА И ПИЋА, КОЯ СУ ЗНАТНИ ЛЮДИ ВРЛО РАДО ИМАЛИ.

Карлъ Великій преко свега имао є найрадіе печено месо, а особито дивлячь. Торкватъ Тассо быо є великій любитель посластица, тако, да є и салату са шећеромъ єо. Мартинъ Лутеръ піо є найрадіе торгауерско пиво и райнско вино. Меланхтонъ є у своіой младости особито радо имао єчмену чорбу; у Тибингу, гди се учіо, често є давао порцію меса за єдну порцію єчмене чорбе. Иначе є радо єо ситну рыбу, а за месо и велике рыбе ніе нигда маріо; онъ є особито быо умеренъ у єлу. Хенрихъ IV., Краль Французкій, врло є радо. а често и одвише єо школьке и динѣ. Карлъ XII., Краль Шведскій, преко свега є найволіо єсти леба съ путеромъ. Фридрихъ Великій, Наполеонъ и Волтеръ тако су радо каву пили, да већъ нису знали шта є доста. Кребиллонъ млађій радо є єо школьке. Лессингъ є найрадіе єо сочиво. Клопштокъ особито є радо єо грожђе и грашакъ, и райнско є вино найрадіе піо. Шиллеръ є врло радо єо шунке. Маттиссонъ є самъ говоріо, да преко свега найрадіе има грашакъ, пасуль и слано месо изъ саламуре. Виландъ є одвећъ радо єо тестана єла, тако, да кадъ бы му нѣгова супруга одъ таковы што оставила за сутра, а онъ кадъ бы се случайно ноћу пробудіо, догађало се више путій. да є устаяо изъ кревета, да потроши што є остало. Кантъ Философъ, врло є радо єо сочиво погусто скувано, исто тако скуванъ и пашканаћъ са потрбушиномъ, и папулу одъ грашка са свинѣћимъ ногама. Онъ є имао обычай по три сата о ручку провести.

Д. Аврамовићъ.

ИСКРИЦЕ.

IV.

Ніе нашега простога народа руво чисто и танано, али му є душа слободна и у простоти яка. Напіе се сиромахъ вина и ракіе; али піянство гордости малодушне, силнога страха, лажій и новаца горе є и непоштеніе піянство. Нема простъ народъ дворе, али ніе ни постелю свою напуніо нечистоћомъ, ніе кућу отаца свои продао иностранцима. Болѣ є никада неимати, него благо своє бацати у дубльину срамоте; — болѣ є неспомыняти се дѣдова свои, неголи име њиово у гробу погрћивати. Немамо мы спомена, кои бы насъ развеселили, али немамо ни оны, кои бы насъ посрамили. Новый животъ можемо почети, врата будући времена нису намъ затворена. Пѣсме наше пѣваю юначтво и лю-

бавь, наравный духъ у њима живи. Незнаю златна пера онако писати, како яворове гусле гуде. Нележи наша вила у великимъ постељама, кодъ господски трпеза несђи; жедна и гладна трчи она крозъ горе и чимъ се затрчи, тимъ љепша постане, а гласъ њзинъ пуни излази изъ голы и хлепећи прсію. Ніе у нашимъ пѣсмама измышљено и студено непоштенђ; мы пѣвамо дике и жалости наше, а не срамоте живинскога живота. Куће немамо, али имамо породице; отацъ и мати нису іоште имена безъ значеня; онай, кои презире честности човечески душа, правый є варваръ.....

ВЕШТИЦА ИЗЪ XVII. СТОЛЂТІЯ

Мы дођосмо, приповеда Лади Фаншафе, къ Лади О'Брћнъ, наймлађој кћери Грофа одъ Танондъ, гди смо се три дана задржали. У првой ноћи самъ се врло яко уплашіо; кадъ смо у соби, кою су намъ за преноћиште одредили были, већъ до 1. сатъ после поноћи спавали, будемъ напрасно некимъ гласомъ разбуђенъ; и кадъ самъ завѣсу трго, угледамъ при месечини неку жену близу прозора єдногъ, у бело обучену, съ црвенимъ власима и бледогъ изгледа. Она гледаше крозъ прозоръ у собу и рекне тихо, но съ таковымъ гласомъ, кои я до онда никадъ чуо нисамъ, три путъ єдно за другимъ: „Конь.“ — Почемъ она съ єднымъ уздисомъ као ветаръ изчезне, нѣно тело учини ми се више као облакъ, премда ми се пре као човечіе мнило. Я самъ се быо тако уплашіо, да ми се коса на глави дизала, пробудимъ мою супругу, коя є непрестано спавала. Она се врло яко зачуди, што ме є у овомъ положенію нашла, а іошть више кадъ іой приповедимъ, шта се догодило, и отворенъ прозоръ покажемъ. Нико ніе одъ насъ више спавао. Око 6 сатій дође домаћица и рекне намъ, да ніе целу ноћь спавала, будући є нѣнъ стрицъ изъ фамиліе О'-Брћнъ, кога су предци у овомъ замку обытавали, желіо, да при нѣму у соби остане, и кои се затимъ око 2 сата преставіо. Она продужи: „Я бы желила, да се ове ноћи нисте што узнемирили, будући є то у овой кући обычно кадъ когодъ одъ фамиліе смртно лежи, да се ликъ неке жене сваке ноћи на прозору видити дає, докле годъ болестникъ не умре. Ова є жена іошть одъ старіи времена тадашньимъ замка обытельима неку добру надежду свагда давала; она ій є убіяла у њиновой башчи и бацала умртвеногъ тѣло у рѣку, коя исподъ прозора тече. Я недржимъ млого на то, него самъ васъ извѣстити ктела.“ — Мы се по ажемо о овомъ извѣстію добре волѣ и заключимо наскоро одпутовати, пошто є могъ мужа мнѣніе было, да є у овомъ предѣлу већма суєвѣрство овладало, него у Енглеской, и мы се найпосле у томе согласимо, да му є нѣгова превећь жива сила уображенія нешто представила, што у самой ствари ніе было.

Светозаръ Іовановићъ,
Слушатель I. год. философіе.

НАДГРОБНИЦА.

(На плочи.)

Не чуди се, кой гробъ гледишъ,
Што ме покри таме мракъ:
И теби ће потавнити
Живоносный света зракъ.
То є судба свію людій,
Съ тимъ се плаћа земный дугъ,
То сѐ сбыва съ нами свуда,
Да морамо предат' духъ.
Ал' я падо за доброту,
Обори ме народъ клетъ,
Што самъ Уставъ и Правицу
Држат' учіо Србскій светъ.
То помысли и разсуди,
Да самъ смрти пост'о робъ,
Не пролази, но зали ми
Єдномъ сузомъ истый гробъ.

Овде почива Міяило Ђорђевићъ, Маіоръ, бывшій Началникъ Окружія Пожаревачкогъ, рођенъ у селу Крушевици у истомъ Окружію поживе 50. година, пушкомъ убіенъ одъ противника народны 25. Августа 1842. год.
Вѣчна му паметъ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.
Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ЦОДУНАВКА.

№ 33. У Суботу 12. Августа. 1844.

ВЕЛИКОГ ВОЈВОДЕ МИЛОША ОБРЕНОВИЋА ВЕОГРАД

МАЧЪ И ЛИРА.

Бритка ћорда сама проговара
У бѣломе двору юначкоме:
„Ніе мунѣ у руци Перуновой,
„Нит' є стрѣла изъ неба смртоносна,
„Што й мачъ бриткій у десници крѣпкой. —
„Кадъ десница Даворова сине
„Свѣтломъ ћордомъ усредъ поля равна:
„Мыслишъ, побре, да пламенъ огнѣный
„Усредъ поля мунѣ є зажего,
„Што верпге робовске разтапля,
„Изъ верига бриткій мачъ се куе,
„Те ко тица за злотворомъ лети.
„Мачъ є славанъ, и да му є слава! —

То слушала лира яворова;
Ясна лира сама проговара
У бѣломе двору юначкоме:
„Небудали, бритка ћордо свѣтла!
„Већа й слава лире седмогласне,
„Коя сужню одъ слободе гласе
„У срдашце пѣва у пѣсница,
„Пуне милогъ слободе слутеня,
„Докле юнакъ витежкій се нађе,
„Кои ћорду припасати знаде.
„Те кадъ сврши, што му Богъ наручи:
„Тко му пѣва дѣла та витежка?
„Бритка ћорда пѣвати незнаде!
„Тко му носи славу одъ юначтва
„У пѣсници одъ уста до уста,
„И одъ вѣка до вѣка по свѣту?
„Тко бы знао садъ Кралѣвићъ Марка,
„Тко бы славна Милошъ Обилића,
„Да ніе было у гори явора,
„Да се свіе лира яворова,
„Да с' узъ лиру пѣваю юнаци?
„Што бы сѣдый слѣпацъ безъ очица,
„Да нечуе гусла яворовы? —
„Лира й славна, и да іой є слава!

То у двору юнакъ саслушао,
Те онъ паше ћорду позлаћену,
И узимлѣ лиру седмогласну,
Па одлази у войску цареву.
Лиру ясну разигра на полю,
А потегну мачъ огнѣнотъ плама,
Ману юнакъ ћордомъ у десници:
Живымъ огнѣмъ равно полѣ плану,
А на крилы врази одлетише...
Верпге се робске разтопише...
А слободе богиня юнака
Вѣнча вѣнцемъ зелен-ловорике.

Здравъ се юнакъ двору повратіо,
До двора є пѣсну изпѣвао
О юначтву уза лиру златну,
Не о своме, него саблѣ своє.
Слава й твоя, витеже пѣсниче!

Огнь. Острожинскій.

СРБІЯ ЗА ВРЕМЕНА ЦАРА СТЕФАНА ДУШАНА. ЊЕГОВЪ ЗАКОНИКЪ. *)

Првобытне границе старе задунавске Србіе быле су на сѣверу: рѣке Сава и Дунавъ; на истоку: рѣка Морава, Ибаръ и градъ Раса (данашныій Новипазаръ); на югу: рѣка Бояна съ градомъ Скадромъ; на западу пакъ: брда, коя се протежу међу рѣкама Босномъ и Врбасомъ, и одъ извора Врбаса къ ушћу Цетинѣ

*) Изъ могъ рукописа: „Сравнѣніе Законика Цара Србскогъ Стефана Душана Силногъ са найстаріимъ земальскимъ уредбама у Ческой“

до ядранскога или синѣга мора. Сусѣди Срба на истоку были су Бугари, на западу Хрвати. — Цареви бизантійски присвоявали су себи у найстарія времена право врховне владе надъ Србима, коє су ипакъ по окружіяма собствени њиови жупани управляли. Међу жупанима было є неколико „велики жупана," кои су често срећно бранили самосталностъ свою одъ Бизантинаца и други сусѣда. —

Найпосле у другой половини XII. вѣка Стефанъ Неманя, великій жупанъ Рашкій одъ одъ г. 1159, особито по смрти цара Манойла, независнымъ себе учини, и тимъ кодъ Срба оснує кралѣвску династію. Династія ова траяла є у Србіи два читава вѣка и државу свою срећнимъ войнама разширила на югъ и на истокъ. — После Неманѣ, кои се г. 1195 покалуђеріо, владао є сынъ нѣговъ Стефанъ, презименомъ Првовѣнчаный, до г. 1224; за њимъ пакъ три нѣгова сына: Радославъ до г. 1230, Владиславъ до г. 1237, и Стефанъ Урошъ, презименомъ Великій Краль, одъ г. 1237 до 1272; за њиме нѣгови синови: Стефанъ Драгутинъ до г. 1275, и Стефанъ Милутинъ, презименомъ Светый Краль, одъ г. 1275 до 1321; одъ године пакъ 1321 до 1336 последнѣга сынъ Стефанъ Урошъ, презименомъ Дечанскій, отацъ цара Стефана Душана, о комъ ћемо да говоримо.

Већъ Стефанъ Неманя државу є Србску разпространіо на югъ и истокъ, а између наслѣдника нѣговы Стефанъ Милутинъ многе є землѣ отео Бизантинцима и Бугарима. Али найвећимъ освоителѣмъ на престолу Србскомъ, одъ г. 1336 до 1356, было є нашъ Стефанъ Душанъ, презименомъ Силный. — Онъ є, осимъ Србіе, у моћны руку свои држао и читаву Маћедонію, Арнаутску, Тесалію и Епиръ, тринаестъ є пресрећны ратова водіо съ Грцима, присвоіо себи насловъ Цара, сыну пакъ своме насловъ Краля. — Само нагла смрть, усредъ витежкога воеваня, недаде му, да добыє Цариградъ и пренесе читаву грчку државу на Србе. То се догодило управъ оне године (1356), кадъ су Турци найпрво силовито насрнули на Европу.*)

*) І. К. Енгелъ — тай вредный побратимъ Славеногубителя Гебхарда — начертао є овога узвышенога владаоца црнимъ боама — и само у овакомъ обличію досадъ га познае Европа. „Quisque praesumitur bonus" (т. є. о свакомъ се предпоставля да є добаръ) обште є правило, али не за Славене, у ова два превећъ добромыслећа историка. То има свой узрокъ: тимъ лакше є было доказати, да се Славени онда текъ спасти могу, кадъ се понѣмче и помађаре.

У народу Србскомъ овога времена была су четири чина: духовный, племенитый, грађанскій и селянскій. — Само прва два чина уживала су политична права.

Чинъ духовный види се да є кодъ Срба было велике власти, као што є заиста надъ великима иманяма и господаріо. У овай спада'у: єданъ патріярхъ, око 20 митрополита и владика (архиєрея), много игумана, свештеника (попова) и калуђера (монаха).

Племеници, као и у Ческой и Польской, были су двояки, т. є. велики и мали, Србски: властели и властеличити. У редъ први (т. є. велики) спадали су: кнезови (comites), велможе или боляри, и просто властели, међу њима такођеръ гди-гди є рѣчь и о властелу стегоноши (стегоноша = заставникъ, баряктаръ). Властеличити или властеличищи (властеличићи?), были су то, што у Чеха wlàdykowé (слободняци, властници) и dědinnící (баштиници). Спроћу простоте и поданика племеници називали су се пронари, господари.

Царски и земальски чиновници — войнички и политични — безъ сумнѣ су были изъ племенитога чина. Жупани у законику Душановомъ већъ се више ненапоминю, ако се и често ту говори о жупама (малы жупа много є было). Войнички чиновници именовали су се: войводе, краиштници, кефаліє (капетани, поглавари); међу политичнима налазимо: судіє, кнезове (comites), примикиріє (primicerii), владалце, прѣстайнике и челнике. Какова є дужность была последньи, незнамо. — Пре тога, у XII. вѣку, напоминяли су се уобште само десетници, петдесетници, стотници и тисућници. Но у доцніе доба о њима нигди говора нема, осимъ о стотницима.*)

*) Рѣчи ове, за испытателѣ стародавны права, по нашемъ мнѣнію, врло важне, узели смо изъ Г. Шафарика историје Србскога књижества (у рукопису), а такођеръ и изъ Домніанова животописа Стефена Неманѣ. Мѣсто стотника доцніе су заступили, по Луцію, кнезови (comites).

Грађани имали су повластице или привилеје своје већ за времена Душанова, и свуда су били слободни, али безъ сваке политичне моћи. Жители по градовима были су већиномъ трговци.

Люди сеоски именую се у законима меропси (меропси), себри, и отроци. Каква є међу њима разлика была, неможемо садъ ямачно казати. „О меропсима“ свагда се говори као о тежацима или ратарима; „себръ“ чини се да є значило уобште не-„властелина“ или противно „властелину“ или „племенику:“ тако на пр. свакій меропхъ могао є быти себръ, али свакій себръ не меропхъ. Мыслимъ да су „отроци“ были притяжаніе господара и нису се могли преселити куда на другу страну (Hörige, Leibeigene). Осимъ овы поданика находимо такођеръ селяке подъ именомъ покорены народа, као што су: Власи (пастири), Арбанаси (Арнаути), Цакони и Саси.

Законодавство и обштинско управлянѣ землѣ уређивало се свагда на збору (земальскомъ сабору, скупштини, дієти). Овамо долазили су выши духовници и племеници велики и мали. И Душановъ законикъ быо є на такой скупштини, съ приволѣнѣмъ свію, изданъ и потврђенъ године 1349 дана 21 Мая, а по другій путъ г. 1354 незнанога дана.

Надписъ и почетакъ овога законика єсте:

„Законъ благовѣрнаго царя Стефана, вълѣтѣ 6857 индиктиона 2, въ праздникъ вознесенїа господна, мѣс. Маїа 21.“

„§. 1. Сиже законникь постáвлаемь ѿ прáвославнаго сьвóра нáшего, съ прѣосвѣщенным патрїáрхомь Кур Іωанникїемь, и вьсéми архиерéй и црьковники малúми и велúкими, и мною благовѣрнымь царемь Стефáномь, и вьсéми властели царства ми, малúмиже и велúкими.“

Закони, г. 1349 уређени, свршую се съ параграфомъ 135. За њимъ є простый надписъ „Вълѣтѣ (-1354), индиктїонь седмы,“ и безъ далѣгъ погованя одма иде §. 136 до 200. Съ овымъ є конацъ законику.

Г. Шафарикъ у Бечкимъ лѣтописима за литературу г. 1831*) обширно є говоріо о рукописима, у коима се законникъ тай сачувао. — Читатель, кои є радъ што више о њима знати, нека тамо погледа. — Овде у кратко само напомынѣмо, да найстаріи и найлѣпшій, али не подпуный рукописъ єсте одъ године по прилици 1390; наймлађій пакъ, али найподпуніи є одъ г. 1700. — Іошть ређи валя, да є законикъ Душановъ печатанъ Србски у IV. части Раићеве историе, а нѣмачки у Енгеловой истории Србіе и Босне*). Али ово није правый Душановъ законикъ, него неуредна смѣса: ту су ти и нѣгови закони и Властаресовъ правилникъ (т. є. црквено право)! Тай текстъ мора быти посао каквога пукога невѣшта, кои га є іошть и смѣшнима погрѣшкама наружіо. — У „Србскомъ Лѣтопису,“ г. 1828 свез. 3 и 4., стои текстъ рукописа г. 1700, гди су многи листови и членови одъ писара преметнути, и на правомъ мѣсту нису ставлѣни. — Овай важный спомениkъ Славенскога законодавства није дакле досадъ критично изданъ. Такавъ ћемо онда текъ добыти, кадъ Г. Шафарикъ намышлѣна своя „Monumenta Serbica“ печата.

М. Поповићъ.

*) Jahrbücher der Literatur Band 53, Anzeigeblatt, Seite 38 — 43.

СЛАВЕНСКА ПРОЧИТАВАНЯ.

(Продуженіе.)

О прочитаванямa у Казану може се судити изъ предговора, кои є пре краткогъ времена изданъ и одъ окружногъ осмотрителя потврђенъ быо. У почетку упознае професоръ слушателѣ са Славенскимъ колѣнима, почемъ границе њіовомъ єзыку поставля, и поглавитіе историческе догађае изъ њіовогъ живота до 14. столѣтія покаує. Затымъ прелази на кратку теорію Србскогъ, Словенскогъ, Ческогъ, горньо-Лужичкогъ, Польскогъ и Славенскогъ црквеногъ єзыка, и на свеобшта осмотренія, коя међутымъ сравнителну грамматику славенски єзыка заступити мораю. На конацъ показує своимъ слушателима прегледъ Славенске литературе, старе и средњ изъ 14. — 15. — 16 — 17 — 18. столѣтія, и нове, коя представля теженѣ Славена, да осную собствену, изъ живота своегъ изцрпљену литературу. — Признати се мора, да тай планъ много заузима. — Прочитаваня за неко време мораю се прекинути, ако професоръ отиде путовати по Славенскимъ земляма.

*) I. C. v. Engel, Geschichte von Serwien und Bosnien. Halle 1801 in 4. S. 293 — 310.

За прочитаваня у Москви скроєнъ є другій планъ. Професоръ є себи за цѣль поставіо, да све Славене монографически, єдне за другима промотри, и то є почео одъ Чеха. Нѣгова ученость, нѣгова ревность и любавь къ свему, што є Славенско, емствує намъ за добаръ успѣхъ. Нѣгови слушательи особито га похвалюю.

Прочитаваня у Петрбургу по истомъ плану, као и у Москви, уређена су и на четири године раздѣљена: професоръ почиње са прегледомъ южны Славена, съ овы прелази на Чехе и Словаке; затымъ на Поляке и Лужичане; у четвртой години заниматће се сравненіемъ граматике свію Славенски нарѣчія. У єзыкословномъ или филологическомъ смотренію особито можемо одъ нѣга изредна, оштроумна, и строго на достопаметности основана сачиненія очекивати. Међу свима новіимъ филолозима Прейсъ безъ свакогъ противорѣчія прво мѣсто заузима.

У Харкову држе се прочитаваня по истомъ уређеню, ал' сравнителне граматике нема тамо; но на мѣсто ове, труди се професоръ побудити вниманіе благородства за народность и народно књижество.

Берлинъ, Пожунъ, Вратислава, Казанъ, Липиска, Москва, Паризъ, Петрбургъ, Харковъ, већъ имаю Славенска прочитаваня; Дорпатъ, Кіевъ, Нієжинъ, Одеса, Ярославъ, Варшава и Познань, Прагъ и Пешта, Загребъ и Београдъ,*) Бечъ и Лвовъ очекую ій. — Кадъ ли ће се ова очекиваня испунити? — Испунитће се, кадъ се ново Славенско племе болѣ уразуми и изобрази, и кадъ себе самогъ болѣ позна, па ће и разговетно изказати своя теженя и свой духъ.

Но кое є управъ то ново племе? Є л' гомила младића, кои узвышеность и славу Славена, ньіову храбрость, ньіова дѣла, ньіовъ мученическій вѣнацъ у прошлости, и вѣнацъ безсмртія у будућности траже? кои се труде показати, за што се надметати и како обходити, како се препирати и помирити, шта любити, шта ли мрзити вала?... та гомила виче и бори се, поћути за неко магновеніе, и чує се на ново радость, препиранія и борбе хипотеза и ватра ненарушеногъ сна. Съ наукама се ова гомила незадоволява, она се съ ньима занима ладнокрвно, или бѣжи одъ ньи као вукъ одъ замке и гвожћа. Заиста ли ова гомила саставля ново племе Славена?.. Не. Такова гомила є тврда љуска, у кою време скрыва то, што ню у животъ позыва. Оно племе, съ коимъ се новъ животъ Славена започинѣ, невиче, него спомынѣ се свои напредака, неспажи се и ненадима суетнимъ разглаголствама у часописима и своєславіемъ, него се крѣпи помысломъ, да се душевна снага на дѣланѣ свикнути, задржати и развити мора.

(Конацъ слѣдує.)

*) Овде є већъ Г. Др. Янко Шафарикъ почетакъ учинio. Прим. нѣм. прев.

ИСКРИЦЕ.

V.

Твоя небыяше кошуля свилена, Крстителю властный, али подъ оштриномъ вуне гораше племенита душа, украшена танкимъ мыслима. Медъ лужкій (шумскій) рана твоя быяше, а не шећеръ; ништа манѣ, медъ є и оно; као простъ пукъ жалостанъ и онъ є одъ нашега народа. Тврдо и сиромашно питанѣ ніе ти сметало велика чувства. Єръ права крѣпость и сладость права заєдно долазе, заєдно и отиду. Сиромахъ быяше Іованъ светый, али гласъ нѣговъ далѣ є допро, него толики кнезова, насићены са свима радостима живота. Ніе оно што улази у тѣло, него што излази изъ душе могућность є и дика; тко се смѣє, неможе да виче. Ніе Исусъ међу сердарима тражіо крстителя свога, жуљява быяше рука, коя се є подигнула надъ найлѣпшимъ одъ сыпова човечія. Онъ є живіо съ медомъ лужкимъ, живіо є доста, да посрами и неплаши краля нечистога, да види ягањца божіега, да га прикаже свѣту, и да своє име прослави Исусовымъ крозъ царства и вѣкове.

НОВЕ КЊИГЕ.

Искусный земљедѣлацъ Чича Срећко и нѣгови совѣти Србскимъ селяцима у домоводству, земљедѣлію, скотоводству, пчеловодству и свилодѣлію. Одъ А. Николића. II. Свезка. У Бѣограду, печатано у Типографіи Княжестеа Србскогъ. 1844. — *На* 8-ку, *стр.* 148.

Збирка разны полезны предмета. Второ изданіе за годину 1844 *скупіо, превео и у редъ ставіо* Іованъ Петровъ, *Архиваръ и Регистраторъ Суда Окр. Београдскогъ. Трећа часть. У Београду, у књигопечатньи Княжества Србскогъ.* 1844. — *На* 8-ку, *стр.* 155.

Учредникъ Милошъ Поповићъ

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 34. У Суботу 19. Августа. 1844.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА БЕОГРАД

ПОВРАТКЪ ГГ. ВУЧИЋА И АВРАМА.

Србадіо, мила браћо, айд'те сложно у коло,
И Србкинѣ, миле сев, попѣвайте весело,
А невина мала Србчадь,
По горама пастирчадь,
Садъ ми свирке удещайте,
Сложне свуда гласе дайте.

* * *

Некъ с' одъ Саве, брзе Дрине, па до рѣке Тимока,
Око свакогъ Србскогъ луга и найманѣгъ потока,
Умиляти оре гласи,
Да с' веселѣ украси;
Некъ се туга удалява,
И некъ жалость изчезава.

* * *

Нека бѣсне сваке страсти, да ій Србинъ невиди;
Єръ намъ Вучићъ са Аврамомъ изъ Стамбола дооди,
Да насъ каће у єдинству
И любовномъ братинству;
Текъ у слоги браћо драга
Небоймо се никадъ врага.

* * *

Увѣнчана славе вѣнцемъ за Србію Вучића,
Бранителя Србски права, силногъ Марса сестрића,
Тако валя дочекати,
Хвалу Нѣму одати;
Єръ Онъ за насъ млого страда,
Да Србіомъ правда влада.

* * *

Многотрудна, неуморна за народность Аврама,
Играюћи у радости, са умилнымъ пѣсмама
Сложке, браћо, да хвалимо
И вавѣк' га славимо;
За слободу рода свога
Онъ искуси яда многа.

* * *

Некъ се врази сада сраме, када Србинъ диже храмъ,
Изъ свегъ срдца када гради споменике и столпъ самъ,
А на славу Вучићъ храбра
И Аврама предобра;
Єръ су они жертва были,
Горку чашу за родъ пили.

А. Н.

ОКУШАЙ ГОРКЕ ВОДЕ.

Примѣръ убиточногъ любоморства у брачномъ животу.

превео
съ Француского изъ поучителне и забавне библіотеке
Димитріе Матићъ.

Пошто су се вечернѣ молитве у очи Суботе окончале, крозъ стотину врата Соломоновогъ храма у Єрусалиму куляле су гомиле людій полако на полѣ; храмъ є празанъ остао, само се єданъ єдиный човекъ, на стубъ наслонѣнъ у нѣму наодіо, кои се забринутъ и замышлѣнъ видіо.

Богати Индиски штофови, кои су сачињавали нѣгово одѣло, злато, коимъ є исто было украшено, іошъ су угледнімъ чинили нѣговъ высокій стасъ, нѣгово благородно и строго лице и дугу нѣгову сѣду браду.

Онъ іошъ ніе было мисліо оставити своє мѣсто, кадъ се великій жертвоприноситель Ассиръ, почемъ є свою владичну одежду са себе скинуо и оставіо, нѣму приближи, поздравляюћи га овымъ рѣчма:

„Срећный Хофанъ заборавіо є безъ сумнѣ, да га нѣгова млада супруга на вечеру чека?

— Ахъ! заръ сте вы Ассире, одговори Хофанъ, кои се видіо, као да се онимъ рѣчма пробудіо. Моя є жена кодъ єдне своє пріятельице, коя є болестна.

„Нећу васъ више задржавати... одговори Ассиръ, вы ћете безъ сумнѣ ићи, да ню тамо тражите... ако є нисте оставили на младомъ Орфелину, кога сте усынили іошъ одъ петъ година на празникъ Кабанне.*)

— Єсть, я самъ га као сироче изъ човечности усыніо, одговори Хофанъ неповольнымъ гласомъ.

„Реците болѣ: побуђенъ усхићаваюћимъ просбама ваше нове супруге.

— Да шта самъ знао друго чинити, Ассире, настави Хофанъ, као упуштаюћи се у неке несносне мысли. Празници Кабанне бываю, као што знате у єсенъ, у найлепше доба године, кадъ найвише цвећа, воћа и плодова има. Они се светкую, да се прославе зимньи производи, кои су светымъ благословомъ успѣли. У колебама одъ зеленогъ граня и лишћа предъ вратима дома начинѣнымъ, крозъ цѣло светкованя време, у обштости заєдно се съ єлама частимо; дакле бы ли мого у ово време одбити сирото дете одъ глади умираюће, єръ є Аммієлъ было дете?

„Али данасъ ніе више, рекне Ассиръ као равнодушно.

Хофанъ одговори: — опоминѣмъ се, онда є было првый данъ ти торжествены празника; часть є већъ была принешена у колебу. Я самъ се было задржао у дому, да се, као што верозаконъ прописуе, оперемъ, па пошто самъ ово учиніо, пођемъ къ Єзельи, кадъ ми она са сузнымъ очима приступи, говорећи: „Господару ... єдно дете... єдно сироче стои предъ вами вратій; оно є безъ сваке заштите и покровителства!... о! да бы прва година нашегъ брачногъ саюза была посвећена добрымъ дѣломъ, и да бы првый праникъ, кои я славимъ подъ кровомъ супруга могъ, за вашу жену и вашу служительницу было споменикъ великодушне доброте!... Пріятелю, неодрециме ми прву молбу, съ кіомъ вамъ се обраћамъ!... Єзеля є была тако лепа, тако дражестна, кадъ ми є ово говорила, да самъ іой обећао примити нѣно сироче; я пођемъ съ ньомъ у колебу. Предъ прагомъ є стаяло мало дете, коє ми се видило, да ніе имало више одъ дванайстъ година... Я га узмемъ за руку, одведемъ га у колебу, посадимъ га за трапезу и назовемъ га „сыномъ моимъ," а надамъ се, да се нећу због овогъ каяти.

„И я се надамъ, да ће онъ вама место сына быти, одговори ладно Ассиръ.

— Вы то говорите са некимъ особитымъ гласомъ, рекне Хофанъ, на кога се лицу яко руменило, мѣсто обичне бледоће, укаже.

„Но... то є мой обичный гласъ.

— Знамъ я, да сте вы мой непріятель, настави мужъ Єзельинъ.

„Я, вашъ непріятель! повикне Ассиръ као некимъ благимъ гласомъ, кои є сасвимъ противанъ было нѣговой обичной тврдоћи и лукавству; Хофане, я бы мого быти вашъ саревнитель... али непріятель нигда! Чувши да се хвали лѣпота Єзельина, кћери удовице Ширасе, одъ долине Деброна, одкуда є она была, мыслимъ єдиница нѣна, просіо самъ ю за супругу, но было самъ одбієнъ, а вы сте примлѣни. У првомъ тренућу было самъ истина гнѣванъ на васъ, но после реко самъ себи и то ме є утѣшило: за мой покой, за мою срећу срећанъ самъ, што се овай бракъ ніе извршіо... Єзеля има петнайстъ година... (она є имала петнайстъ година у оно време); а я самъ было одъ лепы петдесетъ...

— Я садъ имамъ толико, продужи Хофанъ.

„Єзеля є лѣпа, бриге и године порушиле су моє лице.

— Исто тако и мени, настави Хофанъ.

„Она є умилна, паметна... но млада, неразсудна.

— Ассире!

„Као што смо обично у томъ добу, брзо придода жертвоприноситель, безъ да є при-

*) Овай су празникъ Еврен за споменъ избавлѣнія ньіовогъ изъ Египта светковали. —

мѣтити дао, да є найманѣ узнемиренъ, а я, я самъ любоморанъ... па и завидљивъ —...

— Хофанъ тужно уздане.

„Я самъ имао кодъ себе млада брата...

— А я странца, замумла Хофанъ.

„Данасъ дете, дете одъ тринайстъ година, продужи Ассиръ, кое ће до петъ година осамнайстъ имати... а Єзеля двадесетъ, разлика онда неће быти тако велика; дете ће постати врло лепымъ младићемъ, кога ће плава брада мою седу посрамити и кога ће умилна рѣчь мою можда суровомъ учинити...

— Ассире!... нестрпељиво му прекине Хофанъ рѣчь.

„На кратко, наставя далѣ жертвоприноситель, безъ да се чиніо да чує и види ужасъ, кои се начертавао на лицу супруга, моя бы млада жена сравньивала... и то сравненіе небы служило на моє добро.

— Ассире! повтори Хофанъ дркћућимъ гласомъ.

„А я самъ завидљивъ... я!

— За име божіе!

„А завистъ ће отровати моє дане и ноћи, настави Ассирь безъ икаквогъ узбућеня.

— Ай! садъ већъ дознаємъ, замумла Хофанъ.

„Држаћу да самъ превареньъ.., и може быти да ћу заиста быти...

— Бѣдный! умукни, продере се Єзельинъ мужъ, претећи му песницомъ.

„Та я негоримъ то о вами, одговори Ассиръ, чинећи се, да се чуди.

— Шта, повиче Хофанъ, да се одзивъ исподъ свода храма разлегао; шта! варваре, заръ невидишъ да є свака рѣчь твоя оштрацъ мача, коимъ ми утробу раздирешъ... Ако, као ты нисамь имао брата, я имамъ странца.

„Али може быти, да онъ ніе залюблѣнъ у Єзелю, одговори свештеникъ.

— Ахъ! ко ме о томъ може увѣрити?

„Дакле, вы сте заиста срећни, кадъ нисте любоморни.

— А ко є теби реко, да я нисамь любоморанъ? одговори несрећный мужъ, шкрипећи зубима и држећи се рукомъ за ятаганъ.

„Но вашъ мудрый поступакъ, кому се свакій диви, да я іошъ више, него ико другій, рекне Ассиръ, кога се гласъ іошъ ніе променуо, одкако се разговарати почео; слобода, кою вы дозволявате вашой супруги уживати; повѣреніе, съ коимъ вы оставляте тогъ младогъ Орфелина съ ньоме.

— Повѣреніе, кое ни єдна ни друга страна злонеупотреблява.

„А ко вамъ то одриче? одговори Ассиръ; я заиста о томъ несумнямъ, но...

— Говори, окончай, што си почео, рекне му Хофанъ, увативши га за горню хальину.

„Извините ме што васъ оставлямъ, одговори свештеникъ, гледаюћи, како бы се одъ Хофана ослободіо.

— Вы ме нећете оставити, повикне Хофанъ, држећи га непрестано за горню хальину, вы ћете окончати вашъ говоръ, вы ћете изяснити мени ту рѣчь страну.

„Я ништа незнамъ, рекне Ассиръ, претвараюћи се у найьећу незлобность, я вамъ се заклинѣмъ, и я самъ, као и вы, простъ, повѣрителанъ и заиста я нисамъ одъ оны, кои држе, да васъ ваша жена вара.

— Мене вара! повтори погруженъ Хофанъ, као да се какавъ теретъ на нѣга сваліо! Мене вара!... О Боже Израилскій, разумъ ми се помрачава!... То ће дакле быти истина! Па то ће и другима, као и мени познато быти!

„Немойте се због оваковы злобны разговора печалити; има таковы людій, кои ништа друго нерade, него само разпытую, како ко са своіомъ породицомъ живи; у таковомъ безпосличеню тумараю свакояко, разносећи, да су видили... чули...

— Но ко є видіо? ко є чуо?... повикне Хофанъ, кога зной као зрна спопадне. Я самъ сишо съ ума... Ассире... говорите, или ме єднымъ ударомъ убите... то ће быти одъ васъ право великодушіе.

„Заиста Хофане, одговори ладнокрвно Ассиръ, кои се ніе мого оканути, докъ ніе узбуніо мужа Єзельиногъ, заиста, ніе ни паметно ни мудро слушати и вѣровати загонеткама, кое се говоре. Амієлъ безъ сумнѣ люби вашу супругу, само као жену свога покровителя, као што се люби мати!... а оно є само клеветанѣ,

я се смемъ обкладити, што се говори, да се они ноћу шетаю по терасама.*)

— Та и синоћъ є была, рекне Хофанъ.

„Ал' Амієлъ ту ніє быо безъ сумнѣ.

— Єсть быо самномъ заєдно.

„Е синоћъ, али други ноћій... рекне Ассиръ, као да є рѣчи Хофану у образъ бацао.

— Други ноћій! повтори Хофанъ гнѣвно. Човече, змію или ђаволе, заръ оћешъ да убієшъ мою жену, оно сироче, Амієла, а и тебе съ њима... Ассире, одреци што си изустіо, изчупай изъ мои грудій отровно подозреніе, коє си у њима зажаріо. Смилуй се на мене!

„Ваше смућенѣ срдца ми се коснява, одговори Ассиръ, притискиваюћи му руку са притворнымъ пріятельствомъ. Айдемо къ мени на вечеру... Я имамъ начинъ, коимъ ћемо дознати, да ли васъ ваша жена искрено люби.

— Како? Какавъ є то начинъ?

„Извршеніемъ наши богоугодны употребленія, коя су се скоро већъ заборавила, но коя ћу обновити.

— Каково є то извршеніе?

„Изяснићу вамъ... Айдете само... рекне Ассиръ, узевши Хофана подъ руку и изведе га изъ храма.

(Продуженіе слѣдуе.)

СЛАВЕНСКА ПРОЧИТАВАЊА

(Конацъ.)

Ако ово ново племе своє опредѣленіе іоштъ савршено познало и ніе, то га баремъ жели и тежи познати; до овогъ познанія доћи се може само наукомъ, дѣятелносћу, увѣреніемъ, стрпљивосћу; мирно, но и предосторожно ступа онъ напредъ, погледа безъ страха, али не посве съ прекомѣрнымъ у себе узданѣмъ у будућности, непокорава се вольи и ћуди дружтва, ал' му се и непротиви; оно дружтво оживлява, и то не странпутице, но и безъ насилія; незадає му никакве ране, него іоштъ лѣчи оне, коє дружтво само себи зада. Ово дружтво штеди сваку народность, а съ тымъ и свою собствену цѣну нехотице повышава, како кодъ свои, тако и кодъ страны; оно люби и почитуе у свакомъ човеку човека, и томъ любави равнымъ начиномъ присвоява себи опетъ любавь; оно како своє, тако и противнике пита благороднымъ мыслима, чувствомъ напредка, умѣреносћу и безпристрастіемъ. Оно ніе у гомиле и шкринѣ скупљено, нити раздѣлено на секте и партае, пошто се споляшности нехвата; оно се неограничава на споляшна условія; мрзи на неслогу, нетражи непріятелѣ, но пріятелѣ, не участнике, но явность. Тако є ново то племе Славена створено, пріятно своимъ умышляемъ, яко упованіемъ на промысао, невино и чисто у любави прама свему ономъ, што є велико, добро, право и лепо. Нема никаквогъ Славенскогъ народа, при комъ ово племе свою младость проживило ніе. Нема никаквогъ дружтва, у комъ оно ніе дѣйствовало — не неуредно, и лицемѣрно, не съ коварствомъ каквогъ доносителя и ласкателя, него постепено, отворено, своя разсуђеня и мысли силомъ ненамећући. Ово племе раћа найболѣ поданике, найболѣ слуге отечества, найболѣ извршителѣ закона. Тако є ново племе Славена створено, іошт младо, ал' већъ яко, яко толеранціомъ и стрпљивосћу. На нѣму почива надежда Славенства, у нѣму лежи зрно среће и благостаня две трећине Европе!

Іованъ Марковићъ.

ИСКРИЦЕ.

VI.

Уморена одъ тежкога пута, одъ студенога времена, одъ сладке и небесне болести своє, иде дѣвица млада одъ врата до врата, а нигди ненаће пристанка. Небѣше градъ достоянъ, да се у нѣму роди краль звѣзда. Да бы были знали они богати и охоли, коя ће дика ноћасъ на свѣтъ доћи, были бы отворили свака своя врата сироманици овой, коя се нетужи, непыта, нити проклинѣ тврда срца оны, кои имаю толика мѣста за живину, а човеческу душу пуштаю у нужди и бѣди. Мучаше мати Исусова у тугама нѣзинимъ, како ће у њой мучати мудрость свемогућа. Што више може и више знаде, другима више жели, него себи. Моли сиромашица сама у себи, и нада се, да ће Богъ, кои є толико чудеса у нѣзиномъ пониженю учиніо, наћи мѣста и времена достойна за намѣре своє. Іосифъ кои манѣ трпи, више се мучи, она є као уздигнута у духу любави трудне, и знамениты предвићеня. Тко бы теби реко, Ироде, да ће се поштенѣ кошаре ове више гласити, него двори твои, да ће име овогъ дѣтића благословљено быти на вѣке, а твоє проклето. Вавѣкъ што є слабо и малешно разбія силу тѣлесну и величество.

*) Равница предъ кућомъ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду

ПОДУНАВКА.

№ 35. У Суботу 26. Августа. 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД

НА ДОЛАЗАКЪ

Съ првымъ пролѣтошньимъ парополомъ

ВУЧИЋ-АВРАМОВЪ.

1844.

Србског' свеца наста данъ,
Ликъ є правде свезнатанъ,
Радуймосе свиколицы,
Одговарай срце слицы!
Хай, хой, те у пой,
Иза зноя ето роя,
Докъ є гнята, ето злата,
Ето плуга у средъ луга,
И дрляче, и погаче,
И крагуя, и славуя —.

Србъ є къ слави вѣ' позванъ,
Срба гласъ є одазванъ,
Нек' се мота куд' ко холи,
Съ нам' да живе Срб-Соколи;
Србма урра свим'!
Нейма брата мимо брата,
Камо л' глава брезъ свог' права?
Срба желя мора быти,
Вѣнацъ ће се вѣрным' свити,
Цвѣтъ є врлость, свѣтъ истинность.

Срб-Вучића важный гласъ
Чуће с' топрвь поданасъ,
Свій народа у памети
Аврамъ ће га разніети,
То с' зна и кромъ сна,
Србска дружба есте сродство
Брезсм'ртника свевѣчника
Оба л' ова ев' нам' съ нова
У свем' роду и народу,
Та у Србству, и ришћанству —.

Кликћи Србе докъ си живъ,
Врлый трудъ є наплодивъ;
Богу слава свемоћноме,
Фала Цару милосноме,
Родъ є Србскій правъ:
Драгъ є тайка, мила ї' майка,
Нейма скока брезъ юнака,
Што ћ' живѣти, ал' дивѣти,
То є славно, то ї' остайно,
Срба ї' дійка славе слика —.

У Београду 13 Февр. 1844.

У Суботу Тодорову
Пѣвушнуо пѣсму ову,
Ал' вѣ' нигда тиранину,
Но роћаку свом' Србину —.

Сачиніо С. М. С.

ОКУШАЙ ГОРКЕ ВОДЕ.

(Продуженіе.)

ТЕРАССЕ.

Было є вѣчъ неко доба ноћи, кадъ є Хофанъ, прешавши брзымъ коракомъ еданъ одъ найглавніи сокака Єрусалима, дошо и на свои вратій лупати почео.

Стара робиня оде да му отвори.

„Гди є Єзеля? запыта онъ тако изменѣнымъ гласомъ, да є робиня нѣговомъ лицу свећу подиђи морала, како бы се увѣрила, да ли є заиста то нѣнъ господаръ.

„Гди є Єзеля? повтори онъ.

— На терасси.

„Сама?

— Ніе, Господару, младый є Амієлъ съ ньомъ.

У єдномъ тренућу наће се већъ Хофанъ на терассама, єднымъ само погледомъ све є посмотріо.

Ноћь є была свѣтла и ведра, какове су найкрасніе ноћи истока; тисућу звѣзда свѣтлило є по плавомъ своду неба и ображавале су пратіоце мѣсецу, кои се текъ на оризонту указивати почео.

У єдномъ краю терассе неколико є робиня на асурама сѣдило, а у противномъ одъ ньи краю Єзеля є была безъ покривала и у полу одкривена на душецима посаћена, пѣваюћи тихимъ и умилнымъ гласомъ нѣку духовну Давидову пѣсму. Амієлъ є сѣдіо поредъ нѣ. Єзеля се пѣваюћи смѣшила и видило се, као да є неку радость налазила на узбућеню, коє се читало на лицу младога Евреа.

Кадъ су усмотрили Хофана предъ собомъ, ни єдно одъ ньи ніе се макло са свога мѣста: Єзеля є продужила свою пѣсму, а Амміелъ ю є слушао. При свемъ томъ, кадъ млада Еврейка усмотри на свомъ мужу као неко стресанѣ, подигне къ нѣму очи и опазивши на нѣму неку ладноћу и озбильность, подигне се горе съ ћутанѣмъ.

— Господару, рекне му, шта є вама? шта вамъ се догодило?

Хофанъ проговори тихимъ и сваку рѣчь мерећимъ гласомъ: „Зашто си оставила домъ твоє пріятельице Рикке пре, него што самь я дошо, да те одведемъ?“

— Господару одговори Єзеля, коіой на то сузе изъ очію полете, вы ми нисте тако заповѣдили, моя є пріятельица задремала, доста є већъ касно было, а и Амієлъ є бio тамо.

„Амієлъ! Амієлъ! повтори Хофанъ, као ублажаваюћи свою гордость; шта є радіо Амієлъ кодъ твоє пріятельице?

На ове рѣчи, коима се она ніе надала, сирота млада и боязльива жена стаяла є као укочена; а Амієлъ почне говорити: „„Отче, видећи да се ноћь приближава, у надежди, да ћу васъ срѣсти, пошо самъ предъ васъ и предъ Єзелю; дошавши къ Рекки, кажу ми, да вы нисте дошли, и мыслећи на то, да сте вы овде кодъ куће, ускорили смо я и ваша жена, да васъ овде нађемо.

„Вы сте обоє рђаво учинили, одговори намргођеный Хофанъ.

— О Боже! рекне Єзеля, коя ніе могла летеће сузе своє више зауставити; Господару, я васъ молимъ... опростите... но я нисамъ знала, да ћу тиме васъ разгнѣвити.

Хофанъ помысли, да му се, ако жели истину докучити, валя претварати и прикриваюћи као подъ спокойнымъ видомъ подозрѣніе, коє му є срдце распиняло, сѣдне на душекъ поредъ своє жене, єдномъ рукомъ счепа є за нѣну руку, да ю себи ближе привуче, а другу іой баци преко виткогъ и поносногъ стаса, по томъ ставивши свою руку на нѣно просто и искрено срдце, да бы му свакій ударъ истолковао, окрене се Амієлу.

„Сыне, рекне му, ты имашъ осамнайсть година.

„„Съ последньимъ мѣсецомъ навршило ми се осамнайсть година, одговори Амієлъ, тражећи смысао томъ нѣговомъ пытаню.

„Знашъ ли ты, да ниси више дѣте, Амієлу! и да є срамота за тебе, да тако великій и крѣпакъ проводишъ време са женама?

„„А шта оћете да чинимъ отацъ? одговори пунъ жалости Амієлъ: я самъ сирота, коя у цѣломъ свѣту никогъ другогъ немамъ, осимъ васъ... и Єзелѣ... дода, гледаюћи младу жену, коя се умилно на нѣга смѣшила.

Хофанъ іой на то тако яко руку стисне, да є сирота вриснула; и онъ безъ да є хтѣо то примѣтити, наставіо є Амієлу: „Ты си човекъ и то човекъ, кои ниси радъ излагати се презрѣнію.

„„Да є ратно време, я бы служіо... но краль Израилскій живи у миру.

„Како у миру, тако и у рату, држава потребує войника; одговори Хофанъ озбильнымъ гласомъ.

„„Я васъ разумемъ господару, рекне сироче гордо.

— Заръ вы оћете, да Амієла войникомъ учините, повикне Єзеля.

„Ты ћешъ дати твоє мнѣніе, кадъ се будешъ пытала, одговори Хофанъ.

Дубоко ћутанѣ, кое є на то слѣдовало, разпростре се чакъ и на поиздалека сѣдеће робинѣ. Хофанъ ту тишину прекине овымъ рѣчма:

„Езешіелъ, Капетанъ воинства, мой є роћакъ и пріятель; онъ ће те у брой свои войника примити, а я ћу те нѣму препоручити... Амієле, сутра ћешъ одлазити.

— Сутра! повикне неповольно Єзеля, сутра!..

„Па лепо! шта є после? упыта є мирно мужъ нѣнъ.

— Боле ме, Господару, рекне Єзеля спуштенымъ гласомъ, показуюћи као боязльивымъ движеніемъ руке на ятаганъ о поясу мужа нѣногъ задевеный, коимъ є онъ ню притискивао; вы ме притискуєте, повтори она, хотећи се измаћи.

„Стой! проговори Хофанъ тако яснымъ гласомъ, да се одзывъ по терасама разлегао; стой!

Сирота жена, ніє се смѣла више мицати.

Знакъ негодованія мого се примѣтити и на великимъ плавимъ очима младогъ Амієла; хтѣо є одговорити... но уздржао се.

„„У колико сатій имамъ доћи по вашемъ налогу, Господару? запыта, кадъ є већъ покріо быо свое дубоко узмућенѣ.

„У два сата по излазку сунца, одговори ладно Хофанъ.

Амієлъ се поклони и оде.

Садъ се Хофанъ подигне, изда разне заповѣсти своимъ робовима тако страшнымъ гласомъ, да су сви дрктали. Читавъ сатъ по томъ владала є тишина у обыталишту богатогъ Евреа и ни єдно одъ наведена три лица, коя су у томъ живила, ніе могло ту ноћь очію свести, санъ є одъ ньи далеко бѣгао.

(Продуженіе слѣдуе.)

НЕШТО О СРБСКОМЪ ГРБУ.

У 3. брою овогодишнѣ Подунавке одъ 15. Януара стаяло є пытанѣ: „Шта значи на Србскомъ грбу: крстъ, и шта ће рећи она четири писмена илити оцила?“ Я самъ ономадъ у Сланци, на данъ Св. Стефана Краля, т. є. 2 о. м., кадъ є тамо црква славила, случайно смотріо на єдномъ баряку, кои се у цркви налази, Србскій грбъ, т. є. крстъ, али не четири писмена, или као што неки оће, оцила, веће четири млада мѣсеца око крста. Истина тай барякъ ніе тако старъ, да бы се изъ нѣга сама по себи штогодъ извѣстно сазнати или доказати могло, єръ є на нѣму година 1804. уписана; али є опетъ неку мысао у мени пробудіо, коя ми даде поводъ далѣмъ испытиваню и найпосле усади вѣроятность: да ће оно на Србскомъ грбу и быти крстъ са четири млада мѣсеца, а не четири писмена или оцила. То изъ овы разлога: прво и прво, што оно, кадъ бы већъ четири писмена или оцила и была, ништа незначе у себи, а криво бы было потворити наше старе, да су они текъ штогодъ узели у свой грбъ, само да се, каконо гдекои кажу, мѣсто испуни, почемъ є цѣломъ ученомъ свѣту ясно познато, да є свакій народъ некій живый знакъ, као прижежену успомену свое прошлости, свои обичая, и свога народнога значая (характера) задржао у своме грбу. А оцило да су Срби у свой грбъ узели, противно є обштемъ духу хералдике, илити науке о старимъ грбовима онога времена, кадъ су обично сви скоро народи узимали знакове живы или баръ покретны стварій у свое грбове, н. п. одъ какве животинѣ или биля, планета и т. д. На зашто да Срби узимаю оцила за свой грбъ? То бы могли пріе Бошняци учинити, кои више гвожћа имаю; а пытанѣ є іоштъ, єсу ли у оно доба башъ овако и готовили оцила? — Дакле оно на Србскомъ грбу тежко ће быти оцило или писмена. Пре бы я допустіо, да ће оно быти четири млада мѣсеца; єръ, прво: на ономъ црквеномъ баряку у Сланци нису безъ узрока ставлѣна око крста она четири млада мѣсеца — у цркви и у оно доба, гдѣ су Срби съ Турцима у найвећой мржньи живили. — Друго: пре іоштъ, него што су Турци у Европу дошли, употребляваo є нашъ южно-славенскій народъ у многимъ своимъ явнимъ и посебнимъ грбовима младый мѣсецъ, и додавао му кадъ и кадъ и даницу. Тако є младый мѣсецъ съ даницомъ неко време быо грбъ свію Славена на югу. — Треће: нашъ южно-славенскій народъ єдиный є, кои младу неделю и младый петакъ слави іошъ одъ погански, т. є. прехристіянски времена. Тако се у Православной (или болѣ Православской) цркви и данасъ свети водица и кропе собе свяке младине. Четврто: младый мѣсецъ, даница, и млада неделя спомињу и слави се често у народнимъ нашимъ пѣсмама. Може се дакле заключити, да су и стари наши праотци, кадъ су христіянскій грбъ примили, нузъ нѣга и младый мѣсецъ задржали, изъ велике привржености према старымъ сво-

имъ обичаима, као што су се и у истой цркви многи народни обичаи одъ прехрістіянски времена задржали, као састаянѣ и игре кодъ црквій и т. д. То є моє мнѣніє, коме барякъ у Сланци поводъ даде. Ако ко другій друго изясненѣ знаде грба Србскога, нека га путемъ овога листа изявити изволи. Мыслимъ, да ће съ тимъ многима услугу учинити, кои се у послу народне наше кньижевности баве. Я додуше признати морамъ, да колико самъ се о томе извѣстити желіо, нико ми іоште точна извѣстія дао ніє; данасъ сутра требатће свакояко да се баръ учени о томе извѣсте, єръ ће после све тежій и мучніи посао быти, а срамота є у своме быти туђинъ.

П. Ч.

ИСКРИЦЕ.

VII.

Онъ, коме служи зима и пролеће, онъ, кои има подъ собомъ неизбройне хиляде анђела и сунаца, дошао є къ своима, а они га нису примили. За кралѣ невѣрне, куће велике и благо; за мудре варалице овогъ свѣта, хвала и слава; за мудрость вѣчну, за небесну лѣпоту, ништа него ведро небо и хладъ ноћный. Лежи међу животиняма, међу разбойницима умире. А ты човеческа душа малешна, ты се незнашъ претрпити; или се лютишъ, или се изгубишъ. Трпи съ высокимъ пониженѣмъ, съ якомъ сладкоћомъ, трпи да боля дођешъ и найближе Исусовымъ примѣрима; трпи да другій буде болый и срећніи; да туге твоє буду као Исусово спасенѣ душа. Крста любовно грлѣнѣ, поштеніє и могућніє є него мачи, него жезла.

НА ДОЧЕКЪ ВУЧИЋ-АВРАМОВЪ 1844 ГОДИНЕ.

Пламћи, букћи, урра кликћи,
Соб-Народе, Срб-Уставна браћо:
Ево нама Вучића!
Ев' Аврама Србчића!!
Богъ нам' ій є сачуво,
Цари нам' ій враћаю:
Богъ и правда іоштъ свіетомъ влада.

Све л' Србкинѣ, милокрвне,
Развез'те намъ любке ваше гласе:
Оба иста племића
Србкинѣ су дѣтића!
Нигда Вучићъ неумро!!
Вѣчно Аврамъ живіо!!!
Свегъ Народа то є обшта желя.

О Србчадца, о момчадца,
Слож'те шарре, слож'те и пиштолѣ,
Нека пуца све громко,
Да се чує далеко:
Србъ є крыла стекао,
Србъ є славу свиккао:
Благо свима одсада Србима.

Хай Срб-Княже, Александре,
Та ты с' радуй колик' и све Србство,
Оба мужа юначна
Штита су ти челична,
Вучићъ ти є народность,
Аврамъ ти є надворность
Славе дійка, та су оба лійка.

Камо сада, кам' одсада
Сви душмани Вучић-Аврамови?
Носъ у тле су поболи.
Па премрли охоли,
Тек' іош' траву гризкаю,
И прах' землѣ лискаю,
Од' ньи л' єдва ньинъ є и наадъ маньій. —

У Београду 17 Августа.

т. є. кад' су она оба прежелѣна
Србa у Радуєвацъ приспѣла —.

Сачиніо С. М. С.

ШТАТИСТИЧЕСКО.

Сѣверо-Южна є Америка за независимъ проглашена 1776. године. У оно є доба числила 13. држава, и 4 миліона жителя. Сада пакъ брои 26. држава и скоро 15 миліона душа. — Нѣна є величина 10. путій већа одъ француске кралѣвине; двапутъ є пакъ тако велика као цела Европа.

Зора.

ПОПРАВКА.

У пѣсми, у последнѣмъ числу Подунавке ставлѣной: „Нека бѣсне сваке страсти," поправити се има са: „Нека бѣже сваке страсти."

Учредникъ Милошъ Поповићъ.
Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 36. У Суботу 2. Септембра. 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД *

ПѢСНА СРБІИ

ПРИЛИКОМЪ ПОВРАТКА У ОТЕЧЕСТВО

Господе
ВУЧИЋА И АВРАМА

Надъ Савомъ лумбарде к'о громови пуцаю,
Ньим' пушке, ньим' бубньи одзывъ боярскій даю;
Одасвудъ небройна навала людства врви,
Ватрена, весела, каконо на данъ првый
Одъ своє слободе... Ой честита сва буди
Србска отчизно! шта й теб'? на радость тко те буди?

Шта ромонъ одъ трубля, одъ сопѣла, одъ лира
По твоме Славянскомъ воздуху се простира?
И вію с' стѣзи, и изъ прса твои дѣва,
Слаѣана како медъ, нова се пѣсма лѣва?..
К'о ньино срце, пуно любве и младости,
Реко б' да ти земля сва трепти одъ радости....

Да блажена будешъ, Србіо, любовна мати!
Єръ лаворе одъ славе обилно знашъ сипати
Надъ главама сяйнимъ юначкогъ рода твога.
Ето и я, премъ да сынъ дома иностранскога,
Понизный вѣнчиѣъ мой на ньиовъ путъ поставлямъ,
И съ тобомъ ій, майко, у духу момъ поздравлямъ.

Охъ, да црный вихаръ, што бѣше ти небеса
Смутіо садъ се утиша, и тобомъ векъ непотреса!
Да Славянско сунце пречистомъ са сяйности
Твою просвѣтли землю, и сгріе своіомъ топлости!
Ой майко, у скутъ твой скупи све твоє люди,
Братинску слогу и миръ ули іймъ, майко, у груди!

А да проклетъ буде тко првый мачъ подере
И изданца худый, за да твой плаштъ раздере!

У Београду 28 Августа 1844.

Матія Банъ,
Славянинъ изъ Дубровника.

ОКУШАЙ ГОРКЕ ВОДЕ.

(Продуженіе.)

БРЕГОВИ СЕДРОНА

Сутра данъ пре сунца, Ассиръ и Хофанъ одали су лагано по бреговима Седрона.

„Єли окушеніе горке воде безпорочно? упыта Хофанъ.

— Безпорочно є, одговори му другъ млоговажнымъ гласомъ.

„Мой ми разумъ недозволява то вѣровати.

— Могућность є Божія неограничена!

„А ако Єзеля небуде порочна? рекне Хофанъ, као себи самомъ говорећи.

— Онда ће іошъ лепша постати.

„ А ако буде порочна?

— Нѣно ће се тѣло надути, па ће умрети.

„Ассире!... рекне мужъ Єзельинъ гледаюћи подозрельиво по пустомъ простору, по води Седрону, коя є жуборно поредъ ногу нѣговы текла, Ассире, Єзеля треба да умре!... Разумете ли ме?

— Правичность ће се неба испунити.

„Ассире! продужи Хофанъ, вы сте учитель вѣре, но и я самъ; но вы сте свештеникъ, а я нисамъ... ваше слово, за простоту важеће, лишава се свога дѣйствія кодъ мене... Говоримо дакле искрено... и безъ басна... говоримо... но не као првосвештеникъ са незналымъ Левитомъ, но као човекъ съ човекомъ... Да седнемо... но добро разсмотрите, да насъ ко неслуша...

— Па ко ће вамъ другій пре зоре устати, него онай, кога завистъ мори, или кои є сребролюбъ? одговори Ассиръ, сѣдаюћи на єдну непогодомъ оборену кладу.

И Хофанъ сѣдне покрай њега: „Я самь преваренъ, Ассире, рекне му низкимъ гласомъ, я самь преваренъ, моя жена и Орфелинъ любе се... вы стрепите!... они се любе, я то извѣстно знамъ.“

Побѣђенъ смуђенѣмъ, кое му є та мысо проузроковала, онъ мало поћути, па опетъ настави: „Синоћь самь се о томъ увѣрio. Невѣрну Єзелю и неблагодарногъ Орфелина само због тога нисамь єднымъ замаомъ мача умртвio, што тежимъ за осветомъ, коя бы служила женама за примѣръ и утврдила у напредакъ покой мужевима,... я оћу да Єзеля умре... не ноћу убіена, или моимъ рукама удављена, него при свѣтломъ дану, усредъ светогъ храма, предъ Израилтянима... да умре одъ горке воде. Разумете ли ме Ассире?

— Та є вода само порочнымъ женама страшна и ужасна, Хофане!

„Да самь я свештеникъ... она бы была, каква бы я хтѣо да буде, Ассире.

— Пра', кои я мешамъ у ту воду, узима се са патоса храма.

„Тай пра' меша се са згорелымъ разстѣніяма.

— Я приуготовимъ две чаше, єдну за супругу, а другу за супруга Хофане!

„Єдна одъ ти' двію чаша' нека се забелѣжи, Ассире!

Зракъ дивлѣ радости светліо се у очима свештеника... адска мысо чинило се као да му є намргођено строго чело зацрвенила.

— Свака услуга захтѣва награду, рекне онъ ладно.

Хофанъ узме из пояса кесу пуну златица и преда ю Ассиру.

Но пре него што приступимъ дѣлу, одговори овай, оћу самъ да се увѣримъ... заслужує ли Єзеля судбу, кою іой вы преправляте... Я желимъ съ њоме... између четири ока за єданъ сатъ говорити... „вы саняте!

Свештеникъ се дигне.

„Ассиро, рекне му Хофанъ дижући се къ њему, ишти што друго.“

— Ако желите чинити опытъ горке воде, такове... какову... вы... захтѣвате... чуйте ... обратите се комъ другомъ... па се на то удаљи.

„Ассире! вы знате мою тайну.

— Мени є жао господару, што я немамъ одъ моє стране такове, да вамъ ю на узаймно повѣренѣ саобштимъ.

„Ассире! рекне Хофанъ гласомъ као изнуђенымъ, кадъ захтѣвате разговорити се са моіомъ женомъ?

— Кадъ се молитва по обѣду сврши. „Нека буде!“

Па безъ да су се поздравили и єданъ другогъ погледали, разставе се єданъ одъ другогъ.

(Продуженіе слѣдує.)

РУСКА ЛИТЕРАТУРА ГОДИНЕ 1843*)

(По немачкомъ изъ Г. Проф. І. С. Саобштенія.)

Руска литература состои се по већой части у повременимъ списаніяма:

Съ Богословіомъ занимаю се два повремена листа: Неделньій листъ за христіяне; потоме писма светы отаца, коя на рускій єзыкъ преведена періодично у свезкама изилазе.

Философія примѣчава се текъ у првой половини ове године, премда су повремена списанія овде онде понешто о њой излагала.

Наша политика задоволява се съ новинама а юриспруденція (законознанство) съ збиркама закона. У Москви и Петрограду изилазеће новине, сѣверна пчела, русскій изслуженикъ, Одеске новине, доносе намъ политическе новости, Сенатске-и Губерніюмске новине, коє у главной вароши Губерніє изилазе, извѣштаваю насъ о новимъ променама у правителству. Московићанинъ (єданъ повременый у Москви изилазећій листь) чини у отношенію наше недѣятелности єдино изятіє. Законодавству дає се найодличніє мѣсто у Журналу Министеріюма за изображеніє народно и у отечественимъ опоминаніяма.

Съ Историомъ, Етнографіомъ, Штатистикомъ и земљописаніємъ занимаю се осимъ свію наши листова, особито журналъ Министеріюма одъ Надеждина издаванъ, потоме Московићанинъ одъ Погодина. Овде заслужує да се примѣти: збырка стары свидѣтелства и документа вароши Вилне, Ковна, Трока и т. д. Архибазово описаніє Руссіє III часть, историческо описаніє оружія и ношива русске войске, уредно издаваюће се на заповѣсть њиовогъ

*) Изъ друге части Ческогъ Музеума преведено съ русскога одъ Ф. Фумала.

Величества Русскогъ Цара, II часть, Чатковсъ Манайшскій лѣтописъ, Исторія Русске Монархіе одъ Карамзина у III части и т. д.

Теорія и исторія литературе и критике обично се у лѣтописима ради, одъ књига може се у овомъ смотренію єдна єдина: Давидова прочитаваня о литератури 4 часть узети; али и одъ повремены списанія, као: Московићанинъ; Библіотека за читанѣ, отечествена опоминанія, а особито Журналъ Министеріюма за изображеніе народно.

Лепа Литература єсте необходно украшеніе свакогъ повременогъ листа. Овде су особито: Библіотека за читанѣ и отечествена опоминанія. Одъ белетристически дѣла показую се: Полевоя Драмматическа дѣла, Гудосниксове приповедке 2 части; Куколниксова казиваня и приповедке 2 части; казыванѣ за казиванѣ 3 части, Луганскова одпочиненіе войне, ноћный путникъ 2 части, казиванѣ одъ Гроба Сологуба, Козацы одъ Кузмића, Масалскова дѣла 1 свезка, Булгаринова сва дѣла 1 свезка, Курбинскій Князъ одъ Феодоровъ 4 части. У Петрограду изилази: „Даница“ Алманакъ съ украшенимъ образима, у Кракову: „Новъ мѣсецъ.“ У печатньи су преводи одъ Данте, Калдерона, Шакспира, Гетеа; потоме изилази періодично: Списакъ русскогъ позоришта, съ єднымъ споменикомъ иностраны позоришта.“ Налазе се іоште єдне Литерарне новине за лепу Литературу и библіографію.

Іоштъ од преће изилазе 6 музикална лѣтописа. Одъ књига напоминѣмъ іоште: „Образи русскогъ живописаня.“ Толико є само одъ художества кодъ насъ.

О тактики се у слѣдуюћимъ повременимъ списаніяма, као: „Войничке новине за пытомце воєны заведенія,“ „Споменицы морскогъ Министеріюма“ и „журналъ о саюженю путова,“ ради. А періодично изилази: „Предуготовническій войничкій рѣчникъ.“

За наравну исторію постоє: Планинскій листъ, и листови за построєніе шума.

Радиность побуђава се у Журналу Министеріюма за внутрена дѣла, у Журналу Министеріума за правителствена добра, у рукотворнымъ извѣстіяма; у трговачкимъ новинама, у журналу за рукотворство и трговину и т. д. И збырка мапа за музеумъ економическогъ дружтва изишла є.

У смотренію економіе имамо мы: Журналъ за домостроителство и воћняке, Журналъ за коньоводство, журналъ русскогъ союза за пріятелѣ башта, земальске новине, Посредникъ економъ. У Библіотеки за читанѣ и отечественимъ опоминаніяма, налазе се такођеръ економически членови.

На моду се у нашимъ листовима мало обазире. Осимъ што се у листовима за свѣтъ у Журналу Паризке моде, и у Журналу за плетенѣ о њой прилѣжно ради.

Лѣкарія има четири повремена листа: Пріятель здравля, листъ за познанѣ болести и опредѣленіе лека противъ исте; Журналъ за животинску лѣкарію. Одъ књига особито: „Лебедсвово художество рецепте писати, Ирабљява наука о женскомъ тѣлу; Задепинсъ о постнимъ єлама заслужує да се напомене. Поредъ тога изашле су три свезке лекарскогъ рѣчника.

Поучителне књиге изилазе уредно; одъ овы напомынѣмъ: Павловска русско землѣсписаніе у 2 части, поучителна књига за русску войничку Академію, Руска граматика одъ Половскогъ.

И лѣтописи за дѣцу изилазе као н. пр. Звѣздице, и Библіотека за воспитаніе.

Число народны књига расте непрестано. Мы имамо листъ за селяке, издаванъ подъ надзыраніемъ найбольи сочинителя руски; Палевой издае Повѣсти Великогъ Петра а Ламбинъ нѣгове „Живописне прегледе!“

Одъ листова за домоводство именуємъ іоштъ Московићанина, Библіотеку за зиданѣ, отечественна опомынанія, уживатель времена, сынъ отечества, и осветлѣня торонь и т. д. Свакій одъ овы изилази мѣсечно 15 — 35 табака якъ.

Одъ повремены списанія, коя правителство издае, єсу особито: Журналъ Министеріума Изображенія народнѣгъ, Журналъ Министеріума внутрены дѣла, Журналъ министеріума правителствены добара; послѣдный изилази годишнѣ у 6 свезкій. — Желите ли сасвимъ содржанія познати періодичны списанія сазнати, то васъ упућуємъ на журналъ министеріума за изобра-

женіе народногъ, гди су сви повремени листови изброяни и сви отмѣни членови напоменути. Притомъ іоштъ примѣчавамъ, да се у нашимъ повременимъ списаніяма цѣла дѣла, читави романи и драмме и т. д. (као и у Парижскимъ новинама) напечатане налазе.

Светозаръ Іовановићъ.

ПРИЛОГЪ ЗА ИСТОРІЮ СРБСКУ.

У Цариграду 3. Августа 1806 лѣта.

Заключенъ миръ између Царскога Дивана и Србскога Депутата Петра Ичкоглiе Базрђанбаше и прочiе Србскiе Кнезова,

Да имаду давати на годину одсѣкомъ:

	грош.
1. На 20,000 глава порезъ по 18 грош.	360,000.
2. „ 55,000 „ арачъ „ 3 „ одъ сва три колена у Пашалуку Бѣлградскоме	165,000.
3. ђечитъ, т. є. све скеле на Дунаву, Сави и проч.	80,000.
4. Чибукъ, т. є. попаша за овце . .	40,000.
5. За Мукаде, Хати (Малиђане) и Базрђанбашлукъ	55,000.
6. „ Маду, т. є. крвнину . . . . ,	3,000.
7. „ рыболовъ у свемъ Пашалуку .	3,000.
8. „ ђумрукъ Нишевачкiй и Белградскiй	100,000.
На годину свега сумма	805,000.

9. Спахіяма да се плаћа одъ оженѣне главе 4 гроша за годину, и да неимаю ништа друго тражити, ни одъ ушура, ни одъ воденица, ни одъ жира, єдномъ рѣчію ни одъ шта, но само 4 гроша да се скупе и Алайбегу предаду, а Алайбегъ да раздѣли Спахіяма, а Спахіе по селима да неизилазе.

ИСКРИЦЕ.

VIII.

Коме се є приказала у оной ноћи преблаженой свѣтлость и рѣчь анђелска? Ніе дворницима, пунымъ охолости дивіе, нити веселыма у студеной немилости, кои гледаю браћу као стада, него чобанима простымъ. Свѣтлость небесна далѣ сіе него свѣтняци сребрни, него злато око врата нечисты. Ніе сынъ Божій ушао у свѣтъ съ пѣсмама любовнымъ и плесаћемъ, већъ у тихой ноћи чуо се є гласъ Исусовъ и ромонъ анђелскій. Ноћу лѣпше су крила небесна сяла, и слаће звониште пѣсме крозъ повѣтарце мирно. Тако и у понизности болѣ надсѣва свѣтлость сунца, достойность душе.

Али и чобани, ако су хтѣли чудеса нова видѣти, валяло є да вѣрую бесѣдама светымъ, да се потруде, да отиду на сусрѣтъ новини, коя имъ є обећана. Не што су сиромаси зове ій спасъ около своє зибке, него єръ ій сиромаштво болѣ приправля оной дики, да буду дворительи Краля вѣковитога. Звѣзде неба и жалости землѣ видѣли су найпре спасенѣ вѣкова. Достає да желишъ, сиротиньо, величество право; више ће ти га дотећи него є воля твоя.

ПОСЛОВИЦЕ АРАПСКЕ.

Непріятельство између сродника горе є одъ шкорпіонскогъ убода.

Найпакостніи є онай човекъ, кои помаже свирѣпомъ у свивѣпствованю, или кои се оружа противъ невиности.

Благодѣянія и онда су користна, када ій чинимо куряцыма.

Болѣ є умрети, негъ сироти лебъ отети. —

Соо богатства милостинѣ су. —

НОВА КНЬИГА.

Голубица съ цветомъ књижества Србскогъ, V. 1843 *и* 1844 *Григоріемъ Возаровићемъ, Књиговезцемъ и Књигопродавцемъ. У Бѣограду, у Књигопечатньи Княжества Србскогъ. — На* 12*-тини, стр.* 351.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 37. У Суботу 9. Септембра. 1844.

ОПРОШТАЙ ПѢВЦА СЪ РОДОМЪ.

Изнемогле осил'те се груди,
Рѣчь ах! єдну, єдну іошъ изустит',
Рѣчь мом' роду, люблѣном' потомству;
Сабери се и ты справный душе,
Справный душе, за предѣле друге,
Гди вѣчите царствую дивоте,
Ах! ал' сладке гди престаю свезе;
Сабери се, родъ те твой позыва,
Одзови се, и у нѣжне гласе
Преобученъ, опрости се навѣкъ.
Съ Богомъ, съ Богомъ, ты предраго Србство,
Непрели се ни у чіе стадо!
До последнѣгъ изданка на свѣту
Поноси се тимъ именомъ дичнымъ,
После Бога, том' с' имену кланяй;
И кадъ царство и народно право
Повѣстница буде ти одрекла,
Самъ ко бисеръ у пучини мора
Твоимъ зракомъ туђе слави царство,
Твоимъ зракомъ народъ дичи страный,
Престанешъ ли твое носит' име
Кано бисеръ, когъ уништа пламенъ,
У туђинству да ти нема трага.
Свѣтли, блистай, честь имена храни,
Нестане л' га, некъ и тебе нема,
Праведна ће повѣстница име
Твое счислит' саздвѣздію неба.

К. С Поповићъ.

ОКУШАЙ ГОРКЕ ВОДЕ.

(Продуженіе.)

СЪ БОГОМЪ ОСТАЙ.

Чимъ се данъ указао, младый Израилтянинъ Амієлъ нађе се у дому Хофановомъ са Єзельомъ.

„Брате мой!

— Сестро моя, говорили су падаюћи єдно другомъ у наручія.

„Амієле, треба све одкрити момъ мужу, рекне плачући млада Еврейка.

— Нигда! сестро, одговори рѣшително Амієлъ... Послушай ме, па ћешъ се и ты на то склонити... Нашъ отацъ полазећи, одъ оногъ доба има већь десетъ година, на дальный путъ, са кога се ах! нигда више ни вратіо ніе, повео є и мене собомъ... Неко време по томъ, мати наша разуме, да є лађа, на коіой смо се мы на море навезли, заєдно съ нама и цѣломъ робомъ међу таласима морскимъ пропала... Я самъ све ово подробно дознао одъ старогъ Иліе, нашегъ роћака... Послушай, сестро, шта самъ іошъ разумео. Смрть нашегъ бѣдногъ отца, ніе ни мало срећу нашу изменула; кадъ си была за удаю, млогобройне су се прилике за тебе указивале; наша є мати одъ свію две изабрала: жертвоприносителя Ассира и Хофана, човека найчестнієгъ и найбогатієгъ у цѣломъ Єрусалиму. То є особито, да є мати наша онога, кои є само на миразъ гледао твой, то єсть Хофана другомъ предпоставила. Она се съ тимъ изборомъ тако поносила, да се за срећну држала, што є Хофана за зета добила, да му є сво иманѣ своє обећала. Међутимъ, слушай добро Єзельо, моя мати, она иста, дознала є, да я живимъ, да ме є єданъ морнаръ наше лађе избавіо одъ утопленя... знала є, да одъ оногъ блага, коє є она была твомъ заручнику обећала, половина мени припада... Но она плашећи се Хофана извѣстити, да є свога сына нашла, како се небы заключена брачна свеза раскинула, ... убила се. Твоя се удадба потомъ извршила, и ты си дошла твомъ супругу овамо у Єрусалимъ...

„А ты сиротицо, рекне Єзеля, бацаюћи своє нѣжне руке око врата младогъ Евреа, и лепећи устне своє нѣговомъ челу, ты сирото дете, почемъ си се вратіо у долину Іозафатъ, тражећи свою майку, своє благо, ниси ништа друго нашо, него оно писмо Иліи нашемъ повѣрено... Ах! дай ми, да га іошъ єданпутъ прочитамъ, Амієле, да ме оно укрѣпи противостати жељи, коя ме мучи, да све оно изкажемъ мужу момъ, да іошъ єданпутъ чуємъ последню желю майке моє, како бы се већма одважила, истой повиновати се.

Потомъ, узевши изъ руку Амієловы пергаментъ, кои є овай извуко изъ свои нѣдара, баци очи на нѣга, и почне га ясно читати:

„Сыне мой, кадъ дођешъ подъ кровъ дома, у коме си се родіо, нећешъ наћи ништа друго у нѣму осимъ просбе, просбе умируће матере твое, коя те моли, да іой необезчестишъ споменъ; просбу матере, коя има нешто изказати, коя има опрошгтай искати, но коя никако неће, ни у гробу, да предъ другимъ, него предъ своимъ сыномъ, црвени и коя неће никогъ другогъ за опрошгтай да моли, него свога сына... Илія нашъ роћакъ, казатће ти обстоятелства, коя су предходила удаи твоє сестре. Кадъ самъ Хофана увѣравала, да никакво дете више осимъ Єзелѣ немамъ, онда самъ лагала... Я самъ разумѣла, да ты іошъ живишъ... При последнѣмъ часу мога живота та ме лажъ мори, єръ ко зна неће ли због тога моіой кћери быти пребацано, неће ли чело нѣно црвенити свакій путъ, кадъ ме нѣнъ мужъ буде обтуживао, да самъ га преварила?“

„Дакле, сыне мой, ето просбе, кою ти майка твоя изъ дубльине гроба подноси.“

„Ты ћешъ отићи твоіой сестри, ты ћешъ ньой све ово саобштити и молити ю да ћути, мене ради, спомена могъ ради. Ты си мужка страна Амієле... ты ћешъ радити и Біожомъ помоћу опетъ она блага, као што се надамъ, кои самъ те я лишила, набавити... О сыне мой ... да те Богъ Израилскій одржи, и да учини, да и твоя сестра съ тобомъ храбра буде, испунити мою последню волю!“

„Твоя мати“

„Ширасъ.“

— Садъ видимъ Єзельо, да валя ћутати, рекне іой Амієлъ, узимаюћи опетъ натрагъ пергаментъ.

„ Ах! одговори Єзеля плачући надъ раменима свога брата.

— Храбрости! дода онъ съ умилносћу, храбрости! Хофанъ, кои незна, какове свезе насъ саединяваю, завиди нашемъ пріятельству, има право, онъ закгева, да я одлазимъ: пре ил' после неморамо ли се разстати?... Бы ли я мого непрестано крозъ цѣо мой животъ остати на терету твога мужа?

„ На нѣговомъ терету! повтори Єзеля гласомъ умилногъ пребацая... та нисамь ли я пре, я на терету, коя...

— Престани! рекне младый Еврей, полажући руку на устне своє сестре, престани, и съ Богомъ!

„ Амієле, послушай ме! Неоставляй Єрусалимъ овогъ ютра, ни овогъ вечера, па ни сутра, сестра те твоя моли, поклони ми іошъ два дана до нашегъ разстанка, да могу себи рећи: Братъ ми є онде, на два корака... могу га видити,... ако оћу...

— Како детиньски говоришъ! рекне іой нѣжно Амієлъ.

„ Неодреци ми!... Обгрли га своимъ сестринскимъ рукама. — Чекай до сутра на вече, буди кодъ храма Давидовогъ... я ћу доћи... или ћу ти послати робиню.

— Добро, то ты обећавамъ. За тимъ се одма изтргне изъ нѣны наручія... усмотривши своегъ зета.

— Опростите нашимъ сузама и опрошгтаима, Господару, проговори младый Еврей са нѣкимъ пунымъ туге узвышенѣмъ... Єзеля є за мене сестра и я самъ ньой дужанъ благодарити на ономъ покровителству, коє сте вы мени сирочету учинили; она ме є скоро одранила.:. немойте се на ню срдити због нѣне туге и жалости.

„„ Я знамъ, шта треба вѣровати и прашгтати, мой сынко, ладно одговори мужъ Єзельинъ ... Иди и саюзи се са воинствомъ, комъ си приброєнъ... коня ти даємъ, кога си найвећма волео; ево ти три кесе златица, дода машаюћи се за поясъ и исте Амієлу даваюћи.

Аміелъ ніе хтео примити... но на знакъ своє сестре узме.

— Сада, господару, рекне онъ Хофану, овай поклонъ примамъ одъ брата. Потомъ боєћи се свакога тренућа, да га сестра неизда, стисне руку Хофану, баци нѣжанъ погледъ на Єзелю и хитро се удали.

„„ Садъ смо сами, замумла затврдлый Хофанъ, узевши свою жену за раме, да є одвуче у нѣну собу.

(Продуженіе слѣдуе.)

ТУГА

За врлымъ Србиномъ Светозаромъ Божковићемъ, умршимъ у цвету младости своє у Сремской Митровици 23 Юлія ове године.

Да тужны за Србство вѣстій*)! Да Србска прса люто раздирући гласова! — Поредъ читавогъ реда немиломъ судбомъ у брзо покошены преодличны млады Срба, коє Србство због врлине ньине нигда прежалити неће, ето намъ на горку тугу нѣгову и Божковића на свагда неста, ето га у пролећу за благо Србства дѣятелногъ живота нѣговогъ, кадъ є текъ срдачномъ оданосћу своіомъ напредку овогъ помагати почео**) — ненаситима смрть у своя камена обятія одъ Србства, тежко опечалѣны родителя, брата, сродны, пріятеля и познаника отрже. — Ах! тежкій ударъ за ударомъ ево погађа Србска срца, драгоцѣне и непрежалиме за Србство жертве падаю у указану имъ свирѣпомъ смрћу ништоћу. Србскій є 'оризонтъ потамніо одъ тежки туга за своимъ нигда незаборавимимъ любимцима; прекомерна тужня уцвелѣны родителя разноси се по целомъ ожалосћеномъ Србству, писка уцрнѣны матерій раздире срца свакогъ слупаюћегъ; єдна оплакуе одтргнуто одъ нѣ любимо чедо своє земльи предано у Београду, друга у Пешти, Сегедину, трећа у Атини, Бечу, кудъ имъ є драге сынове одвела силна за просветомъ и наукомъ любавь (како бы врло изображени премиломъ роду своимъ одъ веће полze были), и тамо на свагда одъ материнѣгъ погледа ньиногъ скрила; та камено бы се срце на ово скрушило, а како да човечіе, како Србско за своимъ роћенымъ Србомъ да нетужи и неяди! — О тужня є сада мила, и ко ю равнодушно сносити, ко осудити може! —

Ах! бедни родительи предрагогъ, предоброгъ и нигда нозаборавимогъ покойника, ко ће вашу тугу описати, ко ли ю ублажити? Црна смрти, на овой се жертви крайнѣ свирѣпство твоє показало; єръ си тужнымъ родительима последню утѣху отргла и беду имъ несносномъ учинила! —

Ал' сво свирѣпство ужасне смрти слабо є, преслабо, да добродѣтель врлогъ преминувшегъ Србина овогъ уништи. Опомена на умь нѣговъ, виспренымъ наукама украшенъ, на душу, светой добродѣтельи посве одану, на срце, само за благо и напредакъ Србства, за истинито пріятельство удараюће, при тужной вѣсти престанка быћа покойника*), побудило є опечалѣна друга, да му слабомъ и недостаточномъ речу овомъ врла свойства и родолюбиво име међу Србствомъ, коє є онъ преко свега любіо, у вѣчномъ спомену сачува! —

У Београду 25. Августа 1844 године.

Д. Матићъ.

ЗНАТНИ ПОТУРЧЕНИЦИ ИЗЪ ЮЖНО-СЛАВЕНСКОГЪ НАРОДА.

(Изъ Луне.)

Одъ оно доба, одкадъ се влада и господствованѣ Османа у Европи укрѣплявати почело, Османско царство никоме другомъ толико за свою сталность, свою силу и величину благодарити нема, колико онымъ несретнымъ Южно-Славенскимъ народима, кои се обыталишта, одъ Аустрійске границе починюћи, до црнога мора и мале Азіе простиру.

Кадъ су Славенско-Бугарско и Србско кралѣвство (због унутрашньи распра и споляшне вѣроисповѣдне политике) Турци разорили, и

---

*) Види 62 брой Србски Пештански Новина, гди є смрть покойникова родолюбивымъ перомъ описана. —

**) Покойниковы є врлы прилога печатано у Србскимъ повременимъ листовима; извѣстно іошь и неизданы има, а чему бы се Србство у напредакъ одъ нѣга надати имало? —

*) Свршіо є нормалне Србске и Немачке школе у месту роћења своґъ Митровицн. Гимназію у Сремски Карловци, Философію у Сегедину, све съ особито одличнымъ успѣхомъ, а у другой години Богословіе затекла га є смрть.

съ Босномъ херцогство Зенту и Раму, и велику часть Хрватске, Далмаціе и Славоніе освоили, прво и прво употреби Мухамедъ II. у Мухамеданце преобраћене потомке стары преторіяна опетъ на исте оне намѣре, кое є некадъ Римъ чрезъ исте постизавао, и съ њима увелича и умножи одъ Орћана поставлѣне потурченичке трупе Јничара (єни-черинова войска), кое су, као што исторія свѣдочи, у теченію времена страхъ и ужасъ Христіяна, и стубови Османскогъ државногъ зданія быле, шта више, о животу и смрти самы Султана рѣшавале. Но опетъ ови Славенски народи нису само као душевно мртва масса точакъ Османске судбине управляли, него су изъ средине њіове отмѣни членови, укрѣплѣни духомъ и мужествомъ, украшени финоћомъ и мудросћу, постоянствомъ и нестрашимосћу, непосредствено као државници у дивану, у войсци и провинціяма као генерали и префекти државу на врхъ споляшнѣ и унутрашнѣ моћи подигли и одржали.

Све по реду оне наводити, кои су у найновіе време као потурченици найважнія достоинства и найвеће ролле у исторіи играли, ніе овде мѣсто; я желимъ читательнима оне Славене само навести, кои су у време растеня и паданя Турскогъ царства у листовима Турске повѣстнице одлично забилѣжени и прославлѣни.

Іошъ подъ Мухамедомъ II., освоителѣмъ Цариграда 1453, (чія є маћія Мара, кћи кнеза Ђурђа Бранковића, као и нѣгова друга супруга изъ Србіе роћена) быше велики везири: мудрый Мухамед-Паша родомъ Србинъ (1467), Изак-Паша, Бошнякъ (1472), Кедик-Ахмед-Паша Славенскій Албанезацъ (1477) и Капудан-Паша, Бугаринъ, Адмиралъ Турске флоте (1488).

Подъ Баяситомъ II. велики везири были су: Дауд-Паша, Далматинацъ (1497), кои се и данасъ у Цариграду съ похваломъ споминѣ, єръ одъ нѣга добыло є єдно Цариградско предградіе име свое; и Херчек-Ахмед-Паша (1498) одъ славне фамиліе Козачића изъ Херцеговине, кои є за жену имао Фатиму, кћерь Султана Баязита.

(Продуженіе слѣдує.)

ИСКРИЦЕ.

IX.

Богатъ, насићенъ разблудама и лакимъ грѣсима, немысли што ты трпишъ, рибару жалостный, на мору, кадъ ти вода студена накваси горе и доле твое руво сиромашко и уде твое гладне, кадъ огань небесный упали воздухъ кано гвожће разжежено, кадъ вѣтаръ пребацує бродићъ маленый преко разсрћены црны пѣна, кадъ ти после ноћи мука и труда данъ осване и мрежа се празна на край врати. Вавѣкъ туге, вавѣкъ погибели, кано да тко иде свакій мигъ свога живота на рубъ неизмѣрне дубљине. Садъ молишъ жалостанъ Бога твога, садъ га позывашъ съ клетвама немогућима, кое раздиру ране твое. Съ наданѣмъ, любави и ѵзтрпљѣнѣмъ можешъ мирніи быти и задовольніи него краль у постельи своіой. И ученици цара царева, кои су съ рѣчма добыли народе и преокренули свѣтъ, и они быяу као и ты сиромашни, бацили су съ мукомъ великомъ и потезали мреже свое, видећи на мору сада смрть, сада гладь. Али су видѣли и учителя любовнога, кои іймъ є обећао царство ново, и надали су се на рѣчи нѣгове. Можете и вы, неизлазећи изъ станя вашега, ловити душе браће ваше, можете молити и трпити и помоћи оныма, кои су жалостніи одъ васъ; єръ ніе на свѣту човекъ толико слабъ и несрећанъ, да неможе кои путъ туће слабости и несреће упокоити.

НАРОДНЕ СРБСКЕ ПОСЛОВИЦЕ.

(Скупіо Тодоръ Вланѣъ Учитель.)

Кои о єдной ствари само по казиваню уверава се, онъ є решетльивъ, а не чоявльивъ.

Кои види куряка, онъ и виче и невиче за њимъ; а кои га не види, онъ єднако виче.

Кои тера правицу, онъ немузе кравицу.

Єзыку су зуби одъ зла затворъ, одъ добра отворъ, а умъ му є у томъ господаръ.

Ко садржи у себи добродѣтель као жаба длаке, њой є и подобанъ.

Ман' се врага, не терай му трага, трагъ му є рћавъ, можешъ быти грбавъ.

Ко се направи курякъ, тай упадне у мракъ.

Ко курячимъ гласомъ виче, тога и пси гоне.

Ко се прави магарацъ, онъ му носи и товаръ.

У куряка є вратъ дебео зато, што се самъ слуша.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД *

№ 38. **У Суботу 16. Септембра 1844.**

ПОЗДРАВЪ СЛАВСТВУ.

Приспѣ данъ,
И Славлянъ
Да своимъ роду диже гласъ!
Ура! Ура!
Браћо мила,
Обште любве куца часъ!

Садъ вечъ тма
Нема ма',
Славе наше крити строй;
Ко признае,
Славлякъ дае:
Люби Бога и родъ свой!

И вечъ свакъ
Слав-юнакъ
Тамо диже срце, духъ,
Слоге Славске,
Любве братске
Гдѣ се чуе милый звукъ!

Зато нек'
Грми екъ,
Да се ори неба сводъ:
„Живи, живи!
Боже живи!
Нашъ Славлянскій милый родъ!!"

У Пряшови.

Іованъ А. Илићъ.

ОКУШАЙ ГОРКЕ ВОДЕ.

(Продуженіе.)

ЛАЖНЫЙ ХАЦІЯ.

Нагнута на предградне мермерне, кои су окружавали терассу око нѣноге дома, Єзеля є гледала на єдну црну точку оризонта; та є точка была торонь Давидовъ, гди ю є по своимъ обећаню братъ имао чекати. У овомъ тіомъ разсматраню, узнемиріо ю є долазакъ єдногъ роба.

„Єданъ хаџія моли се за гостопримство; рекне овай, почемъ се дубоко поклони.

— Нека му се учини, одговори Єзеля, безъ да є очи одвратила одъ оне точке своги смаграня.

Робъ оде, па ипакъ дође.

„Хаџія зактева особеный съ вама разговоръ.

— Гди ти є господаръ? рекне Єзеля.

„На ютреньой молитви, одговори робъ.

— Я непримамъ никогъ у одсутствію твогъ господара, одлази!

Робъ се удали, но мало затимъ опетъ се укаже.

„Хаџія зактева тай разговоръ у име човечества.

— Немогу.

„За име вашегъ живота, коме, вели онъ, прети опасность.

— Окани ме се.

„ За име вашегъ мужа...

— Немогу... Я нисамъ дужна примити тогъ човека, одговори Єзеля, колебаюћи се у нерѣшимости.

„За име сирочета Амієла, дода робъ тишимъ гласомъ.

— Нека уђе хаџія! повикне она напрасно.

Єзеля се покріе покриваломъ своимъ; но текъ што є очи бацила на пришелца, кои є

было къ ньой доведенъ, измакло іой се изъ уста име Ассиръ.

„„Кћери Ширасова, супруго Хофанова, прослови свештеникъ, я имамъ съ вама безъ сведока говорити.

Єзеля да знакъ: а робъ се удали.

„Садъ говорите, господару, пробеседи она съ ладномъ важноћу.

„„Кћери Ширасова, рекне Ассиръ, негда є мати ваша мой брачный савезъ съ вама одбацила; она є предпоставила Хофана... богатогъ Хофана... Духъ зависти овладао є вашимъ супругомъ... Сутра ћете быти позвани моимъ именомъ у храмъ и принуђени къ кушаню горке воде.

„Я се исте неплашимъ, господару, одговори Єзеля безъ забуне.

„„Дієте! проговори Ассиръ, приближаваюћи се Єзельи; ты є се небоишъ... и ты бы имала право... може быти... кадъ бы рука Божія ту воду приуготовлявала... но то ће рука човечна чинити...

„Ніе ли то ваша, Ассире?

„„Єсть... то є моя!.. и ето због чега самъ закгевао, да съ вама говоримъ. Потомъ продужи жертвоприноситель нижимъ гласомъ: чуй млада жено, и памти, да ћу я, ако ты одашъ и єдну одъ овы речій, коє ћу ти саобштити, рећи, да ніе истина, и да ти ништа говоріо нисамъ... Твой мужъ закгева твою смрть... и по нѣговомъ налогу, морамъ метути отровъ у чашу, коя ће тебя быти поднешена.

„Безчестный клеветниче! повиче разлюћена Єзеля, дижући се дрктаюћа.

„„Ову кесу? упыта спокойно Ассиръ, вадећи ю иза своїъ пояса, пуну злата... познаєшъ ли?

„То є мой радъ!... одговори умукнута Єзеля.

„„Ово є награда за твою смрть! рекне свештеникъ скривенымъ гласомъ.

„Єзеля покріе лице своє обема рукама и стане плакати подъ покриваломъ.

„„Но, ако ты оћешъ, то ће быти награда за смрть твога мужа.

„Несретниче! повиче Єзеля, повлачећи се натрагъ са ужасомъ.

„„Чуй, продужи жертвоприноситель; сутра при обреду (церемоніи) бытће две чаше приправлѣне, єдна за тебе, а друга за твогъ мужа: у єдной одъ ти бытће отровъ... Обећай ми се, да ћешъ быти моя жена... за єдну годину и єданъ данъ... па ћешъ остати после овогъ окушая лепа и чиста... као што и єси заиста.

Потомъ, кадъ є видіо, да Єзеля ніе могла разумѣти смысо ти рѣчій, додао є онъ:

„„Шта! заръ незнашъ, да ће, ако ты попієшъ чашу безъ отрова, твой мужъ ону другу са отровомъ попити, и да ћешъ ты тако сутра на вече быти удовица?

„Безчестный! повикне му она, као при разстанку.

Пре него што є Ассиръ увидіо, на кою є страну млада Єзеля отишла, указао се робъ са заповѣћу одъ своє госпоће, да овай одма истогъ тренућа на полѣ одлази.

(Продуженіе слѣдує.)

ЗНАТНИ ПОТУРЧЕНИЦИ ИЗЪ ЮЖНОСЛАВЕНСКОГЪ НАРОДА.

(Продуженіе.)

Подъ Солиманомъ Великимъ, и нѣговымъ сыномъ Селимомъ III. по већой части были су толмачи, посредственици свію дипломатски дѣланя, као и посланици при Аустрійскомъ двору сами южни Славени због тога, што є у оно време кодъ Порте Славенскій єзыкъ у цѣни быо (Види Даницу Хрватску 1843 Ч. 4.) Велики Везири были су онда: Рустем-Паша Хрваћанинъ 1539. Овай є кћерь Великогъ Солимана, тада великій утицай при двору имаюћу, Мирмалу за жену, и сына Мулу Хуссеина имао, кои є у Турскомъ єзыку сатирске стихове писао. После нѣга дебелый и разборитый Али-Паша, Далматинацъ изъ Брацце 1565. Другій Али-Паша изъ Херцеговине и найвећій Везиръ Османскогъ Царства (као што га Хамеръ называ) Мехмедъ Соколовићъ Бошнякъ, подпора дивана и бывшій зетъ Селима Султана. Онъ є мудросћу и моћу своіомъ самъ чрезъ читаво владанѣ Селимово знаке приближаваюћегъ се пада Османске државе прикривао, и подъ три Султана найклизавіе и найопасніе измећу свію достоинства достоинство „Великогъ Везирства“ одправляо. Онъ є имао два сына Хассана и Ибраима, прьый є быо кодъ двора

везиръ а другій коморникъ. Имао є такођеръ и єдногъ унука Мустафу Соколовића, кои, бывшій намѣстникъ града Будима, 12. година храбросћу и великодушіемъ, зиданѣмъ и уређиваняма по сведочби источны повѣствователя, као найвећій измећу Турски намѣстника сматрати се мора, кои су икадъ Унгарску и Будимъ управляли. У исто време были су адмирали: Піяле, сынъ єдногъ Хрватскогъ ципелара, и зетъ Селима Султана; и Синан-Паша, Хрваћанинъ и братъ Паше Рустема. После тога были су везири и то Хрваћани: Ферад-Паша, Ахмед-Паша, овай се 1524 год. у Каиру за Султана прогласи, и освоитель Емена, Синан-Паша, Бошняци Мустафа-Паша, юнакъ на граници, Хозреф-Паша, Яйлакъ Мустафа-Паша, Салъ Махомед-Паша, освоитель Ципра. Лала Мустафа Паша, у исто време и намѣстникъ Египта, Мактулъ Мохамед-Паша, Балташи Ахмед-Паша, Ценеби Ахмед-Паша, Темридъ Ахмед-Паша и Жофи Ахмед-Паша, кои є као намѣстникъ одъ Египта подъ Сигетомъ пао. У исто време цвѣтала є у Босни фамилія Яићева. Памети достойно є у исторіи, да су у єдно исто време 4 Турске принцезе за 4 Славенска потурченика удате были: и то оштроумна Мирмала, кћи великогъ Солима и сестра Селимова, удата є была за Рустема; Фатима, млађа кћи Селимова, за Сяву-Пашу, роћеногъ Славонца, и две старіе кћери, Єсма и Геверъ, за Бошняка Мемеда Соколовића и Хрваћанина Піяла, кои су 17 Августа 1562 у єдно исто време сяйну свадбу у Цариграду држали.

(Продуженіе слѣдуе.)

КАКО ЧИЧА СРЕЋКО О ЧОВЕЧЕСТВУ УМСТВУЄ.

Кадъ човекъ какво дѣло читаюћи примѣти, да бы га, за ползу књижества, и одъ туда и целогъ човества, испыту подврћи нуждно было, и неке разпутице и єдностранo умствованѣ, буди у комъ смотреню, умно исправити намѣріо, мора се грдногъ и гнусногъ порока пристрастія, и друге слабости, као живе ватре чувати, и тако управляти, да ни сѣнка оне исправе, какво одношенѣ на личну увреду Г. Сачинителя имати може. Но исто тако и Г. Списатель дужанъ є расудльивымъ и праведнымъ судіомъ быти, и своє мысли съ мыслима примѣтителя сравняваюћи, найстрожіемъ испытиваню и разчлењаваню подчинити, па ако нађе, да є у чему поклизнуо, слѣдователно исправка на своме мѣсту; то онда човечество изискуе, истомъ за нѣгову искреность и правосудіе сваку пристойсть — оддати

Примѣтитель уздаюћи се, да ће се по предизреченомъ савршено владат' умети, и тако кодъ човеколюбивы читателя, а нарочито кодъ Чича Срећка, као почитанія достойногъ землѣдѣлца, у праведномъ виду стаяти, предузео є само одъ оны точкій неке одъ Чича Срећковы совѣта, Србскимъ землѣдѣлцыма даваны, испыту подврћи, коє се не само землѣдѣлаца тичу, него и целогъ човечества или богоподобія. Што се пакъ самогъ предмета, т. є вештине Чича Срећкове у польскомъ прибавоштеденю (економіи) тиче, или: сачинявало дѣло Чича Срећково єдно систематическо цѣло, и т. д. оставлямъ изображеномъ публикуму на разсмотренѣ, и по овоме праведно уваженѣ.

Чича Срећко своимъ тридесетогодишньимъ странствованѣмъ по изображенімъ државама прибави очевидносћу и собственымъ изкуствомъ знанѣ землѣдѣлія и домоводства (колико є наравно нѣговымъ књижевно-неизображенымъ умомъ постићи могао), и кадъ се у отечество поврати и у Белосавце, свогъ роћеня место, приспѣ, гди одъ свои старіи пріятеля іошъ Ч. Янка и Младена нађе, рѣши се землю купити, па словомъ и дѣломъ своє селяне и саотечественике землѣдѣлію и домоводству поучавати. Ово и учини. И пре свега приповеди пріятельима у кратко, гди є за пуны 30 година было и шта є радіо; па се одма лати свога предмета и тако, као найревностніи старацъ, садъ єдну, садъ другу струку польске радиности и домоводства претресати почне. При овомъ претресаню упусти се и о ономъ говорити, што видокругъ (хоризонтъ) нѣговогъ знаня прелази, и што умословне, а не землѣдѣлства науке изискуе, да се како, и гди употреби. Тако читамо, гди о узрастима дѣтиньства говори, стр. 12 свезе I. слѣдуюће: „Човекъ кадъ на овай свѣтъ доће, онъ доће као дѣте, и прво му є станѣ, незнанѣ и немогућность, себи помоћи у дѣтиньству, него се одъ матере неговати и у колевки люляти мора. Другій му є узрастъ дѣтиньства, кадъ научи сѣдити и по пепелу валяти се. — — Трећій є узрастъ дѣтиньства, када дѣте одити, па после проговарати почне, и онда текъ, кадъ му се по мало умно дѣланѣ раз-

віяти започне, у число умны и словесны створеня долази.“ Садъ престане друге узрасте дѣтиньства описивати, но изъ доякошня тря, упыта своє пріятелѣ: у коме сте узрасту дѣтиньства вы? Одговори самъ, утврђаваюћи ій да признати мораю, да се текъ у другомь, т. є. ономъ узрасту дѣтиньства налазе, кадъ се дѣца по пепелу валяю; а то изъ тогъ узрока, што млогима кућице надъ главомъ прокисую, и што немаю на шта (вальда честито?) сести, ни на шта лећи.

Да ово сравненѣ, будући є у свакомъ смотреню претерано, неразчленявамъ, погледаймо на логическій саюзъ и изводъ (резултатъ) предизложены Чича Срећковы израза. Онъ рече, да се дѣцама текъ по трећемъ узрасту дѣтиньства, т. є. по почетку оденя и проговараня, умно дѣланѣ развіяти почне, кадъ и у число умны и словесны створеня долазе. Ово и овоме подобно педагогично-филозофично умствованѣ о узрасту дѣтиньства да є производъ неки стары педагога, истина є; но буди —, оно є за 19 векъ кньижевно-умногъ и Христіянскогъ просвештеня єдностранно. —

Дѣте є оно божіє створенѣ, коє іошъ у самой клици зачетка своґъ, будући є изъ крви и душе богу подобногъ створеня, способъ ума и словесности притяжава. Ова богуподобности дана способность, истина, да є само єдна искрица човечества, као што є и само зачето дѣте, но она се тако степено развія, да човекъ, ако неће у безполезно и сувопарно умствованѣ да се упушта, неможе ни степене узрасте дѣтета опредѣлити, а камо ли рећи, да дѣте текъ по почетку оданя и проговараня у умна и словесна створеня ступи.

Словесность и словесно истина да одъ речи „словити“ т. є „говорити,“ а умъ и умно одъ „умствовати“ т. є. „умети“ долази; ал' зато опетъ дѣте, докъ одити и говорити неможе, изъ числа умны и словесны створеня низврћи несмемо. — Ватра є ватра, па ма како да є мала, а и самой жижки или искри несмемо рећи да ніє ватра. — Кадъ бы пакъ рекли, да є Чича Срећко по овимъ изразима: словесно-словоти, умно-умствовати (коє сумнямъ, да є онъ, као простъ землѣдѣлацъ на ове мысли дошао), због подобности (аналогіє) за умѣстне нашао, и по ньима дѣцу у число умны и словесны створеня опредѣліо, зашто своє пріятелѣ Ч. Янка и Младена, а и остале, кои га слушау, у число безумны и безсловесны стрпа, кадъ су они съ ньимъ заєдно о землѣдѣлію и домоводству умствовали и говорили? Рећи ће се како? Тако као што се нашъ искусный землѣдѣлацъ изражава, кадъ се човекъ своґъ заната недржи и у туће послове меша.

Кадъ човекъ н. п. вѣру єднобожны народа у три реда подели, па првый и другій Чивутскомъ и Мухамеданскомъ, а трећій редъ Христіянскомъ вѣромъ означи, и рекне: само є Христіянска вѣра савршена; то онда значи, да прве две нису савршене. Садъ на изводъ предизреченогъ непазећи, и неиспытиваюћи, єсу ли н. п. Таліянци Христіяни, или нису? рекне: Таліянци се налазе у другомъ реду єднобожны народа, т. є. Таліянска є вѣра несавршена; и то изъ тогъ узрока, што они овай, или онай ружанъ обичай при богослуженію нису поправили. Тако є Чича Срећко, кадъ є текъ трећій степенъ узраста дѣтиньскогъ словесности и умности удостоіо, и тимъ изрекао, да су дѣца првогъ и другогъ узраста безумна и безсловесна, па после на изводъ овога непазећи, своимъ пріятельима рекне: вы се у другомъ узрасту дѣтиньства налазите, т. є. вы сте безумни и безсловесни, и то изъ тогъ узрока, што вашъ рђавъ начинъ живота поправили нисте. —

(Конацъ слѣдуе.)

ИСКРИЦЕ.

X.

Гладне Богъ насити добра, али и гладанъ валя да купи добро своє; и сиромахъ има у себи велико благо, и наученость и предвиђенѣ; може гледати, може слушати, учити може и задржати; и живина учи. Може сиромахъ желити, што є болѣ, може ово пытати одъ Бога и браће, може съ тврдомъ вольомъ слѣдити и напредовати на путу своме Тко ради свакій данъ мало више него тежка нужда заповѣда, онай ће до мало година видѣти сунце радости надъ собомъ. Радимо, вѣруймо, молимо. Яка вѣра умножава ћуди, ублажава душе. Изпразнимо срце одъ недостойны мыслій, мыслимо и за ближнѣ наше; и съ любави и милосрдіемъ расти ће веселѣ наше. Штедимо у дане обилности, иматћемо у потреби за насъ и за браћу. Али онай, кои све радости меће у трбу, страдаће кано живинче, коє тежакъ прода, а месаръ заколѣ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 39. У Суботу 23. Септембра. **1844.**

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ

НА СМРТЬ ЂУРЕ МИЛУТИНОВИЋА ЦРНОГОРЦА.

Єданъ по єданъ падаю юнаци
Времена славногъ... И неће
Никога быт'
Одъ племенитогъ нараштая... Тамный
Гробъ бытће прождро све.

Вай! и за тебе, храбрый Црногорче,
Сынови Србски мораю вѣнце
Мртвачке вит'?
И ты крѣпостій Славіянски стары
Узорный остатакъ бы.

Душа ти велика у простоти, умъ бистаръ,
Поштена и тврда рѣчь, родолюбіе
У срцу твомъ
Чисто, горуће, негасно, како
Сунца єсть вѣчна лучь.

Ты зачу прву ослоћеногъ рода
Радости пѣсну, и ако ниси
Мачъ мастіо твой
У крвь мрзлећу, ако са чела ниси
Таро воєный зной:

Свѣту си показо, да и бѣдный слѣпацъ
Може отечеству услужанъ быти.
Умро си, ал' духъ
Твой у округе задоволянъ уће
Небесне свѣтлости.

Харна на сврху къ правди се приклони
Србія, теръ гласно узвыси племе
На престолъ свой...
Найзадня твоя пожуда на земльи
Са тимъ свршена бы.

Сыну слободне горе, садъ у земльи
Управъ слободной почивай... Олтаръ
Гробъ нама твой,
Гробъ твой и друга твои; изъ светогъ праха
Ваши костію некъ пламъ

Высокъ се уздигне чакъ до неба, и нама
Узсвѣтли, како свѣтляше ноћим'
Огнѣный ступъ,
Народа избраногъ чудноватый воћа,
Крозъ трудну пустиню.

Матія Банъ.

ОКУШАЙ ГОРКЕ ВОДЕ.

(Продуженіе.)

ОКУШАЙ ГОРКЕ ВОДЕ.

Народъ Єрусалимскій стицао се са горећимъ любопытствомъ у храмъ Соломоновъ. Свакій є говоріо са ужасомъ, како є овладао духъ зависти са богатымъ Хофаномъ тако, да жену свою приморава окусити горке воде.

Кадъ су сви поседали люди доле, а жене на галеріи храма, сви су се заћутали, будући є овай окушай, кои се приправляо, быо страшанъ и ужасанъ, и нико се ніе мого уздржати, да незадркће одъ страха за супругомъ тако младомъ и тако лѣпомъ, на кою є бачено подозреніе бездѣлія, надъ коіомъ ће се могућство божіе можда показати тако немилосрдным начиномъ.

Садъ се укаже великій жертвоприноситель; онъ се попне лагано на басамаке до великогъ олтара; ту се поклони дубоко и духъ прибере.

Човекъ и жена слѣдовали су за ньимъ у маломъ разстоянію; човекъ таманъ и усколе-

банъ, чиняше се, као да нескида никудъ очи своє са колача, кои є у обадвема рукама држао, то є био Хофанъ.

Та жена была є Єзеля, коя є ишла съ леве стране свога супруга; она є была сва увіена у велико бѣло покривало, па и скрозъ тогъ дугогъ замотая познавала се нѣна младость и лѣпота.

Воздухъ у храму густъ и тежакъ чиняше се као да є притискивао цѣо сабраный народъ и чиняше се, као да є на челама свію бригу, а на погледима неспокойство упечатіо.

Мужъ, полажући свой колачъ на олтаръ, реко є: „Духъ любоморности овладао є моимъ срдцемъ; я закгевамъ за мою жену, да окуси горке воде.

— Она вамъ є дозволѣна, одговори му жертвоприноситель.

„На тай конацъ, дода мужъ, приносимъ жертву: десету часть полутине вреће єчменогъ брашна, у коє нисамъ уліо ни найманѣ зейтина, нити метао и єдно зрнце кадила; єръ є то колачъ любоморности, колачъ незаборавности, да бы се неправичность ова на вѣкове преносила.

— Жено Хофанова, приступи ближе! рекне жертвоприноситель.

Єзеля учини неколико коракліій напредъ, нѣнъ є ходъ био плашльивъ и колебльивъ.

Црпећи земляным судомъ, великій жертвоприноситель напуни светомъ водомъ две чаше, коє му є принео младый Левитъ. Потомъ на патосу храма скупи пра'а и у два ма'а успе найпре у єдну, па потомъ истымъ начиномъ у другу чашу и метувши обе чаше на олтаръ, приближи се жени Хофановой и ньой покривало подигне.

Гласъ удивлѣнія подигне се у сабраномъ народу на погледъ ове лѣпотице тако бледе и непорочне, и сладко милосрдіе ньой сва срдца придобые.

„„О! милость! милость за ню!““ подигне се вика.

Жертвоприноситель продужи своє тайно чинодѣйство; онъ узме колачъ изъ руке мужа, да га преда у руке супруге и нанесавши своя уста уву Єзельиномъ рекне:

„Іоштъ имашъ времена, саизволи быти моя супруга.

— Никда! повиче обтужена са ужасомъ.

„Єдна одъ две чаше обелоданитће твою невиность, а друга ћете порочномъ показати!

— Ахъ Боже мой! смилуй се на мене, рекне Єзеля, безъ да є што свештенику на нѣгову речь одговорила.

„Реци єдну речь, Єзельо! настави онай, реци само: „оћу.“

— Првосвештениче, одговори му она, сматраюћи га са узвышеносћу и презиромъ, докончай обредъ и нека се воля Божія испуни!

Уздржаваюћи волненіе своє ярости, Ассиръ узме одъ двію єдну чашу и гласомъ, кои є суєтно усилявао торжественымъ учинити, но съ некимъ узмућенѣмъ рекне:

„Кћери Ширасова... супруго Хофанова, ако си, бывши подъ владомъ твогъ мужа, остала чиста и непорочна, буди изузета одъ зла и болѣ ове горке воде; но ако, напротивъ, бывши подъ владомъ твога мужа, ниси остала чиста и непорочна, вода ова, разливши се по твоимъ жилама, нека учини, да ти се тѣло надуне и на парчета распадне... Таковый є законъ любоморности,“ рекне докончаваюћи жертвоприноситель, кои є часъ бледіо, часъ црвеніо траюћемъ изреченію садржая тогъ закона. Потомъ, кадъ є био чашу опетъ на прво мѣсто оставіо, почне утирати своє чело зноємъ обасуто.

(Конацъ слѣдує.)

КАКО ЧИЧА СРЕЋКО О ЧОВЕЧЕСТВУ УМСТВУЄ.

(Конацъ.)

У свезки другой страни 40, гди Чича Срећко савѣтує, да животна мучити и злоупотребляваты неваля, читамо: „Истина Богъ є дао човеку владу надъ свимъ животиняма. — Заръ ніе Богъ и царевима дао владу надъ поданицима? — Али смѣли онъ ньи зато мучити и убіяти, као што онъ оће? Тако є исто и са владомъ надъ животиняма.“ Изъ овы се речи Ч. Срећкова намѣра лако видити може. Онъ неда животиню мучити и злоупотребляваты, коє є врло

лено, будући да то само човечество изискує. Но погледаймо, имали царъ ту власть надъ поданицима, кою човекъ надъ животињама има? и стоє ли поданици спрамъ цара тако као животна спрамъ люди? т. є. є ли умѣстно, за доказати, да нетреба животињу мучити и злоупотреблявати, цара надъ поданицима онымъ суштествомъ назвати, што су люди надъ скотовима?

Царъ да є она особа, кою законъ надъ свима жительима єдногъ грађанскогъ цѣлогъ узвышава, и особиту власть му дає, истина є. Но онъ є опетъ зато човекъ, и ништа друго, него грешный и смртный човекъ, као и остала Богу подобна створења. Нѣга є судбина средствомъ свои сагрђана на тай высокій степенъ узвысила. Дакле онъ є чрезъ сагрђане тимъ, што єсть, а не иначе. Зато и неможе, а и несме, у ономъ увеселенѣ наћи и оно чинити, што се на пагубу и вредъ нѣговы сагрђана односи. Напротивъ човекъ птице ловити, и деца ій по гнѣздама хватати, па ма да є на вредъ птица, (као што є природна стварь) могу, нит' човека зато свирѣпымъ и нечовечнымъ назвати смемо, као кадъ царъ своє поданике мучи. Човекъ и дѣте у овомъ увеселенѣ налази, коє башъ и да ніє на своме месту, опетъ быће животиня прелази. — Дакле кадъ є царъ, као и остали люди, човекъ, и не само, да несме, него и неможе, оно чинити, што човекъ са животињама; то є Ч. Срећково сравненѣ: царъ да є надъ поданицима оно, што люди надъ животињама, такє неумѣстно, да се праведно ово пониженѣ човечества робомъ ума човеческога назвати може. Ово претерано пониженѣ поданика и сагрђана єдногъ владѣтеля и самогъ цара понижава, — и за она времена неку сходность имало бы, кадъ є само єданъ човекъ у држави слободанъ было, а сви остали робови. Али за 19 столѣтіє Христіянскогъ просвѣштеня, особито гди уставъ све житељ єдногъ грађанскогъ цѣлогъ безъ разлике равно заштићава, никако —

На страни слѣдующой, т. є. 41, гди доказує, да животинѣ имаю душу, каже: „кадъ животинѣ небы имале душу, небы имале ни слободну волю.“ — Далѣ за подкрѣпити, да животинѣ слободну волю имаю, наводи: „Погледайте, како се псето влада; кадь га вабите, оно са умиляванѣмъ доће къ вама, вы му претити, а оно боязльиво пузи и пр. Шта є то? Слободна воля или моћь душе.“

Да животинѣ душу имаю, нико о томе ни сумняти несме; али да све оно, што душу има, има и слободну волю, то ће свакій, ове речи „слободна воля“ силу и важность садржая разумеваюћи, не само одрећи, него ће се іошъ дивити и чудити, како є Ч. Срећко смео ово преузвышено и само богуподобномъ створеню дато свойство, скотовима приписати, а и пытати: по коіой є то етики, Ч. Срећко?! — Псето и друго животно, коє само неку ограничену силу памтеня, у смотреню дѣйствія безсловесне душе, притяжава, истина, да кадъ га ко ваби, съ умиляванѣмъ къ нѣму доће, а кадъ му ко прети, боязльиво предъ ньимъ пузи; но зато опетъ несмемо мы, ако робомъ ума човеческогъ назвати се нежелимо, ово свойство, коє човека надъ другимъ животињама узвышава, псету приписати. Єръ иначе или незнамо, чимъ се човекъ одъ скотова разликує, и тако чевечество скотству равно сматрамо, или неразумемо, шта речь „слободна воля“ значи.

Скотови само природне нагоне, свойства и неку силу памтеня притяжаваю. Псето упамти слѣдство вабльня, претеня и т. д., па се после по ономе своимъ природнымъ нагономъ управля. Тако н. п. кадъ бы човекъ псето вабнуо, па узео батину, те га изтукао, то не само да му више никадъ на нѣгово вабльнѣ дошло небы, него боећи се батине, гледало бы, да се іошъ болѣ скріє. —

Доказивати, да скотови слободне волѣ немаю, значило бы: грѣшника изъ содомскогъ грѣха вадити, па се самъ у нѣга утапати; но я само то наводимъ: да се слободна воля безъ разума мыслити неможе, као добродѣтель безъ добры дѣла, а да псето разума нема, уздамъ се да ће и самъ Ч. Срећко, па ма да є простъ землѣдѣлацъ, признати. Слѣдователно скоту слободну волю приписати, т. є. измећу богуподобногъ створеня и скота разлику незнати, млого є црнѣ, него се и по пепелу валяти. — Незнанѣ є слепило кодъ очію, а іошъ црнѣ и горе, кадъ се човекъ о онакимъ предметима говорити пусти, кои изванъ круга знаня нѣговогъ стоє.

Овакимъ є духомъ нашъ искусный землѣдѣлацъ Ч. Срећко у смотреню човечества крозъ цело дѣло дисао; а и у смотреню животиня, да є онако човечанъ, као што говори, неможе му се никако веровати, єръ ко самъ себе незна сходно уважити, тай за цело другогъ ни толико. А друго и изъ тогъ се види, да єдно мысли, а друго говори, што на страни 31. св. II.

не само да савѣтуе, да се у туђе послове неваля мешати, него є и оне неумѣстне речи Ч. М. навео: да ће онога угарицомъ, и то по зуби (по зуби угаркомъ!) ударити, ко се оно претресати пусти, што му ніє посао; а овамо самъ неће своѓъ посла, т. є. землѣдѣлія, коє є у Штаєрской радити научіо, да се држи, него є и педагоѓъ и философъ, и шта годъ рекнешъ. Ко є свашта, онъ є несвршено штогодъ. —

Милованъ І. Спасићъ,
Дръ. Философіє.

ЗНАТНИ ПОТУРЧЕНИЦИ ИЗЪ ЮЖНОСЛАВЕНСКОГЪ НАРОДА.

(Продуженіе.)

Подъ наслѣдникомъ Селимовымъ Муратомъ III. одузме Великій Везиръ Мемедъ Соколовићъ свимъ толмачима и агентима спахійскимъ право, коє су досадъ уживали, у дивану сѣдити, првыма зато, што му се чинило, да су они, као страни извѣстителы, излишни, овима пакъ зато, што су се угнѣтени изъ провинція у присутству ныовомъ устручавали и бояли, тужити се на тегобе и насилія, коя су іймъ спахіе причинявале. Соколовићъ є подъ Муратомъ такођеръ редовный данакъ одъ Европейски сила и царева збирао; тако одъ Аустрійскогъ двора 9.000., одъ Ерделя 2,000, одъ Дубровника 5,000, одъ Влашке 6,000, одъ Молдавіе 3,000, одъ Млетчана 4,000, свега 31,000 # у злату. Онъ є заключавао миръ, и пріятелыска сношенія съ Млетачкимъ, Флорентійскимъ, Шпаньолскимъ и Енглезкимъ кабинетомъ имао. Осимъ нѣга быо є Великій Везиръ Муратовъ: Ахмед-Паша (1580) изъ Албаніе, зетъ Хрваћанина, Рустема-Паше, и Сявула-Паше(1584), гореречениогъ Славонца.

Подъ Махомедомъ III. быше Везири: Ибраим-Паша, Славонацъ 1596., зетъ Султана, а прѣже и намѣстникъ одъ Египта. Онъ є премда Муамеданацъ, велику наклоность своимъ земляцима, Славонцима, указивао, и ныи весма любіо, а то се изъ овога случая видити може. Христіянски жителы у Пожеги побуне се єданпутъ, у коіой побуни и судію (кадію) Турскогъ убію. Ибраим-Паша видећи ій у невольи, одапре се кодъ царства и рекне, да є то по нѣговой заповѣсти учињено, шта више, писмено се изрази, да є кадія по закону и праведно убієнъ; онима, кои су му пребацивали, говорећи, да то ніе лепо одъ єдногъ Муамеданца, такове поступке ћаурске одобравати, одговоріо є: „Заръ да збогъ тога са сиротиньомъ раіомъ у непріятелыство ступамо, а знамъ, да почнемо и истраживати, виновника правогъ наћи неможемо.“ Любезносћу своіомъ и штедротомъ знао є своє саотечественике себи приволети, тако, да є и помоћу ныовомъ айдучке чете, коє су Славонію одъ 30 година узнемиравале, истребіо. Осимъ матернѣгъ, никаквогъ другогъ єзыка ніе говоріо, а то се види отудъ, што є онъ Дубровчанина, именомъ Буниħа, за толмача имао, кои му є разговоре са иностранимъ посланицима у Славенскомъ єзыку изяснявао и толковао.

(Конацъ слѣдуе.)

ИСКРИЦЕ.

XI.

Желя неуредна и непоштена, тежка є жалость живота; када тражишъ оне радости, коє твога станя нису, тада си као болестанъ у свима удовима, рана жива гризе име и душу твою. У нашима градовима има сада више людій него прієе, кои се боре съ главу, дугомъ и са срамотомъ. Мучени су одъ желѣ и поругани одъ други. Хоће да слѣде охолость богаты мѣста, а немаю одъ ныи ино него смрадъ. Оно што ніе наравно, ніе ни добро. Прости будимо и понизни; радимо и мучимо, а другима пустимо величанства и лѣпоте; иматћемо и мы у нашой малености красоту и дику нашу. Мала птица нема ни коньскій коракъ, нити лавскій гласъ; али лети лѣпа и лагана съ различитимъ своимъ бояма крозъ небесне ведрине, и живи весела међу лишћемъ и цвѣћемъ. Будимо сиромашни, али чисти; чисти у руву, чисти у души. Са свима мыслима проклиняймо савишность; трошенѣ, коє одъ грѣха долази, раћа грѣхе. Лѣпа хальина много кратій покрива срце слабо и паметь празну.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.
Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ЦОДУНАВКА.

№ 40. У Суботу 30. Септембра. 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА БЕОГРАД

НА ДАНЪ РОЂЕНЯ

НЂГОВЕ СВЂТЛОСТИ

господара

АЛЕКСАНДРА КАРАЂОРЂЕВИЋА,

Княза Србскогъ.

Поймо Срби Србства свѣтило,
Што разганя облакъ црнъ,
Наше полѣ чисти премило,
Свудъ сатире чкаль и трнъ.

Александра поймо сложно сви,
Данасъ Му є данъ роѣенъ;
Крвь Му отца у прсима врн,
Србкиньомъ є одоѣенъ.

Доброта є Александеръ савъ,
За цвѣтъ милый Србства мре;
Али инакъ Онъ є правый лавъ,
Што паклене злоће тре.

Там' по мраку одъ Нѣг' пакла сынъ
Вѣчне ноћи крiє станъ,
Да процвѣта Србадiє крнъ —
Онъ презире сладкiй санъ.

Там' пастира надъ колебам' свудъ
Александра лебди лнкъ,
Нит' Га страши киша, вѣтаръ, студь,
Нит' звѣрова лютый рикъ.

Неуморно чисти Срба садъ,
Што є отацъ почео,
Да г' негуши травурине смрадъ,
Што й Бранковићъ посѣо.

У отцу є да! прерођенъ намъ,
Штоно сломи луни рогъ,
Србству съ чела сатре робства срамъ,
Наше славе диже стогъ.

Зато, роде, Александра пой,
Там' до звѣзда диж' Му летъ;
Некъ Му вѣнца украшава строй
Са дна твога срца цветъ.

У Београду 29 Септембра 1844.

Алекса Десимировићъ.

ОКУШАЙ ГОРКЕ ВОДЕ.

(Конацъ.)

На послѣдку разломивши колачъ, запали га у олтару, па приближивши се Єзельи, бiо є у намѣри учинити последнѣ покушенѣ; но она се опетъ была натрагъ повукла са ужасомъ.

Онда Ассиръ узме напрасно чашу и метавши є у руке Єзельи, рекне iой гласомъ, кои є сама она као ужасный угрожай разумѣла:

„Пи! супруго Хофанова.“

Мале руке Єзельине укоче се око те чаше и обрнувши се Хофану, кои ю є у суморномъ ћутаню сматрао, она се простре на колена предъ ньимъ.

„Господару, рекне она плачући, да ю є само онъ чуо, до ючe самь васъ више путiй молила, да вамъ само неколико речiй, коє бы за єдно тренуће ока траяло, саобштимъ, а вы сте ми свагда мою молбу неиспунѣну одбили... Говори се, да є ваша воля да я умремъ... Я васъ любимъ и почитуємъ и при самой овой тврдосрдной вольи вашой... Но у тренућу мога преселенiя къ Богу... дозволите ми, да васъ увѣримъ о моiой невиности; да она, кою сте вы почитовали вашимъ именомъ и вашомъ любави, умире садъ достойна имена вашегъ, безъ да є увредила невиность... Господару смилуйте се на мене!

— А Амiелъ! Амiелъ! замумла Хофанъ.

„О Амiелъ! Амiелъ! повтори Єзеля... са произношенiемъ тако сладкимъ и умилнымъ, да iой є Хофанъ, удаливши се одъ нѣ, у ярости повико:

„Пи ту воду, безчестно створенѣ и прими награду за твой порокъ!“

Ова неправда оживила є жертву; она се съ колена подигне спокойно и благородно: „Народе Израилскій! повикне гласомъ, кога се одзывъ повторавао по свимъ столповима и угловима храма; така є дубока тишина у нѣму владала; народе Израилскій! вы люди, кои ме судите, и жене, коє ме слушате... предъ свима вама заклинѣмъ се, да самъ невина, да є моє срдце чисто, моє устне да су изузете сваке лажи... и... при свемъ томъ... я се страшимъ овогъ искушенія, єрбо людско коварство може быти одъ васъ сматрано за пресуду Божію... Господи! прости моимъ непріятельима, као што имъ я праштамъ!“ Потомъ приносећи своимъ устнама чашу, нагне ю и испіє све, што є у њой было, и красне очи њне подигнуте чакъ до свода храма спуштале су се полако и усмотриле су међу свимъ главама окружаваюћи ю людій єдну недвижиму, нему, коя се чинила, да слуша, безъ да што чує, и гледа, безъ да што види.

„Съ Богомъ Аміеле, повикне Єзеля, съ Богомъ!“

— Садъ вы пите господару Хофане, рекне Ассиръ, даваюћи другу чашу мужу.

У тренућу, кадъ є онъ хтѣо чашу своимъ устма принети, Аміелъ, кои се покренуо са свога мѣста као стрела, и све оне, кои су му у томъ пролазку на путу были, на лево и десно отуриваюћи, приступи Єзельи, и узевши ю у своя наручія, повикне:

„Сестро моя, сестро моя, тебе осуђую!“

Сирота жена была є обнесвѣшћена.

„„Шта нѣгова сестра! повтори Хофанъ, коме се чаша изъ руку измакла и о патосъ храма разбили се.

— Ево! увѣри се, рекне му Аміелъ ладно, даваюћи му пергаментъ своє матере.

Хофанъ га прочита, было є у очаянію, да є овай — Аміелъ — пошо можда нѣга, и првосвештеника обтужити, што су смрть Єзельи проузроковали; но Ассиръ му лагано на уво рекне: „отровъ ніе было у нѣной чаши.“

„Да у коіой є?“ упыта Хофанъ посртаюћи уплашенъ.

— У... ни. єдной.., одговори жертвоприноситель, управивши очи на ону течность, коя се изъ Хофанове чаше по патосу храма разсула.

„О Єзельо! оћешъ ли ми моћи опростити, рекне Хофанъ, изражаваюћи своє дубоко и чувствително покаяніе.

— Господару! одговори млада, красна супруга, любећи му руку, коју іой є онъ было пружіо; я самъ ваша, вы имате право располагати съ моимъ животомъ.

Хофанъ, наслонћенъ на свогъ шурака и придржаваюћи Єзелю, ишао є лагано изъ храма; онъ є ишао съ уздигнутомъ главомъ, погледомъ гордымъ и грозећимъ, предъ великимъ жертвоприносителѣмъ, кои є было своє пакостне очи погнуо, да негледа ону срећу, коју ніе было у стаю разрушити; а народъ се разнѣе по Єрусалиму разглашаваюћи Єзелю за побѣдительницу окушая горке воде. —

ЧЕХЪ И ЛЕХЪ.

(Съ Ческога одъ Т. Хорньика.)

Видите ли оне шарене гомиле людій, што се озбыльно тамо савіяю у западне крајне? — Кажите, шта є то? — „Да неће быти ратна чета, коя носи смрть немирныма суседима?“ — Єй та неоре се у тима гомилама боіовне песме, нити звечи тамо бритко оружѣ, него любка попевка, и говоръ и смеј пролећу овима дугимъ редовима, и детинѣ тороканѣ носи вечерњій ветрићъ съ натоварены кола до ува пажльиве майке. — „А оно вальда се диго народъ, те носи побожне гласове на света места преко далеки путова?“ — Єй та у то доба іошъ ніе синула у онимъ краєвима права слика божѣга света, ученѣ нѣгово іошъ се ніе верныма являло; већъ се народъ веселіо са детиньскима, одъ дедова и отцева предаванима приповеткама о творцу тога света, и кланяо се доброме и зломъ, а слику обадвога правіо є себи у свакомъ краю, како му се допало.

За высоке, црнимъ шумама покривене горе предъ очима ти чета сунце заилази. Ружична светлость, любнувши вршке одъ стогодишњи растова и чамова, спусти се садъ на лаганима крилима на ту поляну и обасу млогобройне гомиле. Гласови у шаренимъ редовима престаю, корачанѣ слаби. А напредъ, предъ четама на дивноме бельцу єзди витезъ са избраномъ дружиномъ, баца наоколо погледе по умилной крајни, те и чете мери, одъ кои се последњи удови іошъ губе у сумрачію околны шума. Доне се га беляцъ къ подножію высоке горе, па и самъ стаде, као да бы пророчкимъ духомъ световати ктео господара: овде валя оданути! и юнакъ се окрене силной дружини, „станимо!“ проговори звучнымъ гласомъ. Те одъ гомиле до гомиле, одъ грла до грла, лети гласно „станимо!“ и найпосле умире у шумской густини.

Новъ животъ пролети крозъ то неизброєно мложтво. Збачене су тежкоће дневнога пу-

Ова неправда оживила є жертву; она се съ колена подигне спокойно и благородно: „Народе Израилскій! повикне гласомъ, кога се одзывъ повторавао по свимъ столповима и угловима храма; така є дубока тишина у нѣму владала; народе Израилскій! вы люди, кои ме судите, и жене, коє ме слушате... предъ свима вама заклинѣмъ се, да самъ невина, да є моє срдце чисто, моє устне да су изузете сваке лажи... и... при свемъ томъ... я се страшимъ овогъ искушенія, єрбо людско коварство може быти одъ васъ сматрано за пресуду Божію... Господи! прости моимъ непріятельима, као што имъ я праштамъ!“ Потомъ приносећи своимъ устнама чашу, нагне ю и испіє све, што є у ньой было, и красне очи нѣне подигнуте чакъ до свода храма спуштале су се полако и усмотриле су међу свимъ главама окружаваюћи ю людій єдну недвижиму, нему, коя се чинила, да слуша, безъ да што чує, и гледа, безъ да што види.

„Съ Богомъ Аміеле, повикне Єзеля, съ Богомъ!“

— Садъ вы пите господару Хофане, рекне Ассиръ, даваюћи другу чашу мужу.

У тренућу, кадъ є онъ хтѣо чашу своимъ устма принети, Аміелъ, кои се покренуо са свога мѣста као стрела, и све оне, кои су му у томъ пролазку на путу были, на лево и десно отуриваюћи, приступи Єзельи, и узевши ю у своя наручія, повикне:

„Сестро моя, сестро моя, тебе осуђую!“

Сирота жена была є обнесвѣшћена.

„„Шта нѣгова сестра! повтори Хофанъ, коме се чаша изъ руку измакла и о патосъ храма разбили се.

— Ево! увѣри се, рекне му Аміелъ ладно, даваюћи му пергаментъ своє матере.

Хофанъ га прочита, было є у очаянію, да є овай — Аміелъ — пошо можда нѣга, и првосвештеника обтужити, што су смрть Єзельи проузроковали; но Ассиръ му лагано на уво рекне: „отровъ ніе было у нѣной чаши.“

„Да у коіой є?“ упыта Хофанъ посртаюћи уплашенъ.

— У... ни. єдной.., одговори жертвоприноситель, управивши очи на ону течность, коя се изъ Хофанове чаше по патосу храма разсула.

„О Єзельо! оћешъ ли ми моћи опростити, рекне Хофанъ, изражаваюћи своє дубоко и чувствително покаяніе.

— Господару! одговори млада, красна супруга, любећи му руку, коју іой є онъ было пружіо; я самъ ваша, вы имате право располагати съ моимъ животомъ.

Хофанъ, наслонѣнъ на свогъ шурака и придржаваюћи Єзелю, ишао є лагано изъ храма; онъ є ишао съ уздигнутомъ главомъ, погледомъ гордымъ и грозећимъ, предъ великимъ жертвоприносителѣмъ, кои є было своє пакостне очи погнуо, да негледа ону срећу, коју ніе было у стању разрушити; а народъ се разиће по Єрусалиму разглашаваюћи Єзелю за побѣдительницу окушая горке воде. —

ЧЕХЪ И ЛЕХЪ.

(Съ Ческога одъ Т. Хорньика.)

Видите ли оне шарене гомиле людій, што се озбыльно тамо савіяю у западне краине? — Кажите, шта є то? — „Да неће быти ратна чета, коя носи смрть немирныма суседима?“ — Єй та неоре се у тима гомилама боіовне песме, нити звечи тамо бритко оружѣ, него любка попевка, и говоръ и смей пролећу овима дугимъ редовима, и детинѣ тороканѣ носи вечерньій ветрићъ съ натоварены кола до ува пажльиве майке. — „А оно вальда се диго народъ, те носи побожне гласове на света места преко далеки путова?“ — Єй та у то доба іошъ ніе синула у онимъ краєвима права слика божѣга света, ученѣ нѣгово іошъ се ніе верныма являло; већъ се народъ веселіо са детиньскима, одъ дедова и отцева предаванима приповеткама о творцу тога света, и кланяо се доброме и зломъ, а слику обадвога правіо є себи у свакомъ краю, како му се допало.

За высоке, црнимъ шумама покривене горе предъ очима ти чета сунце заилази. Ружична светлость, любнувши вршке одъ стогодишньи растова и чамова, спусти се садъ на лаганима крилима на ту поляну и обасу млогобройне гомиле. Гласови у шаренимъ редовима престаю, корачанѣ слаби. А напредъ, предъ четама на дивноме бельцу єзди витезъ са избраномъ дружиномъ, баца наоколо погледе по умилной краини, те и чете мери, одъ кои се последньи удови іошъ губе у сумрачію околны шума. Доне се га беляцъ къ подножію высоке горе, па и самъ стаде, као да бы пророчкимъ духомъ световати ктео господара: овде валя оданути! и юнакъ се окрене силной дружини, „станимо!“ проговори звучнымъ гласомъ. Те одъ гомиле до гомиле, одъ грла до грла, лети гласно „станимо!“ и найпосле умире у шумской густини.

Новъ животъ пролети крозъ то неизброєно мложтво. Збачене су тежкоће дневнога пу-

Окрену се и пођу даљ узъ гору. Витезъ тавнога лица неодговори ништа, привати дакле опетъ првый: „Брате, насъ є єдна майка подъ срцемъ носила. Єдномъ сисомъ, єдномъ љубави были смо залагани, у єдной љубави одрасли смо — брате, заръ те писамъ увекъ братски љубіо? Заръ мислишъ, да я држимъ, да самъ болъій, што ме є народъ у овоме поласку одъ прастаре постойбине за вођу изабрао? Голый є случай све одредіо. Тебе као и мене почитую народни мудраци, и єднаке имамо у очима народа заслуге. Ил самъ ти можда на томе дугомъ путу и єдномъ речи показао, да себе држимъ за господара — ? о брате, говори?“

Али братъ неговори. Са главомъ спуштеномъ, зенице у каменіту стазу запируħи, и усне силно стискуюħи, корачаше на гору. А у брату са огньнимъ очима, зачне крвь такође кипити. Тежко му є падало братово тврдоглавство. „Богови некъ ти опросте,“ рече, „што жалости моіой толико іошъ ране додаєшъ! Твоє добро срце, ма и честолюбиво, нека те увери и утврди, да баръ на гласъ богова више пазишъ, него на речь братову. И зато невременомъ непристойности немой ій врећати, ма да си науміо мене жалостити, него се послушно ослањай на њіову пресуду.“

(Продуженіе слѣдуе.)

ЗНАТНИ ПОТУРЧЕНИЦИ ИЗЪ ЮЖНОСЛАВЕНСКОГЪ НАРОДА.

(Конацъ.)

Другій Славенскій Великій Везиръ Махомеда III. звао се Яусъ-Али-Паша (1604), рођеный Бошњакъ, изъ славне фамиліе Малковића. Осимъ овога као Адмиралъ Халилъ, названый освоитель, родомъ изъ Босне, и учени Шенци Алидеде, у Босни рођенъ, а кодъ Сигета саранъенъ, и Печеви, Славонацъ; првый сачинитель Еваила, т. є. дѣла о уставницима политичны уређенія и истражительима наука и заната, а последньій славный бытіописатель Османа.

Подъ Ахмедомъ I. было є Великій Везиръ Назу-Паша (1614), сынъ єдногъ Бугарскогъ Христіянина Кумулџина. Велику и знатну ролу у єдно исто време играли су: Бостанџи-Паша, Дубровчанинъ, и сынъ єдногъ Хрваћанина, Адмираль Пијале, кои є Бегъ одъ Александріе онда было.

Подъ срећнымъ Османомъ II. (1618), кога є Гундулићъ у своимъ пѣсмотворству обезсмртіо, владао є као Великій Везиръ Хрваћанинъ Далавер-Паша, кога є Сиръ Томасъ као озбыльногъ, умѣреногъ и мудрогъ мужа изображавао. Онъ є у буни Јничара заедно са Султаномъ Османомъ погинуо 1612.

Найпосле налазимо подъ Мустафомъ I. и Муратомъ IV. осимъ други велики достойника опетъ Велике Везире: Дауд-Пашу, Бошњака, на заповесть његову было є Султанъ Османъ II. убіенъ, и Хозрев-Паша, такођеръ изъ Босне, кога низвреніе и убіеніе врло є опасну буну између Јничара у Діярбекиру и малой Азіи проузроковало.

Сва ова довде наведена, мыслимъ да ће довольна быти, за подкрѣпити рѣчи великогъ источногъ повѣствователя Хамера, кои вели: „Да є Османско царство на суву и на води не Турскомъ суровосћу и нерѣшителносћу, но Славенскомъ и Грчкомъ финоћомъ, лукавствомъ, неустрашимосћу, невѣрносћу (само Грцыма свойственомъ), постоянствомъ и храбросћу, као и талентима жителя освоєны (по већой части Славенски) земаля као коло узрастло, коє превазмоћіемъ своимъ подярми силне народе, кои су чрезъ потурченике и робскомъ мысли свою собствену утробу распорили и разчупали.“

Бераръ.

ИСКРИЦЕ.

XII.

О земльо, о добра и неуморена наша майко, ты своимъ любезнымъ гласомъ насъ зовешъ да съ тобомъ сыновно живимо, и да дарове твоє съ нашимъ зноєнѣмъ умножимо. Али по несрећи мы мало радимо за лѣпоту твога и за наше добро; незнамо да є све єдно користъ и лѣпота права. Оно што невино весели очи наше, оно уздиже мысли, животъ тѣлесный и душевный.

Да є земля твоя, домовино моя бѣдна, као повѣтарце твоє, было бы у теби сакупљне лѣпоте Таліянскога и Грчкога поля. Али земля є твоя, као глава безъ власій, као кости єдва покривене кожомъ жуткастомъ. Планине наше су као слика станя нашега. Гдѣ воде нема, онде валя да зной людскій свакій груменъ наводни. Наши стари іоште се спомыню времена, кадъ ніе было небо, као сада, говоздено, и глуво за молитве наше. Ако млада шумица опетъ некачне расти на горама нашимъ опуштенимъ, и ако мало зелени, као знакъ наданя, непочне зеленити се предъ очима нашима, тада ће све то сувлѣ и невеселіе быти баштине и душе наше. Али мы одъ туђинаца узимамо цвѣће а не стабла, хальине а не плугове, рѣчи а не ствари, што є неваляло а не што є потребно. Тврди смо и охоли за добро, понизни за зло.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 41. У Суботу 7. Октобра. 1844.

БИБЛИОТЕКА ГРАДА БЕОГРАДА

ОКО БОЖІЄ.

У висина модры одъ небеса,
Гдѣ се шеће сунце и звѣздице
По стазици у округъ ставитой:
Онди, брацо, зене око Божіе,
Свѣтлость дае сунцу источноме,
Ситне звѣзде на нѣму се грію,
Сяй-мѣсече у нѣм' се огледа.
Живоносный погледъ ока твога
Крозъ облаке громовне и тмину
До средине земальске допире,
Свакомъ створу у срце завири,
Свакогъ срца тайну оно знаде,
Сваку тайну на видикъ измами,
На видику истина се гледа,
А истину и правду одсѣва,
За мѣрило награде будуће,
Жарко сунце, огледало свѣта!
Тужный свѣте, гледни у висине!
Шта ти каже огледало оно?
Є ли чудо: да й пѣтаво сунце?
Ніе л' чудо: да намъ іоште свѣтли??

Огнь. Острожински.

ЧЕХЪ И ЛЕХЪ.

(Продуженіе.)

Стигли су на врх. — У домаћимъ седиштама, на обали удаљнога мора, у краинама плодовитимъ, постали су одъ гласовита отца и мајке. А кадъ су іймъ се препунили краєви горовити, и кадъ су суседи почели на народъ миранъ и боголюбивъ крвно насртати, и кадъ су се люди враћали изъ туђине, и стали приповедати о благословенимъ краинама, коє іоште нису насељене, — диже се сила народа, и богови быяу пытани: оће ли добро учинити и безъ ньіова гнѣва, ако изиђу тражити другу, згоднію домовину, него што є ова, гди досадъ подъ ньіовомъ обраномъ трудно проводише дане живота. Богови милостиво дадоше дозволѣнѣ, и сила народа спреми се да одлази изъ села отчински. — Найрабріи треба да буде воћа, свако тело мора управляти глава; тако су судили сви мудри у народу. — „Изберимо Чеха!“ говорили су єдни; — „Лехъ ће насъ водити!“ викали су други, и съ несаєдинѣнимъ воляма народа морало се прибећи боговима. И пресуда овако є гласила: „Трипут' тридесетъ дана отегнутће се путъ народу, а свакій тридесетый данъ обновитће му се воћа вольомъ вековечны богова. — Два има у сили народа, на коима милостиво почива рука богова одъ векова на векове, оба ће кренути силу народа. Надъ єднымъ ће се узнети посланикъ богова, и тай ће проглашенъ быти за воћу народа, а по нѣговой ће се памети управляти сваколика сила.“

И народъ се подиже са стара земльишта, гдино є мачемъ у руци бранити морао ньиве и стада одъ страны разбойника; па навеки опростивши се са отачаскомъ стреіомъ, скупи се, кано песакъ на брегу морскоме око великога єзера. Тако су были одредили богови. Свештеници народни призиваy богове, а у боязльивомъ слутеню стояу Чехъ и Лехъ, єръ є на ньима почивала нада народа, и на ньима се имала явити воля богова. Обоица срца юначкога, срца племенитога, народу одани, чешће су водили силу свога завичая къ победи надъ злима суседима; къ обоици клонила су се срца народа. И црный орао, посланикъ богова, узнесе се надъ Чехомъ — те Чехъ быяше за воћу избранъ. И тако се то догађало после тридесетъ,

и опетъ после тридесетъ дана; и последньи тридесетъ дана водіо є Чехъ силу народа, кадъ су прелазили брда и шуме, реке и пустинѣ, докъ су се прибрали къ высокой гори, на средъ те поляне, ограђене тавнимъ луговима, — као што быяше одредила воля богова

Видите ли оне две мушке прилике на врьу те высоке горе? Єдна є съ главомъ подигнутомъ, друга са спуштеномъ. Два брата, близанци Чехъ и Лехъ, по вольи народа мораю ноћь провести у самоћи, призивати богове, и молити ій да благослове идуће ютро. И Чехъ іймъ се препоручи подъ моћно крило, па склони главу на голу землю да одпочине. Али Лехъ неможе іоште да сложи душу на молитву; итрымъ коракомъ витла по гори, окомъ, пунымъ гнѣва и жалости, погледа ведрый сводъ неба, па опетъ спаваюћа брата. Сузама облію му се очи.

Чеха међутимъ блажени сни облеђу. Онъ види благословену долину, обасуту светлости небесномъ; цвеће невело пріятне мирисе разсипа, любки славуи пуне прса милиномъ; по травнатимъ воћняцима, подъ сеновитимъ липама девойке играю, песма и слава богова разлеже се на све стране; и нѣму, Чеху, све се радостнымъ лицемъ окреће. Зачуе и гласе богова: „Благословенъ родъ твой међу народима; име твое разноситће векови!“ Благодарно пружа Чехъ руке къ небу — тргне се, пробуди се, те скочи са земль, и брата Леха предъ собомъ види гди стои са бледымъ лицемъ, гди чврсто потиче рукомъ држакъ мача, што му о боку виси.

Сунце се иза тавны шума промаля изъ магловитога лежишта. Првый нѣговъ осмей зарумени се на лицу два брата на высокой гори — али браћа стрепе одъ те ружичне светлости, као одъ баклѣ, што ће да ій у гробъ прати. Лехъ тргне руку съ балчака, па окренувъ се одъ брата, спусти главу. А Чехъ стреломъ яда пораженъ, плѣсне се за ньимъ рукама и прозбено очи небу подигнувши, погледа на ютреню крайну. Душа му заигра одъ радости надъ благословомъ бога. — Опази зелене ньиве и сеновите лугове, опази реку и потоке како се у бистрини своіой блистаю — види свега свуда обилѣ, види таборъ како є ютромъ ожившо, па радосно кликне: „Ту намъ дайте добри богови, да су намъ домови!“

Одъ доле, одъ подножя высоке горе, узноси се къ уву нѣговомъ чудновата вика. Можда є то добро знаменѣ богова — саєдинѣна воля народа? — Запали се Лехъ, пріятне зенице нѣгове садъ букте, лице гори — „Єсте л' одсудили?“ затресу се уста нѣгова — па и онъ и братъ му Чехъ итрымъ коракомъ пођу съ горе.

Подъ горомъ є настала и ма узела врва одъ народа, свеколике чете гибале су се. Смеса одъ тисућны гласова лети крозъ ту разновидну мложину, и на гору се узноси. А Чехъ стрепи, єръ се помамномъ викомъ непроглашує саєдинѣность народа; у Леху пакъ изниче нада, єръ у бурной вики, мисли онъ, да грми сила нѣговы пріятеля. Кадъ се сиђу съ горе, нађу народъ гди већъ ври. — „Зато богови недаю више знаменя, што Чехъ треба да остане воћа!“ тако су єдни викали. — „Зато богови посланика више нешилю, што Чехъ треба да престане быти воћа!“ викали су опетъ други. — Залуду су старешине на миръ опоминяли, залуду су свештеници гросили гнѣвомъ богова. Распалѣный духъ витезова ниє слушао, ниє се плашіо. Мачеви севнуше у ньіовимъ рукама, а жене сташе викомъ напунявати голему крайну.

„Добро дош'о, Чеху!“ — „Добро дош'о, Леху!“ — орило се са свы страна, кадъ су браћа на поляну сишла, и Лехъ се таки баци међу пріятелѣ, но Чехъ са лицемъ помраченымъ заостане подалѣ.

„Здраво, Леху!“ — „Добро дош'о, воћо Чеху!“ — опетъ зазвони, и оружѣ смртнымъ блескомъ заблиста браћи у рукама.

„Стан'те!“ — викне садъ Чехъ грломъ яснымъ и поразнымъ. „Стан'те! Куда васъ води та безвремена ватра? — Какавъ є быо саветъ богова, кадъ смо последный путъ сунце надъ крайнама отачаскимъ позравляли? Слога и любавь, Славлянскій народе! — Слогу и любавь обећали сте. На какве се садъ чине распалюєте? Знате ли зашто потежете мачеве братъ на брата? Мыслите вальда мени на радость, и за мой напредакъ? О, та радіе бы самъ оружію вашемъ изложіо прса, па да моіомъ крвлю растрете си очи!“

„То нису речи воће Славлянскогъ,“ рекне на то сребровласый Ратиборъ. „Моє є око деведесетъ пута видило землю, кадъ се у пролећно руво облачи, и уста су моя гласила браћи о любави, колико ми богови улише у срце знаня, и саветъ є мой свагда важіо; па тако и садъ велимъ: лађомъ мора владати лађаръ, у

кога є рука вешта и снажна — ма да му на веслама помажу вешти веслари; народомъ мора владати мудра глава — ма да му на руци стоє са саветомъ мудри изъ народа. Ако се повереньмъ народа може дичити, кога су богови способностима обдарили, несме поверень одбіяти, и даре богова одбацити.“ —

„Ал' мы на Леха поверень полажемо,“ викну на то у другой гомили, „а богови волю свою доста ясно являю!“

„Да — являю!“ рекне отацъ Витонь, врьовный свештеникъ — рекне то гласомъ громкимъ и поразнымъ, да речи нѣгове и уку оружя пробише, кою башъ у тай ма почеше обадве стране. То рече, и разширивъ руке, очима у высъ упретимъ, загледа у облаке. Свеколико людство около нѣга любопытно обрне очи за ньимъ — и гле! надъ ньимъ, у небесной высини, у блеску ютренѣга сунца, віяю се два орла. У народу стане дисань — и светомъ грозомъ спопаднуто стояло є све безъ мицаня и безъ гласа.

(Конацъ слѣдуе.)

НЕКОЛИКО РЕЧИ О ЧИНОВНИЦИМА И НАРОДНИМЪ ЛЮДМА.

(Изваѣено изъ слова єднога држзвника.)

Свакій чиновникъ мора быти или слободанъ и независимъ, или плашльивъ и подложанъ вліянію свои старіи. Ако є независимъ, то є онда незгода за правленіе, єръ онъ неће да се у свачему повія по вольи министра; а ако є подъ чіимъ вліяніемъ и слепо послушанъ, онда є зло за народъ и за слободу. Но осимъ овогъ рода чиновника, кои су чисти и самостални или вліянію подложни, налази се и други чиновника, кои су неописано опасніи, а то су тако реѣи амфибіе людій, кои на две столице седе, и кои се у єдно исто време држе и правленія и нѣговы противника. Има людій, кои се преко двоє мердивене пеню тамо, гди незаслужую никадъ да доѣу. Они немаре ко ће владати, само некъ су они у служби; нека се све руши и обалюе, само нека се они пеню. Ове покварене люде ништа неможе у томъ рѣавомъ путу зауставити. Ньи требада свакій поштенъ човекъ презире и осуѣуе.

Шта значи єданъ народный човекъ? є ли доста быти чиновникъ или депутатъ, па да се ово славно име задобые? Не, то ніе довольно за обявленіе овогъ великогъ имена у нѣговомъ найблагороднѣмъ значеню. Народный човекъ самъ себе заборавля, и душомъ се и тѣломъ посвећуе народномъ дѣлу, єдной мысли, єдной ползи свога отечества. Макаръ коє системе да є тай човекъ, т. є. или мирне или революціоналне, само ако є поштеногъ намѣренія, и ако у себи персонифира какову велику ползу отечественну, то є народный човекъ.

Но такви люди неизлазе нигда изъ оне классе, коя се само брине, како ће да обогати себе и свою фамилію, како ће да већу плату добые, како ће да више свои сродника у службу увуче, и како ће болѣ да себе и своє утврди у позлаѣенимъ гнѣздама буцета. Не, такви се люди нигда немогу наћи у реду оны, кои пузе предъ владѣтелѣмъ и министрима, кои само гледе како ће властительима угодити, и кои чаме око министерски капія, докъ іймъ се небаци какавъ комадъ, кои они одма счепаваю, и после безбрижно єду, немареѣи ни за народъ ни за правленіе.

Ф.

ДОПИСЪ ИЗЪ ЗАГРЕВА.

За кньижевность нашу могу Вамъ казати, да се овди сада печата кодъ Гая „*Разны Дѣла Ивана Кукулѣвића* Кньига III.“ (Садржай „*Гусаръ и поразъ Монгола*,“ два юначка позорія). Комади ти, духомъ домороднымъ писани, угодитће нашимъ читательима. У истой печатньи налази се и другій и последньій дѣлъ *Ивана Кукулѣвића*. Жупанова печатня издае за долазећу годину „*Великій народный научно-забавный календаръ*“ у кньижевномъ єзыку. Видитћемо у колико ће одговорити обштой потреби. Ту се налази и прва часть „*Доситея Обрадовића басній*“ прилагођены околностима западне наше браће. У Карловцу ће се печатати за коє време „*Басне И. Чивића*,“ съ посветомъ нашему Янку Драшковићу. Дѣло то иматће четири кньиге, а свака опетъ кньига до 1000 басній съ дворѣзима. Тако ми кажу люди, кои се свакій данъ съ писаоцемъ разговараю. *Станко Вразъ* уредіо є за печатню кньигу III. свои изворны пѣсама, коя ће се поради некои узрока печатати у Златном-Прагу. У кньизи той, званой „*Гусле и Тамбура*,“ бытће сонета, балада, романца и други различиты пѣсама, измећу кои и єдна повећа повѣстна у шестъ раздѣлака „*Бабій кла-*

нпцъ.“ На край књиге додаће се іошт неколико пѣсама шаљивогъ садржая одъ новогъ новцатогъ нѣкаквогъ пѣсника, као што самъ разабрао изъ уста Г. Ст. Враза, и увѣрава ме реченый Господинъ, да ће се већини допасти. — За печатню є послао амо Г. Ст. Вразу изъ Босне дѣлце єдно Г. *Ф. Јукићъ*. У дѣлцу томе има народны приповедака, сказкій, загонеткій, сложены єзыкомъ врло чистымъ народнымъ. Я судимъ, да ће дѣло то быти другій „*Погледъ у Босну*“ (види разсудакъ о томъ дѣлу у II. књизи Кола). — У Далмаціи шири се любавь за народномъ просвѣтомъ све већма. Има истина ту іошъ людій, кои се прче са старимъ трулимъ начинима писаня, презирући и нашъ Латинскій правописъ као и ћирилицу, но они су хвала Богу „rari nantes in gurgite vasto.“ Већина є, нарочито младежь, за слогу; и надамо се, да ће и „*Зора*“ съ новомъ годиномъ забѣлити съ лицемъ веселымъ за остало Славлянство. — У Задру є огласила пѣвачица наша Госпоя *Ана Видовићева* подпуно изданіе свои пѣсама у правопису нашемъ съ Таліянскимъ преводомъ у 6. свезака. У Сплѣту су изашле „*побожне пѣсме*“ *И. Вичића* (такођеръ нашимъ правописомъ). — У *Рѣци* чуємо да се тражи дозволѣнѣ за издаванѣ часописа народногъ. —

(Конацъ слѣдує.)

ОБСАДЕ ЦАРИГРАДА.

Цариградъ досадъ ніє манѣ одъ 24. пута нападанъ и обсѣднутъ быо: два пута одъ стары Грка (Алцибіада 141 год. и одъ Филипа Краля Маћедонскогъ 340 год. пре Хр.); три пута одъ Римски Царева (Севера 105 — 196, Максимина 136 и одъ Константина 324 год. после Хр.); єданъ путъ одъ Персіянаца (год. 616); єданъ путъ одъ Авара (год. 626), седамъ пута одъ Арапа (год. 654, 667, 672, 713, 743, 780, 798); два пута одъ Бугара (год. 764 и 914); два пута одъ бунтовника (819 и 1048 год.); єданъ путъ одъ Латина или одъ западногъ народа (1204); после одъ єдногъ Бизантійскогъ Цара (1261 г.); три путъ одъ Турака (1393, 1424, и 1453 год.). Одъ оволики обсада само є шестъ пута быо градъ освоєнъ, и то одъ Алцибіада, Севера и Константина; затимъ одъ Латина, после одъ Цара Михаила Палеолога 1261 год., напоследку пакъ отму га Турци 1453. год., одъ кога времена више ніє обсѣднутъ бывао.

Д. Аврамовићъ.

ИСКРИЦЕ.

XIII.

Ако є и малена трговина наша, нека баремъ буде поштена; учимо вѣру одъ Турака. Рѣчь наша нека буде као права заклетва, да никакова сила, штета, ни користь неразбіе овый светый савезъ.

Остала намъ є Турско-Славлянска земля вавѣкъ туђа ради немилогъ завићеня и старогъ Млетачкогъ страха. Могао є лавъ съ оне стране ширити крила своя. Здравіе бы быо спавао, и честніе остао у Србскимъ планинама, него у Таліянскимъ; али є ослѣпіо пріе него остаріо, невићаше ни добро своє, ни погибель свою.

Малена и слѣпа є трговина наша. Ништа незнамо извана и гулимо као на срећу; хлѣба неимамо, а гдѣ ораница быяше, мы садимо лозе. Валя да се сиромахъ напіе, ако хоће да заборави туге своє. Вина ћемо имати одвише, као правдословаца, ракіе и лѣкара.

Малена и болестна є трговина наша. Камата и превара свагдѣ баца кореня своя, као люль, кои дави добро сѣме; као зелена змія сакріе се у зелену траву, те пріе уєде него звиждне. У овоме занату, найтежемъ и найпогибелніемъ одъ много други, нѣки мысле да нетреба ни поштеня ни памети, него само руке и нокте. Али докле съ трговиномъ небуде умѣтность и крѣпость саєдинѣна, дотле намъ неће быти праве користи нити дике. Турци ће се бояти више вѣре наше, него мы ньиове куге.

НАРОДНЕ СРБСКЕ ПОСЛОВИЦЕ.

(Скупіо Тодоръ Вланѣъ учитель).

Леньость вели: „данъ по данъ, ето и ђурђевъ данъ;“ а вредноћа: „Петакъ, Субота, далеко є Неделя.“

Обећанѣ є лудомъ радость.

Кои высоко лети, тай низко пада.

Ко се себе бои, тай се никогъ небои.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД *

№ 42. У Петакъ 13. Октобра. 1844.

ЖЕЛЯ СРБИНА
ПРИ ВНУТРЕНЂМЪ МИРУ.

Ой Србе амо!
Да попѣвамо
Пѣсмицу миру
Србску узъ лиру.
Свакомъ є знатно
Да й време златно
Там' гди миръ влада,
Гди с' храни правда,
Гди Бож'є слово
Ніе текъ ново:
„Срб — брата друга
Ма и за луга,
Проста копача,
Воина, орача,
Грађана, селца,
Ма и пришелца,
Грлит' и любит',
Недат' му с' губит'." —
Гди с' законъ храни,
Гди с' уставъ брани,
Гди й любавь, слога:
Добра є многа. —
Ой Србе брате!
Добро є за те,
У миру сѣят',
Жнѣти и вѣят';
Гибна безъ праха,
Свакдашнѣгъ страха,
Єздити къ ньиви,
Пуштат' плугъ кривый,
Градину садит',
Животна гант', —
Куѣницу зыдат',
Дѣчицу питат'. —
Ой Србе брате!
Чуй шта є за те!
Косово полѣ
Да свакомъ болѣ
Отворо очи,
На свакъ некъ скочи:
Србіе врага,
Кой удна трага
По свуда прави,
Лакше да гнявi, —
Кой у средъ мира
У живацъ дира,
Спокойство руши,
Срб - Славу гуши, —
Да виш' несмета
До накрай света
'Згонит' одъ свуда,
До страшна суда.
Ой Србе брате!
Оддавна на те
Срб - геній гледа
Клонеѣ' т' одъ вреда;
Свойски што жели
Ево ти вели:
„Сунце кадъ сине
Нестає тмине,
Травчица с' диже
И мравакъ гмиже. —
Мору при тихомъ
Бродъ мирно истомъ
Къ желѣной мети
Плови и лети.
Кой вѣру люби,
Тай се негуби;
Кой уставъ брани,
Богъ самъ тогъ храни;
Гди с' владацъ ч'тує,
Ту с' срећа снує;
Гди вражде нема,
Ту с' слава спрема. —

Србъ некъ садъ гледа
Свакогъ изреда
Срећна быт' брата
Бойна безъ рата. —
Немиръ є Трою
Подврго бою!
И горде стѣне
Одъ Картагене
Предао прау
Обштему страу!
А знатно й свима
Што бы одъ Рима! —
Што пре Косова, —
И потомъ с' нова!! —
За четыръ века
Кам' Србу лека?! —
Неманѣ круну
Съ престола вргну
Невѣрна Вука
Немирна рука! —
Прошлость некъ учи
Когъ сумня мучи,
Да ли у миру
Надат' се пиру, —
Да л' братска слога
Подаръ є Бога."
Айд' Србе амо!
Миръ да пѣвамо!
Зора намъ свиће
Добра свим' быт'ће!
Князъ мудрый влада,
Србъ виш' нестрада.

У Шабцу 30. Септ. 1844.

Д. М.

ЧЕХЪ И ЛЕХЪ.

(Конацъ.)

Іошъ се големи грабльивци віяю. Као да є бой до крви, на животъ ил' на смрть, тако страовито крилима лупаю, тако бесно клюновима бію. Већъ, већъ падаю — вію се надъ Чехомъ и Лехомъ, у народу подъ высокомъ горомъ трне срце. Садъ се спустише! Єданъ се Чеху надъ главомъ завитла, и грднимъ крилима полети на высоку гору, тамо и седне; другій се надъ Лехомъ узнесе, дивне дає гласе, и правымъ летомъ преко шуме упути се къ истоку

„Богови су милостиви, и милую народъ!" проговори садъ величественымъ гласомъ отацъ Витонь, кои є дотле єднако као изванъ себе гледао у высине; проговори, и мложина верны побожнымъ увомъ обрне се къ словима нѣговымъ. — „Несме быти неслоге међу народомъ єдны отаца — тако веле богови. Велики су краєви, гди насъ може славити народъ у миру, нити ће братъ брата турати. Нису се сложила два орла на єдну клисуру, али стрши клисура до клисуре, и єданъ орао одлеће удалѣной клисури, а орао другій на ближнѣ седа гньиздо. Ето тако говоре богови добрымъ знаменѣмъ о два брата, о близанцима Чеху и Леху, а по ньіовима гласовима владатће се браћа, на кои се рамена ослања сила народа!"

Свештеникъ изговори, а све людство кликне за ньимъ грломъ гласнымъ: „Богови су милостиви, богови су мудри!" У очима Леховимъ запалює се радость, а на лицу му цвета веселѣ. Плаче одъ милине, и брату Чеху пада око врата. Пріятельи нѣгови у млогобройномъ збору пружаю си руку и радую се добримъ знацима богова. Него седине у народу тужно врте главомъ — ал' богови су моћни, а човекъ треба да іймъ є покоранъ.

Такође и Чеху одъ яда потавнює лице. — „Растати се дакле," рече, „раскинути гранѣ єднога стабла? Силу раздвоити. —?" Ал' уѣути, да небы брата ожалостіо, и богове разгнѣвао. Народъ се диже на връ одъ высоке горе; да види землю, одъ богова обећану, а подъ горомъ се међутимъ справляю чете, да далѣ одлазе. Дивно є то кретанѣ по целоме табору, радость и плачъ сву силу потреса. Ал' се свако прикланя, и ко съ Чехомъ остає, и ко се съ Лехомъ на далъій путъ опрема, єръ се бои богова.

Тамо посадише Чеха на высокій престолъ, разастрше рува; те се главе подъ сребрнима власима и момачкимъ витицама кланяу предъ ньимъ, а девойке около нѣга цвеће просипау, па є свако грло кликовало „Помилуй насъ, господару!" — Онъ пакъ обећа се, да ће се бриљиво старати о благу народа. И тако є седіо на престолу и являо волю свою народу, судіо и право чиніо праведнымa. Око горе, докле є око сватило, растегну се та ята, и разделе се по новимъ краєвима полагъ родбина, те новъ животъ уће у нову домовину Обарани су были големи чамови, тесани оштромъ сикиромъ пространи зидови; а подъ ведрымъ небомъ парао є плугъ плодовиту землю, и по ньой су одала тучна стада. У новимъ седиштама при-

раћивали су вуну и ланъ, и обртали на своє потребе. А Чехъ є бдіо незатворенымъ окомъ надъ силомъ народа, єрбо су были изишли изъ краина блажены, да траже нова завичая, па ниє требало, да су жельни онога, што су оставили за далекимъ горама, за луговима и рекама.

Са свію страна враћали су се посланици, и веселе гласове доносили. Єдни су говорили: „Богатство рибарски потока протиче крозъ дебеле ливаде;“ други веле: „По здравимъ луговима трчи богатство валяне зверади;“ ини су казивали: „Помоћу богова раћа на краснимъ равницама богатство жита“ —, а други су опетъ доносили сребрно пруће, а іошъ други су приповедали о людскимъ седиштама, како су ій нашли негди у краєвима, гди су давно већъ прибивали народи страни. Дођоше и последњи, кои су се были найдалѣ пустили за густе лугове, и доведоше са собомъ прилику човека, обучену у зверинске коже, прилику дивлѣга погледа съ разбарушеномъ косомъ. Ти су казивали, тамо иза густи лугова да леже у каменитимъ пећинама и шумскимъ колибама люди неми, и да неводе плуга, а ни стада да немаю, нити за ине згоде знаю, коима се поноси народъ Славлянскій. И они су имали сажалѣня према народу немоме — премда небыяше немъ, већъ говораше єзикомъ Славлянима непознатымъ и одпорнымъ — и съ млогима су даровима одпуштали свакога, ко бы іймъ годъ корачіо преко гостолюбивога прага. Они су ій учили на людскій животъ, и на нрави богу угодне, па су у свако доба были доброчинци Немцима, и онда, кадъ су іймъ ови почели зло за добро плаћати.

Народъ є благосиляо Чеха, што су преко нѣга богови довели га у блажену землю; и нѣму на вечиту успомену назову домовину земльомъ Чеховомъ илити Ческомъ, па и себе поносито прозову Чесима. И тако се то догодило у шестоме веку (550 г.), што се брои одъ онога дана, кадъ є вечна любавь сишла одгоре међу люде у прилици човека. — У томъ се веку дивао, као и преће, съ другима народима и разширеный славный народъ Славлянскій, и коє на обали балтичкой, коє на црноме мору, око Днѣпра, Лабе, Дунава и Саве заузме неураћене краине, те на њима брзо процвета цвеће духа Славлянскога, одъ вечности надаренога вреднoћомъ и миромъ — духомъ вечне любави.

Ђорђе І. Поповићъ.

ДОПИСЪ ИЗЪ ЗАГРЕБА.

(Конацъ.)

У Трсту све єднако іошъ издає Г. И. Рукавина књиге у своме єзику и правопису. Тай Господинъ (честь му и поштенѣ!) мыслію є досадъ, да само нама Загребчанима нису по ћуди нѣгова нова изобрѣтенія, и врло бы се тужіо на насъ, кадъ штогодъ небы у Даници онако метнули, као што є онъ написао; а врло бы се радовао на Зору, коя ће нѣгове Богъ зна какве не реформе своимъ зрацима по свѣту Славлянскомъ разсути. Ту є почео износити на садашнѣ књижевнике, да неразуму єзыкъ и духъ нѣговъ; а намѣри се „коса на брусъ.“ У последњимъ му є броєвима Г. *К.* казао шта га иде. А ево ти другу делію, Г. *И. Брлића*, кои є изашао на мейданъ противъ нѣга. Сада незнамъ куда ће се позвати Г. *Р.*, ако се ніе разабрао и самъ себе опоменуо: „Къ себи руке девере!“ Богъ бы дао, те бы се прошо свои мука, а перо народніе зарѣзао. — И у горњимъ странама иде све лѣпымъ своимъ путемъ къ народной просвѣти. „Кметійске и рукодѣлске новице“ све се више разпростиру, и разносе лѣпымъ уреднымъ духомъ лучъ познаня самога себе и просвѣштеня живлѣмъ (елементомъ) народнымъ. Сада имаю већъ до 1,500 предплатника; и налазе се по градовима господскима као и по сеоскимъ кућама и кућарицама. Словенци настоє такођеръ изъ петны сила, да утемелѣ „Матицу“ за горнѣ стране. Писао ми є не давно угледанъ єданъ Господинъ одонудъ, кои є првый потакнуо своє земляке за тай уставъ, да ће основъ до мала ступити у животъ. Цѣль тога дружтва быти ће, подупирати народну књижевность за забаву и науку простогъ селяка, и награћивати найболѣ учителѣ народнога єзыка. — У Градцу се већъ єданпутъ започела печатати *Кремплова* „исторія Штаєра“ у Словенскомъ нарѣчію. Дѣло то изаће ће врло красно у двѣ књиге са прекраснимъ мѣдорѣзима. Народъ ю врло жельно изчекива и радуе се као мати првенцу. И томъ ће књигомъ опетъ доћи нашъ правописъ међу прость народъ горньи страна, кои га већиномъ већъ познає. — Толико у кратко. „Славлянске антологіе“ дѣлъ І. одъ кнеза *Орс. Почића* по свой прилици већъ є и къ вама дошао.*) Исто тако и *Рочићева* књи-

*) Іошъ ніе. Учр.

га.*) Изчекивамо одсадъ свакій данъ велику *Деметрову* драму „Теута,“ коя се печата у Бечу трошкомъ Матичинымъ. Вальда є томе закаснѣню узрокъ ненадана смрть ученогъ нашегъ земляка *Копитара*, кои на нашу превелику жалость премину у Бечу 11 Авг. Богъ зна, тко ће му быти наслѣдникъ у Бечу.**) Богъ бы дао, да буде опетъ наше горе листъ. — Будите здравъ! —

І. Р. Ц.

ИСКРИЦЕ.

XIV.

Паробродъ є као мостъ баченый преко мора, кои саєдинява разставлѣне народе, те више крца мыслій и чувства него трговине. Али треба, да на овомъ путу више се душе приближую него тѣла, да особита користь буде користь любави. Нѣки одъ насъ у Италіи ништа друго нетраже, него угодности празне и недостойне, да ласніе и оно покваре, што намъ іоштъ остаде одъ людске простоте. Таліянске су покладе рай за нѣке одъ наши, ніе ій много; али и єданъ самъ велика є жалость.

Докле свако трошенѣ безъ разлога небуде одъ свію осуђено као лудость погрдна, као опачина непоштена, као лупежтво право, дотле неће народима жалостнымъ добро быти. Бытће богатство, лажь и лисичинѣ, коє ће приправити потребу и срамоту.

Видимо страньска мѣста, приклонимо се умнінмъ одъ насъ, познаймо што намъ се хоће, и постараймо се, да то добыємо. Износимо плоде землѣ наше, нека ій други народи познаду, да насъ науче, како ій можемо мало по мало побольшати. Све оно што се пристои инымъ држабама, ніе користно за насъ; валя, да мы занате и умѣнѣ други направимо по станю нашемъ. Мы смо као човекъ якій, кои незна употребити снагу свою. Треба да многе ствари учимо као мало дѣте. Што є снага безъ понизности?

*) Ни ова. Учредн.

**) Тко му є наслѣдникъ види у бр .74 Србски Новина. Учр.

НАРОДНЕ СРБСКЕ ПОСЛОВИЦЕ.

(Скупіо Тодоръ Вланѣъ учитель).

Во се веже за рогове, а човекъ за єзыкъ.

Сврдо буши, ал' не руши.

Мама на тату, тата на маму осланяюћи се, я сирото дете оста гладно.

Два лоша избише Милоша.

Паренъ кашу лади.

После кише япунце нетреба.

Ко дубоко копа, тай управо збира.

Ко се бои шушня, тай непада у виръ.

Уи, ал' незуи.

Познає се светый по навечерю.

Рука руку умива, а образъ обадве.

Среци, па изреци.

Што ће быти у єсенъ, болѣ сада у вече.

Кои пази, тай негази.

Кои суруткy непросиплѣ, тай сира неєде.

Добро блеи, ал' се рѣаво музе.

На куряка вика, а лисица месо єде.

Добра речь гвоздена врата отвора.

Кои ћути, триста одговара.
На ћелавой глави ваши се нелегу.

НОВЕ КНЬИГЕ.

Човекомрзацъ и Каянѣ. Драма одъ петъ разреда. Одъ А. Коцебуа. Съ Немачкога превео Лазо Зубанъ, Членъ Совѣта Княжества Србіе и редовни членъ друштва Србске словесности. У Београду. У Княжеско-Србской Кньигопечатньи 1844. — На 12-тини, стр. 163.

Благородна Лажь. Драма безъ разреда. Наставакъ човекомрзости и каяня. Одъ А. Коцебуа. Съ Немачкога превео Лазо Зубанъ, Членъ Совѣта Княжества Србіе и редовни членъ друштва Србске словесности. У Београду. У Княжеско-Србской Кньигопечатньи. 1844. — На 12-тини, стр. 54.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 43. У Суботу 21. Октобра. 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА ГРОЦКА

Ж Е Л Я.

Пѣсма састављена одъ Матіе Бана у малой Азіи.

Овде сунце одъ источи
Све пребистру свѣтлость точи;
Вѣтрићъ овде на планини
Тихимъ дахомъ све ромони;
Све по цвѣту у равнини,
Ладну воду врутакъ рони;
Овде наравь одъ любави
Свой найлѣпшій посмѣхъ яви.

Ал' за мене ніе веселя,
Другди мене вуче желя...
Тамо, тамо, гди найпрвый
Данъ є мени засвѣтліо,
Гди се у моіой найпре крви
Пламъ любави упаліо...
Тамо, тамо блаженствене
Притежу ме успомене!

Дали и друга земля быва,
Гди ме блазный гласъ дозыва,
Край Дуная!.. све за славомъ
Ту юначко срце біе
Ту се пѣсмомъ пон гиздавомъ,
Ту народный стѣгъ се віе,
У блаженой ту слободи
Славлянъ лаке дни проводи.

Одъ отачбе моћь ме одбія,
Што й над-а-мномъ найсилнія:
Животъ веће племенитый
Я ћу тражитъ кодъ Дунаве,
Ил' лавромъ вѣнацъ свити,
Ил' нагласѣ друге славе...
Слава само садъ у мени
Може стоплит' духъ леденый.

ІОШТЪ НЕШТО О СРБСКОМЪ ГРБУ.

Іоштъ у 3. брою Подунавке т. г. нетко є пытао: шта значи на Србскомъ грбу крстъ, и шта ће рећи она четири писмена илити оцила? На ово є пытанѣ Г. П. Ч. у брою 35. исте Подунавке одговоріо, изразивши о томе своє мнѣніе. Ово є и мене побудило, да и я неколико рѣчи о Србскомъ грбу прословимъ.

Писмена на Србскомъ грбу ніе никада ни было. Но кадъ су Грци при Константину имали крстъ за свой грбъ, была су око нѣга четири ньиова писмена (*B*), коя су іймъ значила царство. А кадъ су Србльи доцніе дошли подъ новорімску власть, и мало по мало почели се вѣре христіянске примати, разумѣли су од-шта є постао у Грка грбъ — знакъ крста. Кадъ є Римскій царъ Константинъ у Єрусалиму воєвао противъ неки бунтовника, и у сумньи о побѣди био, указао му се є крстъ на небу више горе Єлеонске одъ звѣзда, и некій гласъ чуо, гди му се каже, да метне крстъ на барякъ свой, па да ће побѣдити. Онъ знаюћи старе своє обычає, да є крстъ найпоругателнія казнь за зле люде и оне, кои се буне у своіой држави, то му се мало чудно свиди, но опетъ метне крстъ по реченоме и побѣди противнике; и то му се допадне. Иза тога узпротиве му се жительи Византіе; идући онъ противъ Византіе, опетъ добыє вѣсть, да намести крстъ на барякъ, тако учини и побѣди Византію, и онда размышлявати почне, да пренесе тамо столицу Римску. Ту му гласъ доће, да є Максентіе, нѣговъ сопарственикъ, пошао изъ Рима противъ нѣга. Поће Константинъ Максентію на сусрѣтъ, сумняюћи о побѣди, ту му се опетъ яви, да намести крстъ на барякъ, и каза: „овымъ ћешъ побѣдити Максентія.“ У битки одоли Констан-

тинова войска Максентіевой; овай побѣгне преко воде єдномъ ћупріомъ, она се провали и Максентіє утоне. Константинъ намести столицу у новоме Риму, ослободи народъ христіянскій одъ гонѣнія, за 3. вѣка што є трпіо, прими вѣру Христову и онъ самъ, саліє куглу одъ злата, и украшеный крстъ на врх ове кугле метне, куглу у име свега круга земнога, како є онъ и мисліо да њиме влада, а крстъ у име господујуће вѣре Христове на цѣломъ кругу земномъ. Србльи, разумѣвши да є тай крстъ Грцима свуда помагао, пошто приме вѣру Грка, залюбе се и у њиновъ грбъ, па пошто добыю царства своя, узму онакіи грбъ, као и Грци, но нектену мѣнати писмена, него метну около крста четира оцила съ тимъ толкованѣмъ, да тко є приміо вѣру Христову, треба да трпи за крстъ сваку противность, као што є спаситель за родъ човечій на крсту трпіо, противъ непріятеля треба да є тврдъ као челикъ, као што є у челику ватра, тако да се у вѣрноме никадъ неугаси огань за вѣру, противъ непріятеля за осветомъ да єднако гори. Войници, кои су подъ барякомъ онда воєвали, сви су за то знали, свештеници и воће народа то су толковали. Но чудо є, како се то већъ заборавля, за коє бы човекъ жалити могао! — Г. П. Ч., што є у Сланцима видіо около крста четири млада мѣсеца, и чисто га побудило, да протолкує, то треба приписати некаквомъ невѣштомъ молеру, кои или ніє знао шта є, или ніє мисліо, кадъ є начертавао, на што му то иде, него нешто криво, што онъ незна шта є, пакъ окренуо на мѣсецъ. Ніє то тако, него то значи тврђу у вѣри и на оружію. — Я самъ примѣтіо іоштъ кадъ є Адолфъ Берманъ у типографіи быо, да у нашимъ грбовима оцила изгубише правый свой видъ, и посташе као неке крунице недограђене. Пакъ сада ето готови се и оно да се поквари, и безъ узрока да се приближимо къ Турскоме мѣсецу, илити да се враћамо на старе Израилћана обычає, кои вичу; „воструб'ите трубою в' новомѣсячіе.“ Мы треба мѣсецу подобателну честь да одаємо, начертаваюћи га подъ ногама матере Христове, као што у Апокалипсису стои. А зато, што смо мы данасъ съ турцима у пріятельству, нетреба да се увуче њиново знамењ међу наше старе обычне народности. — На Бошняке є коцка пала, да ји мѣсецъ устрашава. Они су были негда браћа наша, пакъ су имали крстъ на своме грбу, но одъ њега лако одусташе! Залуду имаю гвожђа доста, а и челика, кадъ су одъ насъ у свему слабіи, и назоръ себе у туђъ народъ преливаю. — Она четири оцила мы морамо свакомъ болѣ обзнанити изтолковати, и оне крунице лѣпше на оцила окренути, па ій за новъ Србскій народъ прекалити, да буду іоште ватренія, него што су некадъ была, и да варнице изъ њи у мѣсецъ пецаю! —

У Негришорима 7. Августа 1844.

Янко Михайловићъ,
Протоєрей Драгачевскій.

МОРСКІЙ РАЗБОЙНИКЪ.

У Октобру 1828. год. налазаше се Данске бригаде Анне Капетанъ Холлъ, ради трговачкогъ некогъ посла, у Бахіи у Бразиліи. Капетанъ наумн 20. овогъ месеца у Пернабуко изъ пристаништа навести се, да тамо еспапъ истовари и потомъ се у Европу поврати. У вече доће єданъ човекъ у црно япунце завієнъ на бродъ, и искаше съ Капетаномъ на само говорити. То му се допусти, и онъ му почне говорити слѣдујуће:

„Я се зовемъ Цернето и роћенъ самъ у Флоренцу. Одъ неколико месецій самъ у Бахіи, гди самъ донео различне одъ воска образе; но будући самъ врло мало съ њима заслужіо а неколицини се задужіо, коима одма исплатити немогу, то желимъ у Пернамбуко ићи, єръ самъ уверенъ, да ћу тамо пре и више заслужити, и съ моимъ се суровимъ кредиторима намирити. Будући су Браліліянцы врло немилостиви, и ако іймъ я и тврду вѣру дадемъ, да ћу іймъ изъ Пернамбука мало по мало одуживати се; то ми они опетъ вероватя неће. Међу тимъ самъ се известіо, да ће они моє вошт'ане образе сутра секвестрирати дати, зато ми ништа друго за спасти се неостає, него што скоріє одавде одпутовати. Чуємъ, да ће ваша лађа са зоромъ сутра у Пернамбуко запловити; зато васъ найпокорніе молимъ, да мене съ вошт'анимъ образима, коє ћу у 5 сандука пометати, примите, и свето вамъ се обећавамъ, да ћу велику услужность, кою ће те ми съ тимъ указати, чимъ у Пернамбуко приспѣмо, на найболый начинъ богато наплатити. Я ћу се зато постарати, да безъ свакогъ препятствія сандуцы одъ стране митнице проћу, будући є єданъ одъ пристанишнтны стражара мой землякъ, кои ће гледати мой трагъ, колико є могућніе, забашурити.“

Капетанъ ућути, али хитрый Флорентинацъ знаде му се тако улагати, да му онъ дозволи

съ њиме путовати. Задовољно иде Флорентинацъ, и око поноћи были су сандуци съ њіовимъ имаоцемъ на броду. У ютру дигну се котве и лађа съ поспѣшнымъ ветромъ одплови. — Више дана пловили су безъ да іймъ се игди ма шта неповольно случило; Флорентинацъ био є способанъ за дружство а знао є наклоность Капетана добыти, тако, да є онъ свакогъ дана често на кровъ лађе изилазіо, да бы, као што онъ говораше, видіо, да л' нѣгови вештани образи ненарушими стоє. Ово є породило сумню у корманошу али су нѣгова увѣштаваня одбачена была, єръ є будаласто, да се 10 наоружамы и яки людій одъ єдногъ безоружаногъ човека, страше. Но єдне ноћи кадъ є половина њи у дубокомъ сну была, чує стражарећій матрозъ некій топотъ на крову лађе, кои се тако брзо распрострео, да, кадъ є Капетана о томъ известити ктео, ови су му се на заповесть њіовогъ повелителя противоставили. 12. са свимъ наоружана угурсуза изскоче као да су изъ землѣ израсли и нападну на матрозе. Капетанъ съ корманошемъ и іошть троицомъ матроза буде убієнъ. Єданъ матрозъ, кои се одъ страшне вике пробудіо съ єднымъ лађарскимъ дечакомъ спасу се на чамцу, на комъ се безъ ране, компаса и други нуждны стварій предаду волнама. После млогогъ лутаня и съ великимъ трудомъ довате се они Бразиліянскогъ приморія гди Данскогъ конзула о овомъ случаю изveste.

Наскоро затимъ дозна се, да є маскиратый Флорентинацъ морскій разбойникъ, кои є пре краткогъ времена свою лађу у бури изгубіо, и да є са 12 свои другова, коє є за лажне вештане образе на данской бригади издавао, побего.

Светозаръ Іовановићъ
Слуш. II. год. Философіе.

ЛИСИЦА И МАГАРАЦЪ.

Лисица поће єданпутъ у башту да краде, и позове магарца у друштво. — Кадъ приспу тамо, провуку се кросъ єданъ потайный проломъ, гди ій нико опазити немогаше, зато могли су безъ икаквогъ презаня уживати све, што су туда по оближньой околини нашли. Но магарацъ незадовольи се само са тымъ, већъ поредъ свію савѣта мудре звѣрке, упусти се удубльину чете, гди є мложество свакоякогъ воћа опазіо, и лакомо нападне єсти найкрасніе грожђе, тако, да ніе ни осетіо баштована, кои се иза леђи нѣговы привукао бяше. Немылостиво садъ разлюћеный баштованъ поздрави ти нашегъ магарца съ єднымъ повеликимъ айдамакомъ, па и уздуж' и попрѣко колико игда може удри. Доћканъ є кукаванъ магарацъ пожеліо нѣговъ милый пролазь! Тек' после жестокогъ боя єдва се спасе, проклинюћи затымъ лисицу, као да є она крива, но она му ладнокрвно одговори: „не куни ты мене, што самъ ти добро учинила, већъ тебе што си магарацъ! — “

„Блаженъ онай, кои свагда на послѣдакъ мысли, и лакомымъ очима се занети недаде. Онъ никаква зла у своме животу нечисли, кадъ и съ малымъ разумомъ се задовольит' знаде!“

Іованъ А. Илићъ.

ТРНЂ СА ЦВЕЋЕМЪ.

Некій незнатанъ путникъ буде на граници заустављенъ и одъ стражара єдногъ унитанъ, да тко є онъ? Путникъ нѣму нато одговори: „Я самъ бояція!“ „Дакле кадъ си ты тай, а ты се на страну уклони.“ Запыта га бояція, да зашто се съ њиме тако строго поступа? — Одговори му стражаръ: „кудъ си ты пошао, тамо посла добыт' нећешъ, а къ томе добро знай, да є онде прошня яко забрањена. — Путникъ на ово єдну кесу талира приказуюћи, одговори: „я за прошню нужде немамъ.“ На то стражаръ одма свою капу скине, и путнику рекне: „Вы бы заиста могли тако добри быти, да мени єданъ одъ ваши сяйны талира поклоните.“ Путникъ одговори: „Я бы драговольно тако што учиніо, но вама є добро познато, да є прошня овде сасвимъ забрањена.“

Зора.

ИСКРИЦЕ.

XV.

Одъ колѣна до колѣна простире се милосрдіе Божіе и покрива породице наше као шаторъ у пустиньи. Што є, жалостни мы! нашъ животъ у животу свѣта? Мы смо као капљ у великомъ мору, врху кога бродъ човеческога народа садъ ядри, садъ се вози, те зноєнъ своє мѣша съ немирнимъ водама, садъ стане као пригвожђенъ, садъ трчи као манитъ. Радимо за найдальне унуке наше, а тада ћемо радити и за насъ. Неможе добро да живи управъ двадесетъ година, а неможе на две стотине. На-

дежда као и око валя, да све наоколо хвата, планине и долине, да негледа само оно, што намъ пада предъ ноге. Животиня тако живи али любавь крила има: колико у прошлость, толико у будућность она лети. Столѣтія су сати. Онай, кои ће доћи и после хиляду година, онай є одъ исте породице наше ближньій нашъ правый. Дигни, човече, очи выше себе, разшири душу сгрчену. А ты отче живы и мртвы, ты, прама коме иде време као магла прама сунцу, ты намъ помози, да гледамо людске користи съ твоимъ высокимъ предвиђенѣмъ, да грлимо незнане, мртве и непріятелѣ съ истымъ грлѣніємъ небесне любави.

СПОМЕНЪ

ЂОРЂУ ЗАБОРСКОМЕ,

надежде пуноме, у найлѣпшемъ цвѣту младости преминувшему младићу, Славляну, и правдослову и пріятелю своме

одъ

ІОВАНА ЛАНГХОФФЕРА.

Словенскогъ учителя у Старой Пазови.

КЪ БОГИНЬИ СЛАВИ.

О ты Славо сви Славяна мати,
Кажи, зашто ты сыну твоме
Нашемъ Ђорђу Заборскоме
Ниси хтѣла животъ дужій дати?

Него у найлѣпшемъ нѣг'вомъ цвѣту,
Теби на шкоду, нам' к' жалости,
Вредногъ младића у младости,
Отела си славлянскоме свѣту!

Ако се ты іоште бринешъ за насъ,
Зашто недашъ дуго живити,
Онымъ, кои могу намъ быти
Одъ користи вел'ке у свакій часъ?

Єдну молбу само шилѣмъ къ теби:
„Хоћешъ ли насъ са тимъ казнити:
Да можемо баремъ трпити —
Подкрѣпи насъ, — или узми къ себи! —

Покойникъ є быо єданъ одъ они редки Славляна нашега вѣка, кои се труде да сви Славлянски народи све ближе и ближе заєдно себе познаваю, єданъ другога подучаваю, на путу просвѣштенія подпомажу и овако єданъ другога ублажаваю. Много є онъ добра Славлянству за врло кратко време учиніо, и много іошть више се одъ нѣга надати могло. Ученость є у нѣму была на онако млада лѣти редка, посленость безъ одмора, любавь Славлянству подражанія достйна, тако да се о нѣму рећи може, да є быо совршенъ младићъ. Ове рѣчи найболѣ засвѣдочаваю нѣгови многобройни дописи изъ Пожуна у Србскимъ Новинама подъ знакомъ ‡ и у Подунавки съ подписомъ Ђ. З., а осимъ тога и нѣгово, полакъ у Татранки печатано, а полакъ у рукопису заоставше дѣло: „Србія у деветнаєстомъ столѣтію.“ — У 22. години нѣгова живота пао є у болесть суботинѣ (Hectica) и наконъ 6. мѣсеца болести своє, на неизмѣрну жалость нѣговы пріятеля, и на велику шкоду сви Славляна, постаде жертва ништа нештедеће смрти. Земля му лака! —

НОВЕ КНЬИГЕ.

Історїа на великій Александра Македонца. Ко́то о́писѹва неговото рожденіе, животъ, юначество и смр́ть. Прѣведе отъ Гр́цки, Ка́рловскій Славено-Бѣ́лгарскій ѹчитель, Христо П. Касїа́евъ Протопоповичъ о́тъ Карлово. Бѣлградъ. Къ Княжеско - Ср́бската Тупографїа. 1844. — На 8-ку, стр. 160. (Съ 1571 предчисленикомъ!!! —)

Лѣтный Крінъ или страданіе святыя Великомученицы Маріны. Списано на просто-болгарскій языкъ. Изданіе перво. Печатано въ Цариградѣ, писмены трудолюбивыя пчелы, лѣта 1843. — На 12-тини, стр. 48.

Бачка Вила. Издао на свѣтъ Дръ Петаръ Іовановићъ. Свезакъ трећій. Musa Bacsiensis. *У Новомъ Саду* 1844., *Трошкомъ П. И. Стояновића Књигопродавца. Изъ Типографіе Катарине Янковића удове.* — На 8-ку, ст. 166.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 44. У Суботу 28. Октобра. 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА БЕОГРАД

ЗУМБУЛ-МОМЧЕ, КАРАНФИЛ-ДѢВОЙЧЕ.

Тіо Сава у Дунай отиче,
Іошъ тише ньой момче се примиче,
Зумбул-момче рано поранило,
Мысли младо, да є зора руйна,
Мысли момче, ал' се чуду диви:
„Одкуд', Боже, двіе у сунашца,
„Двіе данасъ звѣзде преоднице? —
„Што л' ми данасъ, ко никада, сунце
„Изъ малене с' отуд' раѣа Саве?
А то быя Каранфил-дѣвойче;
Съ оне стране лѣпота се купа;
Зенице іой — две данице сяйне —
Руменило млаѣаны образа
Зумбул-момче ютромъ одпочинише.
Па кадъ зачу Каранфил-дѣвойче
Преварено своє Зумбул-момче,
Прену сміят', момчету се ругат'.
Люто бѣше Зумбул-момче младо,
Дѣвоячке нерад' трпи шале:
„Стани, враже, да т' обсѣну платимъ!"
Па се вину чуномъ преко Саве.
Хтѣде бѣжат' Каранфил-дѣвойче:
Ал' су тежки Ладини окови..
Ни съ мѣста се немож'.. ядна.. кренут'..
Вечъ чимъ стиже младо Зумбул-момче,
Паде у чунъ момчету на крило.
Онъ є люби, грли, люби, люби.

Ђ. І. П. Б.

ВЕЧЕРНЬИ ЧАСИ.

І.

Премили и очекивани съ найвећомъ чезньомъ єсу за мене вечерньи часи; као пристаниште мороплавателя што усхиће, тако они мене са своимъ миромъ и, одъ свію жительски брига ослобоћена, съ благимъ духа разположенѣмъ за тихій санъ приправляюћи, сасвимъ пожелани сусретаю — и као дете дуго, предуго тежећи и чезнећи за матере прсима — съ некимъ одушевлѣніемъ дочекивамъ я ньи, аки да су они єдино утециште, гди моє бриге, туге, радости, желѣ и надежде безъ обзира бавиви се могу, и безъ да су на опрезу, да ће ій кои трећій као на зломъ дѣлу увребати, сасвимъ се утишаваю, мекше и лакше постаю, сносиме већма него икадъ, умерене и расређене, вештіе нег' и при самомъ извршиваню. Єднымъ словомъ све ми є у ньима; у ньима живимъ, съ ньима радіе живимъ. Та у ньима на све моє пріятелѣ и другове миле, добротворе драге, мыслимъ, предъ очи ій ставлямъ, и као да душа моя, у ньиову се преливаюћи, у особиту живости постепеность долази, па ме храбріимъ и бодріимъ чини, више силе подае, кадра прави, найвећа пожертвованія и са живота опасности за добро, мило и любезно предузети, у тимъ сву радость налазећи, што є баръ у то разположеніе могла поставлѣна быти. И то се све има часовима вечери благодарити, єръ се у ньима тай помышляй роди. — Кудъ да смѣстимъ хвалу овы блажены тренућа, гди л' да іймъ благодарность одамъ? Ніе л' у нѣдра створителя природе, кои се и за мене мравка постарао, такимъ даромъ обрадовати ме? Теби, о Творче благій, припадамъ разнѣженъ у детиньской срца нагости и разкаянъ збогъ гдикоя противъ твоє мени Тобомъ усаћене запсвести поступака, и у дубокомъ осећаню моє човечности Тебе преузносимъ у души као найвышегъ добротвора, найбрижльивіегъ и найугодніегъ отца; єръ су Ти сва дѣла блага. Прими мою признателность као жертву повольну; но прими купно и целость моє благодарности спрамъ оны, кои су ми одъ

тебе послани за моє спасеніє, за моє обдржаванѣ, а особито коима зраку, дану живота, и до данашнѣгъ траяня понайвише благодарити имамъ. Ты ньима у благости твоіой подай, да се и они обрадую полученѣмъ свои кротки желя, да и ньиове молитве предъ тобомъ съ милосћу саслушане буду, и на мене се и у томъ уживаню, као на мило іймъ Твоє створенѣ, опомену и любе. И зато да сте благословени часови!

У болѣмъ предѣлу налазећій се путникъ, трудъ, уморъ и претрплѣне непогоде заборавля и срце отвара дошавшимъ задовольствама; целогъ дана свету служећи, све сладке предмете одлагаюћи за болѣ доба, утруђенъ радомъ и забавомъ тѣлесномъ, кадъ и мени вы приспете, вечерньи часи, новъ светъ наилазимъ, чистіє и светліє духа крайне наступамъ и у царству, гди се могућность одъ немогућности разстаєе, бриге полажући, оданявамъ, съ нова приправлямъ се, разонодаваюћи прошлость одъ будућности, садашньости уживати магновенія, у коима текъ выше суштество сматрамъ и довольимъ се, да самъ и я светъ видіо, у нѣму се бавіо — неку часть, опредѣлѣну ко уживаню, изпріо, и да се нелакомимъ за другомъ, но да ми є нѣно притяжаніє іошъ и садъ као добродошло. Ту изъ далека єздеће и повраћаюће се у свой станъ радо примамъ, за кратко и слаће ми є ньино пришествіє у тай ма него другдашъ.

II.

Вечерньи разореня душевногъ часи, часи очаянія црногъ, и непостижимогъ суштества, сумняня породе, у ваша се нѣдра бацамъ, примите ме и вашомъ частицомъ, кадъ се найвећа на полю буре появлюю страшила, учините, да прочишћенъ ньиовомъ паромъ и прохлаћенъ духа ньиногъ саюзомъ, безъ сваке мысли, коя бы ме на станѣ могъ живота опоменула, у дну душе моє сатворимъ храмъ, гди выша добродѣтель, при лебденю лепы идеала, да борави сладкій санъ райске среће. Ахъ! зашто се гроза ваша у црной ноћи завѣси тако страовито появлює, зашто ли є души моіой пожелана? Сва живота покаянія и савести гризеня доводећи на паметь, вечерньи часи, заръ тишиномъ и лаганымъ ходомъ вашимъ, ужасъ и свію чувства и найнѣжніи стрепенѣ приводећи, будномъ оку као живо представляте будућа пакла мученя, и умете ньи већма умножавати? толи оно немарльиво душе разположенѣ, коє вы производите, да га тренуткомъ у вечногъ колебаня бездну претварате, гди се духъ топи безъ надежде избавлѣня? Не! не! Пріятно є земльотресеніє за неподвижиме тварке и духу є ваше траянѣ умилно, почемъ га за кратко успавати удостоите. О! не не! О! не не! у вама є онай чаръ, оно обаяніє, коє се залудъ у света окретаю и дана течаю тражи. Вы сте жалостноме неаръ, изъ кога смрть ил' цѣлбу црпи; мени є прво у частъ.

Зора и данъ смртноме найумилніи сачињаваю при уживаню светски дражестій предметъ, сватко іймъ се осмева, ньи своимъ другомъ предпочитуе времену, одъ ньи све иште, у ньима све налази; мени мрка ноћь и вечерньи замышлѣня и мучаня часи, самогъ себе раћаюћи, заборавъ остаю, у комъ, одъ света и присутства други (сретніи) удалѣнъ, моіой оживлѣной меланхоліи у наручія се предамъ и плачнимъ очима са свы страна изгледамъ предметъ, помышлямъ, потресаюћи савъ душе саставъ, на празный кои, за мене оставлѣный край, гди бы се вавекъ, докъ дани траю, прикривенъ затаяти могo, изгублѣнъ и самоме себи.

Паднувъ о тле, съ праомъ помешанъ, цвилећи у огорченю, иштемъ разблаженіє одъ васъ — вечерньи часи: тихо и мртвачкомъ тишиномъ спровођени протичете, безъ да се мене коснете, — допуштате, да духъ презне и заостане у истомъ степену разслаблѣня, неприхваћате се кретанѣмъ и пролазкомъ вашимъ, кога сва подпора у вашой почива власти, коюбы, само вама подану, одъ васъ текъ примити могo. Све, све є у вашой власти, и тако ли да проћете? Но я се вама светимъ, што себе стрепельива, и на сва ваша гора и оштрія покушеня готова осећамъ, удублѣнъ проницанѣмъ духа у оне часе, гди ће се миръ и покой душе моє съ тишиномъ вашегъ течая сусрести — по смрти.

К. С. П.

СТАРИНЕ.

Као свуда по земльи, гди су народи живили, и съ єдногъ мѣста на друго премѣштали се, или одъ веће силе нападани и угнѣтавани были и пропадали, остатци показую некадашню славу и величину оногъ народа; тако, измећу

осталы мѣста и паметника Србске државе, у Срезу Студеничкомъ Окружія Чачанскогъ наоди се наши православны источны, негда Христу Спасителю нашемъ служећи 35. црквій, осимъ далеко чувеногъ и славногъ монастыра Студенице, одъ кои сада само две суштествую, у коима свештеници Божію св. литургію савршую, а проче су све, коя манѣ, коя више зубомъ времена порушене. У числу овы црквій стои и монастиръ Градацъ, когъ нѣгова величина и порушени зидови издаю, да є нѣгда славный монастыръ био. У нѣму се налазе две, съ десне и леве стране, у добромъ станю одъ финогъ мермера сграђене гробнице, коє казую да су св. Константина и Єлене, — на кои празникъ изъ дальи предѣла свѣтъ на богомолю нѣму у мложини врви. Надписа или каковы други знакова, до изображенія светителя, никаковы неима! —

Све ове цркве одъ доброгъ су матеріяла сазидане, и моловане быле, у коима се и сада изображенія наши светителя на дуваровима видити могу, кои су сви тиранскомъ рукомъ изгрђени.

На граници поменутогъ Среза кодъ села Бркуша и Себимиля спрама Новогъ-Пазара и сада стои блаженопочившегъ Вожда и Господара Србскогъ Карађорђа доста пространый шанацъ, кои є реченоме граду Пазару тежке яде и муке задао и приморао га, главу приклонити му. — Близу шанца стои одъ землѣ умка съ великимъ одъ дрвета подигнутымъ крстомъ.

Будући є вишепоменутый Срезъ страшно планинскій и брдовитъ, зато му є и природа даровала млоге долине и дубраве, изъ кои камениты стѣна прекрасни источници извиру и здраву у мложини воду даю, тако, да, осимъ малы рѣчица и потока, 25. рѣка Срезъ истый просѣцаю, коє све своє источнике, главе, у нѣму имаю, изузимаюћи рѣку Студеницу, коя извире у Враћаници у Окружію Ужичкомъ, на коима и лѣти и зими воденице мелю, и прекрасну рибу: пастрму, липенъ, младице и т. д. у себи богато имаю. Све ове рѣке у осамъ слію се и у рѣку Ибаръ утичу. —

Мата М. Крапинићъ.

СМЂСИЦА.

ОДЪ ВРХОВНАГО НАРОДА СРБСКОГЪ ВОЖДА.

Поштенородному Господину Гаврилу Николаєвићу. Приверженость Ваша к' лицу моєму, вѣри православной и отечеству нашему явно є мени, обратило є наше вниманіє на Васъ. Пріимите награжденіє, поставлямо Васъ за Секретара при великомъ Суду вилаєтскомъ, и садъ овимъ удовольствуйте се. Увѣрени мы, да ћете Вы у будуще благоразуміє Ваше на ползу и славу отечества и всѣмъ на удовольствіє употребити и чинити, да и впредъ будемъ Вами благодаранъ и благосклоный.

У Београду
Февруара 8. 1811.

Верховный Сербскаго Народа
(М. П.) Вождъ,
Георгій Петровићъ.

ПОЗДРАВЛЂ

Одабранымъ слушательнма II. год. философіе у лицеуму К. С.

Стан'те звѣри, стан'те птице,
И осталый Божій створе;
Стан'те рыбе плискавице,
Што пловите синѣ море,
Докъ другове поздравимъ!

Амо браћо у нѣдра ми драга,
У єданъ путъ да васъ загрлимъ!
Дође време, те се растадосмо —
Тугу жертвомъ ниште муза ми —.
Ево вама, о мили другови,
Нѣжногъ срца отворена дверь;
И удалѣнъ сећамъ я се васке,
И удалѣнъ споминѣмъ се васъ;
Ако ми и ниме єсть єднако
Съ онымъ, кои непознае мен';
Онай, кои ми сузу прежалостну
Изъ очію гордо истера!
Поздрав'те ми другови вѣрни,
Поздрав'те ми мѣста премила,
Кудъ самъ съ вама найрадіе од'о,
Кудъ самъ съ вама животъ блажіо.
А садъ съ Богомъ, и одавде прим'те
Жаркогъ срца любкій ми поздравъ. —
Срцу съ вама необычно с' растат' —
Души тежко съ вама не быти —;
Око моє безъ васъ горко сузи,
Необычне гледећ' предъ собомъ,
Рука дркти, када перо узме,
Вамъ да пише, што єзыку даръ:
Дакле съ Богомъ, муза мене вниче,
Растаяня некъ є срећанъ часъ!

Премила браћо, драги другови!

Пишимо Музо друговыма сладкимъ, кажимо, како необично вамо мы безъ ньи рѣдко, блага! пѣвамо; кажи іймъ, како сада ронимъ сузе, кадъ пишемъ рѣчи, кое ће читати. — Єсть истина, о дружбино мила, да ми є найтеже бесъ васъ! Овамо има више людій, више кућа, али ни єдногъ єдиногъ Србина. Прагъ є лѣпа варошь, свуда около нѣга и крозъ нѣга стоє редосади (Alee), крозъ нѣга тече рѣка Молдава, коя у себи има два повелика острова, гди є свагда веселѣ и часть, но я нисамь тамо, неиде Љубомиръ безъ васъ —, рѣдко се кадъ сѣти изиђи на сокакъ, а кадъ изиђе, коликій є пустый Прагъ, савъ у накрстъ проће одъ лютине. Врло ми є тежко! іоштъ докъ оде Г. Шафарикъ, (кои є заиста єданъ између найбольи людій, и кога препоручуємъ вамъ, као друговыма, да га особито уважавати) сасвимъ бытће ми. — Гледатћу, да после године дана одма доћемъ у Србію, єрбо: кромъ Србіе нигди болѣ ніе; — ал' тако є, я нисамь знао, да човека може преварити надежда! —

У Прагу, 8 Августа 1844.

Љубомиръ П. Ненадовићъ.

ИСКРИЦЕ.

XVI.

Юго-Славлянскій духъ смѣлый и весео низходи све више и затвора се у себи. Животъ за многе ніе него комадъ хлѣба, купе га съ дикомъ, купе рану тѣлесну съ душомъ. Болѣ бы іймъ было орати и копати, него тако народно свойство грдити. Два народа смо у єдномъ пуку, — капа и клобукъ нису иста отачбина; лѣчитель и месаръ неговори истый єзыкъ; тежакъ и трговацъ су као непріятельи. Валя клобукъ да се поклони прамъ капи; у овой є особито народность, достойность и срце. Поправляймо народну неизврстность, народне ране видаймо; но поправляюћи и видаюћи почитуймо народъ са свымъ срцемъ нашимъ. Одъ нѣга учимо нашъ людскій єзыкъ, а некваримо га мудрымъ нашимъ варварствомъ. Учимо повѣсть нѣгову, да намъ новый животъ буде као наслѣдованѣ старога и непрестано узвышенѣ.

НАРОДНЕ СРБСКЕ ПОСЛОВИЦЕ.

(Скупіо Тодоръ Влавћъ учитель.)

Кои ніе благодаранъ на мрвици, ніе ни на комаду.

Марици у мрвици нема ништа.

Ко се чеше, гди га не сврби, тай се често грби.

Ко незна ценити важность сокола, онъ га држи за кобца.

Ко данасъ изгуби врећу, сутра ће и већу.

Данасъ кокошку, а сутра ни яє.

Има га радо, ко со у очи.

Кадъ се вашъ наєде у опанку, оће после и за врагъ.

Гласъ до неба, а репъ се по земльи вуче.

Слази съ кола, цаба ти кирія.

Споля гладацъ, а у среди ярацъ.

У корняче є слабо тело, али яка кора.

Хвалѣне ягоде, празне котарице.

Што є брзо, то є кусо.

Кои лакше иде, далѣ одлази.

Курякъ длаку меня, али ћудь никада.

Кога назову курякомъ, тай ягнѣ ниє ни біо, а курякъ ће и остати.

Кадъ упру виле у очи, онда треба да ил' виле пукну, ил' оч изкоче.

Єдна паметь, ил' улето ил' у зиму.

Кои носи, не проси.

Ко се лебомъ игра, тай ни проє неће єсти.

ПОПРАВКА.

У последнѣмъ числу Подунавке подкрало се неколико већи погрѣшака, кое се имаю овако поправити: на стр. 170 у првога реда 13 врсти: „царства своя," - „царство свое;" у 15 врсти „четиря," - „четиря;" у 49 врсти: „устрашава" - „украшава;" на стр. 175 у првога реда 14 врсти: „наоружамы" - „наоружаны;" подъ Искрицомъ у 11 врсти: „на" - „ни;" на стр. 172 у другога реда 9 врсти: „лѣти" - „лѣта" у 11 врсти: „достйна" - „достойна."

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 45. У Суботу 4. Новембра. 1844.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД *

НЕВЂРНОЙ ДРАГИ.

Срцу негда мила,
Души пожелана
Ты си, драга, была
Пре данашнѣгъ дана;
Ал' одъ данасъ лѣпа
Кри се одъ мог' гнѣва,
Любоморства слѣпа
Мачъ осветомъ сѣва.
Зашт' се крієшъ злато
У то людство често,
Ахъ! кадъ ти є дато
У дну срца место? —

К. С. Поповићъ.

СРБИ И ЊИОВЕ НАРОДНЕ ПѢСМЕ.

(Продужено изъ № 34 Подунавке г. 1843.)

Да се у поєдине поетичне одломке, кои славянскій народный епосъ сачињаваю, постоянъ редъ уведе, нуждно є почети одъ повѣсти о постанку цркве Раваничке. Царъ Лазаръ, онай благородный младићъ, кои є кнегиню себи за супругу узео, и на престолъ Србскій ступіо, овде се на врху своє силе и славе показує; овде онъ великолѣпно слави своє крстно име, торжественый кодъ Славляна данъ. Позвана сва Господа цѣле државе сѣде за царскомъ трпезомъ, и часте се. Траюћемъ обѣду примакне му се супруга нѣгова царица Милица, оногъ времена найлѣпша госпоћа, у сяйной одѣћи, кою пѣсникъ обстоятелно одъ главе до ногу описує, и премда є необычно было у то доба мужу се приближити, а іоштъ манѣ съ њиме што говорити, изясни се, да она далѣ таити неможе, шта іой є было на умъ дошло; па казываюћи, како су преодници нѣгови одъ Немањиногъ поколѣнія, нештедећи блага, цркве и монастыре дизали, почне задушбине њіове редомъ изчисљавати. Ово є изложеніе за Славлянску исторію одъ велике важности, исто тако као напомене у Иліяди о постанку нѣки градова, на кое се доцніе Грчки историописци често позываю. Царъ Лазаръ рѣчима своє супруге побуђенъ обећа, да ће онъ у Ресави на рѣки Равану цркву сазыдати, какве іоштъ нигда ніе было. Темель ће іой одъ олова дубоко у землю ударити, зидове ће одъ сребра градити, златомъ ће ю покрити и бисеромъ подшизати, а изнутра сву ће драгимъ каменомъ накитити. Сва господа устану на ноге, поклоне му се и похвалюю нѣгову намѣру. самъ єданъ Милошъ Обилићъ, онай истый, кои є доцніе Мурата убіо, недиже се са свога стола, но сѣдећи чита књигу цароставну, коя у Славлянскомъ стихотворству заступа Грчкогъ Калхаса*) и пророчица є при свакомъ важномъ предпріятію, и при свакой пресудной битки. Лазаръ то видећи напуни чашу и наздрави є Милошу, говорећи: „У твоє здравлѣ войводо Милоше! ал' намъ кажи и ты твоє мнѣніе, да ли ћу цркву зидати?“ — Милошъ скочи на ноге, и са самур-калпакомъ у руци поклони му се, узме пеаръ, али вино непіе, већъ овако му одговара: „Хвала теби, кнеже, на твоіой здравици! Ты ме пыташъ, валя ли цркву градити? Ніе тому сада време! Већъ узми књиге цароставне, па гледай шта намъ оне кажу: настало є опасно за насъ време, отети ће намъ Турци царство, Турци ће скорымъ овде господари быти, они ће наше монастыре порушити, цркве ће намъ оборити, и твою Раваницу са земљомъ сравнити. Они ће темель одъ олова ископати, у ћулета ће га са-

*) Грчкій пророкъ у Троянскомъ рату.

лити', и наше градове коначно разорити; одъ сребрны зидова направитће си накитъ за атове; растуритће златный кровъ, и коватће одъ нѣга ћердане кадунама, а бисеръ ће своимъ кћерима на вратъ нанизати; драгій каменъ ће повадити, и ударитће га своимъ сабљама у балчаке (држке) и кадунама у прстенѣ. Него чуй славный кнеже Лазаре! болѣ заповѣдай, да се темель цркве гради одъ гранита-камена, зидови одъ мермера, а кровъ одъ печене циглѣ, да, кадъ намъ Турци землю освоє, наша црква више столѣтія Богу на славу служи, єрбо одъ камена никомъ ни камена." Чувши то кнезъ Лазаръ захвали му, и по савѣту нѣговомъ учини, єръ и данъ данашньій постои у Србіи Раваница, у Србскимъ пѣсмама славна. —

После овогъ одломка, кои жалостно предчувствованѣ будући несрећны догађая изражава, мого бы се другій случай навести, кадъ се Султанъ Муратъ съ войскомъ већъ приближує, и Лазара позыва, или да се преда или на Косово доће.

„Султанъ Муратъ доће на полѣ Косово, и тамо дошавши пише писмо цару Лазару, и шилѣ га цару на колѣно."

„О Лазаре! ты царе Србіє! нити є было, нити ће икада быти, да єдна земля има два господара, и єдна рая плаћа два арача. Мы обоє заєдно владати неможемо, већъ пошльи ми ключеве и арачъ, пошльи златне ключеве свію градова твои, и арачъ одъ седамъ година. Ако ли нећешъ то учинити, а ты доћи на полѣ Косово, да сабльомъ землю подѣлимо."

„Кадъ є Лазаръ Султаново писмо прочитао, заплаче се горко, онъ плаче и люто проклинѣ: ко недоће на полѣ Косово, нигда неимао среће, неродила му у полю пшеница, у брду винова лоза." —

Овде треба остало, што намъ позориште представля, придодати. А то є посланѣ сокола одъ пресвете Богородице изъ Єрусалима, да запыта Лазара: шта воли? небесно ли царство или земно?

Полетіо соко тица сива
Одъ светинѣ одъ Єрусалима,
И онъ носи тицу ластавицу.
То небіо соко тица сива,
Веће біо светитель Илія;
Онъ неноси тице ластавице,
Веће кньигу одъ Богородице,
Однесе є цару на Косово,
Спушта кньигу цару на колено,
Сама кньига цару беседила:
„Царе Лазо, честито колено!
Коме ћешъ се приволети царству?
Или волишъ царству небескоме,
Или волишъ царству земальскоме?
Ако волишъ царству земальскоме,
Седлай конѣ, притежи колане,
Витезови саблѣ припасуйте,
Па у Турке юришъ учините,
Сва ће Турска изгинути войска;
Ако л' волишъ царству небескоме,
А ти сакрой на Косову цркву,
Неводи іой темель одъ мермера,
Већъ одъ чисте свиле и скерлета,
Па причести и нареди войску;
Сва ће твоя изгинути войска,
Ты ћешъ, кнеже, ш' ньоме погинути."
А кадъ царе саслушао речи,
Мысли царе мысли свакояке:
„Милый Боже, што ћу и како ћу?
Коме ћу се приволети царству?
Да или ћу царству небескоме?
Да или ћу царотву земальскоме?
Ако ћу се приволети царству,
Приволети царству земальскоме,
Земальско є за мало царство,
А небеско у векъ и до века."
Царъ воледе царству небескоме,
А него ли царству земальскоме.

Нигди се христіянска помысао, нову стихотворства сгазу починюћи, тако ясно и разговетно изражена непоявлює, као у овой Славлянской пѣсми. Као што є познато, стари юнаци были су люди срећни, богати, здрави и яки. Омиръ свагда држи богате и силне за сынове и любимце Богова; а напротивъ бѣду и несрећу сматра онъ као знакъ немилости и гнѣва Божієгъ. Ово понятіе служи за основъ епопеє, и юначка пѣсма онде се свршує, гди несрећни догађаи юнака починю. — Кодъ христіянски поета, любовны пѣсника, и трубадура,*) премда они у моралномъ погледу више стоє, и у кньижевности су савршенін одъ Славляна, опетъ се оваково Еванћелію сходно описаніе неволѣ и патнѣ неналази. Нарочито поздніи стихотворци, кои су кньижевно изображени были, и помоћу стары, кадкадъ и самы

*) Поете среднѣгъ вѣка у южной Француской.

Грка писали, често су преданія сѣверны и Нѣмачки народа слѣдовали. Мысао о пожертвованю самогъ себе принадлежи посве Српской епопеи; она ништа друго ніе, него само єдна приповѣдка велики пораженія и несрећны догађая. Тріумфъ опредѣлява на небу, а на земльи само славу свои витезова тражи, а напротивъ поезія новіегъ времена, и пѣсме опетъ у язычество повративши се народа понайвише тѣлесну моћь хвале. Ово почитованѣ снаге и тѣлесне моћи, коє се у почетку државне историје старогъ вѣка появило, свршує овде дѣла народа.

(Продуженіе слѣдуе.)

НЕШТО О ДУБРОВНИКУ.*)

Одъ Матіе Бана.

Дубровникъ є постао съ разрушенѣмъ Епидаура, свѣтлога града, коєга старина изъ времена Мойсеовы изтиче, и земля бияше єдна одъ првы у Европи, гди є Азіятичка изображеность бацила жиле. Кадамъ,**) са своіомъ супругомъ Ерміономъ, и съ другима свога порекла, бѣжећи одъ неблагодарны граћана Тебански, склони се у овай гостолюбивый градъ, гди нашавши народъ у рату са сусѣдима, за войводу представи му се, поведе га на побѣду, па одъ нѣга буде кралѣмъ учињенъ. Іоште се види на романтичкимъ клисурама, коє са стране одъ мора склапаю прекрасно полѣ Канавоскю, єданъ написъ са Феничкимъ словима, кога досада іоштъ нитко ніе могао разабрати. Епидауръ, после Феничана, населѣнъ одъ Партена, пакъ одъ Римляна, био є нападанъ више пута одъ Гота, докъ найпосле побѣдоносне чете Славляна шестога вѣка дођоше, сасвимъ га оборити, и изчистити у свима онима државама прваштнѣ племе сакрвны себи Илиріяна.

Неколико породица одъ разбитія утекавши, склонише се на велике гребени, коє не далеко диза'у се надъ моремъ, и међу ньима заклоњене живећи, сачуваю свою независимость. Тимъ є начиномъ постало прво основанѣ саданѣ Рагузе. Ово име долази одъ Лаос-а, старо-грчке рѣчи, коя значи гребень, и одъ коє учињено є покварено Лаусъ, Лауса, Рауса, Рагуза.

Ту се народъ силно умножи на концу седмога вѣка, у коє доба био є градъ Солунъ (Римска Martia Julia) сасвимъ разоренъ, па зато многе племените породице изъ овогъ престолногъ града давны Далматински кралѣва потраже себи склониште кодъ своє браће Епидауријана.

У почетку осмога вѣка градъ є већъ био доста якъ, да се є могао опрети Славлянима, кои, присвояваюћи сву околну државу, немога'у трпити, да се последньи остатци Римляна у Далмаціи купе на ономъ мѣсту, и склапаю живаль (élément) єдне инокрвне народности. Године 867 Дубровчани одбише навале Араба, читаву годину дана траюће, кои, пошто су были отели Будву, Розе, Рисанъ и Которъ (Ascrivium), залуду се намучише подъ Дубровникомъ; зашто градъ, укрѣпљенъ одъ природе, утврѣенъ одъ художества, бранила є и мудро управляна храбрость. Како гласъ пукне, да му се у помоћь приближуе бродба (flotte), послана одъ цара Василія Маћедонскога, непріятельи дигоше се съ обсѣда, и на супротну кранну одъ Италіе упутише. Онда Дубровчани у саюзу са Славлянима привезу се на своимъ лађама на ону страну, и подпомажући войску Грчку, прогнаше Арабе све до Беневента.

(Продуженіе слѣдуе.)

КАЛКАЛЕРА.

Овай шальивчина живіо є, кажу, у Цариграду у двору некогъ патріярха, кои га є као сироту свимъ потребама снабдѣвао. Но премда се онъ као сулудастъ у народу приповеда, опетъ є онъ — ако є истина, да є живіо — своимъ краснимъ и поучителнимъ одговорима и изреченіяма велико оштроуміе показывао, и особитый разумъ, слободный духъ, трезвеность и неустрашимость, одважно и юначко срце притяжавао. Можда є онъ изъ нужде альину лудости и шале на себе обукао, да бы тако увіену истину болѣ и слободніе свету представляти могао, или да бы овако подъ именомъ сой-

*) На молбу єдногъ списателя Нѣмачкогъ, путовавшега по Србіи и Славоніи, састави Французки нешто кратки примѣтба о политичной и кньижевной повѣсти Дубровника. Будући да є овай градъ средните юго-славлянске кньижевности, и съ тога узрока, што є у Европи, а и у овимъ странама слабо познатъ, преводимъ речене примѣтбе у нашъ народный єзыкъ, цѣнећи, да то неће быти безполезно Српской младежи.

**) Неки кажу, да є Кадамъ прьый измыслio слова, а неки опетъ, да ій є онъ само изъ Фениціе донео у Европу.

тарiѣ (будале) Турску строгость болѣ избегао и голу истину говоріо. У нѣговимъ пословицама и анекдотама, коима є онъ много пута благодѣтеля своѓъ спасавао, налазимо съ великимъ удивлѣкіемъ непоколебимый духъ, башъ и у онакимъ обстоятельствама, у коима бы и найнеустрашимый юнакъ среднѣгъ или старогъ вѣка поклизнуо и очаянію се предати морао.

Тако се прича, да є єданпутъ царъ Трускій патріярха дозвао и наложіо му, ду му за 24. сата каже: колико има одъ землѣ до неба; да му каже: гди є средина землѣ; и што є іоштъ найтеже, да погоди: шта онъ — царъ — мысли.

Како є было патріярху, кадъ є ово чуо, свакій лако себи представити може. Отиде снуђенъ и невесео у дворъ, увѣренъ у себи, да онъ то никако пронаћи неможе, али пакъ и то є знао, шта га очекує, ако непогоди, колацъ или конопацъ.

Дошавши у дворъ патріярхъ, почео є мыслити о томъ, но никако ніе могао пронаћи, а и како ће? Та то се свакомъ, комъ є годъ казао, немогуће чинило. Само єданъ Калкалера му смѣло рекне: „Небой се, я ћу му на то све одговорити, дай ми само єдну 1000. гроша.“ „Оћу съ драге волѣ,“ одговори патріярхъ, „и 2000 гроша, само ме беде курталиши.“ Како Калкалера добіе 2000 гроша, оде, пакъ покупує све конопце по Цариграду, навеже єданъ за другій, натовари ій све на кола и потера, обукавши се у алъине патріярха, у сарай царевъ. Дошавши у нутра заустави кола у предворіе, а себе пріяви, да га цару пусте. Како уђе у собу, гди царъ седи, рекне му овай: „Ей море патріярше, нађе ли, колико има одъ землѣ до неба, гди є средина землѣ и шта я мыслимъ?“

„Єсамъ,“ одговори весело мнимый патріярхъ, „ено у предворію мере.“ Изишавши царъ на полѣ види множество кола, натоварены са конопцима, окрене се къ патріярху и рекне: „Є л' башъ управъ толико?“ „Єсте да како,“ одговори смѣло овай, „ако сумняте, а оно молимъ измерите самъ, пакъ ћете видити, да є управъ толико.“ „Но добро, то си погодіо,“ разлюћенъ рече царъ; „али гди є средина землѣ?“ „Башъ ту, гди стоите,“ одговоръ є быо Калкалере. „Є ли управо овде?“ срдито и строго погледавши га настави далѣ царъ. „Єсте ту, па се можете и вы самъ, измеривши землю съ єдногъ края на другій, уверити.“ Савъ одъ муке поцрвени царъ као паприка, и рече: „И то си погодіо, али одговори и на треће пытанѣ, шта я мыслимъ?“ „Ты мыслишъ садъ у овай паръ,“ продужи Калкалера, „да самъ я патріярхъ, али нисамъ, него самъ, обученъ у нѣгове алъине, шальивчина Калкалера.“ „Знамъ те! знамъ те!“ пошавши у собу узвикне Царъ, „да си ты онай великій досетльиваџъ, кои бы и самъ цейнемъ (пакао) преварити могао; ево ти на даръ прстенъ, прими га као знакъ могъ къ теби найвећегъ благоволѣнія.“ — Ето тако избави се патріярхъ одъ неволѣ безъ свакогъ труда. Штета, што се ясніе о овомъ другомъ Артеловасу незна, гди є роћенъ и когъ є поколѣнія. —

Св. Іовановићъ.

ИСКРИЦЕ.

XVII.

Народъ жалостный повѣсть (исторію) свою или ништа или мало знаде; као што сынъ незаконный незна ни име ни дѣла отаца свои. Какова му є прошастость, какова му є и будућность — празна. — Ніе ова жалость само нашегъ народа: мало више, мало манѣ по свему свѣту сиромахъ остає, као горостасный слѣпацъ, кои се труди и спава, те се подигне и напіе. Учени люди читаю књиге у другимъ єзыцима, у туђимъ єзыцима пишу, иностране повѣсти любе и славе. Домовина ньиова даля іймъ є одъ срца него Арапска и Вавилонска. Обштинска є ово кривина, и моя превеће.

Али у людскимъ столећама повѣсть и вѣра єдно є было; изъ олтара изиђоше, као писма света, гласи народны дика или срамота: — свештеникъ тада быяше пѣсникъ и писатель почитованый. Будимо сви свештеници истине и лѣпоте; у прошаста времена трчимо съ рѣчи врућомъ и жаркомъ као за любовномъ свѣтлости. Безъ охолости и безъ страсти говоримо о животу народа нашега. И срамота є наука.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Књигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 46. У Суботу 11. Новембра. 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД *

ИЗВѢСТІЄ
ДРУЖСТВА С'РБСКЕ СЛОВЕСНОСТИ.

одъ 2. Ноємврія 1844.

Нѣгова Свѣтлость, премилостивый нашъ Господаръ и Князъ Александеръ, благоволіо є на представлѣнѣ Попечительства Просвѣштенія Своимъ высочайшимъ рѣшеніємъ одъ 18. Юлія т. г. В. № 947. Дружство србске Словесности, коє є у другой половини 1842. године престало было дѣйствовати, наново потврдити, и опредѣлити, да оно опетъ по постоєћемъ своме Уставу и Устоєнію у животъ ступи.

У слѣдству тога є Дружство по наредби свога Предсѣдателя, Г. Попечителя Пауна Янковића, започело своє дѣйствованѣ са Главнымъ засѣданіемъ, за коє се є 1 Августа т. г. у сали засѣданія Попечительства Правосудія и Просвѣштенія скупило.

Поводомъ тимъ, што є Дружство потребу увидило, да се дѣйствуюће нѣгове силе умноже, найпре є оно у томъ своме глав. Засѣданію, коє є 7. и. м. наставило, избрало за своє редовне членове: члена Совѣта Княж. Србскогъ Г. Лаза Зубана; Секретара Попечительства Правосудія, Г. Павла А. Поповића; Кн. Србскогъ Цензора граћ. књига и Секретара Архидіецезалне Конзисторіе, Г. Василія Лазића; Професоре Кн. Србскогъ Лицеума, Физике Г. Дра Янка Шафарика, Статистике Г. Игнята Станимировића и Математике Г. Симеона Прицу — све лица, кои є оно или заслуге за књижество србско или трудъ у образованю отечествене младежи уважило, и одъ кои се нада, да ће га они одличномъ њиномъ способносћу и ревносћу свойски подпомагати, да се къ онако полезной и важной своіой цѣли поузданымъ коракомъ и правымъ путомъ примиче.

А будући да є у истомъ засѣданію досадашный Секретаръ Дружства, Г. Атанасіе Николићъ, молбу свою изявіо, да га оно изъ тогъ узрока, што є званичнымъ пословима яко обтерећенъ, одъ секретарске дужности разрѣши; то є оно, уваживши исту и далѣ надлежно поступивши, на мѣсто нѣга за свога новога Секретара вишиномъ гласова избрало Начальника одѣлѣнія Санитетскогъ Попечительства внутр. дѣла, Г. Дра Іована Стеића.

Уважаваюћи Дружство способности и заслуге за србско-народно, а и за свеславенско, књижество похвално познаты лица, и желећи придружити себи полезне и ревностне дѣлателѣ на полю славено-србске словесности, далѣ є оно по смыслу свога устроєнія у томъ засѣданію изабрало за своє корреспондираюће членове: ГГ. Евгенія Іовановића, Преосвяштенѣйшегъ Епіскопа Карлштатскогъ, Тодора Павловића, Адвоката и родолюбивогъ Учредника србски пешт. Новина и Листа; Дра Іована Субботића, Адвоката, Цензора срб. књига и Учредника срб. Лѣтописа Мат. Србске; Дра Константина Пеичића, Физикуса Карловачкогъ; Іована Пачића, пенз. Ритмайстера; Петра Матића, Синдикуса Беловарскогъ; Николу Боroєвића, екон. оффицира и Людевита Штура. —

Сходно касателномъ правилу свога Устроєнія Дружство є затимъ къ томе приступило, да опредѣли предмете, съ коима ће се у редовнымъ своимъ засѣданіяма до другогъ главногъ засѣданія прописно занимати. Па будући да є по смыслу нѣговогъ устава главанъ нѣговъ задатакъ: образованѣ и усавршенствованѣ єзы

ка србскогъ, то се оно о томъ савѣтовало, да найпре наће и труду своме изложи онай посао, кои є за то, да може поставлѣну му цѣль образованя народногъ єзыка ньимъ пожелателно постићи, свакояко найпречій и найнуждніи. Србскій народный єзыкъ, кои є за све Србе и књижественъ постао и кои ће, по увѣреню и овога Дружства као и свакогъ болѣгъ новіегъ србскогъ Списателя, књижественъ єзыкъ и унапредакъ быти и остати, іоштъ не'ма оно благо рѣчій и израза, коє као обштеобразователанъ єзыкъ имати мора, као што му іоштъ досадъ ни оно благородство вида и устройства ніе дато, съ коимъ се диче и поносе други образовани и књижествени єзыци, кои га у коло братства позываю. Ако и єсте Дружству познато, како су се и колико србски Списатели одъ времена нашегъ славногъ Доситея Обрадовића досадъ трудили, да србскій народный єзыкъ, на кои є онъ печатъ благородства књижественості срећно ударіо, у рѣчима обогати и у строю своме дотера; то опетъ знаюћи оно, колико є то, што су они за нѣга, за србскій єзыкъ, у станю были учинити, не само мало, него одъ веће части и неудесно, па зато или іоштъ непознато или непримлѣно: — у томъ се найпосле као єдномъ душомъ сложило, да пре свега и найвише у идућимъ своимъ редовнымъ засѣданіяма у полю србске Терминологіе съ томъ важномъ намѣромъ ради, да србскомъ народномъ єзыку оно богатство рѣчій и израза сакупи и начини, коє му имати валя, да бы се оно нѣгово благородство књижественості утв'рдило и уздигло, и да бы се ньимъ не само Списатели, него и Професори на катедрама у отечественымъ, особито вышимъ школама и правительствени Званичници у разныхъ земальскимъ, особито већимъ Надлежательствама у напредакъ лакше и равнообразніе могли послуживати. То заключивши Дружство, оно є, колико су му годъ нѣгове силе и часови нѣговы до данасъ др'жаны редовны засѣданія допустили, дѣйствовало, да сачини и спреми грађу за Словаръ оны рѣчій, коє су србскомъ єзыку по потреби нѣговогъ вышегъ књижественогъ опредѣленія, поне према данашньимъ приликама, нуждне.

Што є оно за ово прекратко време и у првомъ тешкомъ почетку свога рада учинити могло, учинило є по найболѣмъ своме знаню, као што ће данасъ скупно и у цѣлости то показати, давши у исто време и прилику, по коіой ће се и увидити, да є оно єдне одъ сакупльны ньимъ и за термилогиске опредѣлены рѣчій изъ старо-славенскогъ єзыка, изъ оногъ предрагогъ и єдинственогъ єзыковногъ извора узело, друге одъ числа оны, коє су новіи списательи нашли и у нотреблявали, задржало и за србскій єзыкъ слошки посвоило, а друге опетъ изнова за истый начинило. —

Г. Предсѣдатель Дружства, као Попечитель Просвѣштенія, о томъ похвално бригу водећи, да се за отечествена училишта нуждне књиге предаваня прописаны наука сачине и на полъзу учеће се младежи печатаю, нашао є за добро, да се такове школске књиге, коє су већъ сачинѣне, и оне, коє ће се іоштъ сачиняваты, у Дружству овомъ найпре у рукопису прочитаю и одъ нѣга у подобателный прегледъ и претресъ узму, да бы тако, колико є годъ више могуће, болѣ и исправніе за преважну потребу, за коју су намѣнѣне, после на свѣтъ изишле. У слѣдству тога Онъ є Дружству предложіо, да се оно сваке седмице іоштъ по єданпутъ у изванредна засѣданія сакуплява, у коима ће се саставлѣни рукописи предаваємы школски наука съ тимъ позывомъ прочитавати, да оно о ньима, ако нуждно буде было, своя примѣчанія чини, по ономъ мало выше изложеномъ смыслу. Дружство є тай позывъ свога Г. Предсѣдателя радо примило, и досадъ у поменутымъ своимъ засѣданіяма надлежно саслушало латинскій букваръ сасвимъ и латинску Грамматику одъ веће части, оба дѣла школски ручници, коє є єданъ одъ нѣговы ревностны редовны члевова за учећу се младежъ књиж. србскогъ Лицеума сачиніо.

ПРИПРЕМА,

ЗА НАЗИВОСЛОВНЫЙ (ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКІЙ) РѢЧНИКЪ

ОДЪ

ДРУЖСТВА СРБСКЕ СЛОВЕСНОСТИ.

A posteriori, чувственозворно.
A priori, умозворно.
Abalienare, отуђити.
Abalienatio, отуђенѣ; отуђиванѣ.
Abdicatio, одреченіе.
Ablegare, одслати.
Ablegatus, одсланикъ.
Aberratio, одступанѣ, одступъ.
Abolitio, Abrogatio, уништай.
Abonnement, заклада, предплата, предупись.
Aborigines, пр'воседіоци.
Abortus, пометакъ; по

Absolutio, разрѣшеніе.
Absolutismus, неограниченость владе.
Absolutum, савр'шено, безусловно, неотносно, неограничено.
Abstracte, одлучно.
Accord, гласослогъ.
Accurate, точно.
Accentus, гласоударъ.
Acceptio, пріемъ.
Accessibilis, приступанъ.
Accessorium, припадакъ.
Accidentia, пригода.
Accidentaliter, per accidens, пригодно, пригодомъ.
Acclamatio, прикликъ.
Accommodatio, удесъ.
Acta, Acten, pl. дѣлописи.
Actio, дѣйствованѣ; дѣйство; тужба.
Activitas, дѣлателность.
(Passivitas, страдателность.)
Activisare, опуновластити.
Actor, тужитель.
Actoratus, тужительство.
Actuarius, переводитель, писмоводитель.
Actus, Act, m. дѣйство; дѣло.
Adaequate, равномѣрно.
Adeptio bonorum, ступанѣ у добра.
Adiaphorum, v. Indiferens.
Adjudicatio, досуда; досуђиванѣ.
Adjunctus, помоћникъ.
Adjustatio, Adjuſtirung, f. опрема.
Adminiculum, подпора.
Administrare, одправлятн; управлятн.
Administratio, управительство; правленіе.
Admonitio, опомена.
Adoptio, усвоенѣ.
Adulter, Ehebrecher, m. браколомацъ, прелюбодѣй.
Adulteratio, Falsificatio, подтваранѣ; подтворина; лажнотворство.
(Falsificare, подтварати; лажнотворити, олажнити.)
(Falsificator, подтварачъ; лажнотворъ).
Adulterium, Ehebruch, m. браколомство, прелюбодѣйство.
Aesthetica, краснословіе.
Aequator, равникъ, равнитель.
Aequilibrium, равновѣсіе.
Aequinoctium равноноћіе.
Aequivalens, равновредно.
Anquivoce, двозначно.
Aequum, справедьливо.
Aerarium, благаница.
Aestimatio, процѣна.
Aestimator, процѣнитель.
Affectatio, утваранѣ.
Affectus, душеванъ потресъ, покретъ, порив, яръ.
Agent, исправникъ.
Aggregatio, нагумъ, накуплянѣ, гомилянѣ.
Aggregatum, нагумина, нагомиляй, накупъ.
Agilitas, окретность.
Agitatio, покретанѣ.
Agitator, покретачъ.
Agonia, самртна борба.
Agnatio, родъ, сродство по отцу.
Agnati, роћаци.
(Cognatio, родъ, сродство по матери).
(Cognatio, сродницин.)
Agravare, отешчати.
Agricultura, землѣдѣліе.
Agressor, нападачъ.
Alatura, миразъ, доносбна (жене).
(Dos, вѣно).
Alburnum, бѣльнкъ.
Alegare, доводити.
Alegatum, доводъ.
Allegoria, иноказъ.
(Alliance, Allianz, f. союзъ).
Al pari, на-равно.
Allusio, наговѣсть.
Alterare, преиначити, измѣнити.
Alteratio, преиначай, измѣна.
Alternative, наизмѣнце.
Aluvio, нанось, наплавакъ.
Ambiguum, двосмыслено.
Ambitus, Ambitio, облетанѣ.
Amens, безуманъ.
Amortisatio, поништенѣ.
Amnestia, опрошташ.
Amphibologia, двосмысліе.
Amphibium, водоземно (животно).
Analogia, подобность.
Analysis, разлаганѣ.
(Synthesis, слаганѣ).
Anarchia, безвладіе.
Anatomia, изудница.
Angaria, робота, плата.
Annihilatio, уништенѣ, уништаванѣ.
Anonymus, безименый, безименикъ.
Antagonismus, супротность.
Antecedens, предидућій; предидуће.
Antecessor, предшественикъ.
Anthropologia, човекословіе.
Anthropomorphismus, очовечаванѣ.
Anticipatio, предпріемъ.
Antipathia, противочувствіе.
Antiquare, оветшати.
Antithesis, противоставъ.
Apathia, безчувствіе.
Apertinentia, принадлежность.
Aphorismi, самоставци.
Apodictice, безсумнѣно.
Apologia, поборно слово.
Apotheosis, обоженіе.
Apostasia, Abfall, m. одпадничество.
Apostroph, ерыкъ.
Apostrophe, обраћанѣ.
(Apparat, приборъ).
Apparitio, появъ.
Appellans, нарицатель, позовникъ.
Appellare, нарицати, позывати се.
Appellatio, нарицанѣ, позываннѣ.
Appellatum, нарекъ, позовъ.
Appellatorium (forum), нарицателный, позовный Судъ.
Appetitus, поктевъ.
Apprehensio, преватъ.
Approbatio, одобренѣ,
Appropriatio, присваянѣ.
Aproximatio, приближаванѣ.
Aqueductus, водоводъ.
Arbiter, изборный Судія.
Archaeologia, древностница.
Archia, влада.
Architectura, постройница, постройственица.
(Arrenda, закупъ).
Aretologia, v. Ethica.
Argumentum, доказъ.
Aristocratia, болярство.
Aristocratice, болярскій.
Arithmetica, Численица, Рачунница.
Articulus, членъ, чланъ.
Ascetica, наука о нравоупражненію.

ОДГОВОРЪ НА!...?..Sic.

Єзыкати, или єзыковати, у Примор'ю Србскоме, и у Црной Горы значи што и устовати, т. є. говорити. Науку ону коя правила єзыка или говоръ показуе назива духъ народный најправіе, и најсвојскіе, па и најпріе Єзыконаука, но будући да є то као сложена ріечъ предуга, то іой духъ народнѣга говора избацуе оно изъ срієде на, те остае єзыкоука. Но духъ народнѣга говора правећи све краће и глаће ріечи, да су и коренитіе, за то укида и оно у, али га претвара или у пригласно, као Грцы ау на ав или у самогласно-сложено, као одъ дѣвовати дѣвојка, мѣсто дѣвовка, и тако излази єзыковка или єзыкојка, т. є. Грамматика, илити доякошня Писменица, по кривоперомъ преводу съ Грчкога γραμμα, писме, или слово. Шта дакле паметнога и одобривога има тко вѣштій у єзыку Србскоме противъ исте ріечи ређи, коя є изъ природе свое природнымъ редомъ и правиломъ постала, ако не мысли да є онъ савъ Србскій духъ и єзыкъ прождро и освоио. Што пакъ воли свакій народъ свој єзыкъ, и свога єзыка по єдину речцу, него туђу, и то є у природи срца и духа чоечіега; а што нејма свакій народъ и єзыкъ сваку ріечъ, што има другій, вальда изъ тога неслѣдуе, да є неможе и несміе имати, а іошъ манѣ то, да се неможе и несміе на ономе єзыку далѣ и пространніе мыслити, па и за те мысли свој єзыкъ доизраћивати, колико годъ му природа нѣгова допушта и одобрава.

Управо паметноме и озбиља Србину оволико є доста, или нека намъ онъ што предложи болѣ и Србскіе, пріймићемо драговољно мы добру обште Србскоме рады, па и зафаалити му; а празны укоры, и неумѣстне руге ништа незначе, докле годъ болѣ што непредложи се на мѣсто руженнога, него се іоште ругъ и подсмѣхъ у своя нѣдра повраћа, одкуда се породіо. Ако ли су се умложила нѣгова стуживаня, и ако є млозина устала на нѣга, т. є. на нѣговог' србства єзыкъ, како што Г. Sic у своіой првој ріечи и врсти наводи, у том' заисто му ніе крива єзыковка, и тиме манѣ, што є ова доцніе постала и одъ нѣговы наймлаћи стуживаня —.

Членъ Дружтва Србске Словесности.
Симеонъ Милут. Сарајлія.

ИСКРИЦЕ.

XVIII.

Пѣсме су међу трудима живота као цвѣће међу драчама, као вода жива, коя извира изъ срца земљ међу стѣнама голимъ, као гласъ небесный, кои долази незна се одкуда, те свуда разноси мирисъ склада. Одакле су дошле народне попѣвке и кадъ су се родиле, знаће само онај, кои знаде годину и часъ, у коме є ситно сѣме превеликога раста пало на средъ планине, и кадъ су први нѣгови листићи озеленили каменѣ. Али ово є баремъ истинито, да се нису подъ клобуцима народне наше пѣсме зачеле, нити изъ господски уста најпре изашле. Духъ склада негледа на хальину, него дише, гдѣ му є драго; и срце, коє трепће у голимъ прсима, срце є людско. Ніе храбрость златна стварь, нити любавь сребрна.

Пѣсме су повѣсть наша, у њима тражимо добро и зло наше. Други народи читаю ій, преводе и диве се њима; а мы се њи срамимо, и іоштъ изсмѣявамо нашимъ просвѣћенымъ варварствомъ. Покупимо, браћо, покупимо наше благо, пріе него га вѣтаръ времена непогуби. Хлѣбъ изъ земљ, лѣпоту изъ народа, народъ камъ є отацъ, а земля майка наша.

НАПОЛЕОНОВЪ МУЗЕУМЪ.

Господинъ Штайбури показуе у Лондону Наполеоновъ музеумъ, кои є онъ съ неутрудимымъ издржаванѣмъ и съ великимъ трошкомъ за последньи 20 година скупіо. Онъ є куповао свако Наполеоново портре, коє бы онъ пронаћи могао, као и портрета свію сродны, министра и генерала царски, сваку кньигу, коя се на Наполеона и нѣгово правленіе односила, свакій новацъ и медалю, што су нѣму за честъ правлѣна была. Осимъ тога садржава музеумъ єдно интересантно собраніе артія, међу коима су оригинална доказателства изъ Наполеоновогъ правленія, писма и друга списанія одъ нѣга; къ томе остатакъ царевъ, на примѣръ стакло, изъ кога є вино о фруштуку на данъ после битке кодъ Ватерлоа піо, мотику, коіомъ є онъ у нѣговой башти на острову св. Єлене копао, бурмутици, єдно перо, коимъ є онъ писао. — Друго готово већма интересантно собраніе о предметима, коя на Наполеона опоминю, показуе єдна госпоя Тизанъ такоћеръ у Лондону, н. пр. єдну кошулю, єдну убрисаћу мараму и єданъ паръ чакшира царевы; плаветно япунце, коє є у Маренгу носіо, и коє є 20 година доцніе на острову св. Єлене на нѣговомъ погребу простирано было; драгоцѣно порцуланско посуђе, коє є Наполеонъ вароши Паризу поклоніо, коє га є было 80.000 талира коштовало. На таньирима види се Царъ у крунисаня оделу, а у наоколо нѣговы 13 Генерала, величествено живописаны. Ово посуђе и садъ іоштъ вреди 25.000 талира. Госпоя Тизанъ има іоштъ прекрасну колевку, у коіой є краљ одъ Рима (сынъ Наполеоновъ) почивао. Д. Аврамовићъ.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА У БЕОГРАДУ

№ 47. У Суботу 18. Новембра. 1844.

БОЙ ОРЛОВСКЙ.

На Корзики, на морскомъ отоку,
Люля майка сынка маленога
У колѣвци у бѣліе повои.
А кадъ млада улюляла сынка,
Доће санакъ изъ мора синѣгъ,
И донесе на лагани крили
Копреницу златомъ навезену,
На съ ньомъ сынка и майку покрива.
Санакъ снила узъ колѣвку майка:
Да имаде сынка маленога,
Лѣпа сынка орла крилатога,
Крила диже, хоће да полети. —
Подалеко у средъ поля равна
Гледи майка чудо невиђено,
Чудно чудо: змію крилатицу.
А кадъ орле змію загледао,
Разви крила, те за ньомъ полети,
Ухвати є панцомъ око врата,
Съ ньомъ удари о земльицу црну.
Кадъ ал' лети на лагани крили
Другій орле, а бѣла му крила,
К'о да бы се изъ мраза извила.
Тад' удари оро иностраный
Витымъ крилomъ орла домаћега.
Живымъ огнѣмъ плануше му крила...
Єданъ гробъ се отвори на полю
Крилатици и орлу домаћемъ. —
Сузе ронећ' тад' се прену майка,
А на крили санакъ іой одлети.
Сузе ронећ' гледа у колѣвку,
Є ли здраво чедо у колѣвци.
Здраво было, милый санакъ снило. —

А кадъ сынакъ колѣвци одрасте,
Па до коня и саблѣ дорасте:
Майка сынку повѣдала санакъ
О томъ бою зміе крилатице,
О побѣди орла домаћега,
О добыти орла биелога.
Ал' говори сынакъ своіой майци:
„Я самъ, майко, оро одъ запада!
„Небоимъ се орла биелога,
„Єръ га бѣла на земльици нема;
„Ако ли га и бѣлога има,
„Валя да є орле осѣдіо
„Одъ старости или одъ жалости,
„Боякъ біюћ' съ тицама по гори.
„Я самъ оро, орла се небоимъ,
„А небоимъ зміе крилатице! —

Мало време затимъ постояло,
Кадъ ал' люди чудно чудо кажу,
Чудно чудо у Паризу граду.
Появи се змія крилатица,
Чудна змія досадъ невиђена.
На челу іой одъ сувога злата
Свѣтла круна краля францезкога,
А на круни огнѣнымъ пламеномъ
Навезено: „Єднакость," „Слобода." —
Ал' повикну орле одъ запада:
„Ено, майко, зміе крилатице!
„Лети орле, да змію задави!" —
Лети, лети до Париза града,
Па савія своя вита крила
Покрай чуда, зміе крилатице.
Мысле люди, да се ньойзи кланя,
Али орле ньой о глави ради. —
Око врата хвата крилатицу.
Златну круну съ главе іой отимлѣ,
Златномъ круномъ свою реси главу.
Крилатица у бичъ се претвори,
У бичъ страшный орла западнога,
За педепсу тогъ свѣта грѣшнога.
Тадъ се орле до неба узвыси...
Мане бичемъ крозъ небесне зраке,
Па удари по грѣшноме свѣту,

А по свѣту по зеленой гори...
Иза горе по синѣму мору.
Тад' сунуше тице свакояке
Изъ горица и зелен-дубрава.
Полетнше орли и соколи,
Голубови и врани гаврани,
Ситне тице, хитре ластавице,
Сврake, чавке, кукавице црне, —
Све полети, што имаде крила,
А подъ крило орла западнога,
Да одъ бича крилатогъ утече.
Гледа чудо, орле одъ запада,
Чудо тица, свакояки клюна;
Ал' невиђе орла бѣлога.
Тад' говори орле одъ запада,
Да га чуе мало и велико:
„Чуда тица, свакояки клюна!
„Али ніе орла бѣлога.
„Бичъ крилатый неће имат' мира,
„Докъ ненађемъ орла бѣлога.
„Те ако ми Богъ и срећа даде,
„Да ухватимъ ово чудо горско:
„Сѣдо перѣ изъ бѣлога крила
„Све ћу нѣму до єдногъ узети.
„Одвестћу га бѣломъ двору моме,
„Старой майци нѣг' ћу даровати,
„Да га храни у златномъ кавезу,
„Да се сѣћа санка узъ колѣвку!“ —
Тако вели, те већъ се упути
Путъ сѣвера, да срећу потражи,
Тамо, гдѣ му бичъ досѣго ніе.

(Конацъ слѣдуе.)

КЪ ПРИПРЕМИ

ЗА НАЗИВОСЛОВНЫЙ РѢЧНИКЪ.

Дружство Срѣбске Словесности у држаномъ свомъ редовномъ засѣданію одъ 13. т. м. слѣдуюће є рѣчи израдило.

Arma, Wappen, m. грѣбъ.
Articulatio, зглавакъ; члановность.
Articulatus tonus, звукораздѣлный гласъ.
Ars, умѣлость.
Artista, умѣлацъ.
Artifex, художникъ.
Artificium, художество.
(Opifex, рукодѣлацъ).
(Opificium, рукодѣліе).
Ascendentes, родіоци.
(Descendentes, порођенци.)
Assecurare, обезбѣдити.
Assecuratoria societas, обезбѣдително дружество.
(Assecuranz, обезбѣдительство).
Assertum, наводъ.
Assertorie, наводно.
Assistentia, помоћь.
Assistens, vid Adjunctus.
Associatio, дружество, associatio idearum, придруживанѣ мыслій.
Asthma, синия; загушльивость.
Asylum, прибѣжиште.
Astrolog, звѣздаръ.
Astrologia, звѣздарство.
Astronomia, звѣздословіе.
Astronomus, звѣздословацъ.
Atheismus, безбожіе.
Atheista, безбожникъ.
Athmosphaera, воздухокружіе; парокругъ.
Atomus, недѣлимакъ.
Atrophia, сушица.
Attentatum, Attentat, n. покушай злочинства.
Attractio, привлаченѣ.
Attribut, свойство.
Attestatum, свѣдочанство.
Auctio, Auction, f. явна продая, надцѣна.
Auctor, виновникъ; сачинитель.
Auctoritas, уваженіе.
Audientia, Audienz, f. саслушка.
Auditor, саслушатель; слушатель.
Auditorium, слушалиште.
Auszugale debitum, изводный дугъ.
Autographa, самописъ.
Autographice, самописно.
Autocratia, самодржавіе.
Authentice, достовѣрно.
Authenticare, одостовѣрити.
(Automat, самокреће).
Avisare, обзнанити; упутити.
Aviticitas, дѣдовина.
Axioma, самонстина.
Actia, участица.
Apotheca, лѣковница, лѣкарница.
Asynteton, безсоюзіе.
(Polysynteton, млогосоюзіе.)

ПРИЛОГЪ ЗА ИСТОРІЮ СРБІЕ.

Изъ' Совѣта Народня

Благородному Господару Войводи Радовану Грбовићу!

Даємо вам на знанѣ, по совршенію послова, кои су вам наложени касателно пореза и прочи уређенія — да незадержано дођете у Совѣтъ Народный и да донесете са собомъ диплому вашу у 1811. лѣту издану — и то што скоріе да уредите и да дођете. —

У Правителствующем Совѣту.

У Београду 26. Марта 1812.

Попечитель воени
Младен Миловановић.

Изъ' Совѣта Народня

Благородному Господару Войводи Радовану Грбовићу.

Гди буде.

№ 476.

СРБИ И ЊИОВЕ НАРОДНЕ ПЈЕСМЕ.

(Продуженіе.)

Кадъ є Лазаръ Муратовъ позивъ приміо, и за бой се рѣшіо, преправи великолѣпну часть, єрбо у Славлянскимъ пѣсмама мора се свако важно дѣло съ гостбомъ почети и свршити. Войводе Милошъ Обилићъ и Вукъ Бранковићъ већъ су у непріятельство дошли. Вукъ ради о издаи, и труди се да баци подозрѣніе на Милоша. Лазаръ поступа съ њима искрено и поштено.

Царъ Лазаръ дає часть у тврдиньи Крушевцу. Сва господа, и све отмѣне госпоѣе сѣдаю за софру. Съ десне стране до њега сѣди старый Югъ Богданъ, до овогъ деветъ Юговића; съ леве стране сѣди Вукъ Бранковићъ, а найниже у заставу войвода Милошъ. — Ово се мѣсто при трапези кодъ Славляна држи за найпочестніе. —

Царъ Лазаръ узима златанъ пеаръ съ виномъ у руку, и овако почне говорити свой Српской господи: „Коме да напіемъ я ову чашу? Ако ћу є напити по старешинству, то є морамъ старомъ Югъ-Богдану напити; ако ли ћу по благородству, мора ћу є Вуку Бранковићу наздравити; по сродству ћу моимъ деветъ Юговића; по лепоти Ивану Косанчићу, а по стасу и высини тѣла Милану Топлици. Но я ћу є оному наздравити, кои є одъ насъ свію найврстніи, дакле: „У твоє здрављ ты вѣро ил' невѣро, войводо Милоше! пи за срећу слѣдующегъ дана, и буди ми здравъ и срећанъ, ако ме и хоћешъ Султану у руке да предашъ.“

Милошъ скочи на ноге, испіє чашу, и овако му тихо одговара: „Сутра є Видов-данъ, видитће се, ко є вѣра, ко ли є невѣра!“ Ноћу у очи дана битке узме Милошъ два друга, Косанчића и Топлицу, и ноће у станъ Турскій, да убіє Мурата. На путу савѣтуе се онъ са своя два друга именующи ій браћомъ. Кодъ Срба и уобште кодъ Славляна другъ и братъ скоро єдно исто значи; онъ учини юначкій завѣтъ, о чему ће се ниже више говорити.

„Побратиме Косанчићу,“ рече Милошъ, „єси ли ты прегледао Турскій таборъ? има ли много Турске войске, хоћемо ли є моћи побити.“ Косанчићъ одговара: „Брате Милоше Обилићу! я самъ прегледао Турску войску, Турска є войска силна, и да се сви мы, колико насъ годъ има, у со прометнемо, небы Турцыма ни ручка осолили.“ Ово насъ сравньиванѣ опоминѣ на подобно оно Омирово, гди Агамемнонъ, поонтраваюћи Грке, говори: „Толико ій има, да кадъ бы єданъ Троянацъ десетини Грка виномъ служіо, іоштъ бы много десетина неслужены остало.“ Ово є скоро истый начинъ, мысао свою изразити.

„Я самъ пуны петнаестъ дана одао по Турской ордіи, па нити іймъ знамъ края ни есапа. Войска се њіова протеже одъ планина до гора, а одъ гора чакъ до мора.“

Овде слѣдуе обстоятелно описаніе мѣста за исторію врло важно. Далѣ говори Косанчићъ:

„Цѣо су просторъ Турци прекрылили, конь стои до коня, а юнакъ до юнака; бойна іймъ се копля блистаю као црна гора; баряци се вію као облаци, а шатори свѣтле као истый снѣгъ, и да бы киша съ неба падала, небы могла на землю пасти, но морала бы пасти или на конѣ или на юнаке.“

Овде опетъ пыта Милошъ:

„Побратиме Иване! гди є Муратовъ шаторъ, я ћу тамо да идемъ, да убіемъ Мурата.“

„Заръ ниси при себи, побратиме Милоше!“ говори Косанчићъ. — „Муратовъ є шаторъ на средъ Турскогъ табора; та соколова крыла да имашъ, па да нападнешъ изъ ведрогъ неба, іоштъ небы читавъ тамо допрети мого.“

На послѣдакъ заклинѣ Милошъ Ивана, да о томъ Цару ништа неказуе, да се небы христіянска войска поплашила.

(Продуженіе слѣдуе.)

ОПЕТЪ НЕШТО СРБСКИ!...?

Будући є у главномъ 2. Новем. о. г. засѣданію Друштва Србске Словесности рѣчь была и о томе, како бы се Србски назвати могао Екваторъ, и неки га назову равнитель, а други равникъ. Мени се ово ни єдно недопадне, єрбо ми се види, да є то само преводъ съ Латинскога, и ове обѣ Србске рѣчи међу се разликую се само своимъ окончанѣмъ, а смысла су истоветнога, коега є и рѣчъ Екваторъ, али се мени чини, да оно унутарно и управно зна-

ченѣ земнога Екватора и сама иста Латинска рієчь тако точно и вѣрно и подпуно неизражава, како наша природна Србска, кою самь я мыслећи о томе Екватору и нѣгову опредѣленю нашао. Зато што у засѣданію нити самь я имао времена о томе озбильскіе помыслити, а ни реда и прилике о истой рієчи Дружтву више и пространніе говорити, ев' овди о томе сада моега мнѣнія:

Латинска рієчъ aequare значи равнати, или равнити, т. є. плоско чинити (flach-, gleichmachen) у правоме смыслу; и значенѣ, и опредѣленѣ Екватора єсте, цѣло землѣ наше клупко у памети раздѣлявати на поле, т. є. полутити, или полутати то исто клупко земно, а то значи єдно цѣло на двіе полутине дієлити, одъ кои є свака оной другой равномѣрна у длаку, єрбо се иначе ни єдна одъ ньи никако небы могла разумомъ називати половина или полутина. Сада пакъ изъ тога глагола полутити, ево у насъ Србаля, баремъ по моме мышлѣню и одобреню, Екватору име Србско, чисто, и понайзначніе смысломъ Полутникъ, или Полутаръ, т. є. поле у томъ ко чини или твори, но и сврхъ тога ткогодъ знадне, и наѣне болю за то име рієчь, фала му напріедъ одъ мене, кои Полутнику Србскоме садъ узгредъ додаемъ іошъ и названѣ Меридіана, Подневникъ, Подняръ, и Подневаръ, па тко што лаха, ето ти му и поля, и маха, мени пакъ на моіой услуги и ревности єдда кои осталый кроме оніе... стуживателя... Србинъ рекне баремъ: „аферимъ зече, кадъ и съ кожомъ утече.“ —

С. М. С.

ИСКРИЦЕ.

XIX.

Има и незнатность свою понизность драгу, свою наравну паметь. Проста паметь невиди у стварма друго, него оно, што є у ньима; неснива, непредвиѣава, неумножава нити умалюе што іой предъ очи доѣе. Како се види споля, тако и изнутра осѣћа се; како се осѣти, тако и говори. Понизность права неће да іой буде све по вольи, неће да свѣтъ буде служитель уживаня наши; слуша, гледа и разуме више него охолость, коя затвора очи, уздигне главу, пакъ онда иде. Валя да знанѣ наше метне миръ у душу, а не ратъ, да виѣенѣ непомрачи чувства; да глава несмути срце, несгрчи руке, и кесу неизпразни. Учити валя и радити, учиги и добыти, учити и любити. Учи дакле не само да добыешъ, него да и яче любишъ, и да браћи добро чинишъ. Да умъ небуде твоя трговина или таштина. Нашимъ младиѣима, више него наука, умножише потребе тежки обычаи; више на облачило мысле, него на кньижество, уче се, а незна се зашто. Кадъ цѣли истините нема, тада човекъ баса као слѣпацъ по дубинама, као піяный по магли.

НАРОДНЕ СРБСКЕ ПОСЛОВИЦЕ.

(Скупіо Тодоръ Влавѣъ.)

Ко се силомъ напинѣ, тай найпосле пукне.

Лако є по готову сеяти.

Што се ніе умивало, немож' быти чисто.

Кои тражи преко леба погаче, неће имати ни єчменице.

Изъ мире три врага вире.

Треба свака длака, да ти чини свагда ака.

Лако є масла добыти, но тежко є Кадія постати.

Єсте букванъ, ал' є млитанъ и тупанъ.

НОВА КНЬИГА.

Марко-Аврелие, найдобродѣтелніи царъ Римскій по Дру. І. А. Фесслеру превео съ Немачкогъ Димитрие Матићъ. У Бѣограду. Печатано у Княжества Србскогъ Кньигопечатньи. 1844. — На 8-ку, стр. XII., 289.

У похвалу ове многокористне кньиге заиста ни мало ніе потребе говорити. Ко ю є само у рукама имао и гдекои листъ проучіо, морао є увидити, да свакій слогъ злата вреди. За младежь є особито одъ неизмѣрне полze; она намъ показуе, како ћемо душу и срце найдичніе украсити и себе узвеличити. Зато ю дакле свакоме найболѣ препоручуемо, и желно очекуемо, да Г. Списатель и друге све кньиге доготови и на свѣтъ изда. Ревностный трудъ нѣговъ свако саучастіе заслужуе.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Бѣограду.

ПОДУНАВКА.

№ 48. У Суботу 25. Новембра. 1844.

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД *

БОЙ ОРЛОВСКІЙ.

(Конацъ.)

На стожеру сѣверномъ одъ землѣ,
У средъ леда и вѣчнога мраза,
Кажу люди єдно чудо дивно.
Веле онди чудна тица сѣди,
Чудна тица, єданъ оро бѣлый.
Съ вити крили по свѣту покрива,
А глава му далеко допире,
Ња до южногъ, до црнога мора.
Ніе орле осѣдіо быо
Одъ старости, нити одъ жалости,
Вєћъ є орле побѣліо быо
Одъ зимнога одъ сѣтерногъ снѣга .
На стожеру сѣверноме сѣди
Птиѣъ крилатый, тай орле сѣверный.
Кадъ ал' лети тица ластавица
Изъ далека, изъ западногъ свѣта,
А на крило орла сѣвернога.
Зле му гласе по югу донесе:
„Зло га лега, орле одъ сѣвера!
„Зло га лега на стожеръ сѣверный.
„Ето на те орла западнога,
„А съ ньимъ войске, ни броя іой нема!
„Маше бичемъ зміе крилатице,
„У западу коя се излеже.
„Тежко теби, орле одъ сѣвера!

Слуша орле тицу ластавицу. —
Диже крила... само єдномъ мане, —
(Єданъ коракъ великомъ є доста!) —
На долети до Москова града,
Покрай града сави бѣла крила.
Кадъ ал' ево орла западнога!
Маше бичемъ зміе крилатице,
А за ньиме мало и велико.
Тежко теби орле одъ сѣвера! —

А како се орли загледаше
Бистрымъ окомъ на полю широкомъ:
Тадъ полети орле одъ запада
Мане бичемъ зміе крилатице,
Те удари орла сѣвернога,
Удари га по биели крили. —
Зло га маму, орле одъ запада!
Зло га маму, а зло га удари. —
Што га бичемъ по крили удари:
Снѣгъ му само съ кріоца отресе!
Снѣгъ опаде са витога крила;
Крила стреса тад' орле сѣверный,
Крила стреса, те ій разавія...
Колико є кріоца развіо,
Жарко сунце криломъ посакріо;
А ноћь тамна орлу западноме
Крила црномъ копреномъ обузе.
Тад' дохвати орле одъ сѣвера
Витымъ криломъ орла западнога.
Живымъ огнѣмъ плануше му крила...
А узъ крила и Москове граде,
Да се види у той ноћи тамной
Путъ путова орлу западноме.

Оде тужанъ орле безъ обзира,
А остави дружбу у пустиньи.
(Птиѣъ двоглазый изъ нѣмачки гая
Силна крила узви, и потрга
Болѣ перѣ іошъ му изъ витогъ крила)
Бичъ крилатый за собомъ одвуче;
А кадъ доће, одкуда полети:
Бичъ крилатый заплете му крила...
Єданъ гробъ се отвори на полю
Крилатици и орлу западноме. —
Стара майка добро є саняла...
О мой орле, камо твоє перѣ?

Ог. Острожански.

СРБИ И ЊИОВЕ НАРОДНЕ ПЈЕСМЕ.

(Продуженіе.)

Што се саме битке тиче, ову у разнимъ одломцима, кои се у свему неслажу, различито описую. О смрти Югъ Богдана и нѣгове задруге, шта више и самогъ Кнеза Лазара налазе се многе єдна другой противне приповѣдке. Познато є изъ исторіе, да су Югъ Богданъ и браћа Југовићи десетъ година пре паденія на Косову погинули, па при свемъ томъ пѣсници опетъ пѣваю смрть Югъ Богдана и нѣговы деветъ сынова као на Косову догодившу се. Найлѣпше описаніе ове битке садржаваю слѣдующи стихови, кои съ почетка представляю войску, кадъ є у походу была.

Царъ Лазаре сѣде за вечеру,
Покрай нѣга царица Милица;
Вели нѣму царица Милица:
„Царъ Лазаре, Србска круно златна!
Ты полазишъ сутра у Косово,
С' собомъ водишъ слуге и войводе,
А кодъ двора никог' неоставляшъ,
Царе Лазо! одъ мушкие глава,
Да ти може кньигу однieти
У Косово, и натрагъ вратити;
Одводишъ ми деветъ миле браће,
Деветъ браће, деветъ Југовића:
Остави ми брата баръ єднога,
Єдногъ брата сестри одъ заклетве.“
Њой говори Србскій кнезъ Лазаре:
„Госпо моя, царице Милице!
Кога бы ты брата найволѣла
Да т' оставимъ у бнелу двору?“ —
„Остави ми Бошка Југовића.“
Тада рече Србскій кнезъ Лазаре:
„Госпо моя, царице Милице!
Када сутра бѣлъ данъ осване,
Данъ осване и огране сунце,
И врата се отворе на граду,
Ты ишетай граду на капію,
Туд' ће поћи войска на алае:
Све коньици подъ бойнимъ копльима,
Предъ њима є Бошко Југовићу,
И онъ носи крсташа Баряка;
Кажи нѣму одъ мене благословъ,
Некъ да барякъ, коме нѣму драго,
На некъ съ тобомъ кодъ двора остане.“
Кадъ у ютру ютро освануло,
И градска се отворише врата,
Тад' ишета царица Милица,
Она стаде граду кодъ капіе,
Ал' ето ти войске на алае;
Све коньици подъ бойнимъ копльима,
Предъ њима є Бошко Југовићу
На алату васъ у чистомъ злату,
Крсташъ га є барякъ поклопіо,
Побратиме! до коня алата;
На баряку одъ злата ябука,
Изъ ябуке одъ злата крстови,
Одъ крстова златне ките висе,
Те куцкаю Бошка по плећима;
Примаче се царица Милица,
Па увати за узду алата;
Руке склопи брату око врата,
Пакъ му поче тіо говорити:
„О мой брате Бошко Југовићу!
Царъ є тебе мени поклоніо,
Да пенденъ на бой на Косово,
И тебе є благословъ казао,
Да дашъ барякъ, коме тебе драго,
Да останешъ са мномъ у Крушевцу,
Да имадемъ брата одъ заклетве.“
Ал' говори Бошко Јчовићу:
„Иди, сестро, на бнелу кулу;
А я ти се небы повратіо,
Ни изъ руке крсташъ барякъ дао,
Да ми царе поклони Крушевацъ;
Да ми рече дружина остала:
Гле страшивца, Бошка Југовића!
Онъ несмѣде поћи у Косово
За крстъ часный крвцу пролѣвати
И за свою вѣру умрieти.“
Пакъ проћера коня на капію.
Ал' ето ти старогъ Югъ Богдана,
И за њиме седамъ Југовића,
Све є седамъ уставляла редомъ,
Ал' ни єданъ ни гледати неће;
Мало време за тимъ постояло,
Ал' ето ти Југовићъ Вонна,
И онъ води цареве єдеке
Покривене са сувнемъ златомъ,
Она подъ њимъ увати кулаша,
И склопи му руке око врата,
Па и нѣму стаде говорити:
„О мой брате, Југовићъ Вонне!
Царъ є тебе мени поклоніо,
И тебе є благословъ казао,
Да дашъ єдекъ, коме тебе драго,
Да останешъ са мномъ у Крушевцу,
Да имадемъ брата одъ заклетве.“
Вели њойзи Југовићъ Вонне:
„Иди, сестро, на бнелу кулу;
Небы ти се юнакъ повратіо,

Ни цареве єдеке пустіо,
Да бы знао, да бы погинуо;
Идемъ, сеіо, у Косово равно,
За крстъ часный крвцу пролѣвати,
И за вѣру съ браћомъ умрнєти."
Пакъ проћера коня на капію.
Кадъ то виђе царица Милица,
Она паде на каменъ студеный,
Она паде, пакъ се обнезнани;
Ал' сто ти славнога Лазара,
Када виђе госпоћу Милицу,
Уд'рише му сузе низъ образе;
Онъ с' обзире съ десна на лиєво,
Те дозивлѣ слугу Голубана:
„Голубане, моя вѣрна слуго!
Ты одяши одъ коня лабуда,
Узми госпу на биєле руке,
Пакъ є носи на танану кулу;
Одъ мене ти Богомъ просто было!
Нехой нѣи на бой на Косово,
Већъ остани у биєлу двору."
Кадъ то зачу слуга Голубаве,
Проли сузе низъ биело лице,
Па одсѣде одъ коня лабуда,
Узе госпу на биєле руке,
Однесе є на танану кулу;
Ал' своимъ срцу одолѣт' неможе,
Да неиде на бой на Косово,
Већъ се врати до коня лабуда,
Посѣде га, оде у Косово.

Овде истомъ слѣдує описаніе саме битке; прво извѣстіе о томъ доносе два гаврана, затымъ долази кнежевъ слуга Милутинъ, ранама обложенъ.

Кадъ є сутра ютро освануло,
Долећеше два врана гаврана
Одъ Косова поля широкога,
И падоше на биєлу кулу,
Башъ на кулу славнога Лазара,
Єданъ гракће, другій проговара:
„Да л' є кула славногъ кнезъ Лазара?
Ил' у кули ниђе никогъ нема?"
То изъ куле нитко нечуяше,
Већъ то чула царица Милица,
Па излази предъ биєлу кулу,
Она пыта два врана гаврана:
„Ой Бога вамъ, два врана гаврана!
Одъ куда сте ютросъ полећели?
Нисте ли одъ поля Косова?
Виђесте ли двиє силне войске?
Єсу ли се войске удариле?
Чія ли є войска задобыла?"
Ал' говоре два врана гаврана:
„Ой Бога намъ, царице Милице!
Мы смо ютросъ одъ Косова равна,
Виђели смо двиє силне войске;
Войске су се юче удариле,
Обадва су цара погинула;
Одъ Турака нешто и остало,
А одъ Срба и што є остало,
Све ранѣно и искрвавлѣно."
Истомъ они тако бесѣђау,
Ал' ето ти слуге Милутина,
Носи десну у лиєвой руку;
На нѣму є рана седамнаєсть,
Васъ му коньицъ у крвь огрезную.
Вели нѣму госпоћа Милица:
„Што є, боланъ! слуго Милутине?
Заръ издаде цара на Косову?"
Ал' говори слуга Милутине:
„Скин' ме, госпо, са коня витеза,
Уми мене студеномъ водицомъ,
И зали ме црвеннємъ виномъ;
Тешке су ме ране освопле."
Скиде нѣга госпоћа Милица,
И уми га студеномъ водицомъ,
И зали га црвеннємъ виномъ.
Кадъ се слуга мало повратіо,
Пыта нѣга госпоћа Милица:
„Што бы, слуго, у полю Косову?
Ће погибе славный кнеже Лазо?
Ће погибе старый Югъ Богдане?
Ће погибе деветъ Югновића?
Ће погибе Милошъ воєвода?
Ће погибе Вуче Бранковићу?
Ће погибе Бановићъ Страиня?"
Тада слуга поче казивати:
„Сви осташе, госпо, у Косову.
Ће погибе славный кнезъ Лазаре,
Ту су млога копля изломлѣна,
Изломлѣна и Турска и Србска,
Али више Србска, него Турска,
Бранећ', госпо, свога господара,
Господара, славногъ кнезъ Лазара.
А Югъ ти є, госпо, погинуо,
У почетку, у бою првоме.
Погибе ти осамъ Югновића,
Ће братъ брата издати нешћеде,
Доклегоће єданъ теціяше;
Ошъ остаде Бошко Югновићу,
Крстанъ му се по Косову вія;
Ошъ разгони Турке на булюке,
Као соко тице голубове.
Ће огрезну крвца до колѣна,
Ту погибе Бановићъ Страиня.

Милошъ ти є, госпо, погинуо
Кодъ Ситнице кодъ воде студене,
Ђено млоги Турци изгинули;
Милошъ згуби Турскогъ царъ Мурата,
И Турака дванаестъ пляда;
Богъ да прости, ко га є родіо!
Онъ остави споменъ роду Србскомъ,
Да се прича и приповѣда
Докъ є людій и докъ є Косова.
А што пыташъ за проклетогъ Вука,
Проклетъ быо и ко га родіо!
Проклето му племе и колѣно!
Онъ издаде цара на Косову,
И одведе дванаестъ пляда,
Госпо моя! лютогъ оклопника.“

Све ове приповѣдке често насъ опоминю на Иліяду. Кадъ су Троянци на Грчкій логоръ ударили, доће Антилохъ ранѣнъ съ боришта, и Патроклесъ му пере ране, и служи га виномъ исто тако, као што є царица Милица слугу Милутина служила. У карактеру юнака могле бы се више пута єднаке черте изнаћи: Омирова поезія свима є позната; због тога се нећемо упустити у описаніе обычая и поєдины людій юначкогъ вѣка. Ово є време свуда єднако. Славлянски су херои исто тако, као и Омирови, люди прости, страстолюбиви, гнѣвльиви, и нарочити любительи войне. Они држе храбрость за найвећу добродѣтель, почитую законъ, любе раскошность и великолѣпіе, често чине насилія, али нису никадъ сурови. Они никадъ неводе ратъ, као дивльи Американци, да лове люде, напротивъ они почитую народна права, завѣтъ свето хране, држе дану рѣчь, и боре се честно. Ньіовъ се карактеръ чрезъ христіянство іоштъ више подиже: у Србской се поезіи ни страховита освета Грка, ни свирѣпость Троянска невиди; овде влада већа човечность, побѣдительи штеде заробљенике, нити траже задовольства срцу у крви побѣђеногъ непріятеля. — Женскій є полъ такођеръ кротчій. Славлянка оногъ доба іоштъ є у кругу кућевногъ живота затворена, она редко кадъ излази на веће позориште, политично недѣйствує, нит' ужива достоинство морално слободне и независиме особе, нѣно владанѣ и нѣни обычаи су іоштъ источни, па отудъ и произлази нѣна смиреность и боязльивостъ, коя се у тако названой женской поезіи наоди. Но зато опетъ мужъ почитує жену, као своегъ друга, као свою матерь и матерь своє дѣце. Нигди нема примѣра у Србской поезіи, да се женскій полъ презире, као што се то у стихотвореніяма више изображены, али морално покварены народа наоди. Уобште жена є была у оно време, т. є. око края 14. столѣтія, кадъ су у Европи юначке пѣсме престале, и романъ оживіо, само єданъ предметъ гледаня у погледу нѣне тѣлесне лѣпоте: она є текъ нѣжнимъ чувствама своимъ на срца дѣйствовала. Сасвимъ є друго станѣ нѣно у поезіи старогъ вѣка, а нарочито у Србскимъ пѣсмама, гди ніе више робиня, ако ю она светость іоштъ и неокружава, коюю іой Нѣмачкій родъ дає, онай сяйный вѣнацъ честности, коимъ христіянство идеалъ жене увѣнчава.

(Продуженіе слѣдуе.)

ИСКРИЦЕ.

XXII.*)

Єзыкъ є духъ човека, духъ народа. Гди є єзыкъ смѣшанъ, онде су смѣшане и душе; гди два єзыка господую, онде єдиподушія неможе быти. Ово двойство показує два различита народа, туђа єданъ другомъ; показує старый ратъ или новый, сакрывеный или видимый. Неможе капа ни да трпи, ни да сбаци клобукъ, незна заповѣдати, а іоште манѣ слушати. Гди єдиности ніе, ніе ни крѣпости. Тко незна да люби, незна ни да искрену истину рекне; гди истине ніе, ніе ни дике ни разума. Међу нашимъ жалостима има іоште нешта добра, има дике, разума и любави, исто онако, као што у голимъ планинама међу стѣнама отвори се наєданпутъ ненадана зелена долиница, гди вѣтаръ нештети и сунце непопржи; али є много драче, коя раздире ноге и руке; сува намъ є земля, вѣтаръ свуда душе, стабла гули, цвѣће чупа.

Нисмо мы, врста учены, съ народомъ нашимъ нити добро состављени, нити добро разлучени; съ ньиме се мѣшамо, не да му дамо штогодъ одъ нашегъ племства, или да му штогодъ одъ нѣгове простоте украдемо. Мы се съ народомъ мѣшамо, да будемо и мы и онъ тужни и горій. Ніе овай духъ, духъ милостиве любави, кои насъ къ нѣму притеже, него живинска жеља немила, као кукањ, кои тражи кога ће отровати.

Кои ће, Боже, быти свршетакъ толики грѣха безъ сладкоће, толики туга безъ хвале? Коя ће быти у будућности судбина наша? Коя ће крвь придобыти, Латинска или Славлянска? Или іоштъ друге народе очекивашъ у удалѣтнимъ вѣковима, бѣдна домовино моя!? Малена си међу югославлянскимъ сестрама твоима; но некій ми гласъ све єднако говори, да ты нећешъ быти маня ни ружнія, него да ће се пѣсме твое на далеко чути и орити, и упокоити у гробу сынове твое, кои су умрли уфаюћи се у те, и плачући не своє несреће, него братинске.

*) Искрице 20 и 21 посве се ограничаваю на помѣстность Далмаціе, зато ій овде и несаобштавамо. Учр.

Учредникъ Милошъ Поповићъ

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду

ПОДУНАВКА.

№ 49. У Суботу 2. Децембра. 1844.

БИБЛИОТЕКА ГРАДА БЕОГРАДА

МЫСАО РОДОЛЮБНА

ПРЕДЪ ИЗГЛЕДОМЪ ЄСЕНСКОГЪ РАЗЛИВА ДУНАВА И САВЕ СРБИМА УОБШТЕ.

Дунавъ силнымъ валомъ тече,
Силнымъ валомъ тече Сава,
Вода од-а-свы страна расте;
А земля се уманява;
Земля тоне... іоштъ є мало,
И іоштъ мало... пакъ нѣ ніе:
Ніе Дуная, ніе Саве,
Єданъ єзеръ ту є све.

Ко сврхъ зида Бѣлог-Града
Тай прекрасный узоръ пази,
Крозъ сладостно чувствованѣ
Уздахъ нѣму изъ срца излази;
И ако срце Србски біе,
Умъ той мысли да поводъ:
„Како рѣке Србскогъ рода
„Кадъ ће сложанъ быт' и родъ?!

„Кадъ ће мысли, када чувства
„Не различна у любви лит' се?!
„Кадъ ће од-а-свудъ десне къ деснам',
„Къ прсам' прса прилучит' се?!
„Кадъ ће између братскогъ любца
„Тай гласъ светый изаћи:
„„Богъ насъ сложи, сложни будмо,
„„Мы смо Срби, браћа сви!

Матія Банъ

СРБИ И НЬИОВЕ НАРОДНЕ ПѢСМЕ.

(Продуженіе.)

Епискій одломакъ о битки на Косову свршує се са представлѣніемъ єдне женске као дѣвойке, коя познатогъ єдногъ юнака између погинувши тражи. Изъ слѣдуюћи стихова може се видити, како Славляни женскиню у своимъ пѣсмама представляю.

Уранила Косовка девойка,
Уранила рано у неделю,
У неделю прие яркогъ сунца,
Засукала биєле рукаве,
Засукала до бели лаката,
На плећима носи леба бела,
У рукама два кондира златна,
У єдноме лађане водице,
У другоме руменога вина;
Она иде на Косово равно,
Па се шеће по разбою млада,
По разбою честитога кнеза,
Те преврће по крви юнаке;
Когъ юнака у животу наће,
Умива га лађаномъ водицомъ,
Причешћує виномъ црвеніемъ
И залаже лебомъ биелиемъ.
Намера є намерила была
На юнака Орловића Павла,
На кнежева млада баряктара,
И нѣга є нашла у животу,
Десна му є рука осечена
И лиева нога до колена,
Вита су му ребра изломлѣна,
Виде му се цигерице беле;
Измиче га изъ те млоге крвце,
Умива га лађаномъ водицомъ,
Причешћує виномъ црвеніемъ,
И залаже лебомъ биелиемъ;
Кадъ юнаку срце заиграло,
Проговара Орловићу Павле:
„Сестро драга, Косовко девойко,
Коя ти є голема неволя,
Те преврћешъ по крви юнаке?

Кога тражишъ по разбою млада?
Или брата, или братучеда?
Ил' по греку стара родителя?"
Проговара Косовка девойка:
„Драгій брато, деліо незнана!
Я одъ рода никога нетражимъ,
Нити брата, нити братучеда,
Ни по греку стара родителя;
Мож' ли знати, деліо незнана,
Кадъ кнезъ Лаза причешћива войску
Кодъ прекрасне Самодреже цркве
Три неделѣ тридестъ калуђера?
Сва се Србска причестила войска,
Найпосле три войводе бойне:
Єдно єсте Милошу войвода,
А друго є Косанчићъ Иване,
А треће є Топлица Милане;
Я се онде деси на вратима,
Кадъ се шета войвода Милошу,
Красанъ юнакъ на овоме свету,
Сабля му се по калдрми вуче,
Свиленъ калпакъ оковано перѣ,
На юнаку коласта аздія,
Око врата свилена марама,
Обазре се и погледа на ме,
С' себе скиде коласту аздію,
С' себе скиде, па є мени даде:
На, девойко, коласту аздію,
По чему ћешъ мене споменути,
По аздіи по имену моме:
Ево т' идемъ погинути, душо,
У табору честитога кнеза;
Моли Бога, драга душо моя,
Да ти с' здраво изъ табора вратимъ,
А и тебе добра срећа нађе,
Узећу те за Милана мога,
За Милана Богомъ побратима,
Кой є мене Богомъ побратіо,
Вишньимъ Богомъ и светымъ Іованомъ;
Я ћу теби кумъ венчаный быти.
За ньимъ иде Косанчићъ Иване,
Красанъ юнакъ на овоме свету,
Сабля му се по калдрми вуче,
Свиленъ калпакъ, оковано перѣ,
На юнаку коласта аздія,
Око врата свилена марама,
На руци му бурма позлаћена,
Обазре се и погледа на ме,
С' руке скиде бурму позлаћену,
С' руке скиде, па є мени даде:
На, девойко, бурму позлаћену,
По чему ћешъ мене споменути,
А по бурми по имену моме:
Ево т' идемъ погинути, душо,
У табору честитога кнеза;
Моли Бога, моя душо драга,
Да ти с' здраво изъ табора вратимъ,
А и тебе добра срећа нађе,
Узећу те за Милана мога,
За Милана Богомъ побратима,
Кой є мене Богомъ побратіо.
Вишньимъ Богомъ и светымъ Іованомъ;
Я ћу теби ручный деверъ быти.
За ньимъ иде Топлица Милане,
Красанъ юнакъ на овоме свету,
Сабля му се по калдрми вуче,
Свиленъ калпакъ оковано перѣ,
На юнаку коласта аздія,
Око врата свилена марама,
На руци му копрена одъ злата,
Обазре се и погледа на ме,
С' руке скиде копрену одъ злата,
С' руке скиде, па є мени даде:
На, девойко, копрену одъ злата,
По чему ћешъ мене споменути,
По копрени по имену моме:
Ево т' идемъ погинути, душо,
У табору честитога кнеза;
Моли Бога, моя душо драга,
Да ти с' здраво изъ табора вратимъ,
Тебе, душо, добра срећа нађе,
Узећу те за верну любовцу.
И одоше три войводе бойне.
Ньи я данасъ по разбою тражимъ."
Ал' беседи Орловићу Павле:
„Сестро драга, Косовко девойко!
Видишъ, душо, она копля бойна
Понайвиша а и понайгушћа,
Онде й пала крвца одъ юнака
Та доброме коню до стремена,
До стремена и до узенѣіе,
А юнаку до свилена паса,
Онде су тя сва три погинула,
Већъ ти иди двору биеломе,
Некрвави скута и рукава."
Кадъ девойка саслушала речи,
Проли сузе низъ биело лице,
Она оде своме биелу двору
Кукаюћи изъ биела грла:
„Яо ядна! уде ти самъ среће!
Да се, ядна, за зеленъ боръ ватимъ,
И онъ бы се зеленъ осушіо."

Ова приповѣдка требало бы управо, као што смо већъ напоменули, да заключи юначкій вѣкъ, кои многе одломке, илити поособна пое-

тична сачинѣнія садржава. Ритмусъ є њіовъ врло простъ, онъ састои изъ десетъ трохея одъ петъ двосложны стопа, и усѣкъ пада у другу стопу. Ова простота чини лакость стиха, и то є по свой прилици узрокъ, што се множина стихова кодъ народа овы предѣла наоди; єрбо кодъ други Славляна, кодъ кои є ритмусъ тежій, народъ млого више воли у прози приповѣдати? Овай размѣръ, осимъ тога музики подложанъ, можда є узрокъ био, што се овдешнѣ стихотворство нієе усавршенствовало. Єръ онъ, занимаюћи се подобногласносћу њіовомъ, одузима іймъ слободно приповѣданѣ, а нарочито могућность приповѣдке полѣпшати. Кадъ погледимо Грчкій хекзаметръ, видимо, да и онъ такођеръ изъ два стиха, преломкомъ раздѣљена, састои, коє су доцніе саєдинили, но овай є преображай онда текъ слѣдовао, кадъ су престали были стихове узъ музику пѣвати, него су ій само говорили. Напротивъ кодъ Славляна іоштъ єднако стои поезія подъ управомъ музике, па зато є оно строго придржаванѣ лирическе форме, повтораванѣ рѣчій, и почетакъ стихова на єднакій начинъ, а то све ограничава слободно гибанѣ стиха у епопеи. Србско нарѣчіе одъ свію осталы Славлянски нарѣчія има найвише хармоніе и пріятности, оно умекшава тврдость сугласны писмена, и скоро є Таліянскій єзыкъ Славляна.

(Продуженіе слѣдуе.)

НЕШТО О ДУБРОВНИКУ.

(Продуженіе.)

Устроєніе граћанско (organisation civile) ове нове слободне обштине (republique) было є у почетку сасвимъ народовладно (démacratique): єзыкъ, књижевность, законословіе и обычаи Римляна ту невредими за доста времена уздржали су се; дакле неправо є мыслити, да су сами градови Рима и Константинополя были схранище Латинскога изображеня; и Дубровникъ узъ нѣя дѣли ту призамѣрну славу, и єдинствено таковымъ средствомъ онъ є могао увеличати се, блистателно одржати међу якима и нѣму често непріятельскима народима, разширити на далеко свою трговину, получити великій утицай у источной политики, участвовати у занста найвећимъ людскимъ догађаима и постигнути трудомъ и непрестаномъ погибельи свой тринаєстый вѣкъ живота, изражаваюћи се по томе у постоянству съ великимъ царствама свѣта.

Оскудица у земльишту одбацала є силовито Дубровчане на море, коє ій са свы страна обкружаваше, и ово є почело быти живаль њіовъ. За мало времена имали су єдну велику бродбу трговачку, очистили су Ядранско море одъ гусара, и постали на овоме тесноморю (golphe) найвећи саинадници, што су Венеціани имали.

Но поспѣшно и примѣрно умножаванѣ богатства даде іймъ зажелити мало шире границе: то разширенѣ было іймъ є у истину и преко нужно, єръ они никако нису могли живити у своіой самоћи, а да нестуне у саюженѣ са пограничнимъ народима, съ коима су трговали и добыли пристаништа, безъ кои су сасвимъ были. На ближньой крайни вићало ій се множтво, и одъ кайлѣпши, што ій є на свѣту; съ тога они продужише мало по мало свой градъ до сувога края. Тада млогочислени Славляни изъ околны предѣла притрчавали су къ њима, примамлѣни добыћу, редомъ и сигурносћу, коя се онди уживала, и тако крвь двои племена, сѣверногъ и Римскогъ, сліе се у єдну, и створи оно благополучно смѣшанѣ, изъ кога є после нова Европейска изображеность произтекла. — Єзыкъ Латинскій брзо се изгуби у народу, и ништа друго нієе было, него єзыкъ правительственый; исто име одъ Рагузе претвори се у Дубровникъ, изъ рѣчи Славлянске дубрава, коє су у оно доба прикривале брдо, на подножію кога градъ се є простирао. Краль Далматинскій Стѣпанъ дарова Жупу, Гружъ, Рѣку и Заторъ Дубровчанима, кои су одъ другогъ опетъ краля єдногъ добыли іоштъ и она три острова, коя Плиніусъ именомъ Елафида означава. Было є време, кадъ су они притяжавали цѣлу половину приморске Далмаціе, но часть єдна ти притяжанія утече іймъ изъ руку, и само земльиште између Котора и Корчуле (Corcira nigra) было є обычайный просторъ њіове рипублике.

Народъ малочисленый, заузетъ савъ трговањемъ и књижествомъ, по нарави є непріятель рата, и зато Дубровчани у свако време особито паштили су се, да ратъ избѣгну. У своимъ неспоразумѣніяма они су често своє ползе жертвовали, и само кадъ бы те ползе таке были, да се никако нису могле жертвовати безъ особите погибели своє, па кадъ бы они суетно изтратили сва средства, коя є њіова мудра по-

литика могла измыслити, само у томе случаю устали бы на оружіе, а и тада волели бы своимъ трошкомъ оружати оне себи пріятельске народе, кое бы знали, да су доста яки, за моћи ій обранити, неголи кретати свое граћане съ послова, и на губиште шиляти. Но изъ тога нетреба заключаватн, да Дубровчани нису никадъ на бойно поль излазили; и особито се примћтити има, да су готово свагда добытници были. Ово пакъ односити се мора колико на њиову храбростъ и на изкуство њиновы войвода у воєной науци, толико и на ону вћштину, по коіой су знали уплести у свое догаћае каквогъ могућногъ кнеза или краля. Средина дванаестогъ столћтія њинова є найзнатнія бойна епоха. Онда Неретвани, они страшни приморци Ядрански, кои є повћсть мало, или ни мало ніе позната, но кошма велика Венеція морала є ружный данакъ неко време плаћати, были су побћћени одъ Дубровчана; такоћеръ є и Барићъ, Босанскій Банъ, кои є у єдной битки кодъ Требиня изгибіо 4.000 людій, што надоше мртви, осимъ великога броя заробљены, быо принућенъ заискати миръ, платити ратне трошкове и поклонити єданъ уговореный даръ републики. У овомъ бою Дубровнику су помагали саюжени градови Которъ, Дутчинь и Перастъ. —

(Продуженіе слћдуе.)

ИСКРИЦЕ.

XXIII.

Крозъ различите зраке разтежу се уди твои силни, славный народе мой! У єдно време ты видишъ снћгове и цвћће, позорища и планине, медвћде и кнезове. Съ Рускомъ земльомъ имамо мы Юго-Славляни обштеность єзыка, съ Нћмачкомъ закона, съ Грчкомъ зрака, съ Талiянскомъ наука. Многа и различита су сћмена међу нама, само нека єдно друго нештети, па ће многи и различити плоди родити! Може нашъ народъ да саєдини сћверъ съ югомъ, да понови народе старе и уморене, и да у Европу штогодъ уліе Азіатскога духа. Лћпота нћгова ніе безъ снаге; ніе снага тежка и дебела, него хитра и танка; ніе хитрость вћтрена, него любезна и промышлћна; ніе сила живинска, него сладка и добростива, коя одъ любави долази, и любавь раћа, нешто измећу духа и тћла, измећу нарави и наука, измећу помысли и послованя.

Али добро твое ніе іоште ино, него клица малешна, кою валя ранити многимъ зноємъ, валя ю наводнити сузама нашимъ, а до потребе и юначкомъ крвлю нашомъ.

КЪ ПРИПРЕМИ

ЗА НАЗИВОСЛОВНЫЙ РЋЧНИКЪ

ДРУЖСТВА СРБСКЕ СЛОВЕСНОСТИ.

(ДОДАТАКЪ.)

Abart, f. изродъ; изметакъ.
Abbild, n. слика.
Abdruck, m. одпечатакъ.
Aberglaube, m. суевћріе.
Aberwitz, Afterwitz, m. безумство; будалаштина.
Abgemessen, ad. praecise, одсћчно.
Abschied, m. одпустъ.
Abstossung, f. repulsio, одбіянћ; одбой.
Abstufung, f. постепеность.
Abtrettung, f. уступанћ, уступъ.
Abzugsgeld, n. изселбина; одбитакъ.
Accreditiren, v. a. опуновћрити.
Adjutant, m. приручникъ.
Adresse, f. надписъ; одписъ.

(Додатакъ къ Lit. A.)

Autonomia, самозаконость.
Autopsia, самовиђенћ, самогледъ.
Aversionaliter, єдно на друго, одсћкомъ.
Avocatio, одазванћ, одзовъ.
Absurdum, неумно, нескладно.
Absurditas, неумность, нескладность.
Aera, лћтоброй.

B.

(Banquier, новчаръ).
(Banka, новчаръ).
Babtismales literae, крштено писмо.
Basis, основъ; основка.
(Bagatela, ситница).
(Balkon, высникъ, погледникъ, надвысъ).
(Ball, играпка, игра).
(Ballada, сказкопћвъ).
(Ballon, лопта).
(Ballotiren, зрнати).
Ballet, вћштоплћсъ).
(Balast, притега).
(Bankett, часть, пиръ, гостба).
(Bankerott, пропалица).
Barometer, Baroscop, воздухомћръ.
Bastard, ванбрачно дћте; копиле; сустрмица.
(Bass, низакъ гласъ).
(Bajonett, бодило).
(Batallion, тысућнна).
Benevola fassio, добровольно признанћ.
Benevolum examen, кривичный испытъ.
Bestialitas, скотство; скотоложство.
Biblioteca, кньижница.
Bilateralis, обострапный.
Bigamia, двобрачіе; двосупружіе.
(Bigoteria, препобожность).
Billanx, смћръ, двовћсница.
Biographia, житіе.
Blasphemia, хула.
(Bombast, пустословіе).
Bona fides, добромысленость.
Bona fide, добромыслено.
Bonificatio, накнада.
Brevi manu, изъ руке, на брзу руку.
Bulla, повеля.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 50. У Суботу 9. Децембра. 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА БЕОГРАД

НЬОЙ.

Заръ већъ райска да м' изчезне сенка,
Лѣпъ образацъ давнашнѣга сна;
И да чувства безъ свакогъ споменка
Мысли о ньой душа ми прогна?!

Ха! и жиѣа зашт' да гледимъ зраке,
Дражесть безъ нѣ к'им' є маня заръ;
Не; — за єдне, єдне іоштъ роѣаке,
За матерньій єзыкъ штеди жаръ.

Тай у борби нек' те снажи, крепи,
Тай у бѣди крстоносцу штитъ;
Съ ньимъ се тѣши сужанъ у процепи,
Съ ньиме ктевши народъ избавит'

К. С. Поповићъ.

[СРБИ И НЬИОВЕ НАРОДНЕ ПѢСМЕ.

(Продуженіе.)

То смо већъ примѣтили, да сагласна писмена, илити гласъ ньіовъ сачинява оснутакъ тѣла у єзыку, и што се тога тиче, сва су нѣгова нарѣчія єднака, све ньіове рѣчи састоє изъ исты сагласны писмена, само што су другчіе расположена, а самогласна даю іймъ животъ и душу. У Србскомъ єзыку система є сагласны писмена подпуна и савршена, него самогласны іоштъ є слаба и недостаточна. Система сагласны писмена у сравньиваню са другимъ Славлянскимъ єзыцима найсавршенія є у Поляка и Чеха. Поляци осимъ тога, што су са чистимъ сагласнимъ писменима врло богати, имаю іоштъ нѣка, коя крозъ носъ изговараю.

Было садъ како му драго, кодъ толике користи, и кодъ толике наклоности народа къ поезіи и уроѣеногъ му къ томе дара, поредъ толики преданія народны и тако лепогъ за поезію єзыка, шта мора быти узрокъ, да овай народъ іоштъ досадъ савршене епопеє нема? и да се одломци нѣши у єдно органично цѣло сакупити немогу? Нѣки учени люди питаю се надеждомъ, да ће то кад-тадъ изићи на свѣтъ, шта више и страни учени, као Фатеръ и Гримъ, очекую Славлянску епопею; но кадъ погледимо исторію књижества овы држава, налазимо довольно узрока посумняти се, да ће се икада таково дѣло издати. — Досадъ таково што народъ ніє створіо, а тежко ће у томъ и учени срећніи быти. —

Мы смо казали, да Србска поезія никакве митологіе нема, Славляни нису никадъ митологіе ни имали. Кадъ су доцніе христіянскій законъ примили, створили су они изъ различиты и несагласны о закону понятія нешто Грчкой митологіи подобно, но то се развити ніе могло. У старой Грчкой за Омирово време быо є законъ затворенъ у цркви и кодъ свештеника, а народъ є сасвимъ суєвѣранъ быо, шта више суєвѣріе є сполянность закона сачинявало. Изображеніи люди, стихотворци и умѣлци подигли су у народу митологію и развили су є поученіяма и умѣлимъ своимъ дѣлима. И тако пѣвачи Омировы пѣсама, кадъ су у найлѣпшемъ цвѣту были, и за време Писистрата, кадъ су одломке епопеє у єдно сакупляти почели, нису више слѣпци были, него су были умѣлци, угледни люди, учитељи, и воспитателіи народни. Ова се класса кодъ Срба никадъ ніе могла изобразити; христіянску митологію, коіомъ су они Грчкій Олимпъ замѣнили, ніе могао нико раѣе примити одъ простогъ човека. Єрбо съ єдне стране ніе се могао христіянскій, кодъ сусѣдны народа владаюћій законъ, кои є на путу знаня и умѣлости далѣ корачіо, са понятіяма Србски стихотвораца согласити; съ друге стране уништ-

тожавао є Исламъ ову поезію, и учиніо, да є народъ свой законъ све више преображавао. Тако су Славляни одма съ почетка оно, што основъ и стубъ епопеє сачинява, изгубили.

Кадъ су Србльи своју политичну самосталность изгубили, и єзыкъ се є ньіовъ промѣніо, будући су многе Турске рѣчи у свой єзыкъ примили. Сусѣдство Уралски народа покварило є іошть изъ давна Славлянскій єзыкъ, него опетъ се примѣтило, да овай єзыкъ, примаюћи стране рѣчи, никадъ глаголе, но само самоставна (сушшествителна) имена прима. То є знаменита примѣтба. Єрбо у свакомъ савршеніемъ и достаточніемъ єзыку темель є глаголъ, онъ є нѣгова бытна, и тако рећи божествена часть, а самоставна су текъ матеріялне части. Има народа, кои стране глаголе у свой єзыкъ примаю, и тымъ га упропашћую. Такови су Бретонци у саданьой Енглезкой Они су у свой єзыкъ поглавиту ову часть говора одъ Нормана примили, чрезъ то є ньіовъ єзыкъ истина разговетніи, ясніи и савршеніи постао, али є свою првобытность сасвимъ изгубіо. Исту су судбу искусили и многи Целтички єзыци. У овима се многе выспреніе мысли и чувствованя немогу изразити. Због тога на Целтичкій єзыкъ источна стихотворенія тежко бы се превести могла, шта више ни єдикои производи Нѣмачке поезіе. Славлянскій єзыкъ, премда множину страны нарицателны имена у себи има, опетъ ій по начину свои собствены рѣчій нескланя, нити ій уводи у внутреньій свой организамъ, као што ни глаголе одъ ньи непроизводи, па тако остає у своме темелю непокретанъ, и бытну свою часть, т. є. глаголъ, кои му душу сачинява, свагда задржава чистъ и невредимъ. Но при свему томе нити ће Славлянскій, ни остали єзыци икада у станю быти, другу Иліяду илити Одиссею сачинити. Поетични одломци, о коима смо мы садъ говорили, равни су у нѣчему стихотвореніяма Омировогъ времена, они су на истый начинъ постали, и вредно ій є испытати, будући намъ они и у самой исторіи Грчке книжевности главшто болѣ изясняваю; но нетреба се варати, и можда помыслити, да ће се сбиръ овы одломака са великомъ и до удивлѣнія лѣпомъ поезіомъ Грчкомъ сравнити, или да ће изъ ньи кадгодъ тако савршено дѣло, као што є Грчка Иліяда, произићи моћи. —

(Продуженіе другій путь.)

Л. П.

НЕШТО О ДУБРОВНИКУ.

(Продуженіе.)

Али найпогибелніи непріятельи Дубровника у оно време была су два сына Деше, праотца гласовите породице Неманића, коя є надъ Србіомъ кралѣвала. Єданъ одъ ти сынова Неманя I. было є подъ єданъ жезалъ скупіо Србію, Босну, Херцеговину и неколико градова Бугарске, побѣдіо Неретване, и радіо, да сву приморску Далмацію и Хрватску своіой власти подвргне. Онъ є было науміо, слити све речене државе у єдну снажну кралѣвину, коіомъ бы могао умѣравати силу источнога царства. Да се є ова кралѣвина саставила и утврдила, нема сумнѣ, да бы саданѣ разположенѣ сталежно и политична система у Европи сасвимъ другчія была, него што є. Неманя дакле тражећи узрока, да закини Дубровчане, почне захтѣвати одъ ньи, да се одрекну старога права одъ првенства, по комъ су све римокатоличке цркве у Босни зависиле одъ Дубровачке. Дубровчани, нехотећи се тогъ преимућства лишити, коє є собомъ не малый политичный интересъ носило, а знаюћи съ друге стране, да ій Грчкій царъ због речены намѣреня краля Неманѣ мора противъ нѣга са своме силомъ помагати, одговоре после дугогъ отиманя, да нѣгова захтѣваня немогу никако одобрити. Ратъ іймъ буде обявлѣнъ. Тадашній царъ Манойло у истину приступи на ньиову страну, и принуди краля да учини миръ. — Мало времена после тога Мирославъ, кралѣвъ братъ, почне нападати границе републике, коя се съ почетка неодзове, али доцніе ползуе се єдныме подобныме случаєме. те противъ нѣга силну войску дигне, коя га и на мору и на суву сасвимъ побѣди. Следуюће године Мирославъ опетъ съ 20,000 людій започне непріятельство, но и тай путъ было є присилѣнъ. да побѣћенъ уступи, те већъ у напредакъ мируе.

Изоставляюћи неке друге ратове, срећно свршене, немогу да неозначимъ єдну черту, коя одличніе може быти карактеризяра исторію Дубровчана, неголи икакву другу, а то є да овай малый народъ, кои є толико любіо миръ, да є нѣму честно своє найвеће интересе жертвовао, свагда се на ратъ окренуо, и ніе никада гледао, што ће печали, ратомъ скопчане, на себе притегнути, кадгодъ какавъ великій моралный узрокъ то бы захтевао. У таковимъ случаима єдныме єдныме чувствомъ дисао бы

савъ совѣтъ, сама єдна одлука учинила бы се у оной племенитой скупштини, и та бы была, да отечество у сваке погибели удари, али да се непонизи укорителнымъ дѣломъ.

Чрезъ то высоко морално чувство, толи непознато политики новы времена, слабашня република смѣло є одрицала предати Маргариту, удову Стѣпана Далматинскога краля, склонѣну у Дубровнику, у руке Богославу, краю Хрватскомъ, кои є быо дошао са десетъ тисућа людій, ньой осветити се, говорећи о нѣкой учињеной му увреди. Совѣтъ и због свога признања прама покойномъ краю*) и због своїъ крѣпкогъ начала гостолюбногъ воліо є претрпити, да му се сва земля одере и опусти, воліо є іоштъ и платити Хрваћанину єдну сумму новаца, само да одустане одъ своїъ закгеваня, али се нїє одъ поштеногъ своїъ одрицања одмакнуо. И другій путъ ова претврда вѣрность на рѣчи нашела є на Дубровчане већи и дужи зала. Три братучеда краля Бодина, боећи се, и то не безъ узрока, да ій Дундо искаше живота лишити, за очистити одъ свакогъ заточника Србскій престолъ своимъ сыновима, утекоше на землѣ републике. Бодинъ пошто то дозна, и безъ користи запыта ій, градъ обсѣдне. Та обсѣда седамъ година продужи се: нападаня, немоћи, воєни труди были су преполовили народъ, али онъ нїє одъ тога устао, доклегодь нїє видіо окрунѣно подпунымъ успѣхомъ своє витежко постояньство. Животъ є быо сачуванъ Бановима, а непріятель удалѣнъ. Али найвыше томъ приликомъ Дубровникъ показао є єдну чудновату крѣпость на обрани свои гостію, кадъ Србскій деспотъ Ђураћъ Бранковићъ, лишенъ своє државе, и бежећи испредъ Турака, кои су га хотѣли или жива или мртва у руке добыти, добѣже у гостолюбивый градъ, кои га на прикоръ свію несрећа, коє є предвиђао, да ће деспотова притомосъ на нѣга навући, нїє одъ себе отерао, но любко га приміо, и увѣріо, да ће онъ моћи остати закопанъ подъ развалинама Дубровника, али да неће ни онъ, ни нико одъ нѣговы, кои су съ ньиме дошли, у Турске руке запасти. Мало времена проће, и ето ти поклисара Амурата II., кои є у име свога господара покланяо републики сву Србску Арбанію, и неке друге градове са великимъ деспотинымъ благомъ, само да му нѣга преда; а претіо є, ако то неучини, да ће царъ главомъ доћи са єдномъ войскомъ, узети іой сву землю и градъ у прахъ обратити. Али совѣтъ одговори му, да онъ више цѣни свою вѣру, неголи могућство, животъ Деспота у оному случаю, неголи свой животъ. Амуратъ, кои є быо напраситъ, али не безъ великодушія, како му проће првый махъ ярости, коіомъ га є такій одговоръ быо узпаліо, размѣраюћи самъ у себи высокость оногъ добродѣтельногъ поступка Дубровчана, нїє могао уздржати се, да нерекне околостоећимъ дворянима: „Народъ, кои толико цѣни и држи поштенъ и вѣру, неможе заисто никада погинути.“

(Продуженіе слѣдуе.)

*) Ово є онай краль, о комъ є речено, да є даровао Дубровчанима Жупу, Затонь и т. д.

ПРИЛОГЪ ЗА ИСТОРІЮ СРБІЄ.

Господару Радовану Грбовићу, моему рођаку!

Приміо самъ ваше писмо и сва разумѣо што намъ пишете; мы вамъ данасъ тамо неможемо доћи, будући да очекуємо обраве одъ Турака, коє смо люде послали, да разберу; и дошо намъ є гласъ за цѣло, да є везиръ дошао у Зворникъ, и поаро све агинске конаке, и за то є се Али Паша и вратіо у Зворникъ, међу ньима є кавга велика. — За цебану самъ послао, како доће послаћу вамъ. И весма намъ є драго, што сте дошли, и већъ єданпутъ да буде цѣла Наія у гомили; поздравлямо васъ и войводу Миливоя.

У логору Црнилѣву 30 Юн'я 1813.

Сима Ненадовићъ.

Іовица Капетанъ.

Благородному Господару

Радовану Грбовићу войводи

у

Осећну.

НА СМРТЬ МАРКА ПАНТЕЛИЋА.*)

Каква горка судба Музе,
Као муня какавъ гласъ,
Што натера оку сузе,
Шта ли рази тако насъ?

*) Свршившегъ другу годину права текуће 1844 год. у Београду, кои є мѣсеца Септембра, на путу у Крушевацъ, гди є быо за Писара опредѣленъ напрасно одъ врућица у 20 своіой живота година умро.

Немилостивъ ко є тако,
Што намъ краги земный часъ,
Да напрасно и за кратко,
Нестаємо ко пустъ гласъ?

Но непытамъ, помоз' сама,
Да изявимъ мою скорбь,
Потокъ горки суза тамо,
Некъ поліє друга гробъ!

На све стране тужни гласи
Нек' являю тугу, ядъ,
Да ми суза лице кваси,
Та м' некъ буде другій садъ.

Єръ онога, Минерва комъ,
Украсила бяше грудь,
Кой у дружтву бяше свакомъ
Ко одбраный съ цвѣћемъ судъ,

Чувства она, што дисаше
Любовію искреномъ,
Дѣйствовати вѣчъ престаше,
Братскомъ любвомъ ватреномъ.

Оногъ велимъ, кои бяше
Сынъ покорный, вѣрный другъ,
Срдце любвомъ когъ куцаше,
Лишава се вѣчъ нашъ кругъ.

Ахъ на жалость нашу вечу,
У цвѣтућу своґъ века,
Угаси му жизни свећу
Горке судбе смрть прека!

У найлѣпше своє време,
Кадъ да краси овай свѣтъ,
Ахъ жалости! у гроб' вене,
Ко пресѣченъ польскій цвѣтъ!

Зато м' Музо садъ помажи,
Некъ изпуни кругъ туга,
И Марковомъ дружтву кажи,
Да вѣчъ скрива гробъ друга.

Све у црно некъ с' обуче,
И у гори зна птица,
Какве майку ране муче,
Кадъ гробъ гледи єдинца.

Ал' не тако, ніе туда,
Тамо мора цѣо свѣтъ,
Там' нешкоди злоћа худа,
Там' тек' правде цвѣта цвѣтъ!

Райко Р. Іовановићъ,
Слуш. I. г. Философіе.

ИСКРИЦЕ.

XXIV.

О младци, кои идете у туће землѣ искати знанѣ, коє вамъ земля ваша недає, будите надежда и радость, а не жалость и страхъ отачбине бѣдне. Спомыняйте се вавѣкъ на ню, уздржите людскій нѣзинъ єзыкъ; учите и друге, али да вамъ туђій неизтисне материногъ изъ срца, да небуде ратъ и дубина у мыслима вашимъ. Ни владанѣ ни душа раздружена неможе да живи. Иностранскій ћете духъ болѣ осећати, кадъ будете Славляни прави. Больи сте него многи одъ оны, кои васъ сматраю као изметъ народа. Браните, молимъ васъ, посвуда браните домородно поштенѣ; будите у одлукама становити, слободни у рѣчма, бистри и силни на време, али чешће тихи, вавѣкъ любезни. Любите истину више него злато, а браћу више него животъ. Другій народа обычае гледайте и поштуйте, безъ да ій слѣпо слѣдуєте или погрдите. Браћа њиова будите, а не робови.

НАРОДНЕ СРБСКЕ ПОСЛОВИЦЕ.

(Скупіо Тодоръ Влашићъ.)

Ко непознає кукавицу, онъ мысли да є ястребъ.

Пусти свиню предъ кућу, она ће и у кућу.

Наваліо ко босъ у трнѣ.

Твоє мига, моє се сећа.

Пусти кусоню подъ пластъ, онъ ће га и оборити.

НОВА КНЬИГА.

Велимиръ и Босилька одъ Милована Видаковића. На ново препечатана Стефаномъ Лазаревићемъ, Кньиговезцемъ. У Београду, при правительственной кньигопечатньи 1844. — На 8-ку, стр. X., 248.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.
Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду.

ПОДУНАВКА.

№ 51. У Суботу 16. Децембра. 1844.

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА * БЕОГРАД

ЛЮБИЧИЦА И РУЖИЦА.

Пресађена любичица у башти кодъ руже
Трудолюбнимъ баштован'ма, кудъ се стаза пруже,
Плавый цвѣтакъ свой развила малымъ нѣжнымъ стасомъ,
И пріятнымъ свуда башту напуня мирисомъ:
Да не само пресадцима сладость своимъ даѥ,
Но и роду њиовоме да исту задаѥ,
Кон іймъ ѥ рука-помоћь пресађаю био,
Тежкій съ њима и заѣдно зной са чела ліо:
Да бы одъ њи за вѣке се вѣрно научіо,
Любичицу нѣговати, и ню мирисао.
На ово ѥ сусѣдкиня, ружица, пытала:
„Ѥси ли се безопасно садъ, любо, станила,
Да у крило сладость сипашъ, нѣгујоће тебе,
Да одъ трня и коприва неимадешъ злобе?“
„„Ѥсамъ,““ рекне любичица, „„све у такомъ станю,
У каквомъ ћу вавѣкъ быти и ноћу и даню:
Само ако узчуваю вѣрно ме пресадци,
Да се небы подвргнула трнку, копривици!““

Тодоръ Вланћъ.

НЕШТО О ДУБРОВНИКУ.

(Продуженіе.)

Ѥданъ Слављанскій краль звао ѥ Дубровникъ „склониште несрећны банова,“ и то съ разлогомъ, ѥръ кадгодъ бы народна буна когагодъ протерала изъ свои држава, онъ небы се другдѣ, него у Дубровникъ, склоніо: ту бы быо онъ и нѣгова пратня кралѣвски издржана, одтуда готово свагда по посредствованю републике онъ бы се на свой престолъ вратіо. Дубровникъ улагао се у све препирке околостоећи народа, и често ій ѥ припознатомъ правоћномъ по задовольству свакога изравнао, и тако препречіо ратове и увео редъ. Онъ ѥ у ондашньой политики исту ролу играо, кою у садашньой игра, али у већемъ кругу, Аустрія: искао ѥ сирѣчь уздржати неко равновѣсіе међу ближньимъ силама, за да у среди тога равновѣсія може живити, нѣгови су интереси, како су сада и Аустрійски, были, да обдржи миръ, и съ миромъ положенѣ ствари онако, како се налази. Тай утицай быо ѥ шкодльивъ у политичномъ одношенію югославлянскомъ народу, али преблагій у издѣлію людолюбномъ и такій остао ѥ све до найпоследньи времена. Цинріянъ Робертъ ово-ко намъ га представля у своимъ знаменитомъ дѣлу сврхъ Славляна одъ Турске: „Ова гласовита република, говори онъ, пріе долазка Француза была ѥ толи почитована на читаву полострову источномъ, да исти Слављани, Турцима подложни, доходили су на нѣговимъ судиштама своѥ разпре разсуђивати.“ Пре него су подъ Турску власть запали, ови народи често су хранили у своимъ дворовима по коѥгодъ Дубровчанина, кои бы управляли њиовимъ важнимъ пословима, стварали законе, уређивали училишта. За накнаду њиовы услуга они су іймъ давали ванобычна преимућства, и тымъ средствомъ могао ѥ Дубровникъ разсѣяти своѥ населбине (colonies) у Сараѥво, у Новый Пазаръ, у Београдъ, у Видинъ, у Силистрію, у Софію, у Ѥдрене, и у Букурештъ. Ове населбине владале су се по своимъ особитимъ законима, и нису завысиле до одъ своѥ майке-отачбе (mère-patrie), у чіе нѣдро непрестано сипале су велика богатства. Та богатства прешла бы мѣру свакій путъ; кадъ бы трговачки градови Италіянски заратили се међу собомъ, тада бы тргованѣ свега истока запало у саме руке Дубровчана, кои са своимъ ни-ѥдно-прилежнымъ (neutre) стѣгомъ пловили бы слободно по цѣ-

ломъ простору мора. — Рекао бы да Волтеръ (Voltaire) ніе знао за ову поєдиность, зашто ніе о њој ни рѣчи рекао у своіој исторіи на оном мѣсту, гди то ніе имао никако изоставити; исто тако и повѣствователи наше епохе, кои кажу, да у доба Француске буне сами су Грци были остали притяжатељи источногъ тргованя. Али истина є то, да су Дубровчани участвовали са Грцима у ондашњимъ добытима и сачували одъ глади южну Француску; но по злокобной игри судбине оно є было за Дубровчане найзадњій періодъ благостаня, а Грцима знаменъ новогъ живота.*)

Ова република была є у много ствари полезна не само своіој браћи Славляним, но є велики услуга и читавој Европи учинила. Она є участвовала у свима крстоносним ратовима, уложила єдну часть свои корабля у бродбу непобѣдиму Филипа I., помагала Карлу V. у његовим ратовима, и у несрећному засланію противъ Алћера изгубила већу частъ свои бродова, догађай, одъ кога є започело наданъ њене среће, и кога Шпаньолска ніе іој могла накнадити ни удѣлѣномъ іој помоћи, ни ванобычнимъ честима, коима є прославила Дубровачке граћане, кои се бяху у њној служби особито одликовали.

Войвода одъ Копто примѣчава, да є рукодѣліе толико за рана цвѣтало у Дубровнику, да изванъ њега Француси нису могли другдѣ наћи людій, способны за увести у свою кралѣвину тканѣ свиле и устроєніе бродова.**) Мађари су Дубровчанима дужни за знатну частъ свои закона: благодарити; великій преобразитель Руса имао є кодъ себе и Дубровчана; Ђорђићъ имао є врховну заповѣсть надъ унгарскомъ войскомъ; Оранъ храбро є одбраніо Београдъ противъ Амурата II.; некій трећій Дубровчанинъ учиніо є важны услуга Францу I., Француском кралю, у дипломатичнимъ његовим споразумѣніяма са Мусулманима.

Овде цѣнимъ да неће несходно спасти обявленіе оне погрѣшке, у кою су упали неки списатели, казаюћи, да є народъ Францускій найпрвый у Европи было, што є заврга саюзъ са Турцима; и оне друге, по коіој цѣне, да су Дубровчани были харачари и зависими одъ Турске. Дубровчани видећи паданъ Грчкогъ царства, коє већъ издасаваше, те виде ій немогаше бранити, а съ друге стране могућство Отманића, коє почињаше дизати своє гвоздено чело, хитри сматрателъи свега тога они су предвидили будућу судбину овогъ исполина (géant), и поспѣшили послати поклисарство къ Султану Орхану у Брусу, за съ њиме уговорити єданъ трговачкій трактатъ*). Султану морало се безъ сумнѣ допасти то прво показанѣ почитанія одъ стране єдногъ Европейскогъ удалѣногъ народа, те онъ допусти тому народу, да слободно тргує у свимъ ондашњимъ и будућимъ његовимъ држављама, и іоштъ неметне му никакавъ порезъ на трговине, коє ће у његова пристаништа уводити. За тако преимућство могли су заисто посланици Дубровачки обвезати се, да ће њиово отечество плаћати сваке године Цару петъ стотина дуката, и то у име дара. Ой лѣпа дара! Плаћати 500, за узимати, може быти, 5 миліона. Изъ тога свако види, колико бы безумно было заключити, да є Дубровникъ харачъ давао царевима, и одъ њи завысіо: онъ є єдинствено плаћао преимућства, самому њему уступлѣна, исто како у наше доба Енглезка и Француска плаћаю самокунства (monopoles), коя са њимъ народима за своє новце уговоре: али зато опетъ ніе Енглезка или Француска одъ ти народа зависима. Реченомъ мнѣнію (о зависности Дубровника) дали су поводъ неки пристрастни списатели, а други су іймъ то лако вѣровали, гледаюћи може быти на силу, величность и охолостъ Турскогъ царства, а на маленкость и слабость Дубровачке републике, и мыслећи, да међу ова два правителъства ніе могло бывати другчи одношенія, него онаки, каквы быва међу господаромъ и подложникомъ. Али су се сви врло преварили, и то іймъ се до очевидности може доказати по самимъ догођаима наше исторіе, безъ да є потреба шиляти ій у архиве Дубровачке, за да прочитаю актъ Орхановъ, одъ њга своіомъ рукомъ у црнило замоченомъ зазначенъ, а одъ наши посланика подписанъ, актъ, кои се и до наши дана сачувао.

(Продуженіе слѣдуе.)

*) Са доста лажій сплели су, и доста су понизили иностранн списатели исторіе Славлянски народа; време є већъ, да некимъ рекнемо лажете, а некимъ преварилисте се.

**) Єданъ Славлянскій народъ увео є индустрію у Француву!!!

*) Врло ми є жао было, кадъ самъ ове примѣтбе писао, што нисамъ овде изложіо датумъ реченогъ трактата, и премѣріо га са датумомъ првогъ трактата Француске са Портомъ. То ми ніе было могуће учинити, како што ніе ни сада, вр. немамъ кодъ мене нуждну ми књигу.

ПОДИЗАНЂ ПРУСКЕ НА КРАЛЂВСТВО.

(Съ Нѣмачкогъ.)

У почетку седамнайстогъ столѣтія био є подъ Курфирштомъ Іованомъ Сигмундомъ чрезъ нападеніе Пруса и єдне части Јулієвогъ наслѣдства првый темель Пруско-Бранденбуржкой држави положенъ.

Ал' већъ и подъ Іована Сигмунда сыномъ и наслѣдникомъ, Георгіемъ Вилхелмомъ, паде држава због разорителне бѣснође тридесетогодишнѣгъ рата, и слабость овогъ княза у обумиранѣ и страшно уништоженѣ.

Но сада се указа на краю пропасти посрнувше землѣ у слѣдовавшемъ владѣтелю, Фридриху Вилхелму Великомъ, избавитель предосторожногъ духа, редке проницатилности, духовне крѣпости и разборитости. Нѣму не само да є изашло за рукомъ, готово опустошене и безъ людства оставше празне предѣле чрезъ указану пришелцыма благонаклоность и помаганѣ у израђиваню сваковрстны заната и художества на миру опетъ людством населити и цвѣтаюћима учинити, него є онъ и тай био, кои є до нѣга готово поделѣнымъ, и къ никаквомъ међусобномъ саобраштенію способнымъ частима землѣ, чрезъ оживлѣнѣ и у єдно скуплѣнѣ ньіовы сила, значенѣ дао, коє ій є текъ онда до Европейске државе подигло.

Стаяћа воєнна сила, кою є онъ створіо, и врло добаръ обычай, кои є онъ као храбрый и искусный войвода у ньой увео, принела су нѣговомъ имену удивлѣніе, нѣговой сили уваженіе и успѣхъ у теженю за независимымъ политическимъ положеніемъ.

Онъ є увидіо, да слободно развіянѣ нѣговогъ народа безъ ове независимости неможе быти, и премда се чинило, да за одржаніе нѣно нису довольне матеріялне силе нѣгове државе, то є опетъ онъ знао, да духъ множину накнадити и ньомъ овладати може.

Двадесетъ деветогъ Априла 1688 године умре овай изредный князъ, а после нѣга наслѣдіо є владу нѣговъ сынъ Фридрихъ III., роћенъ у Кенигсбергу 2 Јулія 1657. Али сынъ ненаслѣди великій духъ отца свога, кои є иначе поредъ тихогъ за лепо и благородно чувства и право политическо знанѣ имао, и кои одъ положенія, своимъ предкомъ заузетогъ, ништа ніе уступіо.

Страшну є имао наклоность на украшеніе и сяйность, и ову є у своме достоинству свагда у раскошности показати гледао.

Сяйность, съ коіомъ є Лудвикъ XIV. свой престолъ обасуо био, чинила му се као найвећій тріумфъ земне славе, и ништа му ніе радостніе было одъ величественногъ увоза, одъ сватова, или саслушке, у коіой бы онъ раскошно великолѣпіе своегъ двора, свои конюшара, свои кола, сви замака, своегъ покућства на угледъ ставити могао.

Међутымъ є нѣгова лѣпа и любведостойна супруга, Софія Шарлота, кћи првогъ Хановеранскогъ Курфиршта, Ернеста Августа, за веће одушевлѣніе овы торжества старала се, премда є сама мирно живлѣнѣ и учено обхођенѣ са изображенимъ и науке пунимъ людма свему величаню дворскогъ живота предпостављала. Она є у томъ довольно среће налазила, што є у своме, кодъ села Лицова сазиданомъ замку, око кога населѣно село доцніе име Шарлотенбурга добы, баремъ празне часе и време озбыльскомъ занимању жертвовати и избраный кругъ учены и оштроумны людій око себе скупити могла.*)

За првы десетъ година Фридриховогъ владаня придобыє Принцъ одъ Ораніе Енглезку, а Курфирштъ Саксонскій Польску кралѣвску круну.

Каковый є подстрекъ за торжественолюбивогъ Фридриха био, да и свою кућу съ титуломъ кралѣвскомъ украси. Ако се нѣму и ніе дало никаква круну државе странне придобыти, то є онъ опетъ могао княжество Пруско, коє

*) Године 1700 Лайбницъ, єданъ одъ найзнатніи мудраца и у, чены людій у Нѣмачкой, отиде у Берлинъ, да бы тамо, по жельи любведостойне Курфирштицинѣ, Софіе Шарлотедружтво наука завео, коє подъ променутымъ именомъ Академіе наука іоштъ и данасъ найвећма цзета и чрезъ распространѣнѣ, коє се овомъ заведенію одма при нѣговомъ установленю дало, іоштъ є онда найбогатіе плоде за нѣгу и распространеніе ученогъ духа у Нѣмачкой носило. Лайбницъ є остао свагда као предсѣдатель истога дѣятелаць, тако као и што є доцніе у непрестаннимъ писменимъ разговорима са Софіомъ Шарлотомъ было, у конма су найдубльи вопроси претресани и найвыши задатци рышавани.

є съ пуномъ независимосћу држао, на кралѣвство подићи.

Фридрихъ є дакле съ великомъ политическомъ мудросћу одсвуда повољна обстоятелства на ползу употребіо, да бы своіой текъ зачетой сили чрезъ подизанѣ титуле већій изгледъ на почитаніе сусѣда прибавіо; и готово бы се мыслило, да є онъ то слутіо, какво ће красно зданіе некадъ кои већій после нѣга на овомъ темелю подигнути.

Нѣга є самогъ распалило къ овомъ кораку обште нѣговы современика за распространѣніемъ свои сила теженѣ, те тако нехтѣде ни онъ заостати. Ако и ніе у нѣговой власти было, величину други кралѣва постићи, то є онъ опетъ радъ быо баремъ величественну сяйность око себе видити, єдна суєта (ако ћемо є тако назвати), коя є свагда нѣговъ дворъ найбольимъ у Европи чинила.

(Конацъ слѣдує.)

КЪ ПРИПРЕМИ

ЗА НАЗИВОСЛОВНЫЙ РѢЧНИКЪ

ДРУЖСТВА СРБСКЕ СЛОВЕСНОСТИ.

B.

Botanica, быльословіе.
Botanicus, быльословацъ, быляръ.

C.

Caducitas (jurid.), безнаслѣдность.
Caelibatus, безбрачность.
Calcatura, потесъ.
Calculus, рачунъ.
Calculatura, рачуноводство.
Calendarium, мѣсецословъ, мѣсечникъ.
Calumnia, клевета, опаданѣ, потворъ.
Cambium, промѣна.
Camerarius, коморникъ.
Canalis, прокопъ.
Cancellaria, писарница.
Cancellarius, (Kanzler), представникъ.
Cancellista, писаръ.
Candidatus, представлѣникъ; приуготовлѣникъ.
Canon, правило.
Capacitas, способность.
Capillaritas, (jus capill.), дѣвовина.
Capitale, (summa capital.), главно, главнина.
Capitaneus, главаръ.
Capitulatio, уговорна предая; предая.
Carnalis, єднокрвный.
(Uterinus, єдноутробный).
Cassare, сметнути; уништити.
Cassatio, сметанѣ; уништенѣ.
Castitas, цѣломудреность.
Casualitas, случайность.
Casuistica, случайница.
Catastrum, списакъ.
Causa, причина; парница.
Causalitas, причинность; узрочность.
Cautela, предохрана.
Cautio, вмество.
Censor, разсмотритель.
Censura, разсмотрительство.
Census, пописъ; процѣна; лихва.
Certificatum, обзнанница.
Character, знаменъ.
(Chef, начальникъ).
Chronica, v. Annales.
Chronographia, лѣтописаніе.
Chronologia, лѣточисленіе.
Circulus, кругъ.
Classa, разредъ.
Cognitio, познаніе.
Collisio, судараиѣ.
Colonia, населбина.
Combinatio, омышлянѣ.
Commandant, заповѣникъ.

ИСКРИЦЕ.

XXV.

Силне поплавице съ дугимъ мутенѣмъ смућены вода падале су крозъ много столећа на те, домовино моя. Различите су владе у те дошле, безъ да є и єдна свой темель у теби укоренила. Повѣсть праву немашъ, све є раздрто, као кадъ поплавица куда пролети, те у теку све раздере, и свакудъ се провали. Мрвице имашъ одъ повѣсти, мрвице добра, цѣло тѣло немашъ, немашъ зданія довршены. Шта си до сада была, нити знадешъ, нити знати маришъ. Само као у сну чинити се, да си нешто была; чуєшъ изъ дальине неке гласе, и видишъ неку сѣну бледу старога величества. Али они исти гласи, кои крозъ маглу трче, те се съ ньоме смѣшаю, више памети твоіой сметаю, него ю пробуде. Оно, што прошасто време слови, рѣчи су тихе, али безъ сладкоће; кротке, али безъ снаге. Ниси се нигда добро ни таліянила ни нѣмчила, мађарила ни турчила, Славлянска ниси. Любавь сама, сама може любавь да скупи ове мрвице, и да учини правый кипъ, да састави рѣчи, и да іймъ даде высоко знаменованѣ; да развалине понови, и изъ ньи гради шаторе, куће, цркве.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду

ПОДУНАВКА.

№ 52. У Суботу 23. Децембра. 1844.

БЕОГРАД

МОЯ СВАКИДАШНЯ ПѢСМА.

Створителю благій мой!
Тебе вѣчно славитће,
Башъ до гроба хвалитће
Мога тѣла цѣлій строй.

* * *

Доброту си изліо
Сву на мене, Боже ты!
Светый образъ дао ми,
Та дивно ме створіо!

* * *

Дао си ми свету моћь,
Искру твое светости
Безконачне моћности,
Да разганямъ чела ноћь!

* * *

Найсрећнiемъ у кругу
Створіо си ме, Боже!
Гдѣ приступа неможе
Пакленоме быт' врагу.

* * *

Ласкательства грабежъ я
Да! постатн немогу,
Сяйномъ нисамь на стогу,
На глави ми сплетъ неся.

* * *

Када грми, тутньи кадъ,
Риче, руши бѣсный громъ,
Горду кулу, сяйный домъ,
Колеба є срећна тад'.

* * *

Изданце кадъ бѣсне,
Трона с' небо замути,
Крвь нештеде просути,
Я изводимъ тад' пѣсме.

* * *

Момъ у кругу тишине
Теби химне изводимъ, —
Къ теби летимъ, преходимъ
Свы свѣтова высине.

* * *

Горе там изъ дубльине,
Выш' небесны сводова,
Светы твои духова,
Слушамъ хоре, — — милине. —

* * *

Да! тебе духъ мой двори,
Тебе само, Боже мой!
Празность му є света строй, —
Жећъ га нигда немори.

* * *

Сладакъ ми є жизни данъ,
Жельно тражећ' погледъ твой;
Али и пакъ духъ ми мой
Радо чека тѣла санъ:

* * *

Да! узлети къ Теби там',
У духова светый станъ,
Безконечный гди є данъ
И радости вѣчне храмъ.

Алекса Десимировићъ.

НЕШТО О ДУБРОВНИКУ.*)

(Продуженіе.)

Списатељи Венеціянски задиру и на другомъ мѣсту независимость Дубровчана, казуюћи

---

*) Две погрѣшке измакнуле су намъ се у прошастомъ чла-

да су се они были повиновали за неко време законима Венеціе. Кадъ се помысли на мрзость, коя є свагда бывала међу ове две републике, и на лажи, коє су Венеціански списательи безобразно разасули о свима народима, коій слава ньиову завись побуђаваше, неможе се никако на ньиова писма ослонити. Трудно ће быти разтерати густу маглу, кою су они навукли на повѣсть Далматинску одъ выше вѣкова: али све што су о тому написано оставили, неможе никако поднети испытъ озбыльне критике, и све є тако очевидна лажь, да садашньи списательи починю врло о свему сумняти, а неки су и рекли, да то ниє могуће, да су се догођаи онако збывали, како они приповѣдаю. Оно пакъ, што се тиче независимости Дубровачке, у свако време было є до края изяснѣно опетъ одъ єдногъ Италіянца, препознатогъ Ф. Аппендинія.

Дубровникъ ниє быо обвладанъ одъ ниєдногъ туђегъ народа све до почетка овога вѣка; вѣкъ, у кому морало є да погине много слободны національитета, а чіи духъ ништа манѣ є-сте слободна и велика національность. Само године 1806 Наполеонъ, држећи се оне нѣгове системе, да препречи Инглезима сва сувоземна пристаништа (єдино способно средство, коє нѣгова высокоумность была є измыслила, за порушити у кратко време ньиово могућство), завео є свою войску у Дубровникъ, кои због своє ниєдноприлежности (neutralite) мого є ласно склониште настанути Инглезки бродова у Ядранскомъ тесноморю. По тому предпріятію Наполеону посѣшило се є свима грађанима саобштити єдно разглашенѣ, у кому увѣраваше ій, да є притомость Француза у Дубровнику была само временита, и захтѣвана одъ саме нужде и наравн ондашнѣгъ рата, али пошто се тай ратъ сврши да ће они безъ ниєдногъ казнѣня отићи: до тада да Република неће нимало быти утеснѣна или сметана у свому унутреному владаню, коє остаяше слободно, како є и до онада было, такођеръ ни у своимъ сполянпимъ ношеніяма, изключаваюћи она само, коя до онада бяше држала са непріятельима Французскимъ. Међутимъ ови непріятельи, сматраюћи Дубровчане као себи противне, заробиште єдни све бродове, коє іймъ нађоше на мору, а други нападоше ій по суву, те немогући ньиовъ градъ отети, одадроше, па запалиште два богата и красна заградия. Штета на єдной и на другой страни была є процѣнѣна на 20 миліона франака. Наполеонъ показао се у првый часъ тронутъ съ таке несреће Дубровчана, али за неслушати ньиове тужбе смрси ій до мало времена са списке народа, и яви іймъ, да земля Дубровачка постала є Француска држава. Ето, то є было издѣліе нѣгове дипломатическе нѣжности, и таково изпунѣнѣ нѣговы кралѣвски обећаня*)

Али паденіе републике Дубровачке ниє се безъ славе догодило- Кадъ Властели бы забранѣно, да се већъ састає у великой дворници одъ Вѣна, она, обдржаваюћи своє достоинство, и єдну непомичну ставность, изађе изванъ града, сакупи се у єданъ приватный домъ, средечну протестацію напише и пошлѣ против толи насилне грабежи, и тако мрзећегъ издайства, па само окончано разстави се, по што прегледа и сврши све рачуне свога влада, спремаюћи се за боля времена. У то доба, ватреный домолюбацъ Иванъ Наталићъ нђаше у Цариградъ просити одъ дивана нѣгову посредственость кодъ велики сила за повраћеніе старогъ му саюзника, неки други одъ властеле позиваху на оружія селяке и често быяху се са Французима. После заступише ове Французе Нѣмци, коима на концу бы сасма одобрено притяжаніе републике одъ Бечкогъ сабора; саборъ у кому хотѣло се установити єдно право равновѣсіе и вѣковитый миръ међу Европейскимъ народима, али у кому препређаюћи свуда наравь стварій и наклоность вѣка бацило се ве-

ну; прва онди, гди се чита, да су Французи изъ Дубровника превели у свою землю „тканѣ свиле“ прочитай „тканѣ чоя.“ и у мѣсто „Войвода одъ Копво“ прочитай „Войвода одъ Сорго.“

*) Neutralitet често є забавила Дубровнику спазенѣ и благостанѣ; али овога пута набавила му є паденіе: толико є истина, да єдна ista политика ніе добра свагда ни у єдникимъ случаима. Да Дубровчани нису онда слѣдили наклоность своге себичногъ домолюбія да су примили Которане, кои се хотяху съ ньима садружити подъ єдно владанѣ, да су ступили у саюзъ са Црногорцима, у споразумѣніе са Србима, кои се онда быяху борили за свою независимость, да су побудили народность у Далмаціи, подигли Ерцеговце и Бошняке тому свему имали су средства), са помоћу Русса и Инглеза были бы се могли опречити Французима, были бы споединили у миѣнію са истимъ Наполеономъ, кои намѣраваше основати єдно кралѣвство Илирско; было бы єдномъ рѣчи тако побуђеніе у духовима учинили, да може быти были бы навели Бечкій саборь, да иначе Европомъ разреди. Али они су се осамили одъ други Славляна, па су пропали.

лики стихія немира, и учинило се погрѣшака, кое ће се изплатити грознимъ пролитіемъ људске крви.

Међу толикимъ особностима преважнимъ и поєдинимъ, коє разуманъ смотритель увиђа у повѣсти дубровачкой, то є безъ сумнѣ найзнаменитія, што ова република, будући у свако доба была права Оазисъ изображенія, и свагда отворена иностранному трговању, ниє се никада пустила покварити онимъ погрѣшкама, коє су свудъ и свагда опоганиле трговачке народе, и обдржала є таку простоту и чистоћу срца и духа да іой се сада ни сѣне небы могло наћи у изображеной Европи. У трговсту бывало є таково поштенѣ и повѣренѣ, да найвећи послови чинили су се готово свагда безъ ниєдногъ писма, найвећи займи на саму рѣчь дужникъ само уреко бы са своимъ займательомъ време, у кому ће му се одужити. Слабо или нимало направе (luxe), красно али умѣрено и чешће утѣсньено у кругу найближи пріятеля дружтво, дубока понизность у сыновима, превелико почитаніе спрамъ старости, и женске чистоте, миръ пресладкій и вѣчитый у унутрености домова, послови, кньижевность и молитва напуняваху савъ Дубровачкій животъ кои ино небяше, него єдно дуго и свето дѣло. У єдномъ народу, у коме кралѣвале су приватне добродѣтельи, ни су могли ни обште оскудѣвати, и зато Дубровникъ имао є и свои Брута и свои Регула, и другчи витезова, коима се старина дичи, и кои су жертвовали своя добра, своя достоинства, своє животе, животе свои роћака за отечествену ползу. Ето штосу мудри закони и мудро воспитаніе домаће учинили. Исторія Дубровачка быти ће заисто єдна лѣпа страница у обштой Славлянской исторіи... буди іой слава, а нама саданьимъ Славлянима буди намъ она за примѣръ.

(Конацъ слѣдує.)

ПОДИЗАНѢ ПРУСКЕ НА КРАЛѢВСТВО.

(Продуженіе.)

У ономъ опасномъ течаю времена морао є овай Князъ нѣкимъ вѣчима као саюзникъ важанъ быти, и будући га є као таковогъ сваки за себе добыти тражіо, зато вѣчина Князова незакосни нѣму, у полученію титуле желю испунити. А и Царъ Леополдъ I. согласіо се на то, и да га небы могао Лудвикъ XIV. за себе добыти, поита Енглезка и Холандезка, нѣга припознати и са писменнымъ честитанѣмъ среће ласкати му.

Августъ II., Краль Польскій, Фридрихъ IV., Краль Данскій, Петаръ Великій Царъ Рускій, Швайцерска и вѣчина Нѣмачки Князева чинили су то исто, само Карлъ XII, Краль Шведскій, слѣдовао є доцніе; а Француска као и Шпаньолска припознали су га текъ о Утрехтскомъ миру.

Овай за свакогъ Пруса торжественый данъ, у кои се Фридрихъ III., пре Курфирштъ одъ Бранденбурга и войвода Прускій, садъ као Краль првый у Пруской у Кенигсбергу са великимъ торжествомъ самъ себи круну на главу метнуо, было є 18. Януара 1701.

Пре єданъ данъ, 17. Януара држао є онъ съ своіомъ породицомъ, са свима великашима двора свога и множиномъ свои служителя особито сяйный и украшеный улазакъ у Кенигсбергъ.

Телали, богато обучени и на добримъ коньма, извикали су по улицама подизанѣ Княжества на Кралѣвство; и за споменъ овогъ догађая заведе онъ, обколѣнъ одъ нѣговы великаша, іоштъ истогъ дана орденъ црногъ орла.

Пре подне 18. Януара, Фридрихъ III., као Краль I., у сали своге замка, огрнутъ скупоцѣномъ црвеномъ кабаницомъ, на коіой су неброєнне круне и орлови извезени были, у десной руцы драгоцѣный скиптаръ, а у левой исто тако драгоцѣнну државну ябуку држећи, на прекрасный престолъ посади се. Предъ ньимъ є клечала нѣгова супруга, а на лево и на десно стояли су нѣгови министри и странный посланицы. Нѣгова є глава была съ великомъ, преко плећа доле коврчастомъ барокомъ покривена. Затимъ узме онъ са торжественномъ озбыльносћу предъ ньимъ стоећу круну, коя є одъ велике вредности была, метне є себи на главу, при чему є свое одсадашнѣ име Фридрихъ I. Краль Прускій" изрекао, пакъ є затимъ круну на главу своє супруге, коя є предъ ньимъ клечала, метнуо.

Текъ што се ово свршило, одма су му одъ нѣгове цѣле породице и одъ свію великаша дворски поклоненія учинѣна.

Затимъ се упути онъ са своіомъ супругомъ, праћенъ одъ безчисленогъ народа, съ ви-

канћмъ жителя Кенигсберга, и одъ громогласны топова у цркву, гди су са обадве стране олтара два украшена стола стаяла, на коя су се Краль и Кральица посадили.

Два само зато наименована Лутеранска Епископа извршивали су овде миропомазанє, за коимъ є самъ іоштъ єданъ путъ круну предъ скуплѣнымъ народомъ на главу метнуо.

(Конацъ слѣдує.)

МУЖЪ И ЖЕНА СЪ ПОРОДОМЪ СВОИМЪ.

У селу Рудному Среза Студеничкогъ Окружія Чачанскогъ живи єданъ одъ 90. година старацъ, именомъ Андрія Бошковићъ, са супругомъ своіомъ Смиляномъ, 91. годину старомъ, кои су обоє при оволикимъ годинама и сада тако лаки и здрави, а особито старацъ, да се човекъ дивити мора. Овай паръ умножіо є породъ свой до удивлѣнія. Сада у дому старца живи, коє сынова, кћерій, унука мужски и женски. 31 душе; снае у кућу изъ други домова доведены 6; кћерій у друге домове удаты 9., одъ кои є 21. душа свѣтъ угледала: умрло є, осимъ овы живы, 10 Дакле свега чрезъ поменути два лица, Андрію и Смиляну, изузимаюћи 6. сная, 74. лица, коє мужка, коє женска, на светъ су овай произишла и свевишнѣгъ Творца славила и славе! — Какавъ є то благословъ божій надъ овымъ супрузима изливенъ, кои, прежививши скоро єдно столѣтіє, у лакой старости и добромъ здравлю са оволико умноженымъ породомъ своимъ живе, и три пута себе прероћене гледаю. Заиста єсте благословъ божій! Колика бы великій цареви и они, кои се са златомъ играю, блага дали, да бы на сяйномъ престолу своємъ здрави и задовольни онолико година, као поменуты старацъ у своіой сламной кућици, изброяти, и фамилію свою онолико умложити могли! Но то се купити за злато неможе. —

Вишепоменутый старацъ Андрія као за найглавніє препоручує: умѣреность у єлу и пићу и у уживаню брака и изванъ брака, — а крозъ савъ животъ крѣпко се Богу молити и радинъ быти свакоме кои жели дугъ животъ и лаку и здраву старость дочекати.

Мата М. Крайнићъ.

ИСКРИЦЕ.

XXVI.

Слабо срце людско! тебе више мори любавь него омраза. Шта є горе него омраза? Шта може лакше да попусти вериге наше, народи жалостни, него любавь!? Погледайте мраве, како се за єдно труде, и у своима кућицама заєдно проводе добро и зло време. Али мы смо мрави невидими, кои се біемо међу нама само зато, да насъ нога людій, кои иду ласніе погази! — —

Ришћани или Латини мы смо сви одкуплѣни крвлю онога човека славе и жалости, кои ніе знао него любити, и осветити се доброчинствама. Свима свѣтли ово сунце, свима ова земля дає хлѣбъ, цвѣће и гробъ. Толике насъ разлике разставляю у овомъ жалостномъ животу, толике насъ муке іоште чекаю, да ій истолковати никадъ неможемо, ма се и били и мучили небы, и коє су намъ дате, као залога братинства нашегъ. Любимо се найпре, пакъ онда ће све ове смутнѣ изчезнути као магла; молимо, да се истина прикаже свой нашой браћи; тражимо у сыновима нашима оне друге цркве, кои ће намъ дати особите примѣре просте крѣпости и духовне дике. А ты, Боже наймилій, найлюбезній и найплеменитій, ты насъ научи милу, любави и великодушію, коє є на твомъ челу као огледало небесне ведрине; дай намъ, да видимо лѣпоту єдинодушія; дай намъ, да се гледамо сви као кита онога стабла, коє є дигнуло врху себе спасеніе наше!

НОВА КНЬИГА.

Скитничка Конфузія или Несторово покаянів. Мелодрама у петъ дѣйствія, саставлѣна Мойсеомъ Живойновићемъ, Писаромъ Среза Омольскогъ Окружія Пожаревачкогъ. У Бѣограду у Княжеско-Србской кньигопечатньи. — На 12-тини, стр. VIII., 129.

Учредникъ Милошъ Поповићъ

Издано и печатано у Правителственой Кньигопечатньи у Београду

ПОДУНАВКА.

№ 53. У Суботу 30. Децембра. 1844.

О НОВОЙ ГОДИНИ.

Сяйногъ сунца любкій зрачакъ
Текъ поздрави новый годъ;
Свудъ радостный дижес' гласакъ,
Пробіяюћ' неба сводъ:

Тамо свирке громно хуи
По воздуху сличный звукъ;
Тамо песма сладко струи;
Там' веселя чуе с' хукъ.

Свакъ са срцемъ усхићенымъ
Величественъ овай данъ
Жельно срета; да б' му се съ ньимъ
Указао среће станъ.

А ты Србе брате милый!
Торжественый овай часъ
Прославляюћ', къ вышньой сили
Твой управи горе! гласъ:

„Свемогућій о! укрепи
Слогомъ, храбрый србскій родъ;
Да одъ нѣга душманъ стрепи,
Кой му к' слави руши бродъ.

Кой му єзыкъ, вѣру свету
И пресяйно име: „Србъ“
Врћ' у таму жели клету —
Овай славе сгази грбъ. —

Обасяй му зракомъ Боже!
Твогъ пресветогъ Духа умъ;
До у вѣчность да Ти може
Подизати хвале шумъ!“

Панта Іовановићъ.
Слуш. филос. II. год.

СРБСТВУ
НА НОВО ЛѢТО.

Цветай милый србскій роде
Благодати прійми даръ.
Да безсмртне сеемъ плоде,
Дао ти є вышньій царъ.

Шири полетъ Србе мылый,
Гони с' чела густый мракъ,
Любовь нек' т' на свои крили,
Придобіе ума зракъ.

Шири полетъ брзо лети,
Сиіуо є среће май,
Просвештеня єръ зракъ снетый,
Пушта луче на твой гай.

Куд' пурпурни зраци зоре,
Появлюю вѣчъ блескъ свой,
И подиже Муза дворе,
Там' управляй цео строй.

Нека пита тиха роса,
Све пупольке верта твогъ,
Беж' у пако кивна коса,
Уставъ брани невиногъ.

Уништала с' злоће уза,
Престао є Срб' быт' робъ
Невинога горка суза,
Ископала Вуку гробъ.

Твой хоризонтъ осветли некъ,
Любве слоге светый прамъ

На све стране некъ даѥ єкъ
Музеума твога храмъ.

Там' на полю просвештеня,
Днжи роде светый стубъ.
Ког' ни кивна угроженя,
Пит' пак' руши смрти зубъ.

За слободу гди крвь вріе,
И просвета гони мракъ.
Ту с' божества нектаръ піе,
И ту сія неба зракъ

Ту се славе венци плету,
Кивна злоба трагъ кріе,
Срећа лице явля свету,
Слога любовь гди с' ліе.

За развитак' обште среће,
Гди с' жертвуе на олтаръ,
Ту напредакъ крила креће,
Та то оће неба царъ.

Умъ нек' слуша твоя нога.
Овай светый людіи красъ.
Добродѣтель любовь слога,
Украсит' ће твой Парнасъ.

Чувай Уставъ люби Княза,
Подпомажи ближнѣгъ твогъ.
Пак' ће цветат' твоя стаза.
Врага ћ' сломит' с' неба Богъ.

Райко Р. Іовановвићъ,
Слуш. I. Филос.

НЕШТО О ДУБРОВНИКУ.)

(Конацъ.)

Али слава найразвикана Дубровчана, слава вѣчита, кою имъ нико неће моћи уграбити, и коя ін изравнуе са найизображенимъ народима, єстъ њиово књижевно нагласіе. „По кому случаю, говори Војвода одъ Сорго у нѣгову интересантному писму сврхъ Дубровчана и славіянскогъ єзика, ово земльиште суво и тѣсно дало є врховны люди у свимъ людскимъ знаняма, и у свимъ приключеняма живота выше него многа кралѣвства коя због њиовогъ простора и могућства блистаю на позоришту свѣта?“ ..... Число списателя латински; гречески, Италіянски и Славски, кои су се родили или су цвѣтали у Дубровнику, могло бы зайсто быти чудновато у соравнѣню са инимъ градовима. Онди се єзыкъ славіянски био извео до высокости совршенства у доба коѥ саданьи Европейски єзыци, изузимаюћи Италіянскогъ, іоштъ стояху, рећићу овако, у колѣвци: онди се є писало знамениты дѣла сврхъ различиты предмета у доба коѥ сва готово Европа лежаше у мраку глупости. И тако Дубровчани были су у станю да много подпомогну новой Европейской изображености у нѣномъ кораћаню. Найпрва књига о тргованю коя се печатала у Европи по оживленю књижевности была є дѣло єдногъ Дубровчанина, найпрва уредна Трагедіа такође бы сложена одъ Дубровчанина, Менце. Дубровникъ за рана имао є згодописателя. Елио Черва, добиваюћи петнаєстогъ вѣка у Риму пѣсничку круну, младићъ одъ самы осамнаєсть година, бяше прѳпознатъ за найвышегъ Пѣсника своєга доба. Маро Геталдићъ прилажећи найпрвый у Европи Алгебру к' земльомѣрію силно є унапредио математическе науке (1) єданъ списатель Уталіянскій овако се о нѣму изражава: „дѣло Геталдићево „De Besolutione et Compositione mathematica „было є издано у Риму у 1630, седамъ година прїе него є Картезіусъ довео на найвећи узпѣхъ науку, прилажећи разрѣшеніе (analyce) кривимъ чертама и изказаню (demonstration) њиовы свойства. Найпрвый потискай к' тому кораку дао є найсилніимъ и найсвѣтліимъ начиномъ Геталдићъ, паче велико изнашастіе юръ є было, одъ нѣга изнађено, кадъ велико дѣло Картезія изашло є на свѣтлость. Да є Геталдићъ іоштъ живио, ни є сумнѣ да онъ небы био све то выше напреда производио своя славна изнашастія, и могло се є породити међу Дубровачкимъ и Туренскимъ земльомѣрцомъ исто заточништво коѥ се породило осамнаєстогъ вѣка међу приврженицима два велика математика Немачке и Енглезке, за расрѣшити кои одъ њи двоице изнашао є рачунъ различительный (calcul differentiel)“ єданъ вѣкъ и по после Геталдића доће Бошковићъ засѣсти на єдну одъ найпрвы столица у сяйному кругу велики математика кои, у нѣгово доба, врбяху одъ-а-свію страна. Нѣгово име и нѣгова дѣла будући по свой Европи разнесена, ни є нуждно, цѣлимъ, по што самъ га именовао, о нѣму дуже говорити. Бандури исповѣдникъ супруге Великогъ Лудвика, Кничарникъ Орлеанскогъ Војводе, и найпрвый

(1) У Дубровнику тако є индустріа цветала да є ту бивала єдна фабрика математически оруоіа.

иностранацъ кои є честъ имао быти упримѣнъ у Паризку Академію красны наука, быо є єданъ одъ наймудры древнописателя свію времена, а у Нумизматики ни є было ко бы га прешо. Великій лѣкаръ Бальивъ быо є Ипократъ Дубровачкій у Италіи на концу седамнаєстогъ столѣтія. Име му тако разсуто бяше по свему свѣту да издно Арабіє искаху му совѣта, и шиляху преобилны хвала. Читаво людство мора му харно быти за то што є онъ разтворіо друмъ великимъ изнашастямъ коя су иза нѣга многи гласовити люди у лѣкарству учинили. Безъ да овди избраямъ поєдина имена одъ найсяйны Дубровчана, неможемъ изоставити Стаића, познатогъ мудрословца, пѣсника и тайника многимъ Папима. Кадъ се є дочуо гласъ о нѣговой смрти у Лондону, Инглеси ставили су нѣговъ ликъ и Бошковичевъ међу лике свои велики мужева; нити можемъ да изоставимъ име Куниħа кои у нѣговимъ прекраснимъ преводима знао є обуħи у латинске альине просту лѣпоту греческогъ пѣсништа, безъ да му є са тимъ нимало одузео одъ природнога налиħа; ни име Цаманѣ кои, по мнѣню Томасеа, єданъ є одъ найсовршены латинаша свію мѣста и времена; ни Рестиħа Дубровачкогъ Ювенала, ни Галюфа о нѣговимъ латинскимъ импровизаціямъ дивила се до назадъ мало време Италія и Француска.

Али ако Дубровникъ дѣли кньижевну Европейску славу са найгласнiимъ градовима, онъ се блиста безъ икакве заточности на найвысокиємъ стилу кньижевности славіянске. Како є Европа примила найпрвій узпѣхъ к' умномъ напредку одъ свои южніи држава, тако га є и Илирія примила одъ Дубровника, кои є међу найюжніимъ нѣнимъ градовима Дубровникъ быо є паладіумъ светый народства славіянскогъ, блистательный градъ мудраца, Атина Илирска; тако є сви изучени югославяни назнвлю и смatраю. И то свимъ разлогомъ найзнаменитіє нѣови пѣсници, Дубровчани су. Име Ивана Гундулиħа познато є у Европи по нреводима Италіянскимъ, и некимъ уломцима на Францускому єзику нѣговогъ Османа, кои є єдинствено ероическо уредно спѣванѣ што до сада имамо. Доста є шкодило оригиналитети нѣговогъ генія то што є онъ живио у єдно доба у кому утицай италіянскій быо є надвладао уме Дубровачке. И с' тога и онъ кадгодъ натезанъ а често утваранъ, као и Тассо: свагда є малло подугъ, свуда оħе лако теченіє реħи и сладостъ, па то гдѣ годъ уди снажности єзика. Препоставіо є мѣру осмероножну другима, али на прекоръ свію извинѣнія коима Сорго хотио бы га оправдати, я цѣнимъ да осмероножный стихъ не може ни у славянскому єзику добро пристати епиской пѣсни. При свимъ тимъ погрѣшкама штиецъ не престає дивити се о чудноватой лакости коіомъ є онъ слагао Ритме, готово никада не натезане, о бистрини єзика, о неизцрпености нѣговогъ воображеніа, о высокости и живоħе мысли, о красоти епизода доста числены у истину али лепо извоħены и врло допадны. Ово є єдно спѣваніє коє мало или нимало наличи епискимъ спѣваніяма други народа: види се у ньой наклоность пѣсника кои выше на красности мирногъ живота, на сладоħу любави, на юнаштво, на ероичество морално тежи, неголи на крваве битке, на раскиданія людска, на предмете ужасне. Ово є правый типъ славянскогъ генія.

Любезне пѣсме ħорħиħа такоħе на таліянскій єзыкъ преведене заслужиле су му име Овидія Илирскогъ. Ово є єдно ватрено воображеніє источно, кому є гдѣгодъ шкодио Европейскій духъ: при тому ньиова мѣшанія чешħе є прилѣпа, и ако є ħорħиħъ имао погрешака Азіятскогъ и Европейскогъ пѣсништва, имао и доста ньиовы красота. Особито у лирическомъ опредѣленію Дубровникъ дао є велико число пѣсника: они одъ шестогъ столѣтія чрезъ чистоте єзыка и вкуса, кои є притяжавао савъ простый уршай и сву нѣжностъ греческе музе, означили су найблистательнію епоху илирске класическе кньижевности. Драма такоħе была є лѣпо на почетку засяла у Дубровнику, и чинило се є да ħе и она постиħи высину кою су ине науке ту быле постргле; али за несреħу югославяна нѣно утемелѣніє ниє се збыло, и ми iошть очекуємо єдногъ великогъ ума кои ħе насъ добавити народногъ театра.

Међу женама коима се дичи кньижевностъ Дубровачка найгласовитія є Цвета Цуперкиня, пойкиня Италска и Славянска, коя є заслужила хвалбе и поздрави свію готово пѣсника нѣногъ времена. Због нѣ знања и красоте, права Аспазія илирска, (тако є єданъ спасатель италіянскій зове) чія куħа была мѣсто мудры борба. и склониште най племенитіи и найгласнiи мужева коє су Дубровникъ и Фиоренца, ове две варошіи у коима є она живила, међу своимъ зидама садржавале.

Иза како є Дубровникъ изгубио са своіомъ независимости свою прεħашню систему У-

чилишта, престао є производити великіи люди. Има іи іошть у нѣгову тлону примудры, и быти ће іи вавикъ, єръ знанѣ овди и жеља к' ученю рекао бы да се с' млекомъ сиса, али трудно ће быти да іи буде прекобычны, као у прошастію. Заведеніе Италіянскогъ єзыка по Училиштама о малу да ниє у найзадньа времена угушило у колѣвци своіъ изображенія єзыкъ славянскій: истина да коигодг домолюбацъ іошъ бы намъ кадъ кадъ дао послушати сладкій ромонъ народне лире, и име Гос. Казнаћића замѣрно є у овой епохи, због нѣговы сталны усилія да обджи и поуздигне славянску музу; али нѣговъ гласъ недопираше до младежи коя не хотяше выше ни читати ни писати ни мыслити него италіянски. — За велуку срећу то є мало времена постало: она ниє могла обджавати се противa удахнућа славянства коє є од-а-свію страна жестоко сада обузимѣ: єдно обште противодѣйотвіе збыва се, и Дубровчани моћи ће у кратко време достойно одзвати се на благородный позивъ Рвата, найватреніи Апостоли Славянске националитети у югу. У узпаленю коє се сада пружа по нашимъ држамъ и коє є магнѣтическо и управъ чудновато, Дубровнику є намѣнѣно да игра свою прећашню ролу. Нѣгова стара дѣла разпытиваю се од-а-свію страна; и препечатаю: траже се рукописи по нѣговимъ особнимъ книжницама, и триумфалнимъ веселѣмъ изнаходи се блага коє ту стояше закопано и непознато свѣту. По тому може се судити да, када буде сасма међу нама изчезнуо тѣсный и себичный духъ малы националитети, и кадъ велика националитетъ буде се добро унутра у наше людство увела, нарѣчія наши разны држава, врло мало међу собомъ различна, приближитће се к' нарѣчію дубровачкому, за слити се уєдно, и завести тако єдзнъ обштый єзыкъ у читавой Илирiи. Ни єдно нарѣчіе ниє тако подобно да дѣйствує то слиће, како є Дубровачко: найпре зашто є оновыше него икакво друго израђено, па зашто є най обштіе, найслађе, найпростіе, найлакшіе да буде разумѣно одъ свію югославянна. Оно є говорѣно безъ єдне разлике по Далмаціи, по Ерцеговини, по Црной гори, по Босни, по Србіи, али ту одъ селяка, такође по Славоніи, по горньой Арбаніи, и с' коіомъ меломъ разликости по Рватской; списатели Србски и Славонско употребляваю єдно нарѣчіе у кому се налази неколико рѣчи старо-славенски, али іи и они већъ починю оставяти, и све то веће приближаваю се сладкому єзыку найюжніе, и своє исте просте браће. У реченимъ држамама гди народъ ниє никада быо у великомъ пріятію са иностранцима, изузимаюћи упуштеніе неки рѣчи турски, италіянски, или немецки, коє є ласно изтрѣбити, уздржао се у првашньой своіой чистоти гениюмъ єзыка: и зато овай єзыкъ кои є югославянита оно што є тосканскій Италіянима, и саксонскій Немцима, има найвыше стихія и сродства да настане обштимъ єзыкомъ Илирiе; али то крозъ оно преиначеніе коє мораю произвести уведеніе многи новы рѣчи, познанѣ иностраны єзыка, упримѣніе Еуройейски мысли, наука и рукотворства.

Дубровчани выше него икакви други Славляни имаю велики примѣра предъ очима, за да се узпалу племенитомъ соревностю, и усиле да обдрже на престолю Илирске книжевности свою славну домовину.

ПОДИЗАНѢ ПРУСКЕ НА КРАЛѢВСТВО.

(Продуженіе.)

Пѣванѣ, проповѣди и вечера были су съ овымъ торжествомъ саюжени, и обште помилованѣ свію апсеника, као и богата сиромасима раздана милостыня увеличала є ово празднованѣ. Новый се Краль одма покаже милостивъ и издашанъ, и постара се, да нѣговъ престолный градъ съ ньиме веселити се и овай знатанъ нѣговогъ подизаня данъ у радостномъ наслађеню праздновати може.

Веселя траяла су готово непрестанно до 8 Марта, и то се лако видити може, да кодъ овако славолюбивогъ Владѣтеля трошакъ за Кралѣвско крунисанѣ могао є више миліона талира изнети.

За ово предпріятіе различни су различно судили; єрбо су се нѣки смѣшили, други су се бояли жалостногъ слѣдства, ако одржанѣ новогъ достоинства више трошка зактевало буде, него што бы сиромашна земля издати могла.

(Конацъ слѣдує.)

Учредникъ Миломъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Книгопечатньи у Београду.